

ЭПОС
НАРО
ДОВ
СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

имени

А. М. ГОРЬКОГО

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

БАШКИРСКИЙ
ФИЛИАЛ

ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •

БАШКОРТ ХАЛЫК ЭПОСЫ

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва • 1977

БАШКИРСКИЙ НАРОДНЫЙ ЭПОС

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва • 1977

С (Башк)
Б-33

Главный редактор серии
„ЭПОС НАРОДОВ СССР“
А. А. ПЕТРОСЯН

Составители тома
А. С. МИРБАДАЛЕВА, М. М. САГИТОВ, А. И. ХАРИСОВ

Автор исследования
А. С. МИРБАДАЛЕВА

Авторы комментария
А. С. МИРБАДАЛЕВА и М. М. САГИТОВ

Башкирские тексты подготовили
М. М. САГИТОВ, А. И. ХАРИСОВ

Перевод
Н. В. КИДАЙШ-ПОКРОВСКОЙ, А. С. МИРБАДАЛЕВОЙ
и А. И. ХАКИМОВА

Ответственный редактор
Н. В. КИДАЙШ-ПОКРОВСКАЯ

Редактор издательства
А. А. ЯНГАЕВА

70403—007
Б $\frac{70403-007}{013(02)-77}$ 203—77

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1977.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР совместно с институтами языка и литературы академий наук союзных республик предпринял научную публикацию эпических произведений устной поэзии народов СССР: русского, украинского, белорусского, узбекского, казахского, грузинского, азербайджанского, латышского, киргизского, таджикского, армянского, туркменского, эстонского, абхазского, башкирского, бурятского, каракалпакского, карельского, осетинского, татарского, якутского, адыгского, алтайского, хакасского и др. Научный характер публикаций определяет некоторые особенности книг, составляющих серию, так как перевод эпических текстов выполнен с максимально достижимой адекватностью. Переводчики неизменно стремятся отразить поэтические особенности эпоса, сохранить систему образных средств, плавность и напевность речи в русском звучании.

Каждая книга серии включает разделы: краткое исследование, дающее историческую оценку и художественную характеристику издаваемого памятника; текст эпоса на языке оригинала и его перевод (если имеются научные публикации эпоса, будут даны лишь фрагменты на языке оригинала и полностью перевод); приложение — сведения о вариантах, о сказителях, от которых записан текст эпоса, об особенностях исполнения эпических произведений, нотные записи и др.

Очередной том серии содержит научную публикацию популярных башкирских народных сказаний — «Урал-батыр», «Акбузат», «Заятуляк и Хыухулу», «Кара Юрга», «Акхак Кола», «Конгур Буга», — представляющих собой самобытные художественные образцы эпического творчества башкирского народа.

Составители тома — научный сотрудник ИМЛИ АН СССР А. С. Мирбадалева и научные сотрудники ИИЯЛ БФ АН СССР М. М. Сагитов и А. И. Харисов. Вступительная статья написана А. С. Мирбадалевой, комментарии к тому подготовили А. С. Мирбадалева и М. М. Сагитов, статью об эпических башкирских напевах — научный сотрудник ИИЯЛ БФ АН СССР — Л. П. Атанова.

Ранее в серии «Эпос народов СССР» вышли:

1971 г.

«Хурлукга и Хемра. Саят и Хемра. Туркменский романический эпос».

1972 г.

«Украинские народные думы»;

«Рустамхан. Узбекский героико-романический эпос».

1973 г.

«Маадай-Кара. Алтайский героический эпос».

1974 г.

«Нарты. Адыгский героический эпос».

1975 г.

«Кобланды-батыр. Казахский героический эпос»;

«Лачплесис. Латышский народный эпос».

БАШКИРСКИЙ НАРОДНЫЙ ЭПОС

В устно-поэтическом творчестве башкирского народа¹ значительное место занимают героические сказания, в которых получили яркое воплощение важнейшие этапы жизни и развития общественного сознания башкир. Одни сказания («Урал-батыр», «Акбузат», «Заятуляк и Хыу-хылу») донесли до нас мироощущения древних предков башкирского народа, их представления о мироздании, о жизни и смерти, добре и зле; другие («Ек Мергэн», «Карас и Акша», «Мергэн и Маянхылу», «Таргын и Кужак» и др.) — события борьбы против чужеземных захватчиков. Есть и сказания, запечатлевшие межплеменные распри и столкновения («Баб-сак и Кусяк»).

В башкирской устной поэзии существуют также небольшие сказания о животных («Кара Юрга», «Конгур Буга», «Акхак Кола»), весьма

¹ Башкиры — тюркоязычный народ, коренное население Башкирской АССР, входящей в состав РСФСР. Много башкир живет также в Пермской, Курганской, Челябинской, Оренбургской, Куйбышевской, Саратовской областях РСФСР и в Татарской АССР. Общая численность башкир по Всесоюзной переписи населения 1970 г. составляет 1 млн. 240 тыс. человек.

О башкирах, их этногенезе см. в этнографических и историографических работах, например: П. С. Паллас, Путешествие по разным местам Российского государства, ч. I, СПб., 1773; ч. II, 1786; [И. И. Лепехин] «Продолжение записок путешествия академика Лепехина», — «Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской Академией наук по предложению ее президиума», т. 4, ч. III, СПб., 1822; В. М. Черемшанский, Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях, Уфа, 1859; М. В. Лоссиевский (Уфимский), Былое Башкирии и башкир по легендам, преданиям и хроникам (историко-этнографический очерк), — «Справочная книга Уфимской губернии», Уфа, 1883; Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, — «Живая старина», 1836, вып. III—IV; С. И. Руденко, Башкиры, М.-Л., 1955; «Очерки истории Башкирской АССР», Уфа, т. I, ч. 1, 1956; Р. Кузеев, Очерки исторической этнографии башкир, Уфа, 1957; «Башкирские шежере», Уфа, 1960; «Археология и этнография Башкирии (сборник статей)», ч. 1, Уфа, 1962; Р. Г. Кузеев, Происхождение башкирского народа, этнический состав и история расселения, М., 1974.

своеобразно отражающие психологию народа, основным занятием которого веками было коневодство, скотоводство и охота².

Среди башкир получили распространение сказания, относящиеся к общему эпическому наследию многих тюркоязычных народов, в частности среднеазиатских. Таковы, например, башкирские варианты сказаний «Алпамыш и Барсынхылу», «Кузыкүрпес и Маянхылу», «Тахир и Зухра», «Бузьегет» и др.

В настоящем томе из обширного наследия башкирской устной поэзии публикуется шесть наиболее самобытных и по сей день популярных сказаний: «Урал-батыр», «Акбузат», «Заятуляк и Хыухылу», «Акхак Қола», «Кара Юрга», «Конгур Буга».

Первыми собирателями и исследователями башкирского фольклора были русские ученые и краеведы — М. В. Лоссиевский, И. Н. Березин, Н. Ф. Катанов, Г. Н. Потанин, В. И. Даль, Р. Т. Игнатъев, А. Г. Бессонов и др. Вышедший в 1812 г. на русском языке перевод башкирской версии «Кузыкүрпес и Маянхылу», осуществленный Т. Беляевым³, положил начало знакомству русского читателя с эпическими памятниками тюркоязычных народов.

В собирании башкирского фольклора в XIX в. немало сделали также башкирские краеведы, писатели и просветители (М. Бикчурин, М. Уметбаев, З. Уммати, М. Гафури и др.).

Однако в дореволюционное время запись и изучение устно-поэтического творчества башкир осуществлялись по инициативе энтузиастов и, как правило, носили прикладной и фрагментарный характер. Из произведений, вошедших в настоящее издание, только о двух сказаниях — «Кара Юрга» и «Заятуляк и Хыухылу» — можно найти лишь отдельные замечания и высказывания в работах русских путешественников и ученых.

Впервые о «Кара Юрге» сообщает акад. И. И. Лепехин, предпринявший в конце XVIII в. путешествие по Южному Уралу. Ученый называет «Кара Юргу» песней и вспоминает необычность ее исполнения во время туя (пира): песня сопровождалась плясками, танцующие старались «телодвижением выражать слова, в песне содержащиеся»⁴.

В конце XIX в. фольклорист-музыковед С. Г. Рыбаков опубликовал краткое содержание сказания и запись мелодии, под которую оно обычно исполнялось⁵.

² В башкирской фольклористике все эти сказания, относящиеся к разным жанрам эпического творчества народа, порой именуются *иртэками* (А. Киреев). Нередко «Урал-батыр» и «Акбузат» называют героическими поэмами (А. Харисов).

³ «Куз-Курпач. Башкирская повесть, писанная на башкирском языке одним курайчем и переведенная на российский в долинах гор Рифейских 1809 года», Казань, 1812.

⁴ «Продолжение записок путешествия академика Лепехина», стр. 130.

⁵ С. Г. Рыбаков, Музыка и песни Уральских мусульман с очерком их быта, — ЗИАН, 1897, т. 2, № 2, стр. 138.

«Заятуляк и Хыухылу» впервые стало известно по публикации В. И. Даля, пересказавшего это сказание и назвавшего его преданием об озере Ассулу⁶.

Следом за В. И. Далем один из вариантов «Заятуляка и Хыухылу» публикует Л. Суходольский⁷. Г. Н. Потанин использует публикацию Л. Суходольского в своем исследовании при сравнении сказок и эпических памятников разных народов (русского, монгольского, бурятского, татарского и др.), устанавливая внешние, формальные моменты их сходства⁸. Ссылка на башкирскую сказку о Сари-Сагибе, сыне Абдрахманове, и о Тюляке, сыне Сари-Маркаса, содержание которой совпадает со сказанием «Заятуляк и Хыухылу», мы находим в статьях М. В. Лоссиевского⁹.

Планомерное исследование башкирского фольклора, его собирание в широком масштабе осуществляются лишь в советскую эпоху. В настоящее время в научно-исследовательском Институте истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР создан большой фонд записей произведений башкирского народно-поэтического творчества многих жанров, в том числе и эпических сказаний.

Начата также работа и по изданию башкирских памятников, многие из которых прежде печатались в литературной обработке или во фрагментах¹⁰. В 1943 г. публикуется башкирское сказание «Акбузат»¹¹. В 1972 г. увидело свет первое научное издание «Башкорт халык ижады» («Башкирское народное творчество»). В нем опубликованы на башкирском языке сказания «Урал-батыр», «Акбузат», а также некоторые варианты сказаний «Кара Юрга», «Акхак Кола», «Заятуляк и Хыухылу», «Конгур Буга»¹².

На русском языке «Урал-батыр» и «Акбузат» были изданы в художественном переводе только в самые последние годы¹³.

⁶ В. И. Даль, Башкирская русалка, — «Москвитянин», 1843, № 1, стр. 97—119.

⁷ Л. Суходольский, Легенда о Туляке, — ВИРГО, ч. 24, СПб., 1858, № 12, стр. 65—72; то же, — ОГЛ, Уфа, 1858, № 46, стр. 123—126.

⁸ Г. Н. Потанин, Дочь моря в степном эпосе, — ЭО, М., 1892, № 1, стр. 38—69.

⁹ М. В. Лоссиевский, Башкирское предание о луне в связи с преданиями других народов о солнце и луне, — ТЭОИОЛЕАЭ, 1877, т. 28, кн. 4, стр. 145—151; М. В. Лоссиевский (Уфимский), Былое Башкирии и башкир..., стр. 375.

¹⁰ «Заятуляк», — журн. «Октябрь», Уфа, 1938, № 6, стр. 38—41; «Башкорт халык ижады», сост. А. И. Харисов, т. I, Фф, 1954.

¹¹ Фрагменты сказаний «Кара Юрга», «Акхак Кола», «Конгур Буга» см. «Башкорт халык ижады», стр. 192—194, 292; «Башкорт халык йырлары», сост. Х. Ф. Ахметов, Л. И. Лебединский, А. И. Харисов, Фф, 1954 (фрагмент сказания «Конгур Буга» — стр. 98—99).

¹² «Батырлар тураһында эпос» (Эпос о батырах), сост. М. Бурангулов, Фф, 1943, стр. 3—81.

¹³ «Башкорт халык ижады. Эпос», I-се китап, сост., вступит. ст., коммент. М. М. Сагитова, Фф, 1972.

¹⁴ «Акбузат. Башкирский народный героический эпос», пер. Ивана Кычакова и Газима Шафикова, Уфа, 1972; «Урал-батыр. Башкирский народный эпос», пер. И. Кычакова, А. Мирбадалевой, А. Хакимова, — в кн.: «Героический эпос народов СССР», т. I, М., 1975, стр. 67—115.

В специальных монографиях А. Н. Киреева¹⁴ и А. И. Харисова¹⁵, посвященных изучению башкирского героического эпоса и литературного наследия башкирского народа XVIII—XIX вв., значительное место уделено сказаниям, вошедшим в настоящее издание.

А. И. Харисов подробно рассматривает идейное содержание «Урал-батыра» и «Акбузата». Последнее произведение автор считает тематическим завершением сказания об «Урал-батыре».

В монографии А. Н. Киреева большое внимание уделяется выявлению связей отдельных мотивов и сюжетов башкирских эпических сказаний с общественными отношениями в прошлом.

В работах А. И. Харисова и А. Н. Киреева поднимаются также вопросы о времени возникновения башкирского эпоса. А. Н. Киреев дает в то что «эпос башкирского народа, как и эпос других народов, зародился в эпоху разложения первобытнообщинного строя и достигает наиболее полного развития в период феодализма, в период объединения лицом иноземных родовых групп в крупные родо-племенные союзы переломных захватчиков»¹⁶.

А. И. Харисов относит возникновение башкирских героических поэмы (сказаний) к «временам, предшествовавшим монгольскому завоеванию Башкирии, к периоду, когда признаки феодализма стали ярко проявляться среди башкирских племен... Попытка же установить происхождение памятников башкирского эпоса в более древние периоды едва ли даст положительные результаты»¹⁷.

Мы полагаем, что существует больше оснований связывать возникновение башкирских героических сказаний как цельных произведений (какими, направленности и художественной структуре произведений) с периодом распада родового строя, хотя, несомненно, многие их мотивы и образы своими корнями уходят в глубокую древность.

¹⁴ Кирэй Мэргэн, Башкорт халкының эпик комарты, Уфа, 1970. Отдельные теоретические положения данной монографии были освещены также в статьях А. Н. Киреева: «Зая-түләк менен Ыуһылыу комартының тураһында», — «Эзэби Башкортостан», 1969, № 6, стр. 87—95; Халык эпосында мифологияның сағаностяһы», — «Башкортостан укыттыусыһы», 1960; № 6, стр. 26—33; О жанровых особенностях эпической поэзии башкирского народа», М., 1964 (VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, М., август 1964): Отражение мифологических воззрений в эпическом творчестве башкирского народа, — «Эпические явления», Уфа, 1969, стр. 24—31.

¹⁵ Ә. Харисов, Башкорт халкының эзэби мифтары, Уфа, 1965.

¹⁶ А. Н. Киреев, Башкирский народный героический эпос, стр. 47.

¹⁷ А. И. Харисов, Литературное наследие башкирского народа. XVIII—XIX вв., автореф. докт. дисс., Уфа—Алма-Ата, 1966, стр. 45.

Сказание «Урал-батыр» записал в 1910 г. известный башкирский сказитель и собиратель фольклора М. Бурангулов от кураистов и знатоков башкирской старины Габита из аула Идрис Иткуловской волости Оренбургской губернии (ныне Баймакский район Башкирской АССР) и Хамита из аула Малый Иткул той же волости¹⁸.

Тематика сказания, несмотря на значительный элемент сказочной фантастики, героико-эпическая.

«Урал-батыр» четко делится на несколько частей. Во вступительной части произведения сохранились наиболее древние пласты эпоса. Здесь же слеживаются отголоски легенд о всемирном потопе, о возрождении жизни на земле после потопа, о первой паре людей, положившей начало Урал-батырскому роду. Это отец Янбирде и мать Янбике, давшие жизнь мя, когдыру и его брату Шульгену. Янбирде и Янбике пережили то время, а еще «землю вода залила и суши не стало. Много тогда людей погиб- Старикольше див сожрал».

сторон округ, с сыновьями поселяются на небольшом клочке земли, со всех звери: охотитенном морем. Помощниками Янбирде и Янбике являются Урал же не раз я им помогают кречет и лев, рыбу для них ловит щука.

Уже в этой обращается к птицам и зверям за советом.

щая сказание в ц вступительной части проводится мысль, пронизываю- становится ясно, члом: человек сильнее всех на земле. Так, когда Уралу Шульгеном отпраиво Смерть сильнее человека, он решает вместе с братом человека и природу гься на поиски живого родника, вода которого сделает Урал стремится бессмертными. Такова завязка сказания.

Шульген, становится защитит землю от зла и страданий, брат же его, детей первопрдков (о врагом людей. Возможно, в таком изображении жение дуализм мирово:дин — носитель зла, другой — добра) нашел отра- творяют два противополо зрения древних башкир. Урал и Шульген олице- между собой неприми ложных начала — добро и зло, — которые ведут В сказании превра римую борьбу.

тем, что он плохой сын, т, щение Шульгена во врага людей мотивируется наполнявшую ракушки. так как пошел против запрета отца и выпил кровь, Шульгена в стан вражде Именно нарушение родительской воли приводит поведения Шульгена имеет ных человеку сил. Такое объяснение причины ваный патриархальными г морализаторский смысл, возможно продикто- ния детьми своих родителей нормами обязательного послушания и почита- внесение в архаическую ф й, и прежде всего отца. Это более позднее при- актуру образа.

Вступление представл яет собой один из наиболее архаических пластов сказания и не имеет логич еской связи с тремя остальными частями эпоса,

¹⁸ Все паспортные данные ответствующих разделах Прилде о сказаниях и сведения о сказителях приводятся в со- ожений.

Мухамметша Бурангулов

из которых мы узнаем, что на земле живет не только семья Урала, а много и других людей. За счастье этих людей и борется Урал-батыр.

В первой части рассказывается о подвигах Урал-батыра в стране жестокого падишаха Катилы. Превалируют в ней героико-эпические мотивы и сюжеты.

Начало повествования выдержано в сказочном духе. Урал-батыр, отправившийся вместе с братом на поиски Смерти (Смерть в сказании трактуется либо как неведомое существо, убивающее людей, либо как некое воплощение всего злого, всех темных сил), на распутье двух дорог уступает Шульгену дорогу в царство Самрау — в страну счастья и благополучия, где нет горя и печали, где веселье не прекращается ни днем ни ночью, где все живут дружно, где стало обычаем «добром платить за добро» (ст. 563).

Сам он отправляется в другую сторону — в царство Катилы-палача, где «горы костей человеческих», где «вся земля кровью залита» и «люди плачут кровавыми слезами» (ст. 569—571).

В традиционной сцене выбора дороги, т. е. уже в самом начале повествования, определяются черты характера братьев: эгоистичность и трусливость Шульгена, благородство и мужество Урала. Батыр, уступив безопасный путь старшему брату, бесстрашно направляется по дороге, на которой на каждом шагу его подстерегает смерть.

Враг, с которым предстоит встретиться Урал-батыру, кровожаден, безжалостен и страшен. Образ этот, возможно, возник на основе непосредственных впечатлений или воспоминаний народа о жестокостях иноземных поработителей. В сказании трижды описываются злодеяния, чинимые Катилым. В первый раз (ст. 650—700) Урал-батыру о падишахе рассказывает старуха, которая на себе испытала жестокость Катилы; во втором случае (ст. 750—780) о деяниях насильника говорит Уралу старик, а затем, в третий раз (ст. 860—890), герой уже своими глазами видит чудовищные издевательства Катилы над народом.

Такой троекратный рассказ об одном и том же, переданный в стереотипных выражениях, приобретших характер устойчивых словесных формул, представляет собой всеобразный стилистический прием, благодаря которому сосредоточивается внимание на описываемых событиях и создается напряженность повествования.

Падишах Катил раз в год — в день своего рождения — в честь своих отца и матери, в честь колодца, водой из которого его омывали, когда он родился, в честь богов приносил жертвы: бросал в озеро девушек, сжигал в огне мужчин (ст. 568—672; 754—757). Здесь, по-видимому, отражены древние обряды приношения даров духам умерших предков, а также духам — покровителям огня и воды. Причем падишах Катил приносит в жертву людей покоренных им родов.

Таким образом, Катил изображен в сказании иноплеменным насиль-

ником, у которого священный обряд превратился в форму расправы над побежденными.

При описании царства Катилы, которого в сказании называют «кроважидным», «палачом», преобладают эпитеты «жестокий» и «кровавый», «жестокая страна», «кровавая страна», где «люди плачут кровавыми слезами», где «горы костей человеческих» и «земля кровью залита» (ст. 566—572; 664—673), и т. д.

У Катилы облик чудовища, описание которого гиперболизировано и порой приближается к гротеску. Так, «живот Катилы раздут, как кожаный мешок, полный кумыса», «затылок, как у дикого кабана», толстые ноги, «как у слона», сам он, как «взбесившийся верблюд», «словно медведь, крови жаждущий», глаза его кровью налиты, брови от злости нахмурены (ст. 846—854).

В сказании отсутствует сцена единоборства Урала с падишахом Катилом. Урал сражается один на один с его огромным быком, а потом — с четырьмя сильнейшими богатырями падишаха. Победа Урал-батыра над ними трактуется как победа над самим падишахом.

Картины сражения Урала с быком и богатырями Катилы изображаются в традициях богатырского эпоса и характеризуются эпической гиперболизацией силы героя. Особенно интересно описание единоборства Урала с быком¹⁹. Здесь привлекают внимание многие архаические элементы, присущие древнему эпосу. Это и анимистические мотивы. Бык наделяется человеческой речью: он угрожает Уралу поднять его на рога и носить до тех пор, пока богатырь не превратится в прах, который развеет ветер (ст. 1043—1044).

В поединке с быком Урал сгибает ему рога, и они навек остаются согнутыми; богатырь выбивает быку верхний зуб, и он больше никогда у него не вырастет; он разрывает животному копыта, и они никогда не срастутся. Таковы этиологические мотивы, объясняющие причины появления у быка согнутых рогов, раздвоенных копыт, особенности строения его челюсти.

Эпизод боя богатыря с быком интересен также тем, что в нем сохранились древние мотивы, связанные с приручением диких животных человеком. Так, победив быка, Урал-батыр заставляет животное признать, что нет на свете никого сильнее человека. Герой говорит, что теперь бык и его племя станут рабами человека (ст. 1053—1054). В заключительной части

¹⁹ Эпизод боя богатыря с быком широко распространен в алтайском героическом эпосе, в огузских героических сказаниях, объединенных в цикл «Деде-Кокут» («Деде Коркут», Баку, 1950; см.: «Песнь о Богач-джане, сыне Дерсе-хана», стр. 15—27; «Песнь о Кан Турали, сыне Канлы Коджи», стр. 91—105). В. М. Жирмунский относит его к архаическим элементам эпоса «Деде Коркут» и считает древнее исторического приурочения самого сказания (середина XIV в.). См.: В. М. Жирмунский, *Китаби Коркут и огузская эпическая традиция*, — СЭ, 1958, № 4, стр. 24.

сказания побежденный бык приводит свое стадо на Урал, и оно с тех пор служит людям.

Рассказу о поединке Урала с богатырями падишаха Катила предшествует описание их внешнего вида: они страшные, «как медведи, косматые», «огромные, как дивы» (ст. 993—994). Однако чудовища оказываются бесстрашными перед благородным Уралом, вступившим с ними в бой, чтобы освободить людей от ига падишаха. В традиционной похвальбе противников перед боем выявляется, с одной стороны, спесивость и хвастливость врагов батыра и, с другой — благородство, уверенность и спокойствие Урала.

В бою с вражескими богатырями Урал-батыр демонстрирует свою мощь: Урал вступил в бой — и, казалось, земля затряслась; он разбросал врагов с такой силой, что они «в муку-толокно превратились и исчезли из глаз» (ст. 1138, 1141—1142).

I
Первая часть сказания заканчивается женитьбой Урал-батыра на дочери Катила. Последующие части также завершаются свадебными пирами героя, что характерно для древней эпической традиции.

Однако всюду в сказании на первый план выступают подвиги богатыря, которые он совершает во имя счастья людей на земле, а мотивы преодоления препятствий в связи с женитьбой героя отступают на второй план, не становятся главной линией повествования. Завершение же каждой части сказания женитьбой героя свидетельствует о древней основе произведения. Мотив многократной женитьбы не имеет связи с мусульманством, а является отражением древнейших форм брака периода патриархата, когда брачные отношения еще не были прочны и носили временный характер.

II
После победы Урала над Катилом богатырь не остается в его царстве. Он отправляется дальше на поиски Смерти.

Вторая часть сказания повествует о борьбе Урала с чудовищами в царстве змея Кахкахи. Враги Урал-батыра — фантастические многоголовые змеи, а также змей-оборотень Заркум.

Последний обладает способностью принимать даже облик человека. Внешне он напоминает обыкновенного змея, но отличается от него своими размерами: толщина змея такая, что посмотришь — «за ним льва не увидишь», «длину измерить — и ста шагов будет мало» (ст. 1197—1200). Поэтому схватка Урала с Заркумом изображается не в плане традиционного богатырства. Ведь и сам Заркум не обладает испепеляющей силой мифического существа. Это хитрый и коварный враг: он заманивает Урала во дворец своего отца, где на него набрасывается множество чудовищных змей, представляющих собой типичные сказочные персонажи (у них много голов, они пожирают людей, из их пасти вырывается огонь, яд и дым). Падишах змей — белый змей Кахкаха — «плюнет на камень» — камень, «как вода, закипает», «плюнет на гору — гора расплавится, водой ста-

нет», «вода потечет и тут же... сверкающим озером станет» (ст. 1331—1337).

Урал-батыр смело расправляется и с девятиголовыми дивами Ках-кахи — караульщиками его дворца тайн. Он отрубает им головы и освобождает заточенных в темницу батыров и девушек-красавиц. Затем Урал разрубает на мелкие части шестиглового змея, извлекает из его сердца золотой ключ, открывает дворец тайн и находит там волшебный посох, с которым «в воду попадешь — не утонешь», «в огонь войдешь — не сгоришь», «захочешь стать невидимым — ни одна душа тебя не увидит» (ст. 1352—1355).

Завершается вторая часть сказания победой Урала над змеями и женитьбой на освобожденной им девушке по имени Гулистан.

Конечная цель совершенного богатырем подвига определяется словами героя, обращенными к батырам:

«Не нужно возвеличивать меня;
Батыром страны будет тот из мужчин,
Кто [всем сердцем] любит людей.
Ваша радость — [радость] и моя,
А моя радость — [радость] и для вас»
(ст. 1604—1608).

Победив змей, богатырь отправляется дальше, чтобы освободить землю от Смерти и других злых, темных сил.

Следующая часть сказания повествует о борьбе Урала с падишахом дивов Азракой и о женитьбе богатыря на девушке-птице Хумай.

Азрака — демоническое существо, див. Однако это не тот сказочный див, который известен как персонаж многих волшебных сказок и эпических произведений иранских и тюркских народов. Он скорее напоминает сказочного чудовищного аждаху — змея башкирских древних народных поверий, который через 500 лет превратится в еще более страшную змею Юху. Змеи приносят людям страшные беды: опалают землю огнем, заливают водой, губят скот ²⁰.

В «Урал-батыре» Азрака и дивы также олицетворяют злые силы природы. Так, Азрака повелел своим дивам землю водой залить, чтобы люди не могли ходить, а небо огнем-пламенем объять, чтобы птицы не могли летать (ст. 3222, 3225, 3230).

Во имя спасения людей, птиц и животных вступает Урал-батыр в единоробство с Азракой и его дивами. Лишь через много лет Уралу удается уничтожить их. Из груди мертвых дивов образовалась суша, на которую выбрались спасенные люди и звери, а тело Азраки стало высокой горой, и

²⁰ См.: М. В. Лоссиевский (Уфимский), Былое Башкирии и башкир..., стр. 376; Батыргирей Мухаммедов Юлуев, Аждаха — змей в рассказах башкир, — ЭО, 1893, № 2—3, стр. 246—247.

люди по ней проложили дорогу. Так, победа Урала расценивается как победа его над водной и огненной стихиями: он не дал воде всю землю залить, не дал огню землю спалить (ст. 3247).

Подобно многим эпическим богатырям, Урал-батыр разит врагов булатным мечом весом в семь батманов, а его боевым спутником, другом и помощником является конь Акбузат. Описание красоты Акбузата принадлежит к числу наиболее разработанных и распространенных «общих мест» в поэтическом тексте сказания. С незначительными вариациями оно повторяется и в других башкирских эпических произведениях:

На спине его лежит седло...
А к луке того седла
Привешен меч, острый, как алмаз;
Золотые удила в узде;
Уши, словно шило, наострил,
Грива расчесана, как у девушки,
[волосок к волоску],
Ноздри — словно башкулак *,
Зубы — как дольки чеснока,
Грудь — как у кречета, узок в боках,
Ноги тонкие легки,
Медью [отливают], как у зайца, глаза,
Двойная макушка, челюсть узка.
Шея — длиной в колас *,
Дикий, орлиный взгляд...
Уши, как ножницы, торчат...
По сторонам беспокойно косит;
Словно хваткий волк,
Глазом влажным сверкает;
В ярости жует удила,
Пена падает с губ;
Поскачет — птицей взлетит,
Облако пыли оставляя за собой
(ст. 2911—2936).

В изображении богатырского коня сочетаются реалистические и сказочно-фантастические элементы. Конь Акбузат, если в огонь попадет — не сгорит, в воду войдет — не утонет, ударом копыта он горы сокрушает и моря рассекает. Он на небе родился и на небе вырос. Когда Акбузат скачет по земле, буря поднимается такая, что камни и скалы обрушиваются, вода в реках вспенивается (ст. 2966—2970).

К седлу Акбузата пристегнут булатный меч, который неподвластен ржавчине и тлению. Долгие годы его закаляло на своем пламени солнце, поэтому огонь, способный расплавить мир, не сможет его расплавить (ст. 2978 — 2979). Опоэтизирование булатного меча свидетельствует о мироощущении людей тех времен, когда искусство обработки металлов не имело еще широкого распространения и поэтому особо ценилось.

Конь Акбузат и булатный меч ранее принадлежали девушке Хумай — дочери Солнца. Получить их пытались не только богатырь Урал, но и его старший брат Шульген, и Азрака со своими дивами. Конь Акбузат им нужен для того, чтобы Урала одолеть и всех людей в руках держать.

Конь может стать другом лишь тому, кто его укротит, подчинит своей воле. В описании попыток укротить Акбузата прослеживаются мотивы, восходящие к древним представлениям о мироздании, получившим широкое распространение в мифах космогонического характера. Так, Азрака посылает на небо семь своих дивов, чтобы те поймали коня. Однако дивам не удается обуздать тулпара*, и они, боясь гнева Азраки, остаются на небе, превратившись в созвездие из семи звезд — Етеген (Большая Медведица). Не удается поймать Акбузата и завистливому, злокозненному Шульгену. Покорить коня оказалось под силу только защитнику людей — честному, благородному богатырю Уралу. Такая интерпретация мотива поимки богатырского коня в башкирском сказании является оригинальной и отличается от аналогичного мотива во многих тюркских эпосах.

Своеобразие этого традиционного мотива в «Урал-батыре» заключается также и в том, что поимка коня связывается непосредственно со сватовством героя: Хумай обещает стать женой того богатыря, который сумеет укротить принадлежащего ей коня и выйдет победителем в брачных состязаниях, подняв на трех пальцах камень весом в 70 батманов. Первым пробует свои силы Шульген, но не справляется с заданием Хумай. Урал стремится во что бы то ни стало выполнить условия девушки — не только для того, чтобы взять ее в жены и получить коня Акбузата, но и для того, чтобы защитить честь своей семьи и своего родного брата, который не смог сдвинуть с места камень и вынужден был перед всеми признать свое поражение. Показ благородного чувства уважения Урала к старшему брату занимает в сказании значительное место, являясь отражением патриархально-семейных отношений, основанных на глубоком почитании старших.

Брачные состязания изображены в традициях богатырского эпоса с гиперболизацией мощи героя. Урал легко поднимает камень, весящий 70 батманов, и забрасывает его в небо. Камень летит, словно стрела, и исчезает из глаз. Только вечером в небе раздается гул — это возвращается камень. Урал на лету ловит его и отбрасывает в ту сторону, где живет Азрака. Пламя охватывает небо, а земля раскалывается на две половины.

Урал-батыр, расправившись с Азракой, женившись на Хумай и добыв боевого коня, совершает еще один подвиг — возвращает домой похищенную дивами девушку Айхылу. Поездка Урала за Айхылу трактуется в сказочном плане как встреча героя с девушкой, принявшей облик птицы. Причем сказочная фантастика здесь сочетается с картинами вполне реалистическими. Так, Айхылу в виде яркокрылой птицы плавает в озере, берега и дно которого вместо камня серебром устланы. Озеро находится там, где люди и дивы ногой не ступали, куда птицы не залетали. А да-

лее — немало реалистических штрихов: озеро так спокойно, что поверхность его блестит, ослепляет взор; оно не рябит волной на ветру, а когда на него падают лучи солнца, оно отликает жемчугом; цветы на его берегах от ветра не колышутся (ст. 2330—2356).

Девушка-птица Айхылу оказывается сестрой Хумай. Они обе наделены чертами мифических существ: мать Хумай — Солнце, а мать Айхылу — Луна²¹. Солнце искупало Хумай в своих лучах, поэтому теперь Хумай золотыми волосами озаряет мир, «днем на землю лучи льет», а «ночью Луне посылает лучи» (ст. 521—522). Живут девушки и на небе, у матерей, и на земле, в царстве своего отца падишаха Самрау.

Вместе с тем в образах Хумай и Айхылу прослеживаются черты типичных сказочных красавиц — пери, встречаемых в героическом и романтическом эпосе многих тюркских народов. Они могут менять свой облик и превращаться то в птиц, то в прекрасных девушек. Хумай впервые предстает перед Уралом в облике лебедя, а Айхылу — яркокрылой птицы. Они являются хозяйками сказочных крылатых коней — тулпаров, которые предназначаются их будущим избранникам.

В сказании дается подробное описание внешности сестер. Несмотря на сказочно-фантастический облик девушек-птиц, дочерей Луны и Солнца, в их портрете можно обнаружить черты реальных земных красавиц. Уста Хумай алые; длинные ресницы-стрелы, словно камыши над озером, оттеняют черноту глаз; стан тонкий, как у пчелы; высокая грудь, как лилия на водной глади; волосы, украшенные монетами, волной ниспадают до пят; черные глаза смотрят в упор, а над глазами — подвижные брови вразлет (ст. 2164—2178).

Описанию внешности Хумай соответствует и портретная характеристика Айхылу, которая среди других девушек, словно среди звезд сияющая луна, словно цветок, украшающий траву на лугу. У нее черные брови вразлет, ямочки на щеках, в самом центре левой щеки, словно зрачок, темнеет родинка, сквозь длинные ресницы улыбаются черные глаза (ст. 2410—2422).

Более развернуто описание волос Айхылу: «Густыми завитками... колыхаясь, как цветы [на ветру], струятся... длинные волосы, локонами ниспадая» (ст. 2414—2419).

Такое изображение наружности героинь является традиционным и обязательным в башкирских эпических сказаниях. Оно превратилось в своеобразное клише и лишено всяких признаков индивидуализации.

²¹ В башкирских легендах и сказаниях нет определенного образа Луны. Она может выступать и в образе женщины, и в образе мужчины (см.: М. В. Лоссицкий, Башкирское предание о луне в связи с преданиями других народов о солнце и луне, стр. 145—151). Такое же явление наблюдается и в древнетюркских сказаниях, например об Огуз-кагане; Луна—Айхан—сын Огуз-кагана и, вместе с тем, Айхан—мать Огуз-кагана.

В заключительной части сказания повествуется о победе Урала над падишахом змей Кахкахой, о его борьбе с еще оставшимися в живых дивами и Шульгеном, о гибели богатыря Урала, жертвующего собой ради счастья людей на земле.

В этой части «Урал-батыра» рассказывается не только о главном герое, но и о подвигах его сыновей, что свидетельствует о тенденции к генеалогической циклизации сказаний вокруг имени эпического героя.

Сын Урала Яик родился от дочери падишаха Катила, Нугуш — от Гулистан, а Идель — от Хумай. Помогает Уралу сын Шульгена и Айхылу Сакмар, который, узнав о предательстве Шульгена, просит Урала стать ему отцом.

Эпическая биография сыновей Урала начинается с традиционного для богатырского эпоса героического детства. Огромную силу и доблесть они проявляют уже с самого раннего возраста. Так, шестилетний Нугуш борется со змеями, дивами, Заркумом, спасая людей от потопа. Младенец Идель расправляется со страшным дивом (из одной пасти он метал огонь, а из другой — яд изрыгал), который пришел за ним и за его матерью. Идель не испугался чудовища и задушил его (ст. 3549—3550).

Эпизод борьбы Урала вместе с сыновьями против Кахкахи и его дивов, а также против Шульгена становится кульминацией всего повествования. Врагами Урала выступают не только чудовища, олицетворяющие собой водную стихию, но и его брат Шульген, похитивший волшебный посох, с помощью которого он пытается затопить землю водой. Но Урал по маленькому клочку отвоевывает сушу для людей, и в конце концов исчезает безбрежное море, остается только небольшое озеро. Шульген вместе с дивами прячется от Урала в этом озере. Богатырь призывает Шульгена отойти от злых, темных сил и отправиться вместе с ним на поиски «живой воды».

Мотив поисков воды, оживляющей людей, исцеляющей раны, возвращающей зрение, как известно, широко распространен в фольклоре многих народов. В сказании «Урал-батыр» он получает своеобразную интерпретацию: Урал отправляется на поиски «живой воды» не ради собственного бессмертия, а чтобы сделать вечными землю, природу. Он не пьет эту воду, а окропляет ею мертвую почву и возрождает ее. Это оттеняет древний мотив бессмертия земли, природы и добра, которое творит в этом мире человек.

Чтобы избавить людей от уцелевших дивов и змей, поселившихся в озере вместе с Шульгеном, Урал выпивает из него всю воду. Дивы и змеи проникают в богатыря и разъедают ему печень и сердце. Однако такой исход борьбы богатыря с чудовищами ни в коей мере не означает их победу над ним. Богатырь умирает, но вместе с ним гибнут дивы, змеи и чудовища. Доброе дело, совершенное Уралом, бессмертно. Такова идея произведения,

воспевающего героизм и самопожертвование человека ради счастья и благополучия других людей, что типично для героического эпоса.

Причина гибели героя поясняется в сказании сентенцией: против врага нельзя выступать в одиночку, без поддержки своих соплеменников. Урал перед смертью говорит:

Чтобы войско собрать на моей земле,
Страна большая есть у меня;
В стране есть помощники у меня —
Есть отважные мужи,
Цены я им не знал,
Гордый богатством своим,
Не стал советоваться [ни с кем],
В одиночку все решил —
Неудачную дорогу избрал
(ст. 4206—4214).

По-видимому, эта мысль является поздним привнесением, поскольку противоречит созданному в сказании идеалу эпического богатыря, олицетворяющего собой все силы народа и поэтому способного один на один бороться против врага и победить его. Идея необходимости совместного выступления богатырей (в одиночку герой потерпит поражение) могла возникнуть, по всей вероятности, в период племенной разобщенности башкир как призыв к единению в борьбе против общего врага.

Конец заключительной части повествования приобретает черты этиологического предания. Здесь рассказывается о возникновении Уральских гор, рек и ущелий, происхождение которых связывается с именами героев сказаний. Богатыря Урала хоронят на вершине горы, которую он отвоевал у дивов, и стала она называться его именем. Кости его превращаются в самоцветы, а на могиле образуется золото.

Именами сыновей Урала — Яик, Идель, Нугуш и Сакмар — названы реки, стекающие с Уральских гор. Руслу этих рек в горах богатыри прорубили мечами, чтобы дать людям воду. Иделю приходится дважды рассекать гору, поскольку на пути его возникла Яман-тау (букв. «плохая, поганая гора»), образовавшаяся из тела Азраки. Гора, где стоял Идель и «откуда речка привольно потекла», Иремель (букв. «Привольная») стала называться. Место, где рассек гору Идель, «стало именоваться [ущельем] Кыркты» (букв. «он перерубил»), а «река, что красиво, с журчанием потекла, стала называться рекой Идель» (полное название: Агидель — «Белая, светлая река») (ст. 4456—4465).

Таким образом, вновь проводится основная мысль сказания — добро бессмертно, и поэтому имена богатыря Урала и его сыновей, совершивших подвиги во имя счастья людей, сохраняющиеся в названиях гор и рек, будут вечно напоминать людям о благородных деяниях героев.

Такое завершение эпического повествования мотивами этиологического характера типично для башкирских сказаний и является одной из особенностей их эпического стиля.

Заканчивается сказание поэтической картиной заселения Уральских гор людьми, птицами и животными, появления на пастбищах табунов коней, стад коров.

Хумай приводит сюда стаи птиц. Сама Хумай — родоначальница лебединого племени, и люди, считая лебедей потомством Хумай, не охотятся на них, лебединого мяса не едят, считая его запретным (ст. 4340).

Эта деталь особенно интересна тем, что она отражает древние тотемистические представления башкир, у которых культ лебедя был особенно распространен. Р. Т. Игнатьев писал, что у башкир считалось: «убить лебедя грех, а убить лебедку — досыта плакаться во всю жизнь»²².

Здесь сохранился также весьма архаический мотив партеногенеза, который относится к одному из древнейших мотивов эпоса: лебеди появляются из снесенных Хумай яиц, которые были оплодотворены воздухом.

Нашла в сказании своеобразное художественное отражение «культурная» деятельность людей, заключающаяся в развитии коневодства, в приручении и разведении других животных. Бык падишаха Катила, которого когда-то победил Урал-батыр, приводит на Урал стадо коров, конь Акбузат тоже собирает коней на Урале и становится вожаком несметных табунов. Бык и конь здесь выступают в роли тотемов: они являются вожаками и покровителями животных, олицетворяют их приплод и благополучие. Земля, освобожденная богатырем Уралом, превращается в плодородный, богатый край. Люди, потомки Урала, расселяются вдоль образовавшихся четырех рек — Яик, Идель, Нугуш и Сакмар — и живут счастливо.

Сказание «А к б у з а т» известно лишь в одной записи, произведенной в 1917 г. М. Бурангуловым в ауле Бабалар Кююргазинского района Башкирской АССР от Гатиатуллы Биккужина. Это единственное из зафиксированных сказаний, являющееся в известной степени продолжением «Урал-батыра». В нем рассказывается о богатырском коне Урала Акбузате и о его новом хозяине — Хаубане, правнучке прославленного богатыря Урала.

«Акбузат» принадлежит к числу героических сказаний башкирского народа, однако сказочные элементы занимают в нем значительное место. В некоторых частях сказание весьма архаично (например, рассказ о пребывании героя в подводном царстве, о его победе над потусторонними злы-

²² Р. Игнатьев. Народные приметы и поверья в Уфимской губернии, — «Справочная книга Уфимской губернии», Уфа, 1883, стр. LIV.

ми силами, о женитьбе богатыря на дочери «хозяина» подводного мира). Здесь мы сталкиваемся с древними верованиями башкир в различных духов — «хозяев» леса, гор, озер, с представлениями о разделении мира на явный и потусторонний. Подобные воззрения существовали у многих народов и нашли отражение в их древних эпических сказаниях и в более поздних произведениях фольклора, составляя их архаический пласт ²³.

В сказании «Акбузат» повествование о приключениях героя в подводном мире, о его женитьбе на дочери «хозяина» подводного царства, о борьбе с потусторонними силами, по-видимому, представляет собой самую раннюю основу сюжета. В последующей редакции сказания, в которой оно дошло до нас, женитьба героя на дочери «хозяина» подводного царства, т. е. архаический пласт, своеобразно дополняется поздними сюжетами и мотивами, во многом определяющими содержание произведения в целом.

В начале повествования герой Хаубан — не богатырь, а мальчишесирота, вымаливающий пропитание у людей. О себе он говорит:

В голоде вырос и я..
С малых лет сиротой остался (абз. 7).

Однажды Хаубан встречает старика пастуха, который дарит мальчику кремневое ружье, доставшееся ему от отца Хаубана. «Только этой кремневки и боится водяной падишах», — говорит старик (абз. 18).

По всей вероятности, рассказ о необычном ружье сложился в тот период, когда огнестрельное оружие среди башкир было редкостью, а потому ему приписывалась чудодейственная сила ²⁴.

Но кремневкой Хаубан пользуется лишь один раз, когда на озере стреляет в дочь падишаха подводного царства, которая предстает перед героем в сказочном облике золотой утки. В дальнейшем мы видим героя с традиционным легендарным мечом Урал-батыра.

Хаубану как настоящему эпическому богатырю помогает его боевой конь Акбузат. Таким образом, начало сказания, повествующее о герое, которому особую исключительность и силу будто бы придает чудодейст-

²³ Говоря о русских былинах, В. Я. Пропп ту часть былины о Садко, в которой герой опускается в иной, подводный мир и встречается там лицом к лицу с «хозяином» моря, считает самой древней и самой архаичной в русском эпосе (В. Я. Пропп, Русский героический эпос, Л., 1955, стр. 34, 84).

²⁴ Еще в XVI в. башкиры занимались кустарным производством оружия, изготовляли железные наконечники для стрел, сабли, копья. С огнестрельным оружием башкиры в основном познакомились лишь в первой половине XVII в., когда русский царь привлек их к обороне границ от калмыцкого нашествия, а несколько позже — к участию в войнах (в Крымском и Азовских походах в конце XVII в., Шведском походе — в начале XVIII в.). Однако царское правительство, боясь активного выступления ясачного населения, запрещало ему иметь оружие. Такое запрещение сохраняло свою силу в XVII и XVIII вв. (см.: «Очерки истории Башкирской АССР», т. I, ч. I, Уфа, 1956, стр. 102).

венная кремневка, почти совсем не увязывается с последующим содержанием. Такой анахронизм в изображении богатыря, сражающегося с потусторонними силами при помощи огнестрельного оружия, несомненно, объясняется поздним принесением.

Встреча героя с Наркас, дочерью падишаха подводного царства, — завязка повествования. Содержание раскрывается по трем основным сюжетным линиям: добывание невесты, поимка боевого коня, борьба героя с Шульгеном, его дивами и захватчиком Масем-ханом.

Сюжет добывания богатырем Хаубаном невесты сохраняет весьма архаическую интерпретацию. Герой отправляется за невестой в иной мир. Девушка — дочь мифического «хозяина» подводного царства. В ее образе прослеживаются черты сказочно-мифического существа иного мира. Она «по земле не ступала», «пищи земной не ела», поэтому «старость ее не брала» (абз. 82), «одна только капля», упавшая с нее, землю иссушит, как яд (абз. 12).

М. В. Лоссиевский, разбирая башкирские сказки о Сари-Сагибе, сыне Абдрахманове, и о Тюляке, сыне Сари-Маркаса, отмечает: «В башкирских сказках солнце фигурирует под видом „красивой водяной девушки“, у которой, когда она выходит из моря, белые волосы длиной в несколько сажен плавают над водою; руками она достает с неба звезды и убирает ими свои белые волосы»²⁵.

Наркас присущи черты, сближающие ее с традиционными образами водяных дев башкирских сказок и преданий, а также с образом матери Огуза — Айхан из огузского сказания «Огуз-каган»: у Наркас длинные волосы, она — «дева водяная, вся из лучей и пламени создана» (абз. 12).

Следы архаики несет и развитие сюжета женитьбы богатыря на Наркас. Девушка — существо неземное — не сразу соглашается стать женой героя из человеческого племени. Наркас говорит Хаубану:

Не думай жениться на мне;
Вся я создана из лучей..
Не будет равной сыну земли
Девушка, сотворенная из лучей (абз. 23).

Эти строки приобрели характер постоянной стилистической формулы и не раз повторяются героиней на протяжении повествования.

Наркас предлагает Хаубану выбрать невесту среди красивых девушек, живущих во дворце ее отца. О себе она сообщает, что у нее есть любимый, равный ей, и что она может быть счастлива только в подводном царстве, в своем дворце. Наркас пытается даже запугать Хаубана тем, что «ее отец битву начнет», страну его «повергнет в прах», а племя его «уничто-

²⁵ М. В. Лоссиевский, Башкирское предание о луне, стр. 150.

жит» (абз. 23). Своему же отцу Наркас признается, что полюбила Хаубана с первого взгляда, и просит не убивать его.

Только в конце сказания Наркас открывает свои чувства Хаубану. Богатырь, решивший взять в жены девушку из иного мира, вынужден сразиться с падишахом подводного царства и его дивами. Борьба с ними, проявление богатырского мужества, доблести и героизма, обязательные для древнего сюжета сватовства, вероятно, составляли основное содержание сказания ²⁶.

Однако сюжет в первоначальном виде не сохранился. Как мы увидим дальше, в его трактовку были внесены позднейшие изменения, которые нарушили целостность и логическую завершенность повествования.

Так, в сказании наблюдается тенденция преодолеть древнюю эпическую традицию, по которой герой женится на девушке потустороннего мира, и стремление воспеть земную красоту девушки Айхылу. Богатырь встречается во дворце падишаха подводного царства земных девушек — пленниц. А дочь Масем-хана, Айхылу, красивее дочери «хозяина» подводного мира:

Лицом светлее луны,
Ямочки на обеих щеках,
Черные брови вразлет,
Сквозь длинные ресницы ее
Будут смотреть улыбающиеся глаза;
Словно у сокола, ее высокая грудь,
Волосы в косы заплетены;
Сверкая перламутром зубов,
Нежно будет улыбаться она.
Талия ее [тонкая], как у пчелы (абз. 35).

Земная девушка так прекрасна, что кажется неестественным желание богатыря жениться на дочери падишаха подводного царства. Эта идея выражена устами пленной старухи:

Тех, что на Урале в раздолье [живут], —
Нежных девушек бросил [ты].
Зачем же девушку с поблекшим лицом
Разыскиваешь, явившись сюда? (абз. 37).

Позднее Хаубан и сам, обращаясь к Наркас, говорит, что он уже раздумал жениться на ней — существе иного мира:

Сама ты — красавица, рожденная в воде,
Тебя я не оторву от воды (абз. 65).

И как бы в подкрепление мысли о том, что водяная девушка не может стать женой героя, приводятся слова пленницы-старухи о том, что ресниц

²⁶ См., например, алтайское сказание «Ескюс-Уул» А. Калкина (рукопись архива ГАНИИИЯЛ).

Наркас «слеза не коснулась», что она «с честью других на считается», из-за нее многие «пролили озера слез», а она «радость находит в том» (абз. 39). Такая этическая оценка, несомненно, явление позднее.

Противопоставление земной девушки Айхылу водяной красавице утверждает мысль о том, что реальный мир лучше и красивее потустороннего, что богатырь, живущий на земле, должен жениться не на существе иного мира, а на девушке, рожденной на земле. Однако эта идея не получила логического воплощения: Хаубан возвращается на землю с Айхылу, но не женится на ней. Женой его все же становится Наркас.

Таким образом, развязка сказания сохраняет свою древнюю основу, несмотря на напластования позднейших эпох.

Развязка интересна и тем, что в ней образ сказочно-мифического существа дополняется некоторыми архаическими чертами девы-богатырки. Наркас вспоминает о своем единоборстве с Яиком, дедом Хаубана, возможно происходившем в момент брачных состязаний. «Я сильной, как женщина, родилась...», «деда твоего Яика в единоборстве я одолела»,— говорит она герою (абз. 82).

Образ девы-богатырки и связанный обычно с ним мотив брачных состязаний жениха и невесты исследователи считают весьма древними, восходящими «к бытовым отношениям эпохи матриархата»²⁷, «отражением остатков матриархата»²⁸. Образ этот широко распространен в героическом эпосе многих народов.

Архаические черты девы-богатырки в образе Наркас в сказании «Акбузат» являются неожиданными и не мотивированы ни предыдущими, ни последующими событиями. Можно предположить, что отрывок, в котором упоминается о сражении Наркас с богатырем Яиком, сыном легендарного Урал-батыра, восходит к какому-то древнему сюжету о сватовстве, входившему в цикл сказаний о богатыре Урале.

В сказании «Акбузат» богатырь Хаубан встречается с Наркас, но не вступает с ней в единоборство. Дева-богатырка, обращаясь к Хаубану, говорит:

С тобою я не стала воевать —
У меня к этому не лежала душа...
...Всем сердцем полюбила...
Если меня равной сочтешь,
Подчинюсь я воле твоей,
С тобой на Урале вдвоем
Будем жить-поживать (абз. 82).

²⁷ В. М. Жирмунский, Х. Т. Зарифов, Узбекский народный героический эпос, М., 1947, стр. 82.

²⁸ А. Н. Киреев, О башкирском эпосе «Алпамыш»,— «Вопросы башкирской филологии», М., 1959, стр. 53.

Такую модификацию древнего сюжета героического сватовства, где богатырь побеждает равную по силе девушку и женится на ней, можно объяснить тем, что со временем бытовая основа этого сюжета, связанная, вероятно, с древними брачными и семейными отношениями, в частности брачными состязаниями жениха и невесты, забылась и стала непонятной. Хотя в сказании и сохранился древний образ девы-богатырки, но в нем преобладают черты героинь богатырского эпоса более позднего периода.

Например, Наркас говорит Хаубану о себе:

Старость меня не берет.
Молодость сохранилась моя,
Не ушла моя красота.
Открою лицо — солнце твое,
Устыдившись, за тучи уйдет.
Если кто из людей захочет
Силою помериться со мной.
Только открою ему [свое] лицо, —
Лучами моими ослеплен,
Передо мной упадет, опозорится он (абз. 82).

В данном сказании дева-богатырка отличается не столько физической силой, сколько силой ослепляющей красоты. Наркас «из лучей сотворена», «от лучей рождена» (абз. 12, 23). Блеск красоты героини поражает богатыря в тот момент, когда девушка открывает свое лицо.

Изображение героя или героини с лицом, закрытым покрывалом, широко распространено в древнетюркских, иранских, арабских сказаниях, в эпосе народов Средней Азии. Описание момента снятия покрывала и уподобление красоты героев сиянию света — художественный прием, передающий эффект воздействия красоты персонажей на окружающих.

Нетрудно заметить, что в сюжете сватовства эпическая героиня органически сочетается со сказочной фантастикой. Например, сказочную окраску имеет встреча Хаубана с Наркас, когда девушка предстает в облике золотой утки, или девушки в голубиной шубе, или красавицы на золотом троне с распущенными золотыми косами. Как и в сказках, Наркас в образе утки просит богатыря отпустить ее и в качестве откупа предлагает несметные богатства: покрывающие всю землю табуны лошадей, стада коров и телят, овец и ягнят, легендарного богатырского коня Акбузата. В ее словах выражена мечта кочевника-скотовода о хорошей жизни, которая не мыслится без больших табунов коней и огромных стад скота.

Дальнейшее повествование также носит сказочный характер. Девушка-утка становится помощницей богатыря, который на дне озера, в царстве Шульгена, должен выдержать ряд испытаний. Лишь после этого он может взять Наркас в жены. Испытания богатыря здесь носят не столько героико-эпический характер, сколько сказочный: испытывается не сила и доблесть, а скорее его смекалка и догадливость. Как и в сказке, богатырь

не должен никому задавать каких-либо вопросов, а поступки его должны быть противоположны тому, чему учит его девушка. Хаубан не догадывается об этом, поэтому возвращается на землю без невесты.

Если бы не расспрашивал Наркас,
Дворец шаха ты бы открыл.
Свергнув с престола его,
Падишахом бы озера стал,
С красавицей Наркас
Ты бы свадьбу сыграл (абз. 44).

Эта сказочная интерпретация сюжета героического сватовства — явление несомненно позднее.

Далее развитие сюжета богатырской женитьбы вновь входит в русло героического повествования: Хаубан сражается с падишахом подводного мира, побеждает его и берет в жены его дочь Наркас.

Характерно, что Хаубан не сразу смог победить «хозяина» подводного царства. Свою силу и мощь он обретает только после укрощения богатырского коня Акбузата.

Поимка и укрощение героем боевого коня, дружба богатыря с конем, как известно, являются одной из древних и постоянных тем героического эпоса и богатырской сказки тюркских народов. В сказании «Акбузат» эта тема также занимает большое место. Поимка коня, сопряженная с огромными трудностями, одновременно является испытанием силы и ловкости его будущего хозяина. Девушка Наркас подсказывает богатырю, как он должен вести себя при встрече с Акбузатом, чтобы показать ему свою силу, выдержку, бесстрашие и тем самым завоевать доверие коня и право им повелевать.

Описание коня в сказании «Акбузат» состоит из общепринятых в эпическом искусстве тюркоязычных народов постоянных эпитетов и сравнений. Так, например:

Грива у него — белая, как шелк,
Светло-серой масти он,
Круглые копыта у него,
[Ноги], как шило, [тонки],
Уши [торчат], как камыши, бронзой [отливают] глаза.
Веки белые [у него].
Шея крутая, поджарый он,
Как шука, крепко телом сбит,
Нос соколиный, ноздри широки...
Узкая морда, нижняя челюсть заострена,
Челка по обе стороны [лба] — вот он каков (абз. 8).

С незначительными вариациями те же поэтические образы используются и далее:

Перед ним стоял тулпар Акбуз...
Грива крутая, дыбом шерсть.

Спина, как у щуки, поджарый он.
Ребра гладкие, ноги, как у зайца, [длинные],
Круглые копыта, морда заострена,
Уши — словно камыши, ноздри широки,
Грудь — как у сокола, бронзой [отливают] глаза,
Шея петушиная, челка по обе стороны [лба],
Нижняя челюсть заострена, губы сжал (абз. 61).

«Общим местом» является описание снаряжения коня, подсказанное реальным процессом седлания:

Седло в золоте и серебре,
[Из кожи] болгарской подпруга на нем,
Украшенный жемчугом чепрак,
С тисненой кожей по краям.
С застежками из кожи оленьей.
Стремена из серебра,
Из золота лука седла,
Украшенная сердоликом;
На луке змеится плеть,
Приторочен к седлу хурджун;
Сафьяном отделанный по краям.
Нагрудник на коне,
Подхвостник на крупе его,
Из шелка недоуздок сплетен,
Уздечка с удилами двумя,
Поводья к луке прикреплены (абз. 61).

Особый интерес здесь представляет эпитет «болгарский», встречающийся и в эпосе других тюркских народов. Появился он, по-видимому, в период торговых контактов башкир с Булгарией. В те времена (X—XIII вв.) Булгария (или, как ее еще называли Болгария Волжско-Камская) была развитым феодальным государством в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье. В нее входили частично и западные районы Башкирии. Булгарские города являлись центрами не только торговли, но и высокоразвитого ремесла. Прекрасные изделия из железа, кожи, образцы ювелирного искусства, гончарные изделия булгарских ремесленников были широко известны не только башкирам — они высоко ценились многими народами. Булгары вели обширную торговлю в самых различных направлениях — от Средней Азии и Сибири до Приднепровья и Прибалтики²⁹.

Поэтому не случайно в настоящем сказании при описании снаряжения богатырского коня, в частности подпруги и уздечки, введено определение «болгарская» в значении «прекрасная», «ценная». В результате поэтического обобщения это определение стало играть ту же роль, что и эпитеты, которые, по определению А. Н. Веселовского, «выражают вообще идею ценности»³⁰. Эпитет «болгарский» стоит в одном ряду с такими «ук-

²⁹ «Очерки истории Башкирской АССР», стр. 20.

³⁰ А. Н. Веселовский, Историческая поэтика, Л., 1940, стр. 83.

рашающими эпитетами», как «золотой» и «серебряный», широко распространенными в эпической поэзии многих тюркских народов, и служит выражением высоких качеств и особой ценности богатырского коня и его снаряжения.

Описание снаряжения коня, повторяющееся в сказании многократно, принадлежит к числу наиболее разработанных «общих мест» героического эпоса многих тюркских народов.

Акбузат — это не только породистый боевой конь, но и тулпар — сказочный крылатый конь. «От ветра, поднятого его крыльями, горы Урала дрожат», «от ветра крыльев Акбузата поднималась буря, разрушающая горы и скалы, все переворачивалось с ног на голову». Образ крылатого коня рождает отождествление его с птицей: «Через море без конца и без края перелетит, превратившись в птицу» (абз. 15). Такое изображение крылатого коня традиционно, оно встречается в фольклоре многих народов и является, по-видимому, косвенным отражением существовавших в древности мифических представлений о крылатых конях ³¹.

Конь становится боевым товарищем богатыря Хаубана, его помощником. Он понимает человеческую речь и умеет говорить. Как и в сказке, конь предстает перед богатырем, когда тот бросает его волос — залог верной дружбы — в огонь. Обращаясь к богатырю, Акбузат говорит о себе:

...Среди круглокопытных табунов
Я и есть конь-тулпар.
Грива моя силу тебе даст,
Если меч в руки возьмешь,
Если подпалишь волос, [выдернутый]
из моего хвоста,
Прискачу я к тебе,
Конем твоим буду в бою (абз. 34).

Вместе с Акбузатом Хаубан совершает свои богатырские подвиги: сражается с падишахом подводного мира Шульгеном, с его дивами и чудовищем Каккахой, охраняющим подводное царство. Внешний облик врагов Хаубана неопределенный, а порой обрисовка их образов противоречива.

Так, о Каккахе девушка Айхылу вспоминает:

Медведем назвать — шерсть дыбом на нем,
Волком бы назвать — [волка] крупней (абз. 59).

Каккаха — зверь с огромной пастью. Он проглатывает людей, а потом на дне озера выплевывает их. О Шульгене лишь говорится, что он страшнее чудовища.

³¹ Как известно, в монументальных памятниках изобразительного искусства Древней Греции, Передней и Средней Азии сохранились изображения мифических крылатых коней, львов, быков.

В трактовке образа падишаха подводного мира Шульгена нет логической последовательности. Наряду с архаическими элементами в его образе проступают черты более позднего периода. Они-то и определяют его характер как сказочного персонажа.

Шульген не всегда изображается явно враждебным по отношению к людям существом. Более того, его выступление против людей как бы оправдывается тем, что Шульгена разгневал кровавый и жестокий Масем-хан, который «зло задумал против озера Шульгена», подпалил камыш у озера и напал на страну «хозяина» подводного мира. Поэтому падишах и выступил против людей, уничтожил их скот.

Это Масем-хан...
Вот он один из тех;
Он бросил яд в озеро Шульген —
И всех, кто поблизости живет,
...оставил без скота (абз. 74).

Можно предположить, что в образе Шульгена сохранились отдельные черты «хозяина»-духа, которого, по древним представлениям, нельзя было гневить и с которым люди должны были жить в мире.

Вместе с тем Шульген изображается как явный враг людей. В сказании упоминается, что борьбу с Шульгеном вел еще прославленный Урал-батыр. Он отвоевывал у него для людей каждый клочок затопленной им земли. Там, где Урал-батыр убивал дивов, поднимались скалы; чем меньше оставалось воды, тем меньше становилось войско падишаха; чем больше погибало дивов, тем больше становилось суши (абз. 78).

Здесь наблюдается явная тенденция провести связь между образом Шульгена — брата Урала, ставшего на сторону злых сил в сказании «Урал-батыр», и образом Шульгена — падишаха подводного царства, который олицетворяет силы злой стихии в сказании «Акбузат». Хаубан же предстает богатырем, продолжающим начатую Уралом борьбу против губительных сил природы.

Шульген изображается как сказочный властитель подводного мира. Он живет во дворце на дне озера в окружении двенадцатиголовых дивов. У него есть красавица дочь, желания которой он выполняет беспрекословно. Царство Шульгена образовалось из «кровавых слез, пролитых людьми». Дворцы в озере построены из костей убитых им людей, «сады, что дворец окружают, цветы, что украшают их, кровью орошены» (абз. 60). Во дворцах в заточении томятся земные девушки и мать богатыря.

Хаубан, победив падишаха Шульгена, освобождает пленников. Он рассекает мечом озеро — и из воды выступает суша. Озеро исчезает. Хаубан подчиняет себе чудовище Кахкаху и приказывает ему выдолбить в скале стойло для Акбузата. Он превращает Шульгена в черепаху, Кахкаху — в летучую мышь, а пьющих кровь дивов — в пресмыкающихся и пиявок.

Мы видим, что герой наделен не только физической, но и магической силой. В этой части сказание, несомненно, сохранило архаические элементы, отголоски существовавшей в древности веры в сверхъестественные силы, позволяющие человеку подчинять своей воле «хозяев»-духов. Причем, как и во многих других фольклорных произведениях, в «Акбузате» представления о магической силе отчасти утратили свое первоначальное содержание и, получив художественное воплощение, служат обрисовке исключительности героя.

Победа богатыря над злыми силами, освобождение им из заточения матери и земных девушек, женитьба на дочери падишаха подводного царства как результат победы над стихией — все это является эталоном героизма на раннем этапе развития богатырского эпоса.

Однако, как известно, идеал героя со временем дополняется новыми представлениями о героическом, соответствующими уже более поздним ступеням общественного развития. Это наблюдается и в «Акбузате». Хаубан в сказании борется не только против потусторонних сил (падишаха подводного мира, чудовищ, дивов), но и выступает в роли защитника обездоленных, слабых, спасающего их от насилия хана-деспота.

Хаубан — потомок славного богатыря Урала, продолжатель его боевых подвигов. Отец Хаубана, Сура-батыр, «из славного на Урале рода мужей-батыров», охранял покой людей. О своем же назначении Хаубан говорит так:

От Сура-батыра я силу перенял,
В роду батыров я родился;
Поклялся я никому не позволять
Сирот и несчастных обижать (абз. 25).

Именно благодаря этим качествам Хаубан дорог людям. Полюбившая его Наркас предупреждает отца, чтобы тот не убивал Хаубана. «Не проливай его крови, — говорит она, — за него весь Урал будет тебе мстить». Хаубан в сказании характеризуется как «батыр с Урала», «Уралом называемую страну от врагов охраняющий». «Урал» здесь значит «родная земля», «родной дом», «родное племя».

Значительное место отводится в повествовании изображению борьбы богатыря Хаубана с Масем-ханом. Образ последнего отличается двойственностью. С одной стороны, этот злодей и угнетатель рожден чудовищем Кахкахой, т. е. ведет свое происхождение от злых, потусторонних сил. С другой стороны, Масем-хан — не мифический враг, какими изображаются Кахкаха и Шульген, а вполне реальный жестокий правитель:

Кровь проливает, затеявая войну,
...опозорил честь страны,
Возвысил свой род и ханом стал (абз. 74).

Из этих строк, в частности, явствует, что Масем-хан не иноземный захватчик, а местный властитель, насилием возвысившийся над народом ³².

Масем-хан вместе с Акбулат-бием убили отца Хаубана — Сура-батыра, который «приказам ханов и биев не повиновался» (абз. 69). «Масем-хан поклялся до седьмого колена уничтожить род Сура-батыра», — повествует сказание (абз. 51).

Хаубан говорит, что выехал он «верхом на коне», чтобы «месть совершить за отца», что он прольет «кровь за кровь» (абз. 69). Казалось бы, герой мстит Масем-хану только по обычаю кровной мести — карымты (что мы находим и в других эпических произведениях). Однако тема кровной мести в сказании «Акбузат» приобретает социальное звучание. Герой выступает против Масем-хана, не только руководствуясь личной обидой, но и защищая людей от насилия несправедливого и жестокого хана:

За кровь этих батыров всех
Я пришел отомстить.
Тому, кто в рабов мужей страны обратил,
Кто вдовами сделал их жен,—
Злодею по имени Масем...
Я пришел отомстить (абз. 74).

Действие в сказании разворачивается на широком фоне кочевого быта скотоводческих племен, у которых отчетливо прослеживаются черты классового расслоения. Ханы, мурзы, бии, тарханы противостоят беднякам, «батырам, не имеющим ни коня, ни шубы».

Примечательно, что в сказании Масем-хан назван «дивом, держащим в своих руках»

Батыра с Идели Кыпсака,
Батыра с Иремели Катая,
Батыра с Яика Туклэса,
Батыра Тамьяна из Туры,
Из степей Ирендыка,
Юрматы с Нугуша,
Батыра Табына с Узена (абз. 74).

Имена батыров Кыпсак, Катай, Тамьян, Табын, Юрматы совпадают с реальными названиями башкирских племен. Факт, что эти батыры находятся в руках Масема, по-видимому, отражает воспоминания народа о по-

³² На территории Башкирии в XIV—XVI вв. возник ряд объединений племен, во главе которых стояли ханы — родовые или племенные вожди, силой утвердившие свою власть над несколькими племенами. Историческое предание «Последний из Сартаева рода», например, повествует о том, что «племенное объединение юго-западных башкир не являлось добровольным союзом этнически связанных племен, а образовалось в результате военного подчинения сильным племенем сартай соседних башкирских племен» (см.: Р. Кузеев, Очерки исторической этнографии башкир, ч. I. Родо-племенные организации башкир в XVII—XVIII вв., Уфа, 1957, стр. 61).

литическом соперничестве родо-племенной аристократии и о межплеменной борьбе, в результате которой наиболее сильные роды подчиняли себе более слабые и ставили своих ханов. Возможно, что здесь имелся в виду существовавший в XIV—XVI вв. в Восточной Башкирии союз семи племен: бурзян, тамьян, тангаур, усерган, кари-кыпсак, санкем-кыпсак и кыпсак. Во главе их, согласно легендам и башкирскому эпосу «Кусякбий», стоял властелин по имени Масем. О союзе этих племен упоминается во многих башкирских преданиях, легендах, песнях и эпических сказаниях. Межплеменная борьба, горе и притеснения, чинимые узурпаторами ханской власти, оставили глубокий след в памяти народа и нашли яркое отражение в народных сказаниях.

Герой «Акбузата», как уже отмечалось, выступает защитником народа. Такая трактовка образа героя является более поздней, так как в той части сказания, где Хаубан борется с Масем-ханом, меняются и характер героических подвигов богатыря, и его облик. Хаубан уже не столько исполин, каким он изображен в сражениях с падишахом подводного царства Шульгеном, сколько живой, умный человек, действующий хитростью, смекалкой. Он является к Масем-хану в личине нищего, затем неожиданно сбрасывает с себя лохмотья, и Масем-хан узнает в нем сына убитого Сурабатыра, но, застигнутый врасплох, не может уйти от справедливого возмездия. Хаубан упрекает его в коварстве, деспотизме и обезглавливает.

Таким образом, основной упор в этом эпизоде делается не столько на единоборство богатыря с противником, сколько на осуждение ханской власти. Здесь нашел выход неосознанный протест простого народа — носителя фольклора, хотя противоборство Хаубана с ханом-деспотом интерпретируется в плане борьбы добра и зла, светлого, разумного начала против темного, злого и жестокого.

Основной пафос сказания «Акбузат», как и «Урал-батыра», состоит в прославлении героического подвига богатыря, его самопожертвования ради счастья и благополучия всех людей. Герой, олицетворяя собой мощь всего коллектива, один противостоит враждебным силам. Он борется и побеждает многочисленных врагов, предстающих в образах стихии (вода, огонь), мифологических и сказочных персонажей (дивы, многоголовые змеи, падишах и дева подводного царства), а также реальных врагов — иноземных захватчиков (падишах Катил) и притеснителей своего народа (Масем-хан). Образы Хаубана и его врагов получают многоплановую трактовку. В частности, герой то действует как богатырь древнего эпоса, то обретает черты типичного сказочного персонажа, а в отдельных местах предстает как борец против хана-деспота. Это все свидетельствует о длительности истории развития сказания.

Сказание «З а я т у л я к и Х ы у х ы л у», как уже отмечалось, стало известно в XIX в. по публикациям В. И. Даля («Башкирская русал-

ка») и Л. Суходольского («Легенда о Туляке»), в пересказе на русском языке, а также по опубликованной Р. Т. Игнатьевым на русском языке «Сказке о Сари Сагибе, сыне Абдурахманове», записанной у тептярей Троицкого, Верхнеуральского и отчасти Орского уездов Оренбургской губернии³³. Содержание сказки идентично содержанию сказания «Заятуляк и Хухулы».

В 1910 г. один из вариантов этого сказания был опубликован башкирским народным поэтом М. Гафури³⁴.

В советское время сказание записывалось в различных районах Оренбургской области (Александровский, Люксембургский, Новосергиевский), а также в Альшеевском, Зилаирском, Давлекановском, Зиянчуринском и Стерлибашевском районах Башкирской АССР. Все варианты различаются лишь в некоторых эпизодах и деталях. В настоящем издании публикуется вариант, записанный от сказителя Б. Валиуллина в Альшеевском районе.

«Заятуляк и Хухулы», так же как и сказание «Акбузат», повествует о герое, который опускается в подводное царство в поисках невесты. Он женится на дочери падишаха подводного мира, получает от ее отца боевого коня, несметное количество лошадей и возвращается на землю³⁵.

При всей кажущейся близости содержания сказаний «Заятуляк и Хухулы» и «Акбузат» оба эти произведения представляют собой самостоятельные разработки однотипного традиционного сюжета. В «Заятуляке и Хухулы» сюжет раскрывается в сказочно-романтическом плане, что определило жанровую специфику этого произведения. А. И. Харисов отмечает, что сказание «Заятуляк и Хухулы» относится «больше к сказкам, нежели к поэмам»³⁶.

Небольшое по объему сказание «Заятуляк и Хухулы» четко делится на две самостоятельные части. Первая знакомит нас с «биографией» героя, вторая рассказывает о его приключениях в подводном мире и о возвращении на землю. В первой части Заятуляк обрисован в духе сказочной традиции и традиции героического эпоса.

Заятуляк — младший сын Самар-хана. Он добр и доверчив, превосходит старших братьев в ловкости, меткости, обгоняет их на скачках.

³³ См.: ЗООИРГО, вып. III, 1875, стр. 207—211.

³⁴ «Заятуляк берлә Сусылу», Уфа, 1910, стр. 1—24.

³⁵ Как известно, приключения героя в подводном мире и женитьба его на дочери «хозяина» подводного царства стали традиционным сюжетом эпических сказаний многих народов. Г. Н. Потанин, сравнивая запись Л. Суходольского «Легенды о Туляке», являющейся одним из вариантов сказания «Заятуляк и Хухулы», с эпическими произведениями других народов, отмечал, в частности, что «тема о морском царе, награждающем невестой, очень распространена в степном фольклоре» (Г. Н. Потанин, Дочь моря в степном эпосе, стр. 55).

³⁶ А. И. Харисов, Литературное наследие башкирского народа. XVIII—XIX вв., стр. 24.

Братья же его злы, завистливы и коварны (Б. Валиуллин, 1968, абз. 1; Телякаева, 1960, 96; Алифа, 1960, 104; С. Валиуллина, 1964, 6)³⁷.

Иногда такое противопоставление носит социальную окраску. Заятуляк — сирота-бедняк. О себе он говорит: «Я был бедняком, только и было за душой, что горсть соли, лук и стрелы» (ЗООИРГО, вып. III, 1875, 210).

Его ловкости, силе завидуют сыновья богача — бая. Они строят ему всевозможные козни (Г. Агишев, 1960, 108; «Октябрь», Уфа, 1938, № 6, 38).

В некоторых вариантах появляется тенденция конкретизировать образ героя, охарактеризовать его как историческое лицо, что, по-видимому, объясняется стремлением придать повествованию правдоподобность. Так, Заятуляк изображается любимым младшим сыном Чингисхана, который владеет огромной территорией в Южной Башкирии (С. Гильманов, 1964, 10), или сыном русской пленницы и Самар-хана, любимым внуком Чингисхана («Москвитянин», 1843, № 1, 97).

Но не только чертами сказочного персонажа обладает Заятуляк — добрый младший брат, который противопоставляется злым и завистливым старшим братьям. Одновременно он предстает в облике эпического богатыря. «Заятуляк был не только красивым, но и батыром, с детства отличался большой силой», — говорится о нем (Б. Валиуллин, 1968, абз. 1).

Кроме того, Заятуляк — искусный охотник: только он может поймать волка с кровавой пастью, косолапого, неуклюжего бурого медведя, нарядную, словно красавица, лису с родинкой на ухе, гогочущих гусей, лопочущих перепелок (Б. Валиуллин, 1968, абз. 4, 6), в то время как братья с охоты приносят лишь мышей да сусликов.

Как истинный богатырь, Заятуляк имеет боевого крылатого коня — тулпара. Он сам выбирает его в табунах отца. Богатырским конем героя оказывается неказистый на вид серый жеребец, который превращается в тулпара, как только герой садится на него (Б. Валиуллин, 1968, абз. 4; «Заятуляк берлә Сусылу», Уфа, 1910, 5, 6; Г. Валиуллин, 1964, 7). Такое превращение неказистого жеребца в чудесного богатырского коня является характерным для эпоса не только башкир, но и многих других тюркоязычных народов Средней Азии.

Крылатый тулпар Заятуляка с необыкновенной быстротой преодолевает огромные расстояния, летит, «ветер обгоняя». Он обладает даром человеческой речи и предупреждает хозяина о грозящей ему опасности. Во время скачек конь учит своего хозяина изо всех сил ударить его плетью, благодаря чему из его копыт вылетают гвозди, которые вбили завистли-

³⁷ В скобках через запятую указаны исполнитель, год записи и номер страницы рукописи; если сказание опубликовано, указаны издание и номер страницы; в примерах из варианта, публикуемого в настоящем томе, дается номер абзаца.

вые братья Заятуляка. Расправив крылья, конь летит как стрела и опережает братьев Заятуляка. «Победив их, Заятуляк получил, говорят, имя батыра» (Б. Валиуллин, 1968, абз. 8, 9; Г. Агишев, 1960, 109; С. Валиуллина, 1964, 7).

В некоторых вариантах в трудные минуты Заятуляку является Хызыр. Этот святой, как и во многих сказаниях народов Востока, предстает перед Заятуляком в образе седого странника в зеленом одеянии и учит его молитве, называемой «исъми эгзам», т. е. молитве, заключающей в себе святыя имена божьи, благодаря чему она обладает чудодейственной силой (ВИРГО, ч. 24, 1858, № 12, 67). С этой молитвой «не погибнешь ни от оружия, ни от огня, ни от воды, ни от зверя, ни от человека» (ЗООИРГО, вып. III, 1875, 208). С ее помощью Заятуляк осушает озеро, заставляет падишаха подводного царства выдать за него свою дочь (ВИРГО, ч. 24, 1858, № 12, 65—70; «Самарская газета», 1902, № 83, 3—4).

Л. Суходольский, отмечая особую роль Хызыра в сказании о Заятуляке, связывает этот образ с представлениями, относящимися «к кругу религиозных преданий магометанских, которых много у суннитов... каковы и здешние магометане»³⁸.

Хотя в своей основе этот образ и связан с религиозными мусульманскими преданиями, однако изображение святого Хызыра в роли помощника эпического героя не свидетельствует о религиозно-мифологической трансформации сказания; образ этот — дань традиции, широко распространенной в эпосе тюркских и иранских народов, в котором святой Хызыр выступает как покровитель, помощник богатыря в трудные минуты.

Вторая часть сказания развивается в сказочно-романтическом плане. Завистливые братья пытаются убить Заятуляка, но конь предупреждает хозяина об опасности, и Заятуляк покидает свое кочевье. На озере Асылыкуль он встречает Хухухулу — дочь падишаха подводного мира, которую полюбил с первого взгляда. В одном из вариантов любовь героя к Хухухулу зарождается до встречи с нею: Заятуляк впервые видит свою возлюбленную во сне (С. Валиуллина, 1964, 6). Возникновение чувства до встречи с любимой характерно для эпических произведений романтического содержания. Да и в самой характеристике образа Заятуляка во всех вариантах также улавливаются отдельные черты, типичные для героев романического эпоса: он «очень красивый», «светлолицый», нередко в тяжелые минуты из глаз его «катятся крупные слезы», от тоски лицо его «желтеет» (Б. Валиуллин, 1968, абз. 1, 12, 18; Р. Телякаева, 1960, 101; Г. Агишев, 1960, 100). Любовь Заятуляка настолько сильна, что он способен забыть своего тулпара, белого сокола, отца и мать (Б. Валиуллин, 1968, абз. 14).

³⁸ Л. Суходольский, Легенда о Туляке, стр. 72.

Казалось бы, изображение Заятуляка, ради любимой забывающего отца и мать, нарушает представление об идеальном образе народного героя, сложившемся в богатырском эпосе, в котором отношение героя к родителям всегда определяется патриархальными нормами. Однако этот отказ от всего ради любимой объясняется лишь силой большой любви, охватившей Заятуляка в момент встречи с Хыухылу. В дальнейшем же (это присуще всем вариантам сказания), находясь в подводном царстве и став мужем Хыухылу, герой тоскует по дому и родным, по другу-коню и по соколу. Заятуляк не может быть счастлив без них и поэтому возвращается вместе с Хыухылу на землю.

Образ Хыухылу отмечен традиционными чертами сказочной водяной девы: у нее длинные волосы, «похожие на водоросли, которые извиваются в воде» («Октябрь», Уфа, 1938, 16, 39), или «мягкие, словно шелк, черные, длиной в шестьдесят кулашей» (Б. Валиуллин, 1968, абз. 11). О ней говорится, что она «водяная красавица», у нее длинные золотые волосы, от которых исходит сияние, и озеро начинает светиться, несмотря на темноту ночи.

О себе Хыухылу говорит:

Егет, не могу быть равней тебе:
Я создана из лучей...
Не будет равной сыну земли
Девушка, созданная из лучей
(Б. Валиуллин, 1968, абз. 12).

М. В. Лоссиевский считал, что водяная девушка в башкирском фольклоре олицетворяет солнце ³⁹.

Хыухылу обладает магической силой — умением возвращать зрение. Когда Самар-хан, «разгневанный равнодушием и холодностью сына» при его возвращении из подводного царства, приказывает ослепить Заятуляка, Хыухылу возвращает герою зрение («Москвитянин», 1843, № 1, 117).

В одном из вариантов Хыухылу наделяется архаическими чертами девы-богатырки и становится женой Заятуляка только после единоборства с ним, когда он показывает свое превосходство над ней в физической силе («Октябрь», Уфа, 1938, № 6, 39). Однако это лишь незначительная архаическая деталь в характеристике Хыухылу. В целом же и в этом варианте образ героини — сказочный. Так, Хыухылу владеет волшебным зеркальцем, которое может показывать все, что пожелаешь. Тоскующий в подводном царстве Заятуляк видит в этом зеркальце дорогую его сердцу землю, своего тулпара, сокола (Б. Валиуллин, 1968, абз. 18). У Хыухылу есть волшебный сундук, в котором никогда не иссякают драгоценности («Октябрь», Уфа, 1938, № 6, 41).

³⁹ М. В. Лоссиевский (Уфимский), Былое Башкирии и башкир..., стр. 376.

Отец Хыухылу — падишах озера Асылыкуль (Б. Валиуллин, 1968, абз. 11; Г. Агишев, 1960, 108; С. Гильманов, 1964, 10; «Москвитянин», 1843, № 1; «Самарская газета», 1902, № 83; «Заятүләк берлә Сусылу», Уфа, 1910), и только в одном варианте он — падишах озера Шульген (Алифа, 1960, 104). Однако это не мифический «хозяин» озера и водяной стихии, а сказочный глава джинов и драконов («Заятүләк берлә Сусылу», Уфа, 1910, 19), падишах дивов (О. Ильясова, 1960, 112), который живет на дне озера Асылыкуль. Он сидит верхом «на черном коне, одетый во все черное, с черным соколом на луке седла» (Б. Валиуллин, 1968, абз. 16). Определение «черный» при описании отца Хыухылу, по-видимому, подчеркивает его принадлежность к темным, враждебным силам. Когда падишах гневается, «озеро бушует, бурлит, вода, выйдя из берегов, затопляет окрестные луга» (Б. Валиуллин, 1968, абз. 17). Как и в сказке, он на расстоянии чувствует человеческий запах. По некоторым деталям можно предположить, что это сказочное существо, пожирающее людей.

Вместе с тем отдельные детали, характеризующие падишаха озера как враждебное людям существо, сочетаются с чертами благожелательства, доброты и расположения к человеку. Так, ему нравится «богатырского сложения светлоликий, красивый егет» (Б. Валиуллин, 1968, абз. 17), и он соглашается выдать за него свою дочь. Чтобы развеять тоску Заятуляка по родной земле, он приказывает своим джиннам перенести гору Балкан с земли на дно озера. Но джины, не зная горы Балкан, приносят Заятуляку другую гору. Когда же падишах озера видит, что Заятуляк продолжает тосковать по родному дому и что он не может быть счастливым в его царстве, он отпускает его и свою дочь на землю. На прощание падишах дарит Заятуляку коня Акбузата и бесчисленное количество скота (Б. Валиуллин, 1968, абз. 21; О. Ильясова, 1960, 116; Алифа, 1960, 108).

Изображение падишаха озера владельцем огромных табунов коней и бесчисленных стад является традиционным в башкирском эпосе и составляет обязательный компонент характеристики этого образа.

Подводное царство падишаха изображается как «страшное место, в котором нет ни солнца, ни луны, а стоит один стальной дворец, впереди которого течет медовое море, а позади молочное море, а по четырем сторонам дворца водяные моря» (ВИРГО, ч. 24, 1858, № 12, 69). Подобное описание подводного мира характерно для сказок. Обращает на себя внимание, что в подводном царстве дворец «стальной», юрты «железные» (ЗООИРГО, 1875, 210). Л. Суходольский отмечал: «Сказочные дома у татар представляются большею частью металлическими»⁴⁰. Такое изображение дворцов и домов потустороннего мира, по-видимому, не случайно. Чаще всего их хозяевами являются враждебные людям злые существа, владеющие большим богатством, которое они хранят в своих дворцах. Эпитеты «стальной»,

⁴⁰ Л. Суходольский, Легенда о Туляке, стр. 71.

«железный» стали, вероятно, поэтическим обобщением всего «прочного», «неприступного».

В некоторых же вариантах подводное царство изображается как идеальный мир, где «широкие, просторные луга», на которых пасутся «бесчисленные стада», а «в журчащих речках золотые рыбы играют, в глубоких озерах утки, лебеди, дикие гуси плавают» (Б. Валиуллин, 1968, абз. 15). Заятуляк вместе со своей возлюбленной живут посреди цветущего луга, в белой войлочной кибитке, устланной дорогими коврами («Москвитянин», 1843, № 1, 101).

Как мы видим, в описании «волшебного мира» находят отражение бытовые реалии степного кочевья. Здесь своеобразно сливаются вымышленный и реальный миры.

Как бы ни был прекрасен потусторонний мир, герой никогда не остается в нем навсегда, а обязательно возвращается на землю. Сказание обычно заканчивается характерным для многих эпических произведений рассказом о благополучной жизни героя со своей возлюбленной на земле (Алифа, 1960, 107; Г. Агишев, 1960, 111; С. Валиуллина, 1964, 8; Г. Валиуллин, 1964, 9; «Самарская газета», 1902, № 83; «Заятуляк берле Сусылу», 1910, 24; «Октябрь», Уфа, 1938, № 6, 40). «Заятуляк и Хыухылу приезжают на гору Балкан. Животные, что вышли со дна [озера], размножаются, и Заятуляк и Хыухылу становятся богатыми. Тем, кто приходит к ним днем, они подают молоко, а тем, кто приходит ночью, зажигают свет, оставляют ночевать. Они живут долгой счастливой жизнью» — таков финал сказания в одном из вариантов (Р. Телякаева, 1960, 104).

Встречается и трагическое окончание: после смерти отца Заятуляка Самар-хана на гору Балкан, где живут Заятуляк и Хыухылу, приходят люди и просят героя стать их ханом. Заятуляк соглашается. Его братья в борьбе за престол убивают друг друга. Заятуляк водворяет мир и правит страной. О том, что он обещал Хыухылу вернуться в сорокадневный срок, Заятуляк вспоминает в последний день. Он мчится на гору Балкан, но находит свою любимую мертвой: Хыухылу не перенесла разлуки с мужем. Тогда Заятуляк копьем вырывает могилу для Хыухылу, закалывает себя и падает бездыханным рядом с любимой (Б. Валиуллин, 1968, абз. 27).

Гибель героя на могиле возлюбленной аналогична сценам таких популярных у многих тюркских народов Средней Азии романических сказаний, как «Лейли и Меджнун», «Тахир и Зухра», как казахская поэма «Козы-Корпеш и Баян-Сулу» и башкирское сказание «Кузыкүрпес и Маянхылу» (куншакская версия). Вполне возможно, что трагическая концовка в некоторых вариантах сказания «Заятуляк и Хыухылу» могла сложиться под влиянием традиционного романического эпоса.

Как мы показали выше, сюжет данного сказания раскрывается в сказочно-романтическом плане, вместе с тем повествование окрашено верой в подлинность обрисованных событий. Фантастические приключения героя

приурочиваются к конкретному географическому месту — озеру Асылыкуль в горе Балкан. До сих пор в Башкирии рассказывают о том, что на горе Балкан якобы существуют могилы возлюбленных — Заятуляка и Хуухылу. Сказитель Сафа Гильманов утверждал, что в детстве он будто бы сам видел погребение Заятуляка на Балкантау (С. Гильманов, 1964, 11). Л. Суходольский, пересказывая башкирскую легенду о Туляке, писал: «Предание оренбургских или, лучше, уфимских магометан считает его святым, указывает даже его могилу — на Балканских горах. Горы эти, известные под сим именем до сих пор у здешних магометан, находятся в 15 или 16 верстах к юго-западу от Уфы и в 8 верстах от р. Дёмы. Магометане считают их святыми»⁴¹.

Такое сочетание в одном произведении сказочно-приключенческой фантастики с элементами предания характерно для эпических произведений и башкир, и других тюркских народов.

* * *

В башкирском фольклоре существуют уникальные в своем роде эпические произведения, которые условно можно было бы назвать сказаниями о животных. К ним принадлежат публикуемые в данном издании сказания «Кара Юрга» («Вороной Иноходец»), «Акхак Кола» («Хромой Саврасый») и «Конгур Буга» («Бурый Бык»). Основными героями их являются животные — кони, коровы, бык.

В настоящее время трудно сказать, что послужило причиной возникновения столь своеобразных произведений. Не исключена возможность, что самостоятельные сказания о животных первоначально могли появиться на основе древних тотемистических верований башкир⁴². Быть может, животные, ставшие основными героями повествования (вожаки табунов Кара Юрга и Акхак Кола, а также вожак стада коров Конгур Буга), когда-то могли считаться мифическими покровителями домашних животных, которые, однако, ныне уже не осмысливаются как таковые. А. Н. Киреев предполагает, например, что «Кара Юрга» как эпическое произведение возникло на основе широко распространенного среди башкир культа домашних животных⁴³.

⁴¹ Л. Суходольский, Легенда о Туляке, стр. 71.

⁴² Как известно, башкиры до принятия ислама были идолопоклонниками да и после обращения в мусульманство долгое время сохраняли языческие верования и представления. М. В. Лоссиевский пишет: «Поклонялись башкиры разным животным, а некоторые — двенадцати богам, правившим зимой, летом, дождем, ветром, растениями, водой, с котом, днем, ночью, землей, жизнью и смертью» (разрядка наша. — А. М.). — См.: М. В. Лоссиевский (Уфимский), Былое Башкирии и башкир..., стр. 371.

⁴³ А. Н. Киреев, Башкирский народный героический эпос, стр. 104.

Возникновение сказаний о животных может быть объяснено также огромным значением скотоводства в истории башкир. Разведение и использование домашних животных в кочевническом хозяйстве обеспечивало людей пищей, шкурой, кожей, шерстью. Развитие животноводства означало утверждение новых форм жизни. Поэтому, видимо, появляются сказания, основной пафос которых составляет воспевание домашних животных и их роли в жизни людей. Сходные сказания, в которых главные персонажи — животные, в основном кони, известны также и алтайцам. Таковы, например, «Уч кулакту ай кара ат» («Треухий вороной конь», сказитель А. Н. Чолухоев⁴⁴, «Ак конгыр» («Светло-синий», сказительница К. Кокпоева)⁴⁵. Здесь кони являются священными покровителями и защитниками рода. В сказании «Кёкин эркей» Н. Улагашева⁴⁶ конь добывает хозяину невесту, участвуя в состязаниях. Все эти произведения носят героический характер, и в них наряду с главным персонажем — конем — неизменно участвует также и богатырь-воин.

В отличие от алтайского эпоса в башкирских сказаниях о животных, в частности о конях, нет героя-богатыря. Содержание их лишено характерных признаков героического эпоса. Четко определить жанр этих произведений сложно. В них значителен элемент сказочной фантастики, а иногда и географического предания.

Сказание «К а р а Ю р г а» существует в сравнительно небольшом количестве записей. Впервые о существовании среди башкир сказания о ворононом иноходе — Кара Юрге — упоминает акад. И. И. Лепехин, предпринявший в конце XVII в. путешествие в Башкирию⁴⁷. М. В. Лоссиевский в 1878 г. публикует изложение на русском языке варианта сказания, назвав его «Легенда об озере Елкикичкан, или Шуллиган (иначе Шулган)»⁴⁸. В 1892—1894 гг. фольклорист-музыковед С. Г. Рыбаков записал по-русски прозаический пересказ содержания данного сказания⁴⁹.

Один из национальных вариантов был записан в 1907 г. М. Бурангуловым в Бузулукском уезде Самарской губернии⁵⁰. Другой вариант в 1909 г. зафиксировал и издал З. Уммати⁵¹. Остальные записи произведены сравнительно недавно: в 1943 г. (Баймакский район Башкирской АССР)

⁴⁴ Архив ГАНИИИЯЛ, папка 173.

⁴⁵ Там же, папка 241.

⁴⁶ «Алтай-Бучай», Новосибирск, 1941.

⁴⁷ «Продолжение записок путешествия академика Лепехина», стр. 130.

⁴⁸ М. В. Лоссиевский, Из суеверий и легенд мусульман Оренбургского края, — «Оренбургский листок», 1878, № 38, стр. 2—3.

⁴⁹ С. Г. Рыбаков, Музыка и песни Уральских мусульман..., стр. 138.

⁵⁰ См.: Архив ВФАН СССР, шифр 8СФ, Б29.

⁵¹ З. Уммати, Башкорт — типтәрләренн жыр-бәетләре, Өфө, 1909.

в 1960 г. (Александровский и Люксембургский районы Оренбургской области), в 1965 г. (Баймакский район Башкирской АССР) и в 1966 г. (Зиянчуринский район Башкирской АССР). Сличение всех этих записей показывает, что на протяжении довольно длительного времени сказание сохранило устойчивый текст.

В настоящем издании публикуются два типичных варианта сказания. Первый — в записи 1907 г. от сказителя Х. Бурангулова, второй — в записи в 1960 г. от сээзна * У. Сайтова из Оренбургской области.

Сказание начинается с небольшого вступления, роль которого в идейном и композиционном отношении весьма значительна. В нем рассказывается о том, что батыру-охотнику Кушлаку предлагают за сокола табун коней. Сокол просит своего хозяина:

Не отдавай меня, Кушлак-батыр,
Отдашь меня — счастье твое уйдет,
Достаток уйдет, жизнь твоя уйдет.
Не отдавай меня, Кушлак-батыр,
Не продавай меня, Кушлак-батыр
(У. Сайтов, 1960, абз. 5).

Но Кушлак отдает сокола. Он получает коней и в скором времени умирает. Хозяином несметных табунов становится его сын. Такое начало повествования, по всей вероятности, символизирует переход от охотничьей к животноводческой культуре. Таким образом, вступление сказания определило пафос всего произведения — утверждение новых форм хозяйствования, связанных с развитием у башкир-кочевников скотоводства.

Табун коней, который получает в наследство сын Кушлака, выходит со дна озера Шульген. А. Н. Киреев считает, что образ табуна чудесных лошадей, который в большинстве случаев изображается как дар «хозяина» озера, моря, может быть связан с распространенным в древнейшие времена среди башкирских племен культом коня⁵². Эпизод появления табунов из водной пучины встречается в сказках и крупных эпических памятниках многих народов. Широко распространен он и в башкирских эпических сказаниях как героического («Акбузат»), так и сказочно-романтического содержания («Заятуляк и Хыухылу»).

Эпическая картина выхода табунов из озера, в которой подробно описываются разные породы и масти лошадей, во всех башкирских сказаниях, и особенно в сказаниях о животных, является своеобразным гимном животноводческой культуре и отражает народную мечту о неиссякаемом источнике богатства и изобилия. М. В. Лоссиевский упоминает, что у башкир даже сложилась поговорка: «У меня нет лошадей из Шуллиюгана», которую обычно употребляли при неправомерных требованиях, например,

⁵² См.: А. Н. Киреев, Башкирский народный героический эпос, стр. 28, 29.

во время уплаты калыма или в торговой сделке⁵³ или для подчеркивания, что человек не обладает неиссякаемым сказочным богатством.

Вышедший из озера Кара Юрга обещает своему хозяину добыть ему невесту из соседнего кочевья⁵⁴, при условии что тот не будет обижать его и будет ухаживать за ним. Конь обращается к хозяину со словами обиды, превратившимися (как и ответ хозяина) в клише.

Кара Юрга говорит:

Конь твой зол на тебя:
И весной едешь на мне верхом,
И осенью едешь на мне верхом,
К голому колу привязываешь меня,
Пересчитываешь ребра мои
(У. Сайтов, 1960, абз. 11).

Хозяин обещает коню холить его и лелеять:

О мой Кара Юрга!
Круглые-круглые копыта твои
Подкую, иноходец мой...
Шелк волос на твоём лбу
Серебром украшу, иноходец мой...
Дугой выгнутую шею твою
Буду ласкать, иноходец мой,
Спину твою, что как постель,
Буду чистить скребком, иноходец мой,
Выпуклую грудь твою
Буду мыть, иноходец мой...
С тонким станом девушку ту
Привези же, иноходец мой!
(У. Сайтов, 1960, абз. 14, 12).

Такой стереотипный диалог между конем и его хозяином у всех сказителей во всех вариантах, по-видимому, не случаен, так как он призван акцентировать внимание на новой ситуации: конь — символ новой жизни — предъявляет свои права, и человек уступает его требованиям.

Кара Юрга привозит своему хозяину невесту. Это уже традиционная эпическая роль коня — помощника и друга героя.

Хозяин женится на девушке. «Детей и скота у них было много. Поэтому распространившийся от них народ стали называть баюлы (правильнее: „байулы“ — „байский сын“, или „разбогатевший“.— А. М.). Род баюлы⁵⁵ оттуда, говорят, берет свое начало» (У. Сайтов, 1960; абз. 22)— так заканчивается сказание.

⁵³ М. В. Лосиевский, Из суеверий и легенд..., стр. 3.

⁵⁴ Наиболее полно о добывании конем невесты для своего хозяина повествуется в варианте, записанном М. Бурангуловым в 1907 г.

⁵⁵ Род баюлы входил в состав племени бурзян. Этнически этот род связывают с казахским родом байулы Малой Орды.

Сказание «А к х а к К о л а» впервые было записано в 1907 г. М. Бурангуловым в Бузулукском уезде Самарской губернии. Это единственная дореволюционная запись. В советское время в 30-х годах (точная дата неизвестна) и в 1943 г. сказание было зафиксировано кураистом и певцом Г. Сулеймановым в Баймакском районе Башкирской АССР. Все остальные записи произведены сравнительно недавно: в 1960 г. — во время фольклорной экспедиции Уфимского института истории, языка и литературы (ныне Институт истории, языка и литературы БФ АН СССР) в Оренбургскую область (10 записей); в 1963 г. — в Оренбургской области; в 1965 г. — в г. Баймаке Башкирской АССР. Различия между текстами незначительны и сводятся в основном к расхождениям в изображении отдельных деталей. Нами публикуется вариант сказания, записанный от Г. Агишева в 1960 г. в Оренбургской области.

Содержание сказания следующее: конь по кличке Акхак Кола, обидевшись на хозяина за плохое обращение с ним, убегает и уводит с собой табун лошадей. Хозяин настигает коней и просит их вернуться. Он обещает им хороший уход. После возвращения табуна мстительный хозяин стреляет в Акхак Кола за то, что тот увел табун. Конь раненой ногой ударяет хозяина, который тут же умирает.

Все тексты, записанные в Оренбургской области, заканчиваются трагической гибелью мстительного хозяина. Вполне возможно, что такая концовка — позднейшая редакция сказителей этого района. В ранних же записях, произведенных в других областях, табун коней благополучно возвращается к своему хозяину.

Однако все тексты отражают мораль кочевого общества: человек — хозяин домашних животных — должен их беречь. В противном случае он погибнет сам.

Именно потому слова обиженного коня:

И весной на мне едешь верхом,
И осенью на мне едешь верхом,
Привязываешь к голому колу,
Ребра пересчитываешь мои,
И весной гну я хребет,
И осенью гну я хребет,
Черный пот льется с меня;
От голого кола проку нет,
На ребрах моих мяса нет
(Г. Агишев, 1960, абз. 17; Р. Телякаева, 1960, 56)

(так же как и обещание хозяина ухаживать за животным) в подавляющем большинстве вариантов приобрели характер «общего места», стали традиционной формой выражения основной мысли произведения в разных его вариантах.

Фоном для происходящих в сказании событий служит степное кочевье скотоводческого племени, жизнь которого рисуется во всех под-

робностях. Изображаются огромные табуны, дается детальное описание масти и пород коней. В табунах — и пестрый и саврасый конь, вороной, гнедой и серый, мухортый со светлым пятном на лбу, желто-серый со звездой на лбу, рыжий с мохнатой гривой, дунан* с узкими боками, ку-нан с острыми ушами, чалый с крутой холкой, кони с надрезанными ушами. Это описание является одним из тщательно разработанных «общих мест» многих башкирских эпических произведений.

С необыкновенной полнотой нарисован домашний и общественный быт степного кочевья: «пастухи пасут овец», «свекрови по книгам гадают», «невестки ходят за водой, процеживают кобылье молоко, делают кумыс», «девушки узор вышивают». В «Акхак Кола» изображается свадьба, на которой «пируют бай», егеты состязаются в скачках, а «меткие стрелки стрелы пускают» (Г. Агишев, 1960, абз. 5, 9). Подробно описываются поминки на сороковой день, когда было зарезано сорок баранов, сорок яловых кобылиц и сорок двугорбых верблюдов (Р. Телякаева, 1960, 57). Были приглашены муллы, которым подарили сорок мотков ниток (Ш. Юлуев, 1960, 94).

Все эти бытовые детали сочетаются со сказочной фантастикой и традиционными эпическими мотивами: мать Акхак Кола «происходит из породы лошадей, вышедших из озера Шульген» (Г. Агишев, 1960, абз. 1); Акхак Кола, подобно многим эпическим коням, также родился на дне озера а Шульген, а потом вместе с матерью вышел на землю; конь становится вожакom огромного табуна; Акхак Кола понимает человеческую речь и может говорить со своим хозяином.

В конце сказания Акхак Кола возвращается к своему хозяину после его обещания быть внимательным к коню и ко всему табуну. Конь вступает в свои права и занимает прочное положение в хозяйстве человека, что символизирует переход от охотничества к скотоводству. То есть та же, что и в «Кара Юрге», тема раскрывается в новых сюжетных ситуациях.

✓ «К о н г у р Б у г а» впервые стал известен по русским переводам отрывков из сказания, записанных и опубликованных в 1863 г. в «Оренбургских губернских ведомостях» (№ 32, стр. 218—219) ученым-краеведом Р. Т. Игнатъевым. С тех пор зафиксировано семь вариантов сказания, которые отличаются друг от друга лишь незначительными деталями.

В настоящее время в народе бытуют стихотворные отрывки из сказания, исполняющиеся как песни и в такой форме пользующиеся большой популярностью. Некоторые из них были опубликованы в нотной записи с текстом на башкирском языке ⁵⁶.

В данном томе публикуется одна из последних записей, произведенных от сказителя М. Мирхайдарова в Абзелиловском районе.

⁵⁶ «Башкорт халык йырлары», Өфө, 1954, стр. 98—99.

Сюжет сказания не сложен. Девушка, живущая на южных землях Урала (С. Хасанов, 1961, 49; М. Мирхайдаров, 1969, абз. 1) или, наоборот, на Северном Урале (М. Бурангулов, 13), выходит замуж за богатыря с северных земель (С. Хасанов, 1961, 49; М. Мирхайдаров, 1969, абз. 1) или живущего на побережье Каспийского моря (М. Бурангулов, 13). В приданое она получает Бурую Корову⁵⁷, которая каждый год приносит разномастных телят. От нее рождается бычок бурой масти, которого прозвали Конгур Буга. Тоскуя по родным местам, Конгур Буга вместе с телятами уходит к родному кочевью девушки. Молодая женщина отправляется на поиски животных. Найдя их в родном кочевье, она возвращается с ними на земли своего мужа.

В сказании выделяются две основные темы: прославление домашних животных, роль которых в жизни людей огромна, и воспевание красоты и богатства родных Уральских гор.

Все произведение строится на многочисленных песнях молодой женщины, которые она поет, когда идет следом за животными по Уральскому хребту. Женщина говорит о большой пользе домашних животных: «бурая корова достаток приносит», «многим домам счастье принесла корова», «надою молока, масло собью, житье мое наладится» (М. Мирхайдаров, 1969, абз. 37, 38). Порой песни приобретают характер «благопожеланий», по содержанию своему напоминая архаические заговоры, в основе которых лежали различные анимистические представления и вера народа в чудеса⁵⁸. В них испрашивалось благополучие и довольство дому, здоровью и приплоду скоту. В сказании с таким благопожеланием к стаду девушки обращается глава рода:

Счастья и достатка знак привяжем
Теленочку на шею;
На барана, чьи рога, как улитка,
Узелок приплода повесим;
Овце твоей двурогой
Нескончаемого рода желаем;
У коз и козлов твоих
Пусть много будет шерсти и пуха,
Пусть они расплодятся, размножатся,
Заполнят долины и горные теснины.
Пусть ребра твоих баранов
Покроются хрустящим жиром,
Пусть беды их обходят
И не лежат они покалеченными;
Живи ты в сытости, в достатке!
Пусть скот твой добро и счастье приносит!
(М. Мирхайдаров, 1969, абз. 40).

⁵⁷ Бурая корова считается у башкир самой хорошей породой.

⁵⁸ См.: М. Богданова, Киргизская литература, М., 1947, стр. 22—23.

Значительное место в песнях молодой женщины занимает воспевание благ родной земли. В них рассказывается о том, что природа Урала красива и величественна, что Урал — родной край для многих мужественных богатырей, которые в любую минуту встанут на защиту своей земли, хранящей до сих пор славу подвигов Урал-батыра. На родном Урале человек всегда найдет и еду (птиц, животных, рыб, ягоды, съедобные корни), и чистую родниковую воду, и целебные травы. Таким образом, эта часть сказания звучит как своеобразный гимн Уральским горам.

Привлекает внимание композиция песен женщины, в которых размеренный рассказ об Уральских горах, о значении животных в кочевом хозяйстве периодически прерывается призывными звуками, обращенными к Конгур Буге и телятам:

Конгур Буга мой, хау-хау-хау,
Бурый мой, хау-хау-хау.
Телята мои, зап-зап-зау...
Зап-зап-зап-зау!
Хау-хау-хау,
Хау-хау-хау, (М. Мирхайдаров, 1969,
абз. 4, 17, 23, 24, 28).

С одной стороны, призывные звуки в повторяющихся обращениях сохраняют функцию гона разбредшегося скота, как и в быту. С другой стороны, завершение призывными звуками конечных строк песни или целых тирад придает песням отдаленное сходство с заклинаниями, с которыми в древности обычно обращались к мифическим покровителям стада, конских табунов, овечьих загонов. Не исключена возможность, что первоначально Бурый Бык и Бурая Корова играли в эпосе роль мифических покровителей стада. Однако в сохранившихся в настоящее время варианте Конгур Буга, «завещанный для приплода», и Бурая Корова не осмысливаются в таком плане; скорее Конгур Буга олицетворяет собой достаток дома, рост поголовья.

С именем Конгур Буги в сказании связывают появление названия дороги, пролегающей по Уральскому хребту: «Дорогу, по которой с севера на юг пересек башкирские земли сбежавший [ее] скот, завещанный для размножения породы, стали называть дорогой Конгур Буги» (М. Мирхайдаров, 1969, абз. 46; ОГВ, 1865, № 32). В одном из вариантов сообщается, что дорога, проложенная по хребту Урала Конгур Бугой, использовалась башкирами как военная дорога для передвижения войск (Г. Каскинов, 1960, 134).

* * *

Публикуемые в томе башкирские народные сказания, хотя и относятся к разным эпическим жанрам, объединены общностью традиционных

тем и способом их художественного воплощения. Это проявляется, как мы видели, в сходной разработке общих мотивов и сюжетов и в изображении главных героев и их врагов.

Характерной особенностью сказаний «Урал-батыр», «Акбузат», «Заятуляк и Хыухылу» является стремление объяснить возникновение Уральских гор, рек и озер Урала, заселение края зверями, птицами, людьми. Все это непосредственно связывается с подвигами героев-батыров, которые отвоёвывали у воды и огня землю, прорубили в горах русла чистых рек, сделали Урал богатым и красивым.

В эпосе об Урал-батыре, самом популярном народном герое, наметилась тенденция к генеалогической циклизации. В прошлом, по-видимому, существовал единый цикл вокруг имени Урала, о чем свидетельствует дошедшее до нас сказание «Акбузат», повествующее о богатыре Хаубане — правнучке Урала. Очевидцы вспоминают о том, что М. Бурангуловым от сэсэн Габита было записано сказание «Идель и Яик», посвященное подвигам сыновей богатыря Урала. Однако запись эта еще не найдена. Не исключена возможность, что заключительная часть «Урал-батыра», рассказывающая о сыновьях Урала — Яике, Иделе, Нугуше и Сакмаре, является отрывком из самостоятельного сказания «Идель и Яик», попавшим в сказание «Урал-батыр» в результате контаминации сюжетов.

Цикл об Урале, его сыновьях и правнуках объединяет сказания не только героической, но и сказочно-романтической тематики. Так, в «Акбузате» богатырская героика уже не занимает главенствующего места, она оттеснена на второй план сказочной фантастикой и романтикой приключений. По-видимому, разрастание эпического цикла шло не только по пути создания новых произведений героического характера, но и по пути изменения их жанровой природы, усиления в них романтического и сказочного начал. Все это свидетельствует об интенсивности процесса эпического творчества башкирского народа, создавшего самобытные образцы эпических сказаний, разнообразных по жанру и содержанию.

* * *

Башкирские народные сказания «Урал-батыр», «Акбузат», «Заятуляк и Хыухылу», «Кара Юрга», «Акхак Кола», «Конгур Буга» в научном переводе на русском языке публикуются впервые.

Переводчики, руководствуясь принципами научно-литературного перевода памятников народного поэтического творчества⁵⁹, главное внимание уделяли максимально точной (но не буквальной) передаче содержания подлинников.

⁵⁹ См.: «Об основных принципах собирания и научной публикации эпоса народов СССР. Тезисы», М., 1958, стр. 8.

Во всех сказаниях (кроме «Урал-батыра», в котором текст полностью стихотворный) сохранено деление на стихи и прозу, что характерно для традиционной формы многих эпических произведений тюркских народов. При переводе стихотворных частей не было возможности сохранить размер и рифму, так как это неизбежно привело бы к отступлению от содержания оригинала. В основном сохранено строфическое деление без перестановки строк внутри строфы, что несколько отяжело стиль перевода. Однако такой принцип позволил точнее передать внутреннее строение поэтического текста и смысловое наполнение каждой строфы.

Поскольку традиционная образность башкирской народной поэзии весьма специфична и для нее в русском языке не всегда возможно найти эквивалент, переводчики в ряде случаев допускали известную дословность в переводе. Так, почти дословно передано большинство поэтических тропов и фигур. Для идиоматических выражений по возможности найдены смысловые параллели.

Разумеется, при переводе не всегда удавалось сохранить синтаксические и морфологические особенности подлинника. В прозаических и стихотворных частях сложные предложения с причастными и деепричастными оборотами разбиваются на несколько простых, а причастия и деепричастия заменяются глагольными формами. Иногда невозможно было полностью сохранить в глаголах время, вид и наклонение.

Отдельные слова, имена, географические названия, отражающие специфику жизни и устно-поэтического творчества башкирского народа, при первом упоминании отмечены звездочкой и объясняются в «Словаре».

ТЕКСТЫ

УРАЛ БАТЫР

- 1 Борон-борон борондан,
Кеше-мазар килмэгән,
Килеп аяк баҫмаған,
Ул тирәлә коро ер
Барлығын һис кем белмэгән,
Дүрт яғын диңгез ураткан
Булған, ти, бер урын.
Унда булған, ти, борон
Йәнбирҙе тигән карт менән
- 10 Йәнбикә тигән бер карсыҡ,
Кайҙа барһа, уларға
Ул урында юл асыҡ.
Был карт менән был карсыҡ
Кайҙан бында килеүен,
Ата-әсә, ер-һыуы
Кайҙа тороп калыуын
Үззәре лә оноткан, ти;
Икәүзән-икәү шул ерҙә
Башлап ғүмер иткән, ти.
- 20 Тора-бара ул икәү
Ике уллы булып киткән, ти,—
Шүлгән булған олоһо,
Урал булған кесеһе;
Бүтән кеше күрмәйсә,
Тик йәшәгән дүртеһе.
Донъя-мазар йыймаған,
Кашык-аяк тотмаған,
Казан ашып, камыр баҫып,
Улар донъя көтмөгән.
- 30 Ауырыу-һызлау күрмөгән,
Үлем барын белмөгән,

- Барлык нәмәгә үлем —
 Үзебез, тип һанаған.
 Һунарза ат менмәгән,
 Кулға һазақ тотмаған;
 Менәренә — арысланды,
 Балығына — суртанды,
 Кошка сөйгән шоңкарзы,
 Кан һурырға һөлөктә
- 40 Үз иштәре яһаған.
 Бик борондан булғанмы,
 Йәнбирзе үзе кылғанмы,
 Бара-тора шул ерзә
 Йола булып киткәнме, —
 Йырткыс йәнлек тоттонийә,
 Йәнлек иркәк булдыниһә,
 Ирле-бисәле икәүһе
 Башын сәйнәп ашаған,
 Шүлгән менән Уралға,
- 50 Эте менән арысланға,
 Шоңкар менән суртанға
 Бүтән һанын ташлаған;
 Йырткыс йәнлекте тотһа,
 Йәнлек орғасы буһа,
 Ирле-бисә икәүһе
 Йөрөгене һайлаған.
 Үлән емшәр йән тотһа,
 Кара һөлөк қазаған,
 Һөлөгөнән һурзырып,
- 60 Канды һыуһын яһаған.
 Бала үсеп еткәнсе,
 Үзе йәнлек тоткансы,
 Баш-йөрәкте ашаузан,
 Һыуһынға кан эсеүзән
 Уландарын тыйғандар,
 Һис ярамай, тигәндәр.
 Ай үсәһен көн үсеп,
 Балалары иҫ белеп,
 Шүлгәнәнә ун ике,
- 70 Уралына ун тулып,
 Береһе, арыслан менәм, тип,
 Береһе, шоңкар сөйәм, тип,
 Мазаһына тейгән һуң,
 Ике улына Йәнбирзе

- Төшөндөрөп биргән, ти:
«Икегез зә — баламһыз,
Күзебеззең карамһыз,
Тешәр сағығыз үтмәгән,
Быуынығыз катмаған;
- 80 Кулға сукмар тоторға,
Кошка шонқар сөйөргә,
Әле арыслан менергә
Мизгелегез етмәгән.
Мин ни бирһәм, ашағыз,
Мин кушканды эшләгез:
Күнегергә һыбайға —
Ана, болан менегез,
Сыйырсыктың тубына
Яғылбайзы сөйөгөз;
- 90 Һыуһаһағыз уйында,
Ана, ак һыу эсегез,
Кабырсакка тултырған
Кандан ауыз тартығыз», —
Тип быларға тағы ла
Йола өйрәтеп куйған, ти.
Кан эсеүзән балаларын
Тағы бер кат тыйған, ти.
Берзән-бер көн еткәндә,
Карт менән карсык икәу
- 100 Ау ауларға киткәндә,
Шүлгән, Урал икәүләп
Торлакта аулак калғанда
Аталары киткән һуң,
Байтак вақыт үткән һуң,
Ике бала һөйләшәп,
Ашаузан һүз аскан да, —
Шүлгән уйлап торған да,
Кан эсеүзән атаһы
Нык тыйғанын белһә лә,
- 110 «Эсә күрмәң», — тиһә лә,
Шүлгән, Уралды димләп,
Ошоллай тип әйткән, ти:
«Йәнде кыйып һунарлау
Комарлы эш булмаһа,
Һыуһаһанда кан эсеү
Тәмле нәмә булмаһа,
Атамдар йоко калдырып,

- Көн дә икәү кангырып,
Аяк-кулын талдырып,
- 120 Беззе өйзә калдырып,
Йөрәмәс ине һунар, тип,
Урал, әйзә, булмаһа,
Кабырсакты асайык,
Һәр беренән аз-азлап,
Берәр тамсы эсәйек,—
Кандың тәмен беләйек».
Урал: «Атам һүзен тотамын,
Мин ул канды йотمامын.
Егет булып үсмәйенсә,
- 130 Төп йоланы белмәйенсә,
Ил гизеп бер йөрәмәйенсә,
Ысынлап та донъяла
Үлем юғын күрмәйенсә,
Сукмар алып кулыма,
Һис бер йәнде һукمامын,
Һөлөк һурған канды мин
Кабырсактан йотمامын».
Шүлгән: «Кешене еңер Үлемдең
Бында килеп сыкмаһын,
- 140 Беззе килеп тапмаһын
Атам һөйләп бирзе бит;
„Бары йәнгә без — үлем“,—
Тип тағы ла әйтте бит!
Инде низән өркәһен,
Кан эсеүзән куркаһың?
Урал: «Тилберлектә, тизлектә,
Көслөлөктә, зурлыкта,
Түземлектә, һаклыкта,
Һизгерлектә — көндөззә,
- 150 Төндә йоклап ятканда —
Арыслан, болан, капланы,
Айыуы, тағы бүтәне —
Улар беззән кәмме ни?
Ташка һуғылып тояғы,
Үлән төртөлөп аяғы
Һис бер сакта акһамай;
Йәйге эселә өс һалмай,
Ырашкыла тун кеймәй;
Берәй йәнгә укталһа,

- 160 Бер зә сукмар йөкмәмәй;
 Кошка шоңкар сөйөргә,
 Суртан арбап балыкка,
 Эт һөсләтеп йәнлеккә,
 Шоңкар, эткә, арысланға,
 Өмөт бәйләп суртанға,
 Гунарында интекмәй;
 Теш-тырнағы — коралы,
 Үз кулында теләге,
 Бер зә талмай беләге,
- 170 Нис аҙамай йөрәге,
 Йәшәп килгән капланы,
 Юлбарысы, арысланы
 Шулай батыр булһа ла,
 Барының котон алһа ла,
 Аяғын бәйләп алған һуң,
 Муйынына бысак һалған һуң,
 Ике күзе йәшләнәп,
 Йөрәге һуға түгелме?
 Атам безгә һөйләгән,
 180 Без әле нис күрмәгән,
 Безҙең ерҙә булмаған,
 „Яуыз үлем“ — кеше, тип,
 Уйламайҙар, тиһеңме?
 Сабағына — суртаны,
 Йомранына — көзәнә,
 Куянына — төлкөһө,—
 Барыһын тәзеп уйлаһаң:
 Көшөзөнә — көслөһө
 Үлем була түгелме?
- 190 Үлемдән курқып ялдымға
 Сумып яткан балыктың,
 Каяла сыр-сыр килешеп
 Өркөп оскан кош-корттоң
 Тотоп, башын сәйнәгән,
 Йөрәген ярып ашаған;
 Көшөз һанап барыһын,
 Аулап, комарын аскан,
 Ямандарзың яманы,
 Шул йоланы табыусы,
- 200 Ерҙә үлем сәсеүсә —
 Ошо тирәлә без дүртәү
 Булабыз һуң түгелме?

- „Үлемдең иң яуызы,
 Булған йәнде кыйыусы“, —
 Тип, барыһы уйлашып,
 Беззе Үлем һанашып;
 Сукмар итеп тырнағын,
 Шоңкар итеп йөрәген,
 Бөтәһе бергә тупланып,
 210 Бергә килеп укталып,
 Беззең өскә ташланһа, —
 Атайым безгә һөйләгән,
 Без әле һис күрмәгән
 Үлем шунда беззең дә
 Күз алдында баһмаһмы?» —
 Тигән һүззе ишеткәс,
 Шүлгән бер аз уйлаған,
 Шулай за ул үз һүзен
 Уға карап куймаған, —
 220 Кабырсақтан аз-азлап
 Канды һемереп эскән, ти,
 Атаһына әйтмәһкә
 Уралдан һүз алған, ти.
 Күп йән тотоп һунарзан
 Ата-әсәһе кайтқан, ти.
 Йола буйынса, күмәкләп,
 Табын короп дүртәүләп,
 Бары йәнде ботарлап,
 Былар ашка ултырған.
 230 Ашағанда уйланып,
 Урал былай тигән, ти:
 «Атай, бына был йәнде —
 Касып һинән, боһна ла,
 Йән аямай касһа ла,
 һис коткармай тотқанһын,
 Муйынына бысақ һалғанһың;
 Беззе шулай берәй йән
 Килеп эзләп тапмаһмы,
 Безгә лә бысақ һалмаһмы?»
 240 Йәнбирзе: «Көнө бөтөр һәр йәнгә
 Без үлеме булабыз;
 Кайза ғына касһа ла,
 Кая, шырға боһна ла,
 Без уларзы табабыз,
 Боғазына бысақ һалабыз.

- Кешене тотоп ашарлык,
 Уға бысак халырлык
 Бында бер йән тыумаған,
 Беззе тотоп хуйырлык
 250 Үлем бында булмаған.
 Борон без тыуған ерзә,
 Атайзар торған ерзә
 Үлем була торғайны;
 Бик күбеһе йәштән үк
 Ятып үлә торғайны.
 Унда дейеү килгән һуң,
 Күп кешене үлтереп,
 Дейеү ашап киткән һуң;
 Ерзең өстөн һыу каплап,
 260 Коро ере бөткән һуң;
 Каскан-боҫқан кешеләр
 Ул тирәнән киткән һуң,
 Үлемгә иш калманы,
 Эшләргә эш булманы.
 Каскан кеше барзыр, тип,
 Күрәһең, уйлап торманы:
 Әсәң менән без касып
 Киткәнде ул күрмәне.
 Бында кеше булмаған,
 270 Берәү аяк баҫмаған,
 Шуға Үлем был ерзе
 Килеп эзләп тапмаған.
 Без килгәндә, бында әле
 Йәнлектәр зә аз ине,
 Ере лә юнле кипмәгән,
 Вак-вак күллек, һаз ине».
 Урал: «Атай, Үлемде эзләһән,
 Уны табып буламы?
 Тап килтереп тоткан һуң
 280 Башына етеп буламы?»
 Йәнбирзе: «Үлем тигән яуыз ул,
 Күзгә һис тә күренмәй,
 Килгәне һис беленмәй
 Йәшәй торған януар ул.
 Уға тик бер сара бар:
 Дейеү батша ерендә,
 Әйтәләр, бер шишмә бар,
 Шунан һыу эсһә кеше,

Үнс тә үлмәй йәшәй, ти,
290 Үлемгә бирешмәй, ти»,—

тип, Үлем тураһында һөйләгән дә, ашап бөткәс, кабырсактарҙы килтереп, кан эсергә булған. Йәнбирҙе карт, кабырсактарҙың бүскәргәнән күрөп, уландарынан канды кем эскәнән кышып һорай башлаган. Шүлгән, берәү зә эсмәне, тип алдаған. Йәнбирҙе карт, һуйыл таяк алып, балаларын алмаш-тилмәш һыптырырға тотонған. Урал шунда ла, ағаһын кызғанып әйтмәй серәшһә лә, Шүлгән түзмәгән, үз гәйебен һөйләп биргән. Йәнбирҙе карт тағы ла өстәп һуккылай башлагас, Урал атаһының кулынан тоткан да, былай тигән, ти:

«Атакайым, уйласы,
Кулындағы һуйылға
Күз югертеп карасы:
Был һуйыл да йәш булған;
Кабығынан әрселгән,
Осо-башы йәнселгән,
Бөкһән, шартлап һынырҙай
Кыу таякка әүерелгән.
Үнн киҫмәҫтән боронда,
300 Үскәнәндә урманда,
Еләҫ елдә ялбырҙап,
Япрактары елберҙәп
Торған ағас булғандыр;
Бал корттары, коштары
Алмаш-тилмәш кунғандыр;
Коштар кунып һайраған,
Оя короп йәшәгән —
Ботактарын һайлаған
Асыл ағас булғандыр;
310 Имсәк имгән балалай,
Тамырҙарын тарбайтып,
Ер дымыны имгәндер.
Тамырынан актарғас,
Ботағыны ботағас,—
Балғаң булған ташындай,
Кошка сөйөр шоңкарҙай,
Балык тотор суртандай,
Кан һурыусы һөлөктәй,
Йәнлек аулар көсөктәй,—
320 Һуккың булған түгелме?
Маңлай тирең һыпырып,

- Күп йыл гүмер уззырып,
 Ер өстөндө тапмаган,
 Төсөн күрөп белмәгән,
 Йөрәгөң һис татмаган
 Үлем тигән яуыздың,—
 Тағы һукһаң баланды,
 Үз торлағың эсендә,
 Балаларың өстөндә,—
- 330 Көсһөззәргә көслөнән,
 Балаларға атанан
 Килгәнәне күрәргә
 Әзәрләндең түгелме?
 Бөгөн ағамды үлтерһән,
 Иртән мине үлтерһән,
 Яңғыз тороп калған һуң,
 Картлык баһып алған һуң,
 Бөкөрәйеп, татарғап,
 Арысланыңа менә алмай,
- 340 Һунарыңа сыға алмай,
 Шоңкарыңды сөйә алмай,
 Уларға ем бирә алмай;
 Арысланың да, көсөк тә,
 Шоңкарың да, һөлөк тә,—
 Барыһы аска тилмереп,
 Күзенә кан һаузырып,
 Ас зарыккан арысланың,
 Бәйзә тороп ужарып,
 Асыуынан укталып,
- 350 Билең бөгөп, үзеңде
 Ботоң-ботса ботарлап
 Бырағытһа бер сакта,
 Үлем тигән яуызды
 Каршыларға торлакта,
 Атай, тура килмәһме?» —

тигән һүзен ишеткәс, Йәнбирзә карт Шүлгәнде тукмаузан туктаған.
 «Үлемдең күзгә күрәнмәй килеүе лә бар; шул Үлем килгәндер, мине шул
 которталыр; шулай за Үлемде берәйһе күрмәй булмаһ, йәнлек, кош-корт-
 то йыйзырып һорашырға кәрәк», тип уйлаған да, шуларзы сакырған, ти.

Урал, йыйылған йәнлеккә, кош-кортка карап, былай тигән, ти:

«Үлем тигән яуыздың
 Төрөн һанап беләйек,

- Көслө көсчөззө ейгән
Йоланы без өзэйек.
- 360 Арабыззан, ханаһак,
Һәр нөгәрзе караһак:
Кан да эсмәй, ит еймәй,
Берәүзең йәшен коймай,—
Кайныһы тамыр ашап,
Кайныһы үлән емшәп
Һаман гүмер иткәнен,
Йырткыстарға ем өсөн
Балаһын үрсеткәнен
Барығыз за беләлер.
- 370 Уларға Үлем ят түгел,
Кан һурған, ит ейгән —
Береһе лә дуҫ түгел.
Йырткыслыкты бөтөрәйек,
Яңғыз калған Үлемде
Бергә эзләп үлтерәйек!» —
Тигән һүзгә йырткыстар,
Уларға кушылып Шүлгән дә,—
Барыһы каршы килгән, ти,
Төрлө һүззәр булған, ти.
- 380 Козғон: «Мин Үлемде табыузан
Бер зә куркып тормайым,
Әммә тотоп биреүгә
Һис касан да күнмәйем.
Карт булһам да, был эштән
Мин бер үзем баш тартам,
Тағы өстәп шуны әйтәм:
Көсө еткән көсчөзгә
Һис һунарлык кылмаһа;
Әсәнән тыуған берәү зә
- 390 Был донъяла үлмәһә;
Ер уттары, ағастар
Заңына буйһонмаһа;
Үз мизгеле еткәндә,
Көзгө кырау төшкәндә,
Йәшеллек һис бөтмәһә,—
Унан безгә ни файза?
Куян һымак, һәр йәнлек
Йылға ике-өс түлләһә;
Төндә йөрөп, йәшелден

- 400 Барыһын да утлаһа;
Бүтән йәндәр қаңғырып,
Ашарына тапмаһа;
Өйөр-өйөр туп булып,
Каз, өйрәге, аккошо,
Шыбыр-шыбыр койоноп,
Һыу өстөнә капланһа;
Ғүмерем бушка уза, тип,
Ярым бушка туза, тип,
Һис бер йылға акмаһа;
- 410 Ерзә шундай йола, тип:
Койонорзар, эсерзәр —
Безгә тынғы бирмәстәр,—
Тип, шишмәләр сыкмаһа,
Ерзәге һыу тонсоһа,—
Шул сакта без нишләрбез?
Емде кайзан эзләрбез,
Һыузы кайзан эсербез?
Башым һалып, яу асып,
Күп сағында талпынып,
- 420 Аслык, тарлык күрһәм дә,
Күп зарығып йөрөһәм дә,
Мин кан эсмәй, ит еймәй,
Үләкһәнең күз майын
Өс көндә бер сокомай,
Һис донъяла тора алмам,—
Үлемде эзләп табырға
Мин һүземде бирә алмам».
Һайысқан: «Үлемдән куркыр йән булһа,
Котолорға юл эзләр,
- 430 Түл йәйергә уйлаһа,
Илде гизеп яй эзләр».
Һайысқан әйткән һүззәрзе
Юлбарыс та, каплан да,
Бүре, бурһык, арыслан да,
Типкес-өзгөс коштар за,
Карпыр балык — суртан да,—
Бөтә йырткыс хуп күргән.
Үлән емшәр хайуандар,
Торна, өйрәк, кыр каззар,
- 440 Туғазақ менән сел, корзар
Бала сыгарып, түл йәйеп,
Балалары кош булып,

- Үз алдына оскансы,
 Йэй мизгеле узғансы,
 Шыр урманлык эзлэргә,
 Байманлыкта түллэргә,—
 Тип барыны уйлаган.
 Коралайы, боланы,
 Кызыл сикә куяны,
 450 Аягына маһайып,
 Бер ауыз һүз әйтмәгән.
 Турғай, майсыл, сыйырсык,
 Сәүкә, карға, буз сәпсек,
 Мыр-мазарзы ашағас,
 һүз әйтергә оялған.
 Кәкүк тағы: «Оям юк,
 Балам тигән кайғым юк;
 Бала — бауырым, тигәндәр,
 Бала өсөн көйгәндәр
 460 Ни теләһә,— миңә шул»,—
 Тип, уртаға һалған, ти.
 Барыны төрлөсә һөйләп,
 Төрлөһө төрлө уйлап,
 Нис берлеккә килмәйенсә,
 Кырка бер уй әйтмәйенсә,
 Таркалышта калған, ти.
 Карт бынан һуң һискәнгән,
 Яңғыз ауға сығырға
 Бынан ары шикләнгән.
 470 Берзән-бер көн дүртәүләп,
 Былар ауға киткән, ти,
 Күп ерзәрзе үткән, ти;
 Күп йән алып, шатланып,
 Аузан былар кайтқан, ти.
 Аулап алған коштарзың
 Араһында бер аккош,
 Аяктарын бәйләгәс,
 Башын кыркып ташларға
 Бабай бысак кайрағас,
 480 Канлы йәшен түккән, ти,
 Үз зарыны әйткән, ти:
 «Ил күрергә сыктым мин,
 Ер кошонан түгелмен,—
 Йәшәй торған илем бар,

- Илһез етем түгелмен.
 Ерзә һис кем тыумастан,
 Берәү аяк баһмастан,
 Куш булырға йәр эзләп,
 Ерзә һис кем тапмағас,
- 490 Бүтән йәндән һайларға
 Берәүһен тиң күрмәгәс,—
 Күккә осоп йәр эзләп,
 Айзы, Кояшты күзләп,
 Үзенә йәр һайлаған,
 Икәһен дә арбаған,
 Бар коштарға баш булған,
 Самрау атлы атам бар.
 Икә балаһы булған,
 Балаһы ла, үзе лә
- 500 Һис ауырыу күрмәгән,
 Һис берәүһе үлмәгән.
 Әле лә батша атайым,
 Ебәрегеҙ һез мине,
 Үз илемә кайтайым.
 Мине бүләп ашап та,
 Сәйнәп мине йотоп та
 Барыбер аш булмамын,
 Һис аш булып һеңмәмен;
 Йәншишмәнән һыу алып,
- 510 Әсәм тәнем йыузырған.
 Үз нурына һуҫарған
 Барығызға билдәле
 Кояш тигән әсәм бар.
 Ебәрегеҙ һез мине,
 Атам барыбер табыр ул,
 Килеп яулап алыр ул.
 Самрау тигән батшаның
 Һомай тигән кызымын;
 Алтын сәсем таркаһам,
- 520 Нурға илде күмәмен:
 Көндөз ергә нур һибәм,
 Кисен айға нур бирәм;
 Ебәрегеҙ һез мине,
 Илемә мин кайтайым;
 Йәншишмәнәң һыу юлын
 Һезгә әйтеп китәйем»,—

тигән һүзә ишеткәс, Йәнбирзә карт менән Йәнбикә карсык улдарына кәңәш иткәндәр. Шүлгән һомай кошто ашау яғында, Урал коткарыу яғында булып, ызғыш киткән. Урал кошто Шүлгәнгә бирмәй гартып алған да ситкәрәк илтәп куйған. «Кайғырма, хәзәр тамакланам да үзәңдә ата-әсәңә илтәп тапшырам!»— тип аталары янына киләп ултырган. Былар ашарға ултырғас, кош һау канатын һелеккән,— өс кауырһыны төшкән; шуларзы һынған канатынан сыккан канға буйап, ергә ташлаган икән,— өс аккош киләп, кыззы күтәрәп алып киткән. Йәнбирзә карттар Йәншишмәнең юлын һораша алмай калыузарына үкәнгән.

Карт шунда ук Шүлгән менән Уралға, коштар карап оскан якка табан күз язмай китергә, арттарынан күзәтеп барып, Йәншишмәнең урынын табырға, әгәр юлда Үлем осраһа, башын кыркып алып кайтырға кушкан. Ике улын ике арысланға мөндәрәп озатқан, ти.

- Урал, Шүлгән икәүләп,
Көн-төнөн, ай-йыл һанап,
Тау артылып, һыу кисәп,
530 Кара урмандар үтәп,
Һаман алға киткән, ти;
Бара торғас, бер заман
Бер йылғаның ситәңдә,
Бер зур ағас төбөңдә,
Зур таяғы кулында
Ак һакаллы бер картка
Былар барып еткән, ти,
Барып сәләм биргән, ти.
Карт та каршы алған, ти,
540 Юл башыны быларзың
Карт һорашып белгән, ти.
Үз уйзарын былар за
Картка һөйләп биргән, ти.
Карт уйланып торған да,
Һакалыны һыпырып,
Быларға күз йөрөтөп,
Ике юлды күрһәтеп,
Былай тиәп әйткән, ти:
«Бына һезгә ике юл:
550 Һулға китһәң, юл буйы —
Уйын-көлкө төн буйы,
Кайғы-әтлек күрмәйенсә,
Барлығын да белмәйенсә,
Рәхәт йәшәй байманда;
Бүрә, һарык яланда,

- Төлкө, тауык урманда
 Бергә йәшәп, дуҫ булып,
 Самрау кошка баш әйеп,
 Кан да эсмәй, ит еймәй,
 560 Һис Үлемгә юл куймай
 Йәшәп килгән бер ил бар;
 Якшылыкка якшылык
 Кыла торған йола бар.
 Уңға китһәң, юл буйы —
 Илау-һыктау йыл буйы;
 Яуызлыкта дан алған,
 Батшаһынан, башкаһынан
 Кайғы, этлек күреүсе,
 Канлы йәшен түгеүсе
 570 Катил батша иле бар;
 Тау-тау кеше һөйәге,
 Канға баткан ере бар».
- Карттан быны ишеткәс,
 Юлдар серене белешкәс,
 Урал, Шүлгән икәүһе
 Шунан шыбаға тотошкан,
 Юл бүлергә уйлашкан,
 Үз араһы һөйләшкән:
 Һулға китеү — Уралға,
 580 Уңға китеү — Шүлгәнгә
 Шыбағалы юл булған.
 Шүлгән быға күнмәгән:
 Мин узаман әле, — тип,
 Мин барамын һулға, — тип,
 Үзенә һулды һайлаған,
 Үз тигәнсә даулаған:
 Урал күнгән уң якка,
 Шүлгән киткән һул якка.
 Урал уңға киткән һуң,
 590 Озон юлға төшкән һуң,
 Күп һыузарзы кискән, ти,
 Күп таузарзы ашкан, ти;
 Бара торғас, бер таузың
 Итәгенә еткән, ти.
 Бүре талап, өзгөләп,
 Һырзай канға тузғандай —
 Телгеләнгән аркаһы,
 Айырылған елкәһе;

- Сүплек типкән тауыктай,
 600 Кул-аяғы ярылған;
 Тамыр ашап, ер казып,
 Ауыз-бите карайған;
 Кырау һуккан үлэндәй,
 Йөзө-төсө һарғайған;
 Сутлап юнған ағастай,
 Балтыр ите һулыған;
 Бире уңалған ағастай,
 Елек башы сурайған
 Бер карсыкка һырышкан;
 610 Көнгә янған тәндәрен,
 Шырт каплаған сәстәрен,
 һуплап юнған ағастай,
 Балтыр ите, беләген,
 Ауза туйған кыйғырзай,
 Кәпәйеп торған күкрәген,
 Куға аша йылмылдап
 Торған күлдәй күззәрен,
 Бал кортондай ыктымат
 Нескә һылыу билдәрен,—
 620 Оялыпмы, куркыпмы,—
 Карсыкка һырышып маташкан
 Бер һылыу кызыкайға
 Урал барып тап булған.
 Урал якын барған, ти,
 «Куркмағыз, тип әйткән,— ти —
 Мин киләмен йырактан,
 Үзем тыуған торлактан,
 Бала инем киткәндә,
 Күп илдәрзе үткәндә;
 630 Мин кешегә теймәймен,
 Уның канын коймаймын;
 Үлем тигән яуызды
 Үлтерергә уйлаймын;
 Әйзә, якын килегез,
 Ил хәлдәрен һөйләгез»,—
 Тигәс, былар йылмайған,
 Урынынан кузғалған.
 Тузған сәстәрен әбей
 Колағына кыстырып,
 640 Урынынан кузғалып,
 Бер аз күзен зурайтып,

- Азырак буйын турайтып,
 Былай тиеп әйткән, ти:
 «Йырак илдән икәнһең,
 Изге уйза килгәнһең;
 Ай егетем, белһең һин,
 Беззең илдә булһаң һин,
 Катил батша эшләгән
 Эштәрене күрһең һин;
 650 Ауырыу-һызлау күрмәйенсә,
 Үлем башка килмәйенсә,
 Катын-кыззы, ир-атты,
 Айырмастан йәш-картты,
 Кул-аяғын бәйләтеп,
 Арыузарын һайлатып,
 Йыл да бер кат йыйзыра,
 Һарайына алдыра;
 Кызы һайлай егетен,
 Үзе һайлай кыз-кыркын,
 660 Калғандарын тағы ла
 Ярандары карайзар,
 Үззәренә һайлайзар;
 Бүтәндәрен аямай,
 Канлы йәшкә карамай,
 Тереләтә, һау көйгә
 Кызын күлгә һалдыра,
 Ирен утка яндыра;
 Атаһы өсөн, үзе өсөн,
 Ярандары даны өсөн,
 670 Үзе тыуған көнө өсөн,
 Йыл да бер кат тәңре өсөн
 Канлы корбан уззыра.
 Бына мин дә ун бала
 Күргән әсә донъяла.
 Дүртеһен һайлап алдылар,
 Бишеһен һыуға һалдылар.
 Картым, йөрәге һызлагас,
 Туғыз бала юғалғас,
 Карап тороп түзмәне,
 680 Нишләрене һизмәне:
 Йән асыузан укталып,
 Балаларын кызғанып,
 Бер яранға ынтылды,—
 Бахыркайым шул көндә,—

- Күз алдында үкһетеп,
 Терелэй ергә күмелде.
 Кинйә балам калғайны,
 Бер яраны килгәйне,
 Алам үзен,— тигәйне;
 690 Бала бауыр булғанға,
 Алып кастым урманға.
 Миндәй балалы эсә,
 Каскан ир-ат күп бында,
 Барыһы ла кан илап,
 Йөрөй касып урманда.
 Егет, изге икәнһен,
 Якшы уйға килгәнһен,
 Ары барма, кайт кире,
 Канлы ергә килгәнһен,
 700 Яуыз илгә килгәнһен».
 «Һыузар кисеп, тау ашып,
 Күп йыл буйы килгәнмен,
 Күп юлдарзы узғанмын;
 Күз йәшергән Үлемде
 Эзләп бында, тапмаһам,
 Башын сабып өзмәһәм,
 Әйткәнәмә етмәһәм,
 Уны ерзән йыймаһам,
 Урал булып йөрәмәмен!» —
 710 Тигән һүзен әйткәндә,
 «Һау булығыз»,— тигән дә,
 Арысланына менгән дә
 Катил батша йортонан
 Урал карап киткән, ти;
 Бер нисә көн үткән ти,
 Шундай ергә еткән ти:
 Бер эсәнән тыуғандай,
 Бер төс кейем кейгәндәй,
 Барыһы ла шәп-шәрә
 720 Төркөм халык йыйылған,
 Аллы-артлы тезелгән,
 Ирзәр, кыззар айырылып,
 Урам-урам куйылған.
 Ярандары төрткөләп,
 Тигезһезен тигезләп,
 Камсылап та һужкылап
 Йөрөһә лә, һүз әйтмәй,

- Тел дә кыбырзата алмай
 Торған халыкка барған,
 730 Майзанға был күз һалған.
 Был төркөмдән ситтәрәк,
 Ун биш азым кырзарак,
 Күзен-башын шәмәртеп,
 Йөрәктәрен һыжтатып;
 Балалары курқышып,
 Ымлап кына һөйләшәп,
 Кайғырышып, илашып
 Торған ата-әсәләр
 Янына барып туктаған,
 740 Хәл-әхүәлен һораған,
 Үз теләген һөйләгән.
 Урал һүзен барыһы
 Йотоношоп тыңлаған,
 Араһынан бер карты
 Ошоләй тип һөйләгән:
 «Егет, һинең төҫ-башың,
 Аптырашылы карашың,
 Арыҫлан менеп килешен
 Сит булырзай күренә.
 750 Беззәң илдә батша бар,
 Яранынан түрә бар;
 Бына был халык әсендә
 Төрлә ырыузан кеше бар.
 Һәр йыл батша тыуған көн
 Ата-әсәһе хакы өсөн,
 Батша тыуғас, һыу алып,
 Йыуған койоһо өсөн
 Корбан бирер йола бар.
 Батшаның тыу бизәге —
 760 Кара козғон кошо бар,
 Шул коштарзы йыл һайын
 Һыйлай торған көнө бар.
 Ана, егет, күрәмһең,
 Ул коштарзы беләмһең,
 Килеп тауға кунғандар,
 Ем булырын белгәндәр.
 Койоға кыззар һалған һуң,
 Кыззар шунда үлгән һуң,
 Барыһын алып койонан
 770 Козғондарға ташлайзар,

- Улар шунда ашайзар.
 Бынау бэйле егеттэр.
 Һәр ырыузан килгәндер.
 Батша кызы йыл һайын
 Тәүзә һайлай берәүһен;
 Унан кала батша үзе
 Колдар һайлай һарайға;
 Унан тороп калғаны —
 Тәңре өсөн корбанға», —
- 780 Тип һөйләп тә бөтмәгән,
 Зарын әйтәп етмәгән:
 Алтын тәхет өстөндә
 Батша кызы ултырған,
 Дүрт яғынан дүрт коло
 Тәхетене күтәргән,
 Башмалатып артынан,
 Бер яраны әйәргән,
 Быныһы үзе артынан
 Калғандарын әйәрткән.
- 790 Килеп еткәс, ти, былар:
 «Тигез, якшы тороғоз,
 Батша кызы килә бит,
 Якты йөзлө булығыз!» —
 Тип берәүһе әйткән, ти.
 Сафты бозоп торғанды
 Камсы менән һуққан, ти.
 Батша кызы шул сакта
 Килеп еткән майзанға;
 Урал да рәт бозмаған,
- 800 Башып торған ыңғайға;
 Батша кызы, аралап,
 Бар егетте һайлаған,
 Араһынан окшарзай
 Бер егет тә тапмаған.
 Азак сиктә, якынлап,
 Уралға килеп еткән, ти,
 Туктап тороп шул ерзә
 Уралға күз теккән, ти;
 Кулына алып бер алма,
- 810 Уға бүләк иткән, ти.
 Батша кызы майзанда
 Башка һайлап тормаған,
 Уралды алып барырға

- Бер яранға ымлаган.
 Кыз тәхеткә ултырган,
 Тағы колдан күтәртеп,
 Һарайына юллаған,
 «Батша кызы һөйзө бит,
 Батша кейәүе булды бит!» —
 820 Тип, барыһы шау килеп,
 Ярандары ғыу килеп,
 Халыкты ситкә таркатып,
 «Әйзә һарайға, егет,
 Батша кызы көтә», — тип,
 Уралға йола аңлатып,
 Бер яраны шул сакта
 Юл башларға булған, ти,
 «Кейәү булдың безгә», — тип,
 Аркаһынан һөйгән, ти.
 830 Урал быға күнмәгән,
 Һарайға ул китмәгән.
 «Мин йоланы белмәйем,
 Эш азағын күрәйем,
 Азак барһам, барырмын,
 Кыззы эзләп табырмын», —
 Тип Урал әйткән, ти,
 Ярандардың һүззәрен
 Шулай кире какқан, ти;
 Ә тегеләр корсайып,
 840 Кызға әйтә киткән, ти.
 Күп тә вакыт үтмәгән,
 Майҙанда шау-шыу бөтмәгән,
 Алғаскылар юл башлап,
 Дүрт батырын әйәртеп,
 Колдан тәхет күтәртеп;
 Бураланған дөйәләй,
 Канһыраған айыуҙай,
 Күзенә кан һаузырып,
 Күз кабағын тойзороп,
 850 Ужар сәсеп, мат курып;
 Кабан суска елкәле,
 Филдәй йыуан балтырлы,
 Кымыз тулған һабалай,
 Имәнес йыуан корһаклы,
 Ужарынан халыктың
 Башын ергә эйзереп,

- Катил батша килгән, ти,
 Барыһын да аралап,
 Ир-кол һайлап үткән, ти.
- 860 «Быныһы һарайға барыр, тип,—
 Быныһы корбанға булыр», тип,
 Кол һайлауын бөткән, ти,
 Кыз һайлауға күскән, ти.
 Кыззар һайлап йөрөгәндә,
 Бер һылыуға еткәндә,
 Бер яранын сақыртып:
 «Тешен кара», — тигән, ти.
 Алһыу йөзөн каплаган
 Кулын кыззың алған, ти;
- 870 Күкрәктәрен капшаған,
 Билен тотоп караған,—
 «Һарайға был ярар, тип,
 Бүтәнен үзегез караң, тип,
 Арыузарын һайлағыз,
 Кәрәгенсә алығыз»,—
 Тиеп батша әйткән, ти,
 Ярандарға кушқан, ти.—
 «Калғандары әсәмдең,
 Мине йыуған койомдоң
- 880 Корбанына калыр»,— тип,
 Азак һүзен әйткән, ти.
 Асыланып, шул сакта
 Кызы килеп еткән, ти,
 Урал янына үткән, ти,
 Үпкә һүзен әйткән, ти:
 «Егет, һине һайланым,
 Һарайыма барманың,
 Алма биреп ымланым,
 Мине тиңгә алманың;
- 890 Кире кактың һүземде,
 Бөтә колдар алдында
 Кара иттең йөзөмдә»,—
 Тигән һүззе ишеткәс,
 Батша төшкән тәхеттән:
 «Кайһы ырыу егеттән
 Минең кызым хурланған?» —
 Тип Уралға килгән, ти,
 Төкөрөк сәсеп ауыздан
 Һүзен һөйләп киткән, ти:

- 900 «Әй, егет, һин затымды,
Катил батша атымды,
Кеше түгел, был илдә —
Мин биләгән һәр ерзә —
Кошо-корто, йәнлеге
Ишетеп тә, күреп тә,
Гүрендәге үлек тә,
Аңлаганын беләһең!
Кызым әйткәс, бармайынса,
Нимә уйлап тораһың?»
- 910 Ниңә йолам бозаһың,
Бармай вакыт һузаһың?»
«Батша тигән нәмәне,
Кеше һуйыр йоланы
Ишетеп тә, күреп тә,
Нисә йылдар йөрөп тә,
Һис бер ерзә күрмәнем,
Барлығын да белмәнем.
Мин ят йола белмәйем,
Үлем тигән яуызды
- 920 Үлтерергә эзләйем.
Йоланан да куркмайым,
Үлемдән дә өркмәйем,
Кеше түгел, кошто ла,
Үлем килә калдыһиһә,
Килеп кулын һалдыһиһә,
Уны биреп Үлемгә
Кул каушырып тормамын!
Бына, карап торайым,
Бар йоланды күрәйем,
- 930 Азак сиктә үз уйым
Һиңә әйтеп бирәйем»,—
Тигән һүзен ишеткәс,
Уралдың төптә сит кеше
Икәнлегене белгәс,
Ярандар за, батырзар,
Батша яклы карт-королар,
Батша кызын Уралдан
Уға кыззы биреүзән,
Уны кейәү кылыузан
- 940 Барыһы ла көнләшкән.
Батша быға шашқан, ти:
«Бындай тинтәк һайлама,

- Күзен юкка талдырып,
 Юк кешегә карама,
 Кайтсы, кызым, кайт, әйзә,
 Нарайыңа кит әйзә»,—
 Тип кызына әйткән, ти.
 «Корбандарзы тотмағыз,
 Кызын һыуға һалығыз,
 950 Ирен утка атығыз.
 Был егетте бығаулап,
 Минең янға озатығыз»,— тип,
 Дүрт батырға кушқан, ти.
 Үзе, тәхеткә ултырып,
 Башкарыузы көткән, ти.
 Ярандары кыззарзы,
 Кулы бәйле ирзәрзе,—
 Кызын һыуға ташларға,
 Ирен утка ташларға
 960 Кузғалыша башлагас,
 Халык сыр-сыу илашкас,
 Урал ырғып сыккан, ти,
 Ошо һүзен әйткән, ти:
 «Мин күренмәс Үлемде
 Юк итергә сыкканмын;
 Кан койоусы батшанан,
 Кеше ашар дейеүзән
 Бар кешене коткарыу,
 Йәншишмәнән һыу алып,
 970 Үлгәндәрзе терелтеу
 Өсөн тыуған батырмын!
 Халык илап торғанын
 Күз алдында күргәндә,
 Йәнде алыр яуыз Үлем
 Кешегә кулын һалғанда,
 Ирмен тигән ир-батыр
 Шып-шым карап торормо?
 Яуыздарға юл куйып,
 Батыр куркып калырмы?
 980 Кит, ярандар, артабан,
 Төш, зур батша, арбанан,
 Колдар кулын сисегез,
 Кыззар кулын сисегез!»
 Батша быны ишеткәс,
 Кызарынған, бүртенгән,

- Кыскырынган, екергән,
 Батырзарына карап:
 «Үлем эзләп йөрөһә,
 Канға һыуһап тилмерһә,
 990 Күрһәтегеҙ Үлемде,
 Танытығыз илемде!» — тип,
 Каты фарман биргән, ти.
 Тәне йөнтәс айыуҙай,
 Үззәре зур дейеүзәй
 Дүрт батыры килгән, ти,
 «Алыштанмы, тартыштанмы? —
 Һайла берзе!», — тигән, ти.
 «Әрәм булып куймағыз,
 Тәүзә шуны уйлағыз.
 1000 Үзегезҙән көслөрәк
 Берәй хайуан һайлағыз», —
 Тигәс, былар яман көлгән, ти.
 «Ай-һай батыр икәнһең!» —
 Тип, батша ла, бары ла,
 Мысқыл итеп куйған, ти.
 Катил батша асыузан
 Ни әйтергә белмәйенсә,
 Уйлап-нитеп тормайынса:
 «Канһыраған икән был,
 1010 Йәнһерәгән икән был, —
 Һарайымды күтәргән
 Үгеземде килтерен:
 Үгез кылыр кылықты,
 Һез батырзар, тик торон», —
 Тигән һүззе ишеткәс,
 Бары халык курккан, ти,
 Уралды бик кызғаньп,
 Әрәм була егет, — тип,
 Халык күз йәш түккән, ти.
 1020 Атаһына ялбарьп,
 Кызы ла килеп еткән, ти:
 «Атакайым, куйсәле,
 Юкка әрәм итмәле,
 „Кейәү һайла үзең“, тип
 Миңә биргән һүзең бар.
 Был егетте һайланым,
 «Кейәүем», тип уйланым,
 Һөйләшергә егеттең

- Гис яйына куйманың.
 1030 Атакайым, куйсәле,
 Юкка әрәм итмәле! —
 Тиеп кызы әйтһә лә,
 Канлы йәшен түкһә лә,
 Кызы һүзен алмаған,
 Кыз яйына куймаған.
 Ерзе тырнап, үкереп,
 Шылағайын ағызып,
 Таузай үгез килгән, ти.
 Урал алдында килеп,
 1040 Баһып карап торған да,
 Муйынын азырак борған да:
 «Егет, ергә атмамын,
 Сереп, тузан булғансы,
 Елгә осоп тузғансы,
 Мөгөзөмдә каклармын,
 Гине шулай каклармын!» —
 Тип Уралға әйткән, ти.
 «Мин дә әрәм итергә,
 Үгез, гине тырышмам,
 1050 Яфаланып, көс түгеп,
 Гинең менән сайкашмам.
 Донъяла һин кешенән
 Көслә юғын танырһың,—
 Үзең түгел, токомоң менән
 Кешегә кол булырһың»,—
 Тигән һүзгә был үгез
 Асыланып ынтылған,
 Мөгөзөнә алырға
 Уралға ул укталған.
 1060 Урал батыр үгеззе
 Мөгөзөнән алған, ти.
 Тырышқан, ти, үгез зә,
 Ышанһа ла мөгөзгә,
 Ыскыналмай Уралдан,
 Тубығынан батқан, ти;
 Көсөргәнеп тырышкас,
 Ауызынан үгеззең
 Кап-кара кан акқан, ти;
 Өскө теше төшкән, ти,
 1070 Үгез хәлһезләнгән, ти,
 Сәсәп, әлһерәгән, ти.

- Быны күрөп Катил дө,
 Ярандары, бары ла
 Аптырауға калған, ти.
 Урал һүзенән китмәгән,
 Үгеззе эрәм итмәгән,
 Шакарып ике мөгөззө,
 Батқан ерзән үгеззе
 Күтәрөп алып куйған, ти.
- 1080 Үгеззең дүрт тояғы
 Урталайға ярылып,
 Араһына ком тулып
 Һырзай канға тузған, ти.
 Урал: «Кулым тейгән мөгөзөң
 Кәкерәйгән көйөнсә,
 Тешөң төшкән аузың
 Өскө тешөң үсмәйсә,
 Айырылған тояғың
 Һис тә берекмәйенсә,
- 1090 Үзең түгел, балаң да
 Мәңге калыр шул көйсә.
 Кеше көсөн күрзең һин,
 Хәлһезлегең белдең һин,
 Кешегә мөгөз сайкама,
 Еңермен тип, айканма!»
 «Бер табандан уктал!»,—тип,
 Дүрт батырға ымлаган.
 Батырзаны килгән, ти,
 «Йөнең сыкһа кулымда,
- 1100 Төнең кайза ташлайым?
 Сойорғоткансы үлмәһән,
 Кайһы илгә сөйөйөм?»—
 Тип бер батыр Уралға,
 Алып һүзен әйткән, ти.
 Урал бынан куркмаған,
 Дүрт батырға каршы тороп,
 Алға табан атлаган.
 «Дүртегеҙ зә килегез,
 Үлем эзләп йөрөгән
- 1110 Батыр көсөн белегез;
 Кулығызға йән бирһәм,
 Арысланыма бирегез;
 Көсөгөз еһә ташларға,
 Йөншишмәгә сөйөгөз,

- Инде һез зә әйтегез:
 Минең кулга төшһәгез,
 Күбәләктәй ошағыз,
 Кайза карай сөйәйем?
 Дейүзәрзе кыйратып,
 1120 Йәншишмәнән һыу алып,
 Кире һезгә килгәндә,
 һеззе эзләп йөрөгәндә,
 Он-талкандай итегеззе,
 Күбәләктәй йәнегеззе
 Кайһы ерзән табайым?»—
 Тигәс Урал, көлгәндәр,
 «Көсөң етһә атырға,
 һыртты ергә һалырға,
 Батша менән ярандарзың
 1130 Алдына карай ташларһың», —
 Тип мысқыллап куйғандар,
 Дүрте берзән укталып,
 Йәбешкән, ти, батырға.
 Урал тотоп беренен,
 Олактырған батшаға,
 Калған өсөнөн бер юлы —
 Ярандары алдына.
 Ер һелкенгәндәй булған,
 Ярандар за, батша ла,
 1140 Олактырған батыр за
 Он-талканға калған, ти,
 Күззән гәйеп булған, ти.
 Кан илаған әсәләр,
 һыктап торған аталар,
 Кулы бәйле балалар,—
 Барыһы ла күргән, ти,
 Ябырылып Уралдың
 Барыһы янына килгән, ти.
 Урал һарайға барған, ти,
 1150 Бар халықты йыйған, ти,
 Каскан-боқсан — барына
 Үз йортона кайтырға
 Урал фарман биргән, ти.
 Аранан баш һайлатып,
 Үзе китмәк булған, ти.
 Халыктар йыйын корған,
 Урал уртала булған.

- Халык эсендә иң карты
 Былай тиеп әйткән, ти:
- 1160 «Егет тә егет икәнһең,
 Егет, батыр икәнһең;
 Йөрәгеңә таянып,
 Беләгеңде һызғанып,
 Беззәйзәрзе кызғанып
 Қилгән батыр икәнһең,
 Еңеп ятыр икәнһең!
 Батша асыуын куптарған,
 Һиңә каршы өскөргән,
 Шул айканлы беззәрзе
- 1170 Шатлы азат иттергән
 Батша кызы булды бит,
 Ул сәбәпсе булды бит.
 Һине һөйөп шаулашты,
 Атаһы менән даулашты;
 Батша кызын ал, егет,
 Бында тороп кал, егет!» —
 Тигән һүззе ишеткәс,
 Барыһы ла димләшкәс,
 Урал алмак булған, ти,
- 1180 Кыззы алып туй яһап,
 Бер аз калмак булған, ти.
 Бер нисә көн булған һуң,
 Кыззың туйы узған һуң,
 Урал тағы киткән, ти,
 Күп һыузарзы кискән, ти;
 Бара торғас, бер ерзә,
 Бер кая тау битендә,
 Уйпат сая эсендә
 Арысланынан төшөп,
- 1190 Ял итергә ятканда
 Йылан ыслаған тауыш
 Колағына салынған.
 Ырғып тороп урынынан,
 Тирә-яғына каранған.
 Йырак түгел, якында,
 Бер кулкының янында:
 Бейеклеген караһаң,—
 Арыслан аша күренмәс,
 Озонлогон үлсәһән,—
- 1200 Йөз азымда түкәлмәс,

- Ғәләмәт бер зур йылан
 Қулкы әсенән һөзөп,
 Тотоп алған бер болан.
 Ай, айкаша, ти, былар,
 Һай, сайкаша, ти, былар;
 Азак сиктә түзәлмәй,
 Йыланға каршы торалмай,
 Сәсәп, йығылған болан,
 Арт һанынан боландың
 1210 Шундук капқан, ти, йылан.
 Урал барған югереп;
 Йылан койроғон болғап,
 Дулай, ти, ағас һындырып;
 Уралды ла йоторға
 Койрок менән һукқан, ти,
 Урал урап йыландың
 Койроғонан тотқан, ти,
 «Ебәр һин боланды!»—тип,
 Йыланға Урал әйткән, ти.
 1220 Йылан бер һүз әйтмәгән,
 Боландың ул арт һанын
 Сәйнәгән дә сәйнәгән.
 Тырышқан, ти, был йылан
 Үз теләген итергә,
 Боланды йотоп бөтөргә
 Тырышһа ла, булмаған:
 Зур мөгөззә туктаған;
 Койроғо менән шакарған,
 Унда ла мөгөз һынмаған;
 1230 Ергә һукқан боланды,
 Мөгөзгә бер ни булмаған.
 Бара-тора йыландың
 Һис тәкәте калмаған;
 Йотһа, мөгөз ебәрмәй,
 Коһа, кире тибәлмәй;
 Аптыраған, алыған,
 Һис тә эше сыкмағас,
 Башка сара калмағас,
 Йылан, башын сәкәйтеп,
 1240 Уралға карап ялбарған:
 «Ай, егетем, ярзам ит,
 Шул булмаһын үлемем,
 Кәһкәһәнең улымын,

- Зәркум тигән егетмен,
 Ярзамына карыуға
 Мин дә ярзам итермен.
 Юлымда юлдаш бул, тигән,
 Юлыңа бергә китермен;
 Ыңйы-мәрийен һораһаң,
 1250 һарайыма барырһың,
 Теләгәнсә алырһың,
 Кунак булып калырһың»,—
 Тигән һүззе ишеткәс,
 Урал былай тигән, ти:
 «Һис тә карыу кылмаған,
 Бер йәнгә лә теймәгән,
 Кан эсмәстәй боланды
 Минәң дошман Үлемгә
 Асмарланың бахырзы,
 1260 Миңә һөйлә серене,
 Миңә әйт һин барыны,
 Миңә бүләк кәрәкмәй,
 Миңә һарай кәрәкмәй,
 Мин сыкканмын илемдән
 Коткарырға кешене,
 Ғәйепһез болан ишене
 Яуыз дошман Үлемдән».
 «Ай, егетем, әйтәйем,
 Бар серемде һөйләйем:
 1270 Безгә якын бер ерзә,
 Коштар торған зур илдә,
 Самрау тигән батша бар:
 Шул батшаның Кояштан
 Тыуып төшкән кызы бар.
 Мин һораным — бирмәне,
 „Һин йылан“, тип, кызы ла
 Мине тартып килмәне.
 Мин атама ялындым,
 Көнөн-кисен ялбарзым,
 1280 „Атай, шуны ал,— тинем,—
 Һис булмаһа иленә
 Утлы яуың ас“, — тинем.
 „Бөгөн ауға сык, тине,
 Йылан туның кей, тине;
 Ун ике тарбак мөгөзлә
 Болан табып ей, тине —

- Шуны йотһаң, донъяла
 Төрлө төҫкә керерһең,
 Хәүеф белмәй йөрөрһең;
 1290 Кешеләрзең һылыуы,
 Бер ир-егет булырһың;
 Кош иленә барырһың,
 Самраузың бер кызын
 Үзең һайлап алырһың“, —
 Тигәс, ауға сыккайным,
 Боланды ла йоткайным;
 Инде хәлем калманы:
 Ауызыма кипләнгән
 Мөгөзө һис һынманы,
 1300 Теләгәнем булманы.
 Егет, мине хур итмә;
 Бер изгелек ит, егет,
 Миңә ярзам ит, егет;
 Атама бергә барайык,
 Ни теләһең — алайык.
 Атамдан байлык һорама, —
 Донъяла һылыу кыз бирер;
 Уныһына ла алданма,
 Һарай тулы мал бирер,
 1310 Уныһына ла алданма,
 Ыһый-мәрийен — барыһын
 Атам түгер алдыңа, —
 Уныһына ла алданма!
 Азак сиктә атайым:
 „Ыһый-мәрийен һөймәгән,
 Байлыкка баш эймәгән,
 Ай, һылыу кыз, тимәгән,
 Был донъяла йөрөп тә,
 Ишетеп тә, күреп тә
 1320 Һис берәүзе тапманым,
 Бирер нәмәм калманы,
 Инде үзеңә туктаным,
 Егет, әйтсе теләгең,
 Зур эшеңә бүләгем“, —
 Тиер һиңә атайым.
 Алдан әйтеп куяйым:
 Аждаһа туның һал, тирһең,
 Кош телеңде сығарып,
 Ауызыма бир тирһең.

- 1330 Атам һине куркытыр,
Ташка төкөрөп күрһәтер,
Ташты һыуҙай кайнатыр.
Әгәр тауға төкөрһә,
Тауы иреп, һыу булыр,
Ағып бары шул сакта,
Бер үзәнгә йыйылыр,
Осо-сиге күренмәс
Ялтыраған күл булыр.
Уныһынан да куркма һинн,
- 1340 Һаман телен һора һин.
Атам телен үпкән һуң,—
Күңеле йомшап киткән һуң,
„Ни һорайһың бүләккә“,—тип,
Һиндә карап әйткән һуң:
„Бер зур илдә батшаның
Якшылыкка якшылык
Кылыр эшен беләһең,
Үз һөйгәһең ни булһа,
Шуны минә бирәһең“,—
- 1350 Тигәс, ынйы башлы таяғын
Бирһә, уны алырһын,
Ул таяктың даны шул:
Һыуға төшһәң, батмашың,
Утка инһәң, янмашың;
Күренмәскә теләһәң,
Һис бер йән дә күрәлмәс,
Дошман һине эзләһә,
Бер кәсан да табалмаш»,—
Тиеп Зәркум ялбарғас,
- 1360 Урал мөгөзгә һындырған,
Йылан, боланды йотқас,
Шундук бер елет булған.
Уйламастан-нитмәстән,
Һүззәре лә бөгмәстән,
Бер һызғырыу ишеткән,
Зәркумдың йөзө шул сак
Ағарынып, буз булған.
Урал: «Ни?» — тип һораған,
Зәркум бер ни әйтмәгән,
- 1370 Унан серен йәшергән.
«Атам белде серемде,
Мин һөйләгән уйымды;

- Был егеттән язлыкһам,
 Быны йотмай ебәрһәм,
 Атам йөрөгө ташыр,
 Асыуынан мине асыр.
 Йоторға көс алалмам,
 Койроғомдо боғалак
 Тағы ла мин кылалмам.
- 1380 Атама илтеп тапшырһам,
 Аяғына баш орһам,
 Аз-маз яза алырмын,
 Үзем иҫән калырмын»,—
 Тигән уйзы уйлаған,
 Тик Уралға әйтмәгән,
 «Атам эзләтә икән,— тип,
 Ул Уралды алдаған.—
 Әйзә, егет, барайык,
 Беззә кунак булайык,
- 1390 Атайымдан бүләккә
 Мин әйткәнде һорайык»,—
 Тип Уралды өндәгән,
 һарайына димләгән.
 «Йылан илене күрәйем,
 Бар серене беләйем,
 Якшылыкка яманлык
 Була икән донъяла,
 Бергә барып күрәйем
 Егет һүзе бер булыр,
- 1400 Алға алған уй булыр,
 Тартынмайса барайым.
 Үлем еңер йөрәктен,
 Уны йығыр беләктен
 Батырлығын һынайым»,—
 Тиеп Урал уйлаған,
 Барыу юлын һайлаған.
 «Һау булһам, кире килермен,
 һинең менән булырмын;
 Килмәһәм, озақ көтмәһен,
- 1410 Ситтә гүмер итмәһен,—
 Төһәүелләп юлыңдан,
 Илгә кайтып китерһен,
 Минән сәләм әйтерһен»,— тип
 Арысланына әйткән, ти,
 Маңлайынан үпкән, ти,

- Шунда куйып киткән, ти.
 Бергә киткән, ти, былар,
 Күп ер үткән, ти, былар.
 Күккә олғашкан зур таузай
- 1420 Кара күргән алдында,
 Нәжғәйзәй ялтыраған
 Ут уйнай, ти, янында.
 Күк томандар каплаган,
 Ут һөрәмә бөркөлгән
 Нәмә күргәс юлында,
 Урал: «Ни?», — тип һораған.
 «Һарайзарзы һаклаган,
 Тау түгел ул, йылан», — тип,
 Зәркум уға аңлаткан.
- 1430 Барып еткән, ти, былар,
 Шунда күргән, ти, Урал:
 Тимер койма янында
 Уралып үз яйына
 Туғыз башлы бер йылан —
 һаксы икәнән белгән.
 Зәркум башлап барған, ти,
 Туғыз башлы йыланға:
 «Аскыс килтер!» — тигән, ти.
 Йылан шыжлап һызғырған,
- 1440 Тау-таш ауғандай булған,
 Бер сак тауыш кузғалған:
 Алтышар башлы дүрт йылан
 Аскыс һөйрәй икән, ти,
 Шул аскыстың тауышы
 Шундай шаулай икән, ти.
 Шул зур аскысты алып,
 Һарайзы аскан, ти, барып.
 «Әйзә, егет, илә тор,
 Мин атама барайым,
- 1450 Бында алып киләйем», —
 Тиеп Зәркум киткән, ти,
 Уралды шунда япкан, ти.
 Бер сак һарай тирәһе:
 Эреһе-вағы, төрлөһе —
 Йылан килеп тулған, ти;
 Төрлө һүззәр булған, ти,
 Урал тыңлап торған, ти.
 Ун бер башлы бер йылан:

- «Сират миңә ашарға —
 1460 Ун икенсе баш яһарға,
 Батшаға иң якын бер
 Вәзиренән булырға».
 Туғыз башлы бер йылан:
 «Юк, был кеше батшаның
 Серен алды улынан,
 Вәғәзә алды кулынан;
 Быны батша йә үзе,
 Йә булмаһа мин йотам;
 Батшабыҙың бар серен
 1470 Үз башымда мин тотам.
 Батша уны ашамас,
 Улын яклап коткарғас,
 Ашаһа ла, баш үсмәс.
 Юкка йыйылып тормағыз,
 Ымһынышып йөрөмәгез,
 һезгә теймәс — көтмәгез»,—
 Тигәс, барыһы таралған.
 Туғыз башлы зур йылан
 Шул тирәлә уранған:
 1480 Капкаға якын килгән, ти,
 Бер кыз төслө булған, ти,
 Урал янына инеп,
 Арбамаксы булған, ти,
 Уралға кул һуҙған, ти.
 Урал кулын кысқан, ти,
 Бармактары осонан
 Қаны бәрәп сыкқан, ти;
 Йылан түзмәй кысыуҙан
 Ут бөркмәк булған, ти;
 1490 Урал сәсеп ғәйрәтен,
 Боғазынан алған, ти.
 «һин бит серзе белеүсе,
 Кеше ашап ятыусы,
 Баш үстәрәп йөрөүсе,
 Кәһкәһәнәң бар серен,
 Башын һаклап тороусы»,—
 Тигән һүҙҙе ишеткәс,
 Аптырауға калған, ти:
 «Ай, тәңрем икәнһең,
 1500 Мин быны һис белмәнем,
 Кешеләң тип уйланым.

- Шуға бая батшама:
 „Улың серзе кешегә,
 Безгә дошман ишегә
 Һөйләгән бит“, тигәйнем»,—
 Тиеп, йылан Уралдың
 Аягына йығылған,
 Бил урталай һығылған.
 Ескәнепме, һизепме,
 1510 Күп тә, үтмәй был йылан:
 «Юк, юк, тәңрем түгел һин —
 Кеше есе аңкыны —
 Ысын кеше икәнһең!
 Батша улын һөйләтеп,
 Бөтә серзе белгәнһең,
 Серзе аңлап килгәнһең»,—
 Тиеп ырғып торған, ти,
 Ауыз асып, ажғырып,
 Утын бөркмәк булған, ти.
 1520 Урал куркып тормаған,
 Башына бер орған, ти,—
 Бер башынан сылтырап,
 Ергә аскыс койолған,
 Һигез баштан тағы ла
 Һигез батыр бар булған.
 «Барыбыз за кеше инек,
 Илебеззә ир инек,
 Йылан беззе ашаны,—
 Үзенә баш яһаны;
 1530 Яр йыландың йөрәген —
 Алтын аскыс табырһың,
 Сер һарайын асырһың,
 Теләгәнең алырһың»,—
 Тип тегеләр әйткән, ти.
 Урал йөрәген ярған, ти,—
 Сер һарайын аскан, ти:
 Ынйы менән бизәнгән,
 Ебәк менән уранған,
 Йөзө-башы һарғайған
 1540 Бер һылыу кыз күренгән;
 Кыз янында — бер ишек,
 Шуну барып аскан, ти;
 Бер тәхеттең янында
 Ынйы таяк күргән, ти.

- «Алсы, егет, таякты», — тип, —
 Теге кешеләр әйткән, ти.
 Шул сак һарай ишеген
 Бер ак йылан аскан, ти;
 «Был кем бында инеүсе,
 1550 Нис кешегә теймәстәй
 Таяғымды алыусы?», — тип,
 Йылан килеп Уралға,
 Йотайым тип, укталһа,
 Урал тотоп алған, ти,
 Ергә урап һалған, ти,
 Ошо һүззе әйткән, ти:
 «Кеше юйыр Үлемде
 Эзләп сыккан батырмын;
 Үлем яклы берәүзе
 1560 Ерзә имен куймамын;
 Атым Урал булғанда,
 Затым кешенән булып,
 Был донъяға тыуғанда,
 Кешегә ярзам итермен,
 Илем байман итермен,
 Кешегә дошман булғандың
 Барын тар-мар итермен.
 Батша булһаң, бир фарман:
 Бөтә йылан йыйылһын,
 1570 Кеше ейгән баштары
 Бары ергә әйелһен, —
 Барын турап бөтөрмөн,
 Кире кеше итермен.
 Яуыз Үлем юлдашы,
 Бөтә йылан-яуызды, —
 Барын тар-мар итермен!» —
 Тигән һүзен ишеткәс,
 Батырлығын һынағас,
 Йылан да буй биргән, ти.
 1580 «Таяғым киткәс кулымдан —
 Көсәм һиндә», — тигән, ти.
 Батша фарман биргән, ти:
 Бар йыланды йыйған, ти;
 Кеше ашап үскәндең
 Башын Урал кырққан, ти, —
 Баштан кешеләр сыккан, ти.
 Бар һарайзы астырған,

- Зиндандағы тоткондон
Барыһын да коткарған.
- 1590 «Хәзер улынды тап,— тигән,
Эзләп алып кил!» — тигән.
Халык иреkkә сыккан, ти,
Бикле яткан һылыу кыз —
Ул да бергә сыккан, ти;
Барыһы ла килгән, ти,
Уралды һырып алған, ти:
«Тәңре бирмәс ярзамды
Безгә, егет, аткарзың,
Ил каплаган яуыздың
- 1600 Утлы яуын актарзың.
Инде, егет, нишләйек,
Ниндәй бүләк бирәйек,
Ни тип әйтеп зурлайык?»
«Һис бер зурлык кәрәкмәй;
Ил батыры шул булыр —
Кеше һөйөр ир булыр.
Һезең шатлык — минеке,
Минең шатлык — һезеке.
Илдең барын йыяйык,
- 1610 Күмәкләп туй кылайык,
Арағыззан берәүзе
Башлык итеп куяйык».
Йыланға каршы яу тоткан,
Күп йыл буйы һуғышкан
Алғыр тигән ир булған,—
Шуны башлык кылған, ти.
Алғыр карт корзашының,
Тоғро бер юлдашының
Кызы калған — Гөлөстан,—
- 1620 Кәһкәһәлә кол булған.
Һарайза бая осраған
Ошо кыззы димләшөп,
Уралға бирмәк булғандар.
Урал халыктың уйзарын —
Кыззы алыр туйзарын
Бер аз һуңлатмак булған;
Әзрәкәне еңгәнсе,
Туйзы туктатмак булған.
Арала иң өлкәне,
- 1630 Донъяны күп күргәне:

- «Һәр йыл гүмер бер батыр
 Иле өсөн яратыр.
 Быуын-быуын үтер ул,
 Киләсәк быуын етер ул,
 Һинең даның калһа ла,
 Кулда гәйрәт бөтөр ул.
 Ир бөтһә лә, ил бөтмәс,
 Ил батыры — батырҙан,
 Батыр ирҙән тыуыр ул;
- 1640 Атанан күреп, ук юнып,
 Өлкәндән күреп, яу кыуып,
 Ил эсендә үсәр ул,
 Утын-һыуын кисер ул.
 Батырҙан батыр тыуғанда,
 Бер быуын тип һаналған
 Илдә гүмер үтер ул.
 Батыр атанан кот йәйгән,
 Матур әсәнән һөт имгән,—
 Һинә тиндәш булыр кыз,
 1650 Батырға әсә булыр кыз»,—
 Тигәс, Урал тыңлаған:
 Гөлөстанды алған, ти,
 Бер оло туй кылған, ти,
 Бергә кунак булған, ти.

- Уңдан киткән Шүлгән дә
 Осраған, ти, бер картка.
 Ни эзләүен был якта,
 Килгән сакта юлында
 Осрағанын бер картка,—
 1660 Барын һөйләп биргәс тә,
 Был карт тағы Шүлгәнгә,
 Сер йәшермәй, әс тартмай,
 Былай тиеп әйткән, ти:
 «Һин осраған ул бабай —
 Минең кустым булыр ул,
 Минең менән бер илдә
 Тыуып-үскән ине ул;
 Уның йөзө хәзер зә —
 Ап-ак һакал, сал карттыр,
 1670 Сак йәнәнен асырарҙай,
 Үзе какшау, ябыктыр.
 Бына мине күрәһең,—

- Бер егеттэй тиерһең,
 Уны „кустым“, — тигәнгә,
 „Был карт алдай“, — тиерһең.
 Уның сере шул, егет, —
 Шуны якшы бел, егет:
 Беззең илдә бар кеше лә —
 Өлкәне йәнә йәше лә —
 1680 Барыһы ла туғандай,
 Бер әсәнән тыуғандай;
 Илде талап йөрәмәскә,
 Кеше канын коймаҫка;
 Ил ынйыһын йәшереп,
 Ергә күмеп куймаҫка;
 Тапкан-таянған бары
 Һис айырым булмаҫка;
 Көслөнөкө — байман, тип,
 Еҫерзе сит күрмәскә;
 1690 Кызға әсә булғанды
 Хур әсә, тип кәмһетеп,
 Балаларын һыуға атып,
 Ундай йола кылмаҫка, —
 Тигән илдең анты бар.
 Кустым шуны тотманы,
 Көсө еткән йәндәрзең
 Барын кырзы, тукманы,
 Кыйыратты, ашаны;
 Үлем тигән яуызға
 1700 Дуҫ, дошманын табырға,
 Илдә күп кан койорға
 Йола таба башланы.
 Шуға уны был илдән,
 Тыуып-үскән еренән
 Бөтәһе лә берлектә
 Ситкә кыуып ташланы.
 Хәзер илдән йыракта
 Үзе йәшәй тарлыкта,
 Ғүмере үтә зарлыкта;
 1710 Шуға уның төҫ-башын
 Үлем, картлык капланы», —
 Тиеп, был карт һөйләгәс,
 Шүлгән эште аңлаған,
 Шул илде барып күрергә,
 Ни барыһы белергә

Карттан юлын хораған,
Карт йәшермәй һөйләгән.

- 1720 Ай киткән, ти, йыл киткән,
Күп йылға, таузар үткән,
Кайза уға төн булһа,
Шунда ятып йоклаган.
Барып сыккан бер ергә,
Осраған бер күлгә,
Ситен куға ураткан,
Томбойоктар япрайып,
Тик ағастай, сәскә аткан;
Һазмыт түгел, кырсын төп,
Өйрәк, аккош, кыр казы
Йөзөп йөрөй — шундай күп.
- 1730 Күлдә яткан балығы,
Ялтуш, сабак, суртаны
Бергә йөзөп уйнайзар,
Бер-беренәнә теймәйзәр.
Быны күргәс, туктаған,
Арыслан қылыны алып,
Мәскәү яһамак булған,
Балык ауламак булған.
Мәскәүенә һап эзләп,
Куйы таллыкка карап,
- 1740 Атлап алға киткәндә,
Тал төбөнә еткәндә:
Талда һайрап ултырған
Һандуғасты кушарлап,
Әберсендәр тезелгән;
Яғылбай за, карсыға,
Тағы турғай күренгән.
Тау битенә күз һалһа,—
Куй-һарык та, бүре лә,
Әтәс, тауык, төлкө лә
- 1750 Бер тирәгә йыйылған.
Шүлгән күреп, туктаған,
Карт һүзенә исләгән;
«Тәү батшаға барайым,
Һарай серен беләйем,
Кайтыуза юл ыңғайы
Барын аулап карайым»,—
Тиһп Шүлгән уйлаған,

- Арысланына менгән дә,
 Үз юлына ыклаған.
- 1760 Китеп барған сағында,
 Касып ултырған Зәркумға
 Шүлгән килеп тап булған.
 Зәркум бынан һорашкан,
 Шүлгән танмай һөйләшкән.
 Зәркум үзен Әзрәкә —
 Дейеү батша улы тип,
 Сер йәшереп алдашкан.
 Әзрәкәгә барырға,
 Күп бүләктәр бирергә,
- 1770 Бергә алып китергә;
 Йәншишмәнән һыу алып,
 Теләгәнсә бирергә
 Зәркум уны димләгән;
 Шүлгән серзе белмәгән.
 Былар бергә киткән, ти,
 Былар күп ер үткән, ти;
 Бер сак ергә тоташкан,
 Үзе күккә олғашкан
 Кара нәмә күренгән.
- 1780 Болот микән, тау микән?
 Тау тир инең — кайнай, ти,
 Болот тиһең — шаулай, ти,
 Шүлгән быга аптырап,
 Юлдашынан һорай, ти.
 Зәркум уға былай ти:
 «Ул күренгән караскы —
 һарайзы һаклап тороусы,
 Беззе күреп килеүсә
 Зур дейеүзең берәүһе.
- 1790 Тукта, һин аз көтөп тор,
 Ошо урында тороп тор,
 Мин тәү барып әйтәйем,
 Кунак килде, тиәйем,—
 Беззе килеп алыр ул,
 һарайға алып барыр ул»,—
 Тип, Шүлгәнде калдырған,
 Үзе дейеүгә барған,
 Юлдашымды, үземде
 һарайға илт, тип һораған.
- 1800 Дейеү хәбәр иткән, ти,

- Батша серзе һизгән, ти,
 Дейеүзәргә кушкан, ти,—
 Ике толпар етәкләп,
 Батыр ирзәй олпатлап,
 Зур кунактай юпәтләп,
 Бер зур дейеү килгән, ти,
 Шүлгән менән Зәркумды
 һарайға алып киткән, ти.
 һарайға барып еткән һуң,
 1810 Шүлгәнде Зәркум калдырып,
 Хәбәр итеүен белдереп,
 Үзе һарайға ингән, ти,
 Батшаға кул биргән, ти,
 Әзрәкәнең янында
 Атаһыны күргән, ти.
 Кәһкәһә менән Әзрәкә
 Урал турында уйлашып,
 Икәү-ара һөйләшеп,
 Аптырашып, альяшып
 1820 Ултырган сак икән, ти.
 Һынсы дейеүзәр килеп,
 Бер карт дейеү бик белеп:
 «Анау сакта ай, батшам,
 Бер йәш бала тыуғанда,
 Шунуң тауышы килгәндә,
 Күктә оскан дейеүзәр
 Бары колап төшкәйне.
 Баланы урлап алырға,
 Үлтереп юк кылырға
 1830 Барған дейеү, ендәрзән,
 Бала текләп карағас,
 Тоторға тип укталғас,
 Барған бере куркыузан
 Йөрәге кубып үлгәйне.
 Шул баланың сыкканын,
 Илгә якынлашканын,
 „Алам — тигән уйының
 Йәншишмәгә төшөүзән“
 Шишмә куркып кайнауын,
 1840 Яртылаш һыуы кайтыуын
 Хәбәр итеп алғайның —
 Зур кайғыға калғайның.
 Батшам, сара эзләйек,

- Кул каушырып тормайык;
 Берэй кеше табайык,
 Самрау коштоң Акбузын
 Кеше аша алайык,
 Һис булмаһа — урлайык».
- Эзрәкә: «Акбузатты алырға,
 1850 Уға эйәр һалырға
 Йә булмаһа, ул атты
 Был донъянан юйырға
 Ете дейеү ебәрзем.
 Күктә торған буз аттың
 Урынын үзем күргәззем.
 Улар барып баһтырзы,
 Тота алмағас якшылап,
 Ат уларға килмәне,
 Дейеүзәрәм ғәрлектән
- 1860 Кире илемә инмәне:
 Күктә калды хур булып,
 „Етегән“ тигән исемдә
 Мәңге калды ут булып.
 „Һис булмаһа һары атын
 Алайым“, тип уйланым.
 Айзан тыуған кызы бар,—
 Шуны урлап караным.
 Кызы тоткон булһа ла,
 Аты бүләк булһа ла,—
- 1870 Ул ат һаман килмәне,
 Һис теләгем булманы.
 Хәзер безгә шул кәрәк:
 Кеше булған ир кәрәк,
 Кояш кызы Гомайзы
 Арбай алыр ир булһын,
 Был донъяла бер булһын.
 Кыз, яратып егетте,
 Акбуз менән булатты
 Бүләк итерзәй булһын.
- 1880 Буз ат менер ир таһнак,
 Кыз теләкә, кыз биреп,
 Мал теләһә, мал биреп,
 Баш булам тип ымһынһа,
 Берэй илгә баш кылып,
 Ул егетте арбаһак,—
 Без Уралды еңербез,

- Ер өстөндө кешенән
 Тарлык-мазар күрмөбөз,
 Телэгәнебөз итербөз,
 1890 Барын кулда тоторбоз!» —
 Тигән һуң Әзрәкә,
 Зәркум, алға сыккан да,
 Батшаға баш эйгән дә,
 «Мин Уралдың агаһын
 Алып килдем»,— тигән, ти,—
 Үз хәйләһен аңлатып,
 Тезеп һөйләп биргән, ти.
 Барыһы ла шатланған,
 Зәркум батша алдында
 1900 Мактау алып, данланған.
 Шүлгән һарайға ингәс,
 Әзрәкә урын күрһәткән,
 Бик юпәтләп, олпатлап,
 Так янына ултырткан,
 Зәркумды ул — улым, тип,
 Көһкөһәнә — дуһым, тип,
 Алдап-йолдап таныткан.
 Ни теләһә, шул әзәр,—
 Зур кунактай һыйлаткан,
 1910 Бар байлығын күрһәткән;
 Һарай кыззарын йыйып,
 Һылыузарын күзләткән.
 Төркөм-төркөм кыззары —
 Барыһы һайлап куйғандай,
 Күззәң яуын алырзай,
 Күргәндәр таң калырзай.
 Күмәк кыз уртаһында:
 Буз таштар араһында
 Айырым бөртөк ынйылай,
 1920 Күктә балкып йәмләнгән
 Йондоззарзың айындай;
 Һылыузарзың битендә
 Айырым торған миңендәй,
 Типһән-туғай үләнен
 Йәмләп торған гөлөндәй —
 Һылыузарзың һылыуы
 Айһылыуы күргәс тә,
 Шүлгән күзән текәгән,
 Түземлеген юғалтып,

- 1930 Зәржумға быны һөйләгән.
 Зәржум уны «Һеңлем», тип,
 «Кейәү итәм һине»,— тип,
 Шүлгәнде ул алдаған,
 Шүлгән быға йән аткан;
 «Атама хәзер әйтәм», тип,
 Зәржум уны йыуаткан.
 Әзрәкә эште аңлаған,
 Алап һалып, Кот тауға
 Бар дейеүзе йыйнаған.
- 1940 Айһылыузы сакырып,
 Аулак ергә алдырып,
 Урланған кыз икәнән
 Шүлгәнгә һис әйтмәскә,
 һарайзан сығып йөрәмәскә,
 «Мин әйткәнде тотмаһаң,
 Башың өзөп ашармын,
 Кәүзәң утка ташлармын»,—
 Тигән һүзен аңлаткан,
 Айһылыузы куркыткан.
- 1950 Данлы туйын корған һуң,
 Шүлгән кейәү булған һуң,
 Кыз за һылыу булғанға,
 Егетте лә һөйгәнгә,
 Шүлгән шуға мауыгып
 Был һарайға йотолған,
 Бөтә эше онотолған.
- Берзән-бер көн Әзрәкә
 Зәржум менән Шүлгәнгә
 Самрау батшаның кызын,
- 1960 Булат кылыс, Акбузын
 Ала торған юлыны,
 «Акбузатка менгән ир,
 Булат кылыс тоткан ир —
 Бөтә донъя йөзөндә
 Иң зур батыр булыузы,
 Барын баш әйзереүзе
 Тезеп һөйләп аңлаткан»,—
 Төрлө яклап самалап
 Кул тамырыны тарткан.
- 1970 Шүлгәнгә быны аңлаткас,
 һомайзы ил мактағас,

- Яуға калһа, аҙағы
 Дейеү зә бирәм тигәс,
 Шүлгән бармак булған, ти,
 һомайзы алмак булған, ти.
 Зәркум, Шүлгән икәүһе
 Үз-араһы һөйләшөп,
 Бер дейеүгә менгәшөп,
 Самрау батша иленә
- 1980 Икәү бергә киткән, ти,
 Күз асып, күз йомғансы
 Барыр ергә еткән, ти.
 Былар дейеүзән төшкәндәр,
 Шунда кәңәш корғандар.
 Һүз ыңғайы килгәндә,
 Зәркум һөйләп киткән дә,
 Урал турында һүз асып,
 Былай тиөп, әйткән, ти:
 «Бынан бик йырак түгел
- 1990 Аждаһа-йылан иле бар,
 Кәһкәһә тигән батша бар.
 Шул батшаның кулында
 Яуға каршы ут булыр,
 Теләгәндә — һыу булыр,
 Ел-дауылдар куптарыр
 Бер хикмәтле таяк бар.
 Аңғармастан-нитмәстән,
 Берәүһе лә көтмәстән,
 Бер батыр ир килгән дә,
- 2000 Урлапмылыр, нисектер,
 Шул таякты алған да —
 Батшаһын да һөргән, ти,
 Бөтә илен алған, ти;
 Урал батыр булам мин, тип,
 Үзе батша булған, ти»,—
 Тиөп Зәркум Шүлгәнгә
 Барын һөйләп биргән, ти.
 Шүлгән Урал һаулығына,
 Бер яғынан, шатланған,
- 2010 «Урал өстөн булыр, тип,
 „Мин йөрөнөм, ил гиззем,
 Илдә батыр танылдым“,—
 Тиөп, Урал мактаныр,
 Илгә кайткәс һөйлөнөр,

- Барына якшы күренер»,
 Тиеп Шүлгән Уралдан,
 Бер ягынан, көнлөшкөн.
 «Акбузатка менгөндө,
 Булат кулда булганда,
 2020 Бер ни каршы киләлмәс», — тип,
 Зәркум, Шүлгән һөйлөшкөн.
 Зәркум, бергә килһә лә,
 Серзәш булып йөрөһә лә:
 «Һомайзы Шүлгән алыр за,
 Акбузатка менер зә,
 Булат кылыс тотор за
 Беззән өстөн булыр, тип, —
 Ул да эстән көнлөшкөн. —
 Шүлгән менән бер булайым,
 2030 Батырлығын һынайым,
 Йә үлтереп Уралды,
 Таяғымды алайым,
 Теләгемде кылайым,
 Барынан үс алайым». —
 Тиеп Зәркум уйлаган;
 Шуға мактап таякты
 Шүлгәнгә ул һөйлөгән
 Былар килеп калғандар,
 һарайға күз һалғандар,
 2040 һарай алды туп тулы
 Ап-ак коштар күргәндәр.
 Кош тубынан берәүһе,
 Был икәүзә күргән дә,
 Ситкә айырылып сыккан,
 Кош тубына жарата
 Оран биргәндәй булған, —
 Күз асып, күз йомғансы
 Барлык коштар таралған.
 Айырылған яңғыз кош
 2050 Быларға күз һалған, ти,
 Күзәтепме торған, ти;
 Былар якын барған, ти,
 һомайзы атап һорағас,
 «Өйзә юк ул», — тигән, ти.
 Былар һорашып бөтмөгән,
 Озақ вакыт үтмөгән,
 Кош туптары барыһы

- Кош тундарын һалған да
 һылыу кызға әйләнгән.
- 2060 Шүлгән барыһын күзләгән,
 Айырыуса берәүһен;
 Ни тиергә белмәгән:
 Үзе үсеп, ил гизеп,
 Бындай һылыу күрмәгән!
 Йөзө айзай балкыған,
 Күкрәктәре кабарып,
 Һылыу булып калкыған.
 Тирә-яғы, бар кыз за,
 Һарай алды, бар ер зә
- 2070 Шул һылыузан йәм алған,
 Бары шунан йәнләнгән
 Һымак төслө тойолған,
 Әйтерһең дә, бар донъя
 Уға карап әйелгән,
 «Һомай тигән ошолор»,—
 Тиеп эстән уйлаған.
 Кыззар серзе бирмәгән,
 Шикләнгәнән кыззарзың
 Был икәү зә һизмәгән;
- 2080 Аралағы яңғызы,
 Алға сығып бер үзе,
 Күс башлығы — инәләй,
 Кунак көткән әйәләй:
 «Ил аралап йөрөгәнһегез,
 Һомай кыззы белгәнһегез,
 Уға төбәп килгәнһегез,—
 Әйзә, һарайға үтегез,
 Һомай кайтыр — көтөгөз»,—
 Тип быларзы өндәгән;
- 2090 Һарай ишеген асып,
 Кунактарзы ымлаған;
 Һомай үзен танытмаған,
 Былар һүз күзгәтмаған.
 Былар һарайға ингән, ти,
 Зур кунактай кәпәйеп,
 Түргә табан узған, ти.
 Аз-маз ип-һип иткәс тә,
 Һарайзы томан басып,
 Быларзың һушы касып,
- 2100 Һарайза шау-шыу кубып,

- Ике уртаға ярылып,
 Шүлгән, Зәркум икеһе
 Ер астына оскан, ти,
 Ямға колап төшкән, ти.
 Тирә-якты һәрмәгәс,
 Бер-берене тапмағас,
 Быларза куркыу тыуган, ти.
 Икеһе лә иҫ йыйғас,
 Арлы-бирле йөрөгөләп,
 2110 Тирә-якты кармалап,
 Һис сер белмәй альяғас,
 Шүлгән аптырап ултырған.
 Зәркум уйлап тормаған,
 Бер йыланға әйләнәп,
 Ярык-мазар юкмы, тип,
 Сығырға юл эзләгән.
 Һомай белгән был серзә,
 Сакырып алған бер кыззы;
 Ямды һыузан баһтырған,
 2120 Һалкын һыузы таштырған,
 Зәркумды һыуза йөззәрәп,
 Аптырауға жалдырған.
 Зәркум көшөл булған, ти,
 Һыуза йөзәп йөрөгән, ти.
 Һомай быны башкарғас,
 Шүлгән янына барған, ти,
 [Һүзән әйтә һалған, ти:]
 «Караңғыға оскан һуң,
 Күнелең куркыу алдымы?
 2130 Миңә быһак кайраған
 Сағың алға килдеме?
 Куркыуыма — куркыуың
 Карыу булһын, егетем;
 Кан көсәгән, йәш түккән,
 Күптәр башына еткән,
 Кан әсергә укталған
 Уһал йөрөгән бөтһөн,
 Бәгерле йөрәк үһен.
 Йөрәк майың иреһен,
 2140 Бөтә йәнде үзәндәй
 Һөйөр бер күңел тыуһын;
 Кызғаныусан йәш йөрәк
 Уйыңа башсы булһын.

- Шуға саклы был ерзә,
 Тере көйө шул гүрзә
 Башың қаңғырып ятһын.
 Үзенә юлдаш һайларлык,
 Якшы юлды табырлык,
 Илдә даны калырлык
 2150 Яңы кеше булырһың;
 Якшыға юлдаш булырһың;
 Йыландарзан касырһың,
 Уны дошман белерһең»,—
 Тигән һүзен әйткән дә
 Һомай сығып киткән, ти.
 Бер кыз югереп килгән, ти,
 Берәү килде, тигән, ти;
 Һомай шундук таныған:
 Ул килгән Урал булған,
 2160 Тик Уралға әйтмәгән;
 Урал, кыззы күрһә лә,
 Һомайзыр тип белмәгән.
 Һомай якынлаған һуң
 Урал күзен һалған, ти:
 Уның усма шәлкемдәй,
 Енсегене капларзай,
 Кәйтән менән бизәлгән
 Сәс толомо һалынған;
 Озон керпеге үтә
 2170 Кара күзе текәлгән;
 Уйнап торған кыйғас каш
 Күз өстөндә йылмайған;
 Тертәйешкән калкыу түш
 Күз алдында тулкынған;
 Бал кортондай нәзек бил
 Борғоланып уйнаған;
 Гүйә күптәнге танышы,
 Көмөштәй саф тауышлы;
 Уйнап-көлөп һүз кушқан,
 2180 Кыззы күргәс, Урал да,
 Ни әйтергә белмәгән,
 Үзе күргән — Һомай тип,
 Уйына ла килмәгән.
 Был кыз озақ тормаған,
 Уралды үз артынан
 Һарайына ымлаған.

- Урал һарайға ингәс,
 Иҫән-һаулыҡ һорағас,
 Йәнә кайҙа булғанһын,
 2190 Юлда низәр күргәнән,
 Барын тезеп һөйләгәс,
 Уралға күз ташлаған,
 Былай тип һүз башлаған:
 «Йә, егетем, төҫ-башың
 Алыҫ илдән күренә,
 Безең якка килеүҙән
 Теләгең барлыҡ беленә.
 Һүзең һөйлә, тыңлайым,
 Кулдан килһә, йомошоңа
 2200 Җрзамсындан булайым».
 Урал: «Үзем йәп-йәш булһам да,
 Биш ил барын белдем мин:
 Берендә үзем тыузым,
 Икенен йөрөп күрҙем мин,
 Калған тағы икәүһен
 Күрергә тип сыктым мин.
 Кайҙа ғына барһаң да,
 Кемде генә күрһәң дә,
 Берене үзен баш, тиә,
 2210 Икенсене баш эйә,
 Көслө көсһөҙҙө ейә,
 Теләгәнсә кан коя.
 Исеме бар донъяла,
 Үзе күзгә күренмәҫ;
 Берәү уға көр кылмаҫ,
 Аяғы-кулы һис уның
 Балға тотоп йонсомаҫ;
 Арыҫлан менән һунарҙа
 Үзе йәнлек юлламаҫ;
 2220 Үз теләген табырға
 Бер зә юлдаш эзләмәҫ —
 Шундай яуыз Үлем бар,
 Шунан алыр коном бар;
 Үлемде табып үлтереп,
 Ил коткарыр уйым бар.
 Һунарлаған сағымда
 Кулға төшкән бер коштан;
 һезең илдә Үлемдән
 Котолорға юл бар, тип,

- 2230 Ишеткәйнем мин йәштән».
Һомай: «Был донъяла үлмәскә,
Кара ергә кермәскә —
Минең илдә булмаған,
Үзен берәү күрмәгән,
Дейеү батша биләгән
Йәншишмәнең һыуы бар.
Уны барып алырға,
Һиңә ярзам бирергә,
Теләген бар кылырға
- 2240 Минең һиңә шартым бар.
Кайза булһа барырһың,
Үзең уйлап бағырһың;
Йылан илен үткән ир,
Уңдан һулға сыккан ир,
Үзең юлын табырһың.
Минең илдә булмаған,
Ишетеп тә күрмәгән,
Бөгә донъя кош төсөн
Үз өҫтөндә бизәгән
- 2250 Бер кош эзләп тапһаң һин,
Шуны табып кайтһаң һин,
Минән ярзам күрерһең,
Шишмәнән һыу алырһың,
Теләгенең табырһың».
Урал: «Мин алыстан, ил йөрөп,
Яман-якшыны күреп,
Үлемде табып үлтереп,
Коткарырға кешене,
Тындырырға барыны
- 2260 Уйлап сыккан батырмын.
Һиңә қошоң табайым,
Үзендән ярзам алайым,
Бүлөгәнә шарт итеп,
Мин дә бер һүз әйтәйем:
Алтын һалыр йөгөм юк,
Ыһый тағыр кемен юк,
Якшынан бүтән уйым юк
Үлемдән бүтән берәүзән
Юллай торған дауым юк,
- 2270 Ил теләген алырға,
Илде байман кылырға,
Үлемгә каршы барырға,

- Уны тар-мар итергә;
Серәшеп яу асканда,
Үлем юлым баҗканда,
Кан илаған кешенең
Күз йәшене һөртөрзәй,
Миңә юлдаш булырзай,
Яуза корзаш булырзай
- 2280 Бүләк бир, тип һорайым,
Ул бүләгең ни булыр —
Әйтсе, белеп торайым».
Һомай: «Утка төшһә, янмаҗтай,
Һыуға төшһә, батмаҗтай,
Ел дә кыуып етмәҗтәй,
Таузан-таштан өркмәҗтәй,
Ир-егеттән бүтәнде
Үзенә тиң күрмәҗтәй;
Типһә, тау-таш сорғотоп,
- 2290 Саһна, диңгез ярырзай,
Ауырлыкта, тарлыкта
Һиңә юлдаш булырзай,
Күктә тыуып, күктә үскән,
Ерзә током йәймәгән,
Әзрәкәнәң дейеүе
Мең йыл кыуып тотмаған,
Әсәйемдән бирелгән,
Үзем һөйгән егеткә
Бирә торған бүләгем —
- 2300 Акбуз толпар бирәйем.
Йөзөн һис тут алмаҗтай,
Һис берәү кәр кылмаҗтай,
Утка каршы — ут булыр,
Һыһыуға каршы — һыу булыр,
ЕнЕн-дейеүең барыһын
ҮлҮлемендәй курқытыр,
Куй-һарыктай өркөтөр
Булат кылыс бирәйем», —
Тигәс, Урал күнгән, ти,
- 2310 Кыз теләген эзләргә
Сығып китмәк булған, ти.
Урал кунак булған, ти,
Бер һисә көн торған, ти;
Һомай үзен әйтмәгән,
Шүлгән бикле тимәгән,

- Урал тағы һизмәгән.
 Урал торған, ти, таң менән,
 Битен йыуған, ти, һыу менән,
 Бер табында ултырып,
 2320 Тамакланған, ти, кыз менән.
 Урал юлға сытқан, ти,
 Таяғын ат иткән, ти.
 [Бик күп көндәр киткән, ти]
 Бара торғас, бер сакта
 Тау уратқан бер якта:
 Һайысқан да, козгон да
 Йән барлығын һизмәгән,
 Һис бер кеше булмаған,
 Дейеү-ен дә ул ергә
 2330 Килеп аяк басмаған,
 Үркәс-үркәс каяһы,
 Башына күзең һалһаң,
 Юғары торор болоттан,
 Бөтә йәмде үзендә
 Һаклар элек-электән —
 Шундай бер тау күргән, ти;
 Болот ярып, үрмәләп,
 Тау башына менгән, ти.
 Тирә-якка күз һалып,
 2340 Озақ карап торған, ти:
 Алыстан күзгә салынған,
 Йондоззай булып сағылған
 Бер яктылык күргән, ти,
 Шуға тосқап киткән, ти.
 Барып етеп караһа,
 Әйләндереп күз һалһа:
 Таш урынына көмөштән
 Сите, төбө бизәлгән,
 Буйындағы сәскә лә
 2350 Каты елгә борсолмай,
 Шазраланып өстәре,
 Күз сағылыр төстәре,
 Ел дә тейеп тулкынмай,
 Кояш нуры төшкәндә,
 Ем-ем иткән ыңыйлай
 Бер һылыу күл күргән, ти.
 Ошо күлдең өстөндә
 Тирәләй кош йыйналған,

- Бөтә төскә бизәлгән
 2360 Бер һылыу кош йөзгәнән
 Урал айыра күргән, ти.
 Кош һизмәстән, шул ерзә —
 Кош янына барған, ти.
 Төсөн-башын караған,
 Таяғы менән арбаған.
 Номай әйткән кош был тип,
 Урал шундук уйлаған.
 Кош Уралдан шикләнмәй,
 Осорға ла укталмай,
 2370 Уға карай килгән, ти;
 Урал, йола белмәгәс,
 Кошка туры укталғас,
 Кош Уралдан һишкәнгән,
 Осмак булып ынтылған,
 Урал барып тотқан һуң,
 Тотоп кулға алған һуң,
 Тағы тапты дошман, тип,
 Кош кайғырып уйланған.
 Урал, кошто күтәрел,
 2380 Кырға сығып барғанда,
 Теләгем булды тигәндә,
 Кошо телгә килгән дә:
 «Ай, егетем, тукта әле,
 Миңә ысынын әйт әле:
 Дейеүме һин, енме һин?
 Кешеме һин, кем һуң һин?»—
 Тигән һүззе ишеткәс,
 Кош кешеләй һөйләшкәс,
 Урал таңға калған, ти.
 2390 Бер аз барғас бер ерзә,
 Шишмә буйы туғайза,
 Коштоң затын, кемлеген
 Урал һорай башлаған.
 Кош та бер аз уйланып,
 Үз алдына һөйләненп,
 Текләп карап торған да:
 «Күзең йомоп, күрмәй тор,
 Кулың алып канаттан,
 Һис еремдән тотмай тор»,—
 2400 Тигәс, Урал уйланған:
 «Был кош оша, артынан

- Карсыға булып кыуырһың,
 һыуға сумһа, артынан
 Суртан булып сумырһың»,—
 Тип таякка ымлаған,
 Кош әйткәнде тыңлаған.
 «Егет, күзең ас инде,
 Әйтер һүзең әйт инде»,—
 Тигәс, Урал караһа:
- 2410 Куңыр һылыу, кыйғас каш,
 Әйәк-бите уйылған,
 Һул битенең уртаһы
 Күз каралай миңләнгән;
 Юрмә-юрмә ишелеп,
 Ике яклап-сикәләп
 Тамсы гөлдәй елберәр,
 Иң башынан һалыныр
 Озон сәсен матурлап,
 Өсмә яһап төшөргән;
- 2420 Озон керпектәре аша
 Кара күзен йылмайтып;
 Бит уймаһын уйнатып,
 Көләс йөзөн көлдөрөп,
 Дертләп торған күкрәген
 Уралғарак ыжлатып,
 [Һөйләп киткән шулай тип:]
 «Ай, егетем, һин былай
 Килеп һисек юлыктың?
 Бында килеп сығырға
- 2430 Ни бәләгә тарыктың?
 Ай, егетем, бел шуны.
 Карап көлгән йөзөм дә,
 Әйтеп торған һүзем дә —
 Сер сисеү ул, егетем.
 Быға саклы мин былай
 Һиндәй егет күрмәнем,
 Дейеү килмәс урынға
 Һин килер тип белмәнем.
- 2440 Һыуза балык булырзай,
 Күктә йондоз булырзай
 Кулда көсөм бар ине,
 Китер юлым бар ине.
 Һине күргәс, бар уйым,—
 Ел таратқан болоттай,

- Каса торған бар юлым,—
Югереп бөткән һужмактай,
Күз алдымдан киттеләр,
Юйылышып бөттөләр.
Мин бер сакта кыз инем,
2450 Иркә үскән буз инем,—
Дейеү мине урланы,
Кейәүгә биреп зурланы.
Кейәүем егет-ир ине,
Бергә озак торманы:
Көтмәгәндә юғалды,
Йөрөгемде кайғы алды.
Дейеүзәрзән кастым мин;
Илгә кайтһам, атама,
Бөтә тыуған илемә
- 2460 Яу килер тип курктым мин.
Дейеү килеп алыр тип,
Тағы кайғы һалыр тип,
Һис донъяла булмаған,
Кеше төсөн белмәгән
Бер кош булып остом мин;
Һис бер кеше тапмаҫлык,
Килеп аяк баҫмаҫлык
Ошо күлгә төштөм мин»,—
Тигән һүзен ишеткәс,
2470 Кызың серен төшөнгәс,
Урал уйын һөйләгән,
Тик бер кызға кош эзләп
Сыткан уйын әйтмәгән.
«Юлымдан, ахыры, уңманым:
Эзләп килгән кошомдо
Был күлдә лә тапманым»,—
Тиеп Урал уйлаған.
Тағы ары китергә,
Моразына етергә,
2480 Кызға ярзам итергә
Теләгәнән һөйләгән.
«Егет, тыңла, һүземде,
Асык күрзең йөзөмдө,
Айһылыу тигән атым бар,
Илде тоткан атам бар,
Күктең Айы — әсәм бар,
Һөйгәнемә бирерзәй

- Нарысай тигән атым бар,—
 Ныу теләһәң, ныу табыр,
 2490 Яуза юлдашың булыр—
 Егет, һүзем тыңласы,
 Һүзем кырын һалмасы:
 Һин эзләгән ул кошто
 Был тирәнән тапмашың.
 Атайым ил гизгән ул,
 Күк йөзөндә оскан ул,
 Бөтә ерзә булған ул,
 Бар коштарзы күргән ул.
 Атайымдан һорайык —
 2500 Безең илгә барайык,
 Һин теләгән ул кошто
 Шунда табып алайык;
 Мине дейеүзән коткарһаң,
 Теләгең үтәр атайым.
 Безең илде хуп күрһәң,
 Мине үзеңә тиң күрһәң,—
 Әйзә, безгә барайык,
 Икәү бергә булайык,
 Бергә гүмер һөрәйек».—
 2510 «Ай, һылыу кыз, һылыу кыз,
 Бүләгеңде алмайым,
 Илеңә мин бармайым,
 Ысынлап та кош булһаң,
 Кызға юрый әйләнһәң,
 Һине алып кайтайым,
 Үзем белгән һарайға
 Һине илтеп бирәйем.
 Унда барғас, һөйләрһең,
 Үз теләгең әйтерһең:
 2520 Теләһәң, кош булырһың,
 Теләһәң, кыз булырһың;
 Һине улар хурлаһа,
 Теләгәнеңде бирмәһә,
 Ул сак һине яклармын
 Үз илеңә илтермен»,—
 Урал шулай тигән, ти
 Кыз за быға күнгән, ти,
 Якшылығын Уралдың
 Тел төбөнән белгән, ти.
 2530 Кыз, кош тунын кейгән дә,

- Бергә китмәк булган, ти.
 Теге таякка менгәндәр,
 Юлға сығып киткәндәр,
 Таузар ашып үткәндәр,
 Күз асып, күз йомғансы
 Былар кайтып еткәндәр.
 Кыззар каршы килгәндәр,
 Кошто бары косаклап,
 «Айһылыу!» — тип алғандар.
- 2540 Урал быны ишеткәс,
 Аптыраған, таң калған,
 Айһылыу кош тунын һалған.
 «Әйзә, егет, керәйек,
 Һинең кайткан һарайың —
 Минең кайтыр һарайым,
 Икеһе лә бер икән», —
 Тип Уралға әйткән, ти.
 Урал тағы нығырак
 Хайран булып калған, ти.
- 2550 «Һай, егетем, егетем,
 Батыр-алып икәнһең,
 Мин һораған кошомдо
 Дейеүзән алып килгәнһең», —
 Тигәс, Урал аптырап,
 Бөтә серзә һөйләгән.
 «Уны алған ул күлдә
 Дейеү-мазар күрмәнем,
 Барған-йөрөгән юлымда
 Һис ауырлык тойманым.
- 2560 Унда нисек икәнән,
 Кош тунында йөрөгәнән
 Кайзан улай белдең һин,
 Миңә: „Әзлә“, тинең һин?» —
 Тиеп Урал һораған:
 «Дейеү нисек белмәне,
 Киткәнәңде күрмәне?» —
 Тип Һомай Айһылыуға
 Аптыраулы һүз кушқас,
 Айһылыу шунда һизгән, ти,
- 2570 Апаһының яңылыш
 Уйлағанын белгән, ти.
 Дейеүзәрзән үзенең
 Касып күлдә ятканын,

- Урал барып шул күлдән
 Уны эзләп тапканын,—
 Барын тезеп һөйләгән.
 Атаһының һарайынан
 Уны берәү белмәгән.
 Һомай быны ишеткәс,
 2580 Уралдан сер тартмаған:
 Үзе Һомай икәнән,
 Уралды якшы белгәнән
 Барын һөйләп аңлаткан.
 Һомай шунда атаһын
 Бүлмәһенә сакырткан.
 Самрау, килеп ингән дә,
 Айһылыуға күрешкән;
 Күз йәш түгеп кызынан
 Бөтә хәлен һорашкан.
- 2590 Айһылыу атаһына
 Хәлен һөйләп таныткан.
 Самрау тыңлап торған да,
 Серзе аңлап белгән дә,
 Уртаға һалып үз уйын,
 Калдырмайынса төйөн:
 «Айһылыузың кайтканын,
 Дейеүзәрзән касканын,
 Берәүгә лә әйтмәгез,
 Хәзергә сер тотогоз:
- 2600 Дейеү белһә, яу асыр,
 Һис уйламаҫ, ил баҫыр;
 Айһылыу за йонсоған,
 Күп кайғынан борсолған,
 Әсәһен дә һағынған.
 Айға барһын кунакка,
 Байман тапһын аулакка,
 Сакырырбыз кәрәктә»,—
 Тиеп һүзен әйткән, ти,
 Атаһының һүзенә
- 2610 Кыззары ла күнгән, ти.
 Һарайза ял иткәс тә,
 Бер нисә көн үткәс тә,
 Атаһы менән апаһы
 Әсәһенән бирелгән
 Айһылыузың бүлгәге —
 Һары атын сакырткан,

Айһылыузы бер төндө
Былар айға оҙаткан.

- 2620 Бер нисә көн Урал да
Бәсле кунак булған да,
Берзән-бер көн таң менән
Йокоһонан торған да,
Һомайзы сакырып алған, ти,
Әйтерен әйтә һалған ти:
«Мин әле бик йәш сакта,
Атам һине атканда,
Барыбыз за һунар тип,
Һине һырып алғанда,
Муһыныңа ырмау һалғанда,—
- 2630 Йәнең алкымға килгәндә,
Ысынлап та белепме,
Йән асыуҙан куркыпмы,
Һин телеңә килгәйнең,
Котолорға Үлемдән
Йәншишмә бар тигәйнең.
Һинән шуны ишеткәс,
Үлемде тапһаҡ, тоторға,
Илдән башын юйырға,
Шишмәнән һыу алырға,
- 2640 Мәңге йәшәһен донъя, тип,
Илгә һыуын бирергә
Тигән уйға килгәйнең,
Икәү юлға сыккайнык.
Күп ер китеп, сер белгәс,
Юлды икәү бүлгәйнең,
Юл буйында ни барын
Һорашып та белгәйнең.
Ағам китте һул якка,
Мин тайпылып уң якка,
- 2650 Айырылып киткәйнең.
Күп йыл йөрөнәм, ил күрҙәм,
Әйткән һүҙең онотмай,
Һезҙең илгә боролдом,—
Илең аша уҙманым,
Бармайым, тип торманым,
Һарайығыҙ алдына
Арысланымды бәйләнем.
Һарайыңа ингәндә,

- Уйым һөйләп үткәндә,
 2660 Арала һүз киткәндә,
 Үз бауырың эзләргә
 Минә йомош кушканда,
 Һин бер бүләк әйткәйнең.
 Мин эзләгән Үлемдән,
 Һин әйткәйнең телеңдән,
 Котолорға юл табып
 Мин бирермен, тигәйнең,
 Азак һүзең әйт, һылыу,
 Ни әйтерһең,— көтәйем,
 2670 Мин ишетеп китәйем»,—
 Тигән һүзен ишеткәс,
 Атаһына барған, ти,
 Йәшермәйенсә бер низе,
 Тезеп әйтеп һалған, ти.
 «Һөйһәң, кызым, барырың,
 Акбузатың бирерһең;
 Якты донъя йөзөндә
 Рәхәт торорһоң, балам,
 Уралдай ук батырға
 2680 Әсә булырың, балам.
 Урал батыр һақына
 Шүлгәнде лә сығар һин,
 Бөтә илде сақыр һин,
 Батыр ирзе туйла һин,
 Һис берәү зә калмаһын —
 Барын йыйып һыйла һин»,—
 Тигән һүзен тыңлаған,
 Атаһы уйын аңлаған,
 Шүлгәнде лә сығарған,
 2690 Бөтә илде йыйнаған,
 Алкындырып һыйлаған.

 Шүлгән, Урал икәүһе,
 Берен-бере табышқас,
 Көтмәгәндә осрашқас,
 Ике туған шатлығын,
 Юлда күргән барыһын
 Урал тезеп һөйләгән.
 Шүлгән тыңлап ултырған,
 Барын уйлап узырған:
 2700 «Урал былай дан алһа,

- Атама данлы кайтһа,
 Батыр булып макталыр,
 Бар эштә лә өҗ булып,
 Минен һүззәр аҗ калыр»,—
 Тип, эсенән көнләшкән.
 Шуға күрә Уралға
 Бар серене сисмәгән,
 Әзрәкәлә булғанын,
 Бында ниңә килгәнән,—
 2710 Беренен дә әйтмәгән.
 Ул Уралды үлтереп,
 Үзе данлы ир булып,
 Һомайзы ла үзе алып;
 Акбузатка атланып,
 Булат кылыс кулланып,
 Дан алыузы уйлаған.
 Шүлгән асыулы булғанын,
 Һәр сак һалкын йөрөгәнән,
 Уның шомо барлығын
 2720 Урал зурға куймаған:
 «Тик ябыулы ятканға,
 Уңайһызға калғанға»,—
 Тиеп кенә уйлаған.
 Бер сак Урал Шүлгәнән
 Комһарылып, каш төйөп
 Ултырғанын күргән дә:
 «Батыр иргә арыҗта,
 Икәү бергә менгәшеп,
 Бер-берене күзләшеп,
 2730 Күлэгәләй йөрөззәр,
 Баҗмалатып килерзәр,
 Алмашлап тап булырзәр.
 Батыр булған ир-егет
 Еңмәҗ нәмә булырмы?
 Батырмын тигән ир-егет
 Яуызға юл куйырмы?
 Утка каршы һыу булыр ул,
 Яуға каршы тау булыр;
 Үзенә түгел, барына
 2740 Ауырлыкта юл булыр;
 Батырзан ил тарыкмаҗ,
 Батыр һис бер зарыкмаҗ,
 Якшылыктан ялыкмаҗ,

- Яузан да һис талыкмаҫ.
 Күккә менер баҫкышыз,
 Ерзе асыр аскышыз,
 Якшынан эскәне — һыу булыр,
 Ямандан эскәне — ыу булыр»,—
 Тигән Урал Шүлгәнгә.
- 2750 һомай, һаман ышанмай,
 Ысын сергә төшөнмәй,
 Ағай-эне икәүҙең
 Кыланышын күзәткән.
 Алмаш-тилмәш улар мән
 һомай һәр сак һөйләшкән,
 Бар йолаһын уларҙың
 һомай төпсөп һорашкан.
 Уралды һомай күргәс тә,
 Батырлығын белгәс тә,
- 2760 Якшылығын һизгәс тә,
 Уға күнел бәйләгән,
 Ул Уралды һайлаған.
 Шүлгән комһоу йөрөгәнгә,
 һаман шиге булғанға,
 Ике туған һөйләшеп,
 Икәү-ара серләшеп
 Ултырғанда, Шүлгәндең
 һытык йөзөн күргәнгә,
 һомай унан шикләнгән.
- 2770 Урал ятһа йокларға,
 Биш көн тоғош йоклағас,
 Шүлгәндән кыз шикләнгәс,
 Кыззар куйған һакларға.
 Шүлгән ятқан бер якта,
 Айырымланған торлакта;
 Шүлгән уйы сыкмаған:
 һомай һис юл куймаған.
 Шүлгән: «Һин күп ерзә булғанһың,
 Бик күп нәмә күргәнһең,
- 2780 Батыр булып, дан алып,
 Инде бында килгәнһең,
 Самрауҙың иленә
 Килеп аяк баҫқанһың,
 Инде нимә уйлайһың?
 Безҙең теләк ошонда
 Икәнән асык белмәйһең.

- Самрауға яу асайык,
 Акбузатын алайык,
 Беребез таяк тотайык,
 2790 Беребез Акбуз менәйек,
 Бөтә илдә баш булып,
 Барыһыны мат курып,
 Көслө батша булайык.
 Һин таяғың бир миңә,—
 Ошо илде кырайым,
 Самрау коштоң кызыны
 Үземә тартып алайым,
 Акбузатын менәйем;
 Мин бит туған ағайың,
 2800 Мин дә даһлы булайым!»
 Урал: «Былар һис тә кешегә
 Бер яуызлык итмәгән,
 Үлтереп, кан коймаған,
 Кешегә дошман булмаған.
 Без икәүләп барайык,
 Дейеү илен алайык,
 Унда тоткон булғандың
 Барына юл асайык.
 Кыз алырга уйлаһаң,
 2810 Акбузатын һайлаһаң,
 Кызы һөйһә, кызын ал,
 Бүләк итһә,— Бузын ал.
 Кыз алам, тип яу асып,
 Үлемгә без юл куйып,
 Бер зә юкка кан койоп,
 Яуыз исем тақмайык;
 Кан койоусы даны алып,
 Илгә яман кайтмайык.
 Әзрәкәне еңәйек,
 2820 Шишмәнән һыу алайык,
 Үлгәнгә йән бирәйек,
 Кешеләрҙе донъяла
 Үлмәс йәндәр кылайык»,—
 Тигәс, Шүлгән уйланған,
 Төрлө юлдар һайлаған.
 Берзән-бер көн аулакта,
 Һомай булған торлакта,
 Шүлгән барған янына,
 Кулын һалған яурынына.

- 2830 Шунда һүзен аскан, ти,
 Һөйөү уйын әйткән, ти:
 „Донъялағы донъяла
 Кайтты“, тинең һин үзең;
 Арабызза яман уй,
 Канға батыр яман туй
 Арабызза булмаҫ ул,
 Тип уйлайым мин үзем,
 Һиңә әйтәм был һүзем.
 Дуҫлыкка күңел береккән,
- 2840 Айырылмаҫтай ереккән,
 Без зә илдә зур батыр,
 Йөрәгебез сыныккан,
 Һин тыңлаһаң, әйтәйем,
 Бер серем бар, һөйләйем,
 Тел өстөнә тел куймай,
 Яуабыңды көтәйем.
 Инде һүзем алмаһаң,
 Асык яуап бирмәһәң,
 Үз ярағым күрәйем,
- 2850 Үз юлымда булайым.
 Һарайыңа килгәс тә,
 Күз алдымда күргәс тә,
 Күңелемде арбаның,
 Күзең миңә һалманың.
 Мине әллә таныпмы,
 Ужарымды иҫкә алып,
 Шуға минән куркыпмы,
 Әллә мине һынапмы,—
 Караңғыға бикләһәң.
- 2860 Һөйләшкән һуң, һөйөпмө,
 Әллә Урал килепме,
 Караңғынан сығарзың,
 Һарайыңа сакырзың.
 Асык йөзөң күргәс тә,
 Барын хәзер оноттом;
 Һиндәй һылыу булмаҫ, тип,
 Эзләп һис кем тапмаҫ, тип;
 Миңә кулын бирерме,
 Үзе һөйөп килерме,—
- 2870 Тип, күңелем елкеттем;
 Теләһәң, бергә булайым,
 Һөйһәң, һине алайым,

- Карыулашһаң, тағы ла
 Үз уйымды кылайым.
 Номай: «Егет, һүзен тыңланым,
 Эс серенде аңланым,
 Шулайзыр тип уйланым;
 Мин бер батша кызымын,
 Кыззарының зурымын.
- 2880 Егет, уйың уй булһын,
 Бер зур майзан корайым,
 Батырлығың һынайым,
 Шунда даның күрәйем.
 Буз атым бар йырақта,
 Эсәм биргән бүләккә,
 Майзаныма шул килер,
 Батыр булһаң, ул белер.
 Майзанымда буз атты
 Кулыңа алып менәлһән,
- 2890 Эйәренең кашынан
 Булат кылысын алалһаң,
 Шундай батыр булалһаң,—
 Бузым бүләк кылайым;
 Атама әйтеп туй яһап,
 Үзеңә йәр булайым»,—
 Тип яуабын биргән, ти,
 Шүлгән быға күнгән, ти.
 Номай майзан йыйған, ти,
 Акбузын сакырған, ти.
- 2900 Күк күкрәп, шау килеп,
 Ерзә дауыл куптарып,
 Тау-таш, кая актарып,
 Бөтә йәнгә шом һалып,
 Йондоз һымак атылып,
 Акбуз толпар атлыгып,
 Күктән килеп төшкән, ти,
 Номай һылыу алдына
 Килеп, башын эйгән, ти.
 Акбуз шунда туктаған,
- 2910 Бөтә майзан һокланған:
 һыртына эйәр һалынған, ти,
 Эйәренең башына
 Алмас кылыс тағылған;
 Эйәренең кашы алтын,
 Югәненең башы алтын;

- Колагын беззэй қазаған,
 Ялын кыззай тараған;
 Башкүнәктэй танаулы,
 Һарымһактай асаулы;
 2920 Карсыға түш, тар бөйөр,
 Еңел, текә тояклы;
 Куян күзле, бакыр күз,
 Кысыр йылан тамаклы;
 Урайы куш, яңағы ас,
 Муйындары бер колас,
 Кыйғыр, бөркөт кабаклы;
 Текә баһып, баш ташлап,
 Йылғыр атлап бышкырыр;
 Колактарын кайсылап,
 2930 Алан-йолан караныр;
 Алғыр бүре күзендәй,
 Күз бәбәген сылатыр;
 Ауызлык сәйнәп, ярһуызан
 Ауыззарын күпсетер;
 Елһә, коштай елпенеп,
 Артында саң уйнатыр;
 Осраған бер кешене
 Хайран итер, уйлатыр,—
 Бына ошондай Акбуз ул,
 2940 Күз күрмәгән ят буз ул.

- Һөйөп алғас Акбузын,
 [Һомай әйткән хак һүзен:]
 «Күктә торзоң йондоззай,
 Батыр көтөп, зарығып.
 Кеше каны булмаған
 Батырзарзы ыргытып;
 Мин һайлаған батырзың
 Беренен һанға алманың,
 Үзең һайлап батырың,
 2950 Миңә табып бирмәнен.
 Бына килде батырзар,
 Һине көтөп ятырзар.
 Батырлығын һайлапмы,
 Матурлығын һайлапмы,
 Беренен үзең алаһың,
 Үзеңә юлдаш кылаһың,—
 Һиңә иптәш ир булыр,

- Миңә һөйгән йәр булыр».
 «Матур миңә дан булмаҫ,
 2960 Өҫтөмдә йөрөр йән булмаҫ.
 Шаулап болот калкканда,
 Койон-дауыл сыкканда,
 Күктә кош та оса алыр,
 Камҫак оша, яр табып,
 Уза елдән баҫа алыр.
 Мин сапканда — ел кубыр,
 Таш та ятып түзәлмәҫ,
 Һыу тулкыныр-кайнашыр,
 Һыуза балык йөзәлмәҫ.
 2970 Каф тауына типһәм мин,
 Он-талкандай ыуалыр,
 Тирә—якта йән булһа,
 Береһе калмай кыйралыр.
 Эйәремдең кашында
 Булат-алмас кылысым —
 Күп йыл уны һуғарған
 Үз янында қояшым —
 Бөтә донъя ирерлек
 Утка һалһаң,— иремәҫ,
 2980 Донъялағы бер нигә
 Йөзө тейеп тупармаҫ,
 Етмеш батман ауырлык
 Күтәрәп күккә сөймәгән,
 Өс бармағы осонда
 Төшөрмәйсә тотмаған
 Кеше — батыр ир булмаҫ,
 Кылыс һелтәп сабалмаҫ.
 Шундай батыр булмаһа,
 Миңә юлдаш булалмаҫ,
 2990 Мин сапканда, ул батыр
 Миндә ултырып түзәлмәҫ.
 Батыр булам тигән ир,
 Мине алам тигән ир,
 Көсөн шулай һынаһын,
 Унан мине менергә
 Базнат итеп караһын»,—
 Акбуз шулай тигән һуң,
 Бары эште белгән һуң,
 Тау битенә барғандар,
 3000 Етмеш батман ауырлык

- Бер зур ташты тапкандар,
 Куптарырға булғандар.
 Ай тарткандар, ти, былар,
 Йыл тарткандар, ти, былар,—
 Таш урындан купмаған,
 Көс-хәлдәре етмәгән.
 Гомай Шүлгәнгә карап:
 «Алып ташла!» — тигән, ти;
 Шүлгән барып укталған,
 3010 Тирә яклап һәрмәнгән,
 Кутарырға серәнгән,
 Көсөргәнәп маташкан,
 Көсөн һалып айкашкан,
 Баҫкан ерзә тубыктан
 Шүлгән ергә баткан, ти.
 Ай айкашкан, ти, Шүлгән,
 Йыл айкашкан, ти, Шүлгән,—
 Ташы һис кузғалмаған,
 Шүлгән, сәсәп, алайыған,
 3020 Күтәрәлмәй, ташлаған.
 Гомай Уралға карап:
 «Күтәрәп кара!» — тигән, ти.
 Урал ташка барған, ти,
 Ағаһы хурға калғанға
 Урал асыуланған, ти,
 Йозороклап һуккан, ти,—
 Таш тәгәрәп киткән, ти.
 Шунан алған кулына,
 Ташты атқан һауаға,—
 3030 Таш киткән, ти, атылып,
 Күрер күззән юғалып;
 Барыһы күккә баккан, ти,
 Таш төшөрөн көткән, ти.
 Иртә ине, төш булған,
 Төш тә ауып, кис булған,—
 Күктә тауыш шаулаған,
 Таш килгәнде күргәнгә,
 Төшһә, вайран булғанға,
 Бөгә кош-корт илаған.
 3040 «Зинһар, ергә төшмәһен, тип,
 Илде харап итмәһен»,— тип,
 Барыһы ла Уралдан
 Ялбарышып һораған.

- Һыңар кулын һуҙған, ти,—
 Урал ташты тоткан, ти;
 «Кайһы якта Әзрәкә?» —
 Тип һорашып алған, ти;
 Әзрәкәнең иленә
 Урал ташты аткан, ти.
 3050 Бөтәһе лә карашкан,
 Аптырашып уйлашкан,
 Кайза барып төшөр, тип,
 Үз-араһы һөйләшкән.
 Буз ат килеп, шунан һуң,
 Уралға баш эйгән, ти,
 Мин һинеке, батыр, тип,
 Уға буйын биргән, ти.
 Самрау батша шул сакта
 Үзе килеп сыккан, ти,
 3060 Уралға кул биргән, ти,
 «Кейәүем бул»,— тигән, ти.

- Бөтә илде йыйғандар,
 Былар зур туй корғандар,
 «Ил батыры бул һин»,— тип,
 Уралға дан биргәндәр.
 Шүлгән быны күргән һуң,
 Урал зур дан алған һуң,
 Шүлгән быға түзмөгән,
 Эсенән бик һыҙланған.
 3070 Урал уны кызғанған,
 Айһылыузы димләргә,
 Шүлгәнгә уны бирергә
 Һомай, Урал уйлашкан,
 Самрауға аңлатып,
 Өсәү-ара һөйләшкән.
 Айһылыузы кайтартып,
 Тағы илде сакыртып,
 Айһылыузы бирергә,
 Шүлгәнгә туй яһарға
 3080 Самрау за күнгән, ти;
 «Башкарайык был туйҙы,
 Аман булыр»,— тигән, ти.
 Һомай туйы барғанда,
 Уйын-көлкө булғанда,
 Ер тетрәп киткән, ти,

- Бары аптырап киткән, ти.
 Төрлө уйға сумғандар,
 «Был ни булыр», — тигәндәр, —
 Караһалар: күк йөзөн
 3090 Кып-кызыл ут алған, ти;
 Барыһы ла күккә карап,
 Аптырауға калған, ти.
 Һис кем быны аңламай,
 Ни тип әйтергә белмәй,
 Шулай алыып торғанда,
 «Дейеү микән был?» — тиеп,
 Барыһы шомға калғанда,
 Күктән сыр-сыу, илаулап,
 Низер төшөп килә, ти,
 3100 Бары карап тора, ти,
 Кара көйгән ялкынды,
 Күктәге ут — тулкынды
 Тотоп алған, ти, Урал.
 Карағандар, ти, былар:
 Айһылыу кыз булған, ти,
 Кайтып килгән сағында
 Ялкын сырмап алған, ти,
 Ут эсендә калған, ти.
 «Һауаға таш атканын
 3110 Карап торҙом күктә мин,
 Ташты буйға атканын
 Йәнә күрҙем күптән мин.
 Ул таш диңгез ашаға,
 Сорғап китте йыракка,
 Әзрәкәнең иленә
 Барып төштө бер сакта.
 Ерзе ярзы уртаға,
 Ялкын сыкты һауаға;
 Ялкын мине ялманы,
 3120 Һис тәкәтем калманы, —
 Һушым китеп йығылдым.
 Сак-сак йыйып һушымды,
 Былай таба боролдом», —
 Тигәндән һуң Айһылыу
 Барыһы быға таң калған;
 «Әзрәкәгә шау һалды?» —
 Тип, Самрау бик шатланған.
 Шүлгән быны белгән, ти,

- Серепе төшөнгән, ти:
 3130 Әзрәкәнәң Шүлгәнгә
 «Кызым»,— ул тип кәләшкә
 Биргән кызы Айһылыу
 Икәнән һизенгән, ти.
 Дейеү кызым тигәне,
 Үз кызым тип биргәне
 Барыһы ла буш икән,—
 Тиеп Шүлгән уйлаған.
 «Дейеү мине япты тип,
 Мин дә унан кастым»,—тип,
 3140 Шүлгән барын алдаған,
 Айһылыу быға ышанған.
 Номай күргәс Шүлгәнде,
 Йылан менән килгәнде,
 Үзән йылан: «Алам»,—тип,
 һәр сак һорап йөрөгәнде
 Номай белгәс, һишкәнгән,
 Номай бынан шикләнгән.
 «Ике батыр кейәүем,
 Ил өстөндә терәүем
 3150 Булыр»,— тиеп Самрау
 Үз әсенән шатланған.

- Һарайға Номай кайткас,
 Зәркум янына төшкәс,
 Шүлгән бынан шомланған;
 Зәркум серзә асыр, тип,
 Миңә бәлә тағыр тип;
 Нисек булһа, юл табып,
 Урал таяғын алып,
 Барыһын һыузан бақтырып,
 3160 Кыран-яран итергә;
 Акбузатка менергә,
 Номайзы ла алырға,
 Әзрәкәгә китергә,—
 Тиеп Шүлгән уйлаған.
 Шул урында Уралға
 Былай тип ул һөйләгән:
 «Мин дә бер дан табайым,
 Әзрәкәгә барайым,
 Илен бақып алайым»,—
 3170 Тип, таяғын һораған.

- «Икәү бергә барайык,
Бергә йөрөп карайык»,—
Тигән Урал Шүлгәнгә,
Шүлгән быға күнмәгән,
Урал таякты биргән.
Һомай ямдан сыккансы,
Зәркум менән һөйләшеп,
Бөтә серҙе белгәнсе,
Шүлгән таяк алғас та,
3180 Һомайзы ла көтмәйсе,
Айһылыузы күрмәйсе,
Самрауға әйтмәйсе,
Бер як кырга сыккан да,
Таякты бер һуккан да,
Барыһын һыуан баһтырған,
Һәләкәткә калдырған.
Зәркум быны күргәс тә,
Зур бер балык булған да,
Янына барған Һомайзы
3190 Шул урында карпыған.
Зәркум кызын карпығас,
Күктә қояш тотолған,
Быны Акбуз белдергән,
Акбуз даръяға сумған,
Даръя гөрләп кайнаған.
Һомайзың да юклығын
Барыһы ла аңлаған.
Акбуз даръяны быуғас,
Зәркумға юл булмағас,
3200 Һомайзы ул ебәргән,
Зәркум үзе тотолмай,
Каса һалып өлгөргән.
Һомай кире кайтқан һуң,
Бөтә серҙе әйткән һуң,
Урал эште аңлаған,
Дошман булды ағам, тип,
Үз эсенән уйлаған.
Бөрккән һыуы короғас,
Зәркум барып кушылғас,
3210 Акбузатка каршы
Таяк көсө етмәгәс.
Зәркум, Шүлгән киткән, ти,
Әзрәкәгә еткән, ти,

- Бөгә серзе әйткән, ти.
 Әзрәкә бик кайғырған,
 Дейеүзәрән йыйзырған,
 Һарайға һак куйзырған.
 Кәһкәһә менән Шүлгәнде,
 Зәркум, дүрт-биш дейеүзе
 3220 Ғәскәрәнә баш кылған.
 Күктә коштар осмаҫлык,
 Ерзә кеше йөрәмәҫлек,
 Ерзе һыу менән капларға,
 Күкте ут менән ялмарға
 Бар дейеүгә бойорған.
 Берзән-бер көн бар ерзә
 Күк-күмгәк һыу әркелгән,
 Күк йөзөндә кып-кызыл
 Ялкынлы ут бөркөлгән.
 3230 Күктә кош-корт осалмай,
 Ерзә бер йән торалмай,
 Аптыраған, алъяған;
 Кошо-корто, йәнлеге
 Йылан батша ерендә
 Бары бергә йыйылған,
 Уралға килеп ялбарған.
 Урал каушап калмаған,
 Ерзе баҫкан һыуҙан да,
 Күк каплаган уттан да
 3240 Бер зә куркып тормаған,—
 Менеп алған Буз атын,
 Кулына тоткан булатын,
 Дейеү батшаға каршы
 Канлы һуғыш, яу аскан.
 Ай һуғышкан, ти, Урал,
 Йыл һуғышкан, ти, Урал,
 Утка өтөргә бирмәгән,—
 Кайык яһап бар кеше,
 Һыуға батып үлмәгән.
 3250 Урал аяуһыз һуғышып,
 Дейеүзәрзе кырған, ти;
 Шул саклы улар үлгән, ти,—
 Киң дингеззең өстөндә
 Тау барлыкка килгән, ти.
 Акбуз һыузы йырған, ти,
 Юлы калкып калған, ти;

- Урал ярған юлдарзан
Халык эйәреп барған, ти.
Көн һуғышкан, ти, Урал,
3260 Төн һуғышкан, ти, Урал.
Каты яуы барғанда,
Дейеүзәрзе кырғанда,
Әзрәкәгә тап булып,
Икәүһе каршы тороп,
Кылыска кылыс килеп,
Һуғышкандар, ти, былар,
Алышкандар, ти, былар.
Әзрәкә сабып караған,
Ут та бөркөп караған;
3270 Уралды ул сапканда,
Күк күкрәп торған, ти;
Уралға ут бөрккәндә,
Һыуҙар кайнап торған, ти,
Ерҙәр тетрәп торған, ти.
Урал қаушап калмаған,
Һушынан да таймаған,—
Булат кылысын алған да,
Әзрәкәне өзә сапкан да,
Тураклаған, онтаған,
3280 Кылысы диңгезгә сумған,
Ер һелкенгәндәй булған:
Әзрәкә йәнһез йығылған,
Имәнес зур кәүзәһе
Һыузы урталай бүлгән;
Халыкка менеп йөрөргә,
Йәйрәп хәл йыйырға
Зур бер яман тау булған.
Урал алға сапкан, ти,
Аты диңгез ярған, ти;
3290 Аҡбуз барған урында
Һыу алмашлык юл булып,
Зур тау калка барған, ти;
Һыу эсенән бар халык
Шунда сыға барған, ти.

Урал күп йыл һуғышкан,
Күп дейеүзәрзе кырған,
Күп тау барлыкка килгән;
Урал яуға сыкканда

- Яны тыуған балалар
 3300 Ат менерзәй ир булған.
 Урал барған ер буйлап,
 Ызылып яткан тау буйлап
 Якшы толпар атланған,
 Яу батырзай кораллы
 Дүрт йәш батыр килгән, ти;
 Улар артынса дүртәү
 Калышмайсы елгән, ти,
 Килеп сәләм биргән, ти.
 Беренсеге: «Катил батша кызынан
- 3310 һинән тыуған улыңмын;
 һигез йәштә ат мендем,
 Ил аралап күп йөрөнәм,
 Кыуам һиннең юлыңды, ти.
 Бер ерзә бер кан күрзәм —
 Үзе ергә һенмәйзәр,
 Үзен козғон эсмәйзәр;
 Йырткыс, козғон йыйылып,
 Көн дә килеп есқәйзәр.
 Әсәмә кайтып һөйләнем,
- 3320 Бар серене һораным;
 Әсәм миңә әйтмәне,
 Ултырып үкһеп иланы,
 Ни әйтергә белмәнем,
 Аптыраным-алъяным,
 Серенә төшөнмәнем.
 Ил аралап күп йөрөнәм,
 Күп кешеләрзе күрзәм,
 Йәшен-картын осраттым,
 Кан турында һораштым.
- 3330 Береһе асык әйтмәне,
 Былай тиеп һөйләне:
 „Атаң безгә тәңреләй
 Ярзам итте, балакай,
 Атаң хақын һаклайбыз,
 Әсәң хәтерен һакмайбыз.
 һин — атаңдан кот йыйған,
 һин — әсәңдән һөт имгән,
 Уларға уртақ бала һин,
 Безгә дана бала һин.
- 3340 Әсәңдән үтеп, балаға
 Уртақ серен әйтмәбез:

- Атаң кәзере хакына
 Әсәңә ант иткәнбәз.
 Бар, балакай, кайт, бала,
 Әсәңдән һорап күр, дана,
 Әсәң әйтһә бар серен,
 Үзең уйлап бел, бала“ —
 Тигәс, кайттым өйәмә,
 Тағы бактым әсәмә,
 3350 Әсәм һис тә әйтмәне,
 Минән серен йәлләне.
 Мин ултырып иланым,—
 Ул һаман да әйтмәне,
 Урын һалып яткыззы,
 Йоклатырға бәпләне.
 Мин дә һүзен тыңланым,
 Мин йоклаған булайым,
 Ни һөйләр тип уйланым.
 Минә йоклай типмелер,
 3360 Әллә онотопмолор,—
 Әсәм үкһеп иланы,
 Башын баһып уйланды,
 Ошолай тип һөйләнде:
 „Уралым китте — юғалды,
 Кабат кайтып килмәйҙер;
 Улы етте — ат менде,
 Уны атаһы белмәйҙер.
 Атаһындай тыуғандыр,
 Йөрөгә куш булғандыр.
 3370 Яуыз атам кандары
 Әле шиңмәй яталыр,
 Бала, күрөп кайта ла,
 Һорашып қаңғырталыр.
 Инде һисек итәйем,
 Әйтмәй һисек түзәйем?
 Әйтһәм, серҙе белер ул,
 Атаһыны эзләр ул,
 Башын ситкә аззырыр,
 Минә яңғыз қалдырыр“,—
 3380 Тип, әсәйем зарланғас,
 Мин дә торҙом, таң атқас.
 Қан янына барҙым мин,
 Қанды урап йөрөнөм мин:
 „Әй, һез кандар — кан икән,

- Атам койған кан икән;
 Атам Урал тигәнгә,
 Яу аскандар һез икән,
 Батыр кулы тейгәнгә
 Һыуынмаймы канығыз,
 3390 Шуға тынмаймы йәнегез?
 Канығыз бысрак булғанға,
 Козғон да эсмәй, ер йотмай,
 Күпсеп ята канығыз,
 Йонсоп ята йәнегез“,—
 Тигән һүзем әйткәйнем,
 Канлы был күл кайнаны;
 Кан күленән ситтәрәк
 Бер ак ташка сәсрәгәс,
 Кан кыймылдай башланы,
 3400 Серзе һөйләп ташланы:
 „Оло бабаң Катилдең
 Коллап алған дүрт батыр,
 Бабаң кушкас, яу астык,
 Яуыз канға олғаштык;
 Ер зә эсмәй каныбыз,
 Көн киптермәй каныбыз,
 Козғондарзан һорайбыз,
 Улар за эсмәй каныбыз,
 Өзгөләнә йәнебез.
 3410 Урал атаңа бар әле,
 Безең зарзы әйт әле:
 Сара тапһын, терелтһен,
 Үзенә юлдаш булырлык
 Яуға сабыр ир итһен»,—
 Тигәс, серзе белдем мин,
 Әсәмә һөйләп бирзем мин.
 Әсәм уйлап торзо ла,
 Тауға карай барзы ла,
 Козғондарзы йыйзы ла,
 3420 Бер козғондо озатты,
 һәр көн сығып күзәтте.
 Бер талай көн узғас та,
 Козғоно килде шау менән,
 Ауызы тулы һыу менән.
 Әсәм канға төкөрттө,—
 Барыһын да терелтте.
 Дүрт батырға карата:

- „Атамда хур булһағыз,
 Унан этлек күрһәғез,
 3430 Уралға дуҫ булһағыз,
 Атайымдың дуҫтарын
 Донъянан юк итегез;
 Улым менән Уралды
 Эзләп бергә китегез,
 Барып сәләм әйтегез“.
 Дүрт батырҙы әйәртеп,
 „Атам — Урал икән, тип,
 Урал улы — Яйык“, тип,
 Һиңә юлдаш булайык, тип,
 3440 Алыстан эзләп килдем мин,
 Һиңә ярҙам итергә
 Билем биштән быузым мин,
 Һинең юлды кыузым мин».
 Икенсеһе: «Минең әсәм — Гөлөстан,
 Мин алтыға еткәндә,
 Йылан, Шүлгән алыстан
 Илде талай килгәндә,
 Бар кешенең кото осоп,
 Илдән касып киткәндә,
 3450 Әсәм һине уйлаған,
 Шул кайғынан калғыған.
 Аяғына баҫалмай,
 Урынында ятканда,
 Илдә йылан яу асты,
 Бөтә ерҙе һыу баҫты.
 Балаһына, картына
 Кайык яһап барыһына.
 Барын тейәп кайыкка,
 Яңғыҙ үзем яу астым.
 3460 Яуза илде бирмәгәс,
 Һыуза берәү батмағас,
 (Үзем йәш бер балалай
 Күззәренә сағылғас),
 Зәркүм килеп тукталды,
 Кылыс алып укталды.
 Мин дә карап торманым,
 Балаһынып калманым:
 Кылыс алып айкаштым,
 Уға һис көс бирмәнем,
 3470 Ул һукканда йығылмай,

- Батырзарзай сайкаштым.
 Зәркум бик ужарланғас,
 Уны яклап дейеүзәр
 Тағы өстәлеп укталғас,
 Унда ла көс бирмәнем,
 Дейеүен дә, Зәркумды ла
 Быуын-быуын тураным.
 Хәлһезләнгән көйө тороп,
 Әсәм килеп кул һалды,
 3480 Йәшләндереп күззәрән
 Былай тиеп һөйләнде:
 „Атаң — Урал батырым,
 Унан тыуған Нөгөшөм,
 Батыр булып тыуғанһың,
 Атана кулдаш булғанһың.
 Мен толпарға һин, балам,
 Атана юлдаш бул, балам!“ —
 Тиеп әсәм, һөйзө лә,
 Толпар тотоп бирзе лә
 3490 Миңә юлды өйрәтте,
 Мине яуға озатты».
- Өсөнсөһө: «Минең әсәм — һомайзыр,
 Көн дә күккә менә лә,
 Нимәнелер тыңлайзыр.
 „Ай Уралым, нишләйһең?
 Мин янамын, белмәйһең;
 Дейеү-ендәр тупланды,
 Бары бергә йопланды,—
 Ил каплаған диңгеззе
 3500 Нисек йөзөп сығырһың?
 Кан дулаған дейеүзе
 Нисек еңеп сығырһың?“ —
 Тип, аһ ороп ялбарзы,
 Үз алдына зарланды.
 Миңә текләп торзо ла,
 Бер көрһөнөп алды ла:
 „Һай, иртәрәк тыуаңсы,
 Ат менерлек булһаңсы,
 Күп йыл яуза йонсоған
 3510 Атана терәк булһаңсы“,—
 Тиеп мине бәпләйзер,
 Үзе һыктап илайзыр;
 Мине бала типмелер,

- Бер зә серен әйтмәйзер.
 Төндә икәү ята инек,
 Берәү ишеккә һукты,
 Ишек селпәрәмә килде, —
 Өйгә бер дейеү керзе,
 Әсәйемә кул һуззы.
- 3520 „Илгә кыран һалғандың,
 Илде тар-мар кылғандың,
 Таш аттырып кая тауға,
 Дейеүгә ут һалғандың
 Йән һөйгәне һомаймы?
 Уралға буз ат биреп,
 Тау ярзырған һомаймы?
 Булат кылыс тоттороп,
 Бар дейеүзе кырзырып,
 Байман тапқан һомаймы?
- 3530 Әйт тизерәк, шулаймы?!
 Хәзер башың киçәмен,
 Киçеп каның әсәмен;
 Кәүзәң утка атамын,
 Башың ташлап Уралға,
 Уны һалып кайғыға
 Ярты көсөн аламын“, —
 Тип, әсәмә укталды.
 Мине күргәс, тукталды:
 „Урал котонан тыуған
- 3540 Батыр бала түгелме?“ —
 Тип, үзе һөйләнде;
 Әсәм бер һүз әйтәлмәй,
 Шомға калып уйланды,
 Йәшләндереп күззәрен,
 Бигерәк мине кызғанды.
 Үзем бала тимәнем,
 Һис ни уйлап торманым,
 Дейеүгә мин ташландым, —
- 3550 Бер башынан ут сәсте,
 Бер башынан бу сәсте.
 Ул бер алды, мин — алдым,
 Өстөнә менеп атландым.
 Кулымда һуккы юк ине,
 Тас яланғас кул ине;
 Шулай за көс бирмәнем,
 Дейеүгә юл куйманым,

- Тубарлата башланым.
 Кысып алдым муйынынан,
 Кан бөркөттөм ауызынан,
 3560 Тағы өстөп бер һуктым,—
 Албырланы, какшаны,
 Басыр хәле калманы.
 Тағы ынтылып бер һуктым,—
 Тау колаткандай иттем.
 Дейеү ятып йән бирзе,
 һарай эсе кан булды;
 Әсәм билдән кан кисеп,
 һыуһанын, тип, һыу бирзе,
 Йөзөнә шатлык тулды.
 3570 „Батырзан батыр тыуғанһың,
 Атаңдай батыр булғанһың;
 Кәүзәң бала булһа ла,
 Йөрәгең йәш булһа ла,
 Инде үсеп еткәнһен,
 Атаң яңғыз тилмерә,
 Ауыр көндәр кисерә,
 Атаң яңғыз булмаһын,
 Дошман яуы еңмәһен,
 Бар атана, юлдаш бул“,—
 3580 Тип, әсәм димләгән,
 Атаһыны эзләгән
 Изел тигән улың мин,
 һинә төбәп килдем мин».
 Дүртенсәһе: «Минең әсәм — Айһылыу,
 Атам Шүлгән булғандыр,
 Шүлгән һинә туғандыр,
 Дейеүзәр менән киткәндәр,
 Азак күп кан койғандыр;
 Якшыға дошман булғандыр,
 3590 Әсәм барып хур булған,
 Кайғыһынан һары алған.
 Әсәм озақ түзмәне,
 Мине сакырып янына
 Былай тиеп һөйләне:
 „Караңғы төн яктырткан
 Айзан тыуған бала инем,
 Әсәм һөйгән дана инем;
 Шүлгәнде кейәү иткәнгә
 Әсәм бер йөз капланы:

- 3600 Кайгы басты йөзөнө,
Миңдәр басты битенә.
Көн дә йөзө үзгәрә,
Нуры кәмеп, хурлана;
Элек көндәш булһа ла,
Кояштан ул нурлана.
Атайым да хурланды,
Шүлгәнгә биреп алданды,
Кайгыһынан китепме,—
Хәзер күззән юғалды.
- 3610 Кейәүгә тигән бүләгем —
Һары толпар бирәйем;
Балам, атка мен, тинә,
Изел менән кит, тинә.
Урал атаң юлынан,
Балам, яуға сап, тинә,
Һакмар батыр бул, тинә,
Атаңды эзләп тап“»,—тинә.
- Дүрт егеттең был һүзән
Урал батыр ишеткәс,
3620 Балалары үскәнен,
Батыр булып еткәнен
Үз күзе менән күргәс,
Урал батыр кыуанған,
Ғәйрәте тағы артып,
Акбузатка атланған,
[Аталы-уллы биш батыр,
Бер-береһенә иш батыр,
Йәнә баяғы дүрт батыр]
Дейеүгә яу башлаган,
- 3630 Кыйратып ташлаган,
Ай һуғышкан, ти, былар,
Йыл һуғышкан, ти, былар.
Каты яузың береһендә
Кәһкәһәнә колаткан —
Диңгез ярып, дулаткан,
Асы тауыш сығарткан,
Күк күкрәтеп, олоткан,
Кәүзәһен өйөп, диңгеззә
Тағы бер тау яһаткан.
- 3640 Тылсымлы Шүлгән диңгезе
Кап урталай быуылған,

- Ыуза йөзгән дейүзәр
 Ике якка бүленгән.
 Шүлгән юнгә килмәгән,
 Ни эшләргә белмәгән,
 Үз яғында калгандың
 Барыһын бергә йыйнаған,
 Урал тағы юл сапкан,
 Дейүзәргә яу асқан.
- 3650 Каты яззар барғанда,
 Күктә уттар бөркөлөп,
 Диңгез һыуы әркелеп,
 Ыузар кайнап торғанда,
 Шүлгән, Урал икәүһе
 Бер-беренәнә тап булған.
 Икәү-ара ясқышып,
 Төрлө яклап алышқан.
 Таяғы менән Уралға
 Шүлгән яман укталған —
- 3660 Утка өтмәксе булған,
 Башына етмәксе булған.
 Урал һис тайшанмаған,
 Булат кылысын алып,
 Каты айбарын һалып,
 Серле таякка сапкан,—
 Таяк киткән сәсрәп,
 Күктә тауыш күкрәп,
 Диңгез бөтөп, күл булған;
 Ыуһыз калып дейүзәр,
 3670 Көре китеп хур булған.
 Урал тотқан Шүлгәнде,
 Акбузаты, улдары
 Кырған дейеү, бүтәнде.
 Көсө менән Шүлгән дә
 Уралға кәр кылмаған,
 Алыһна ла, түзәлмәй,
 Шунда ергә колаған.
 Һакмар килеп Шүлгәнгә,
 Кылыс менән укталған;
- 3680 Урал тыйғас, Һакмар за
 Сапмайынса, тукталған.
 Урал, халыкты йыйған,
 Шүлгәнде уртаға куйған.
 «Йәштән яуыз үстең һин,

- Урлап кан да эстең һин —
Атам һүзен тотманың,
Яуызлыкка ыкланың,
Якшылыкты ташланың.
Канда йөззөң яуың менән,
3690 Ил капланың һыуың менән
Ил үртәнең утың менән.
Дейеүзәрзе дуҫ иттең,
Кешеләрзе үс иттең;
Яуызлығың ат иттең,
Йөрәгенде таш иттең,
Атам йөзөн ят иттең,
Әсәм һөтөн ыу иттең.
Юлда юлдаш булдым мин,
Яуза кулдаш тинем мин;
3700 Кыз һайланың — буй куйзым,
Ат һайланың — яй куйзым;
Дан эзләргә теләнең —
Теләгенә юл куйзым.
Кулыңа таяк тотторзом, —
Якшылыктан күз йомдоң,
Кан койорға ынтылдың;
Илде утта калдырзың,
Күпте һыуға батырзың,
Дейеүзәргә алданып,
3710 Кеше каны түктерзең.
Һөттәй таза берәүзең —
Күз каралай икәүзең
Берен димләп бирзәрзем,
Йөрәгең ак булыр, тип,
Һине мактап һөйзәрзөм.
Һин һүзендә торманың,
Якшыға юл борманың,
Атам һүзен тотманың,
Әсәм һүзе йокманы.
3720 Бөтә илде һыу иттең,
Кеше канын койорға
Дейеүзәрзе өҫкөттөң;
Ер өҫтөн дә эркеттең,
Тигез яткан ер йөзөн
Оңкар-шоңкар иттерзең.
Яманлыкты якшылык
Еңгәнән хәзер белдеңме?

- Кешеләрзең донъяла
Өстөнлөгөн күрзеңме?
- 3730 Инде бөгә дейеүен
Йәнлеккә төйәк тау булыр,
Кәһкәһәнең яузары —
Аяһыҙ калған яу булыр.
Ер үбеп ант итмәһәң,
Кеше алдында баш әйеп,
Аҡ һүҙеңдә бирмәһәң,
Кешеләрзең күҙ йәшен
Үз өстөңә алмаһәң,
Атам менән күрешкәндә,
- 3740 „Ғәйеплемен“, — тимәһәң, —
Башың сарзай сорғотоп,
Он-талкандай итермен;
Күбәләктәй йәнендә
Төнгө томан кылырмын;
Каныңа буяп кәүҙәңдә,
Әзрәкәнән бар булған,
Ямантау тип аталған
Тауға илтөп күмермен.
Башына йән килмәштәй,
- 3750 Килеп хәлең белмәштәй,
Якшылап телгә алмаштай,
Бер үлән-зат үсмәштәй,
Бите көнгә ярылған,
Каскан-боһкан йыланға,
Яуыз уйлы бөркөткә,
Кан көсәгән коһонға
Кунып, йәнлек аңдырға
Яуыз тағы булырзай
Кара кая итермен», —
- 3760 Тигән һүҙен Уралдың
Шүлгән тыңлап торған да
Урал куймаһ, үлтерер,
Тип йөрәге курыткан,
[Һүҙ бирергә тотонған:]
«Үз тылсымым яһаған
Диңгеземдәң калдығы,
Уһаллығым шомлого
Күлдән битем йыуайым;
Һис яуызлык кылмаһка,
- 3770 Йоланан баш тартмаһка,

- Һинең менән берлектә,
 Кешеләр менән дуслыкта
 Ил батыры булырға,
 Илдә тыныс калырға,
 Урал, юлың үбәйем;
 Ысын туған булайым,
 Бергә торлак корайым,
 Атам-әсәм күрәйем,
 Уларға һүз бирәйем».
- 3780 «Кандан үскән бит итең
 Күлдә йыуып тазармаң,
 Канһыраған йөрәген
 Якшылыкка баһалмаң;
 Канда йөзөп, ут йоткан
 Кеше һине ишкә алмаң;
 Кешегә асыу таркыған:
 Кәһәрзә таштай катырған,
 Якшыға каршы ут булған,
 Бәғерлектен токомо
- 3790 Тыумыштан ук юк булған
 Һинең ыулы йөрәген,
 Таш ирелә лә, иремәң,
 Якшылыкты тиңһенмәң,
 Кешеләрзә ишһенмәң,
 Кешеләрзә һөйһәң һин,
 Бергә йәшәп, ил короп,
 Батыр буламы, тиһәң һин,
 Кешеләргә дошманды
 Үзәң каршы яу һана,
- 3800 Дошман канын күл итеп,
 Битең йыуыр һыу һана.
 Кешеләргә яу асып,
 Буштан-бушка кан койоп,
 Яуызлыкты даң һанап,
 Якшылыкты хур яһап,
 Олпатланып, маһайып,
 Кәперәйгән тәһенде,
 Карайып бөткән каныңды, —
 Үткәһенде уйлатып,
- 3810 Йөрәгенде һызлатып,
 Тәһен һызлап кағайһын,
 Йәһен һыктап ағарһын;
 Йөрәгендәге кара кан

- Кибеп, кабат кызарһын,
 Шунда кеше буларһын,
 Илдә бергә калырһын,
 Яуза батыр булырһын»,—
 Урал шулай тигән һуң
 Шүлгән кабат һораған,
 3820 Үз теләген һөйләгән:
 «Һыбай йөрөгән арысланым
 Ике һөрөнөп абынды,
 Ике тапкыр һуғылды,
 Тәнендә кандар күренде,
 Күзенә уттар сағылды,—
 Аяғыма йығылды.
 Өсөнсө тапкыр һөрөндө —
 Миңә карап үкенде,
 Кабат инде һөрөнмәм,
 3830 Тип, арысланым елкенде.
 Мин дә кабат һуқманым,
 Теләм менән һүкмәнем.
 Ағаң булған Шүлгән дә
 Ике тапкыр юғалды,
 һөрөнгән арысландай,
 Күңеленә шом һалды.
 Өсөнсөгә — китәйем,
 Дейеүзе тар-мар итәйем;
 Кара йөзөм йыуайым,
 3840 Ак йөз менән алдына
 Килеп, ерзе үбәйем,
 Кешеләргә иш булып,
 Бергә торлак корайым».
 Урал тыңламак булған,
 [Һуңғы кат һынамак булған:]
 «Намыс тапар ир булһа,
 Өмөтө булмаҫ көнөнән;
 Ил быуынын һанаған
 Көнөн айырмаҫ төнөнән:
 3850 Йырткыс булған йәндәргә
 Кара төнө көн булып,
 Күзе калғыр байғошто
 Төндә аулап, шат булып.
 Кешеләргә төн ине,
 Һиңә яқты көн ине.
 Калғып торған кешене

- Кырып, зур дан дауланың,
Кешегә дошман дейүзе
Үзенә дуҫ һайланың;
3860 Кешенең кара төнөндә
Айы калкыр тимәнең,
Айы батһа, таң атып,
Көн балкырын белмәнең.
Инде күрзең күз менән
Кешегә көн килгәнең,
Дейеүең менән үзеңә
Кара төндөң килгәнең;
Дейеү йөзгән дингезең
Ергә әйләнеп калғаның,
3870 Әзрәкә тигән батшандың
Каялы тау булғаның;
Уҫал да менән аҡ кызған
Һаҡмар батыр тыуғаның;
Йылан ейгән ирзәрзең,
Унда бикле кыззарзың
Көләс йөзлө булғаның,
Алдыңа килеп тыуғаның
Инде күреп, ышанһаң;
Кешегә каршы сайкашып,
3880 Яуызлыктан яу асып
Мәңге еңәлмәсеңде,
Бер тукталып уйлаһаң;
Уҫаллығыңа баш булып
Кешелекте һайлаһаң,
Үз арысланың һүзенән
Өлгө алырлык булһаң,—
Мин дә бер юл куяйым,
Һинән яҡшылык көтәйем.
Атамдың хақы өсөн,
3890 Әсәмдең хәтерә өсөн,
Тағы ла бер һынайым,
Теләгенде бирәйем».
Шүлгәнде шулай озаткаҫ,
Урал халыкты йыйзырткан да:
«Күзгә күренер Үлемде
Илдән кыуып юк иттең,
Кан эсеүсе дейеүзең
Барын кырып тау иттең.
Йәншишмәнең бар һыуын

- 3900 Ҳоҗоп алып киләйек,
 Бар кешегә бирәйек.
 Күзгә күренмәс Үлемдән,
 Килер ауырыу-сырхаузан,
 Ауыртыныу-һызлаузан,
 Кешеләрзе коткарып,
 Барыһыны шат кылып,
 Мәңге үлмәс кылайык»,—
 Тип, Урал һүз асканда,
 Аһ-ваһ итеп зарланып,
- 3910 Үлем сакырып-ялбарып,
 Бар һөйәге какшаған,
 Тәнендә ит калмаған,
 Ата-әсә, берен дә
 Кем булғанын белмәгән
 Бер карт килеп еткән, ти,
 Ошо һүзен әйткән, ти:
 «Бик күп быуын күрзем мин,
 Бик күп ерзә булдым мин,
 Һис нәмәне тоймаған,
- 3920 Бер нәмәнән куркмаған,
 Бала — атаһын белмәгән,
 Ата—балам тимәгән
 Осорзо ла күрзем мин;
 Кешеләр бергә тупланып,
 Үз-араһы йопланып,
 Көслө ырыузар көшөззә
 Талауын да күрзем мин;
 Йылан, дейеү, батшалар,
 Кеше затын эзәрләп,
- 3930 Тапкан ерзә берәмләп
 Ашап башын үстөрөп,
 Кайныһын кол иттерөп,
 Ил өстөндә түш киреп,
 Кешеләрзе бусығытып,
 Кан илаткан осорза
 Егет тә булып үстем мин.
 Үлемде лә белмәнем,
 Етемде лә күрмәнем,
 Дейеү илде каплағас,
- 3940 Йылан күпте ялмағас,
 Үлем күзгә сағылғас,
 „Миңә лә көн килер тип;

- Минең кулдан килмәһә,
 Илгә бер ир тыуыр, тип;
 Дейүзәр менән йыланға
 Бер көн кыраң һалыр, тип,
 Кешеләрҙең шул көндө
 Шатлык туйы булыр, тип,
 Һыктап йөрәге һызған,
 3950 Кан илап күҙе тонған
 Кешеләрем йылмайып,
 Рәхәт һулыш алыр, тип,
 Ерҙә байман корор“, — тип, —
 Шуны өзөлөп көттөм мин.
 Үлемгә йән бирмәскә,
 Туйзан тороп калмаҫка,
 Йәншишмәнән эстем мин.
 Үлем күп сак осраны,
 Өскә кандар сәсрәне,
 3960 Үңәсемдән күп алды,
 Боғазға бысак күп һалды,
 Кандарымды һаркытты,
 Һөйөгемде кыйратты, —
 Шунда ла буй бирмәнем,
 „Йәнемде ал!“ — тимәнем;
 Йәнем бирмәй серәштем,
 Үлем менән көрәштем.
 Инде туйзы күрҙем мин,
 Шуға бында килдем мин,
 3970 Һезгә сәләм бирҙем мин;
 Кешеләрҙең көләс йөзөн
 Күҙ алдымда күрҙем мин;
 Кеше, кеше тигәндек
 Батырлығын һизҙем мин.
 Инде үлһәм дә, кайғым юк;
 Калкып яткан зур юлың
 Кешегә төйәк булырлык;
 Дейүзән өйгән тауҙарың
 Кейеккә торлак булырлык.
 3980 Һәр кайһыһы йәйерәп
 Йопланып түл йәйерлек;
 Быуын-быуын үрсешеп,
 Бергә уйнап-көлөшөп,
 Байман табып ерләшөп,
 Үткәндөрөн йырлашып,

- Көн итерзэй ил булып,
 Торасағын белдем мин.
 Егетем, батыр икәнһең,
 Күз карамдай һаналған
 3990 Илгә кашка икәнһең;
 Быуын-быуын буйына
 Макталырлык икәнһең.
 Ил ырысын табырға
 Атаң һиңә кот биргән,
 Әсәң һиңә һөт биргән;
 Дошманға таш йөрәкле,
 Дусыңа аш йөрәкле
 Батыр итеп үстергән,
 Тәу арыслан мендергән.
 4000 Якшылыкка ынтылған
 Йөзә көндәй һылыуға,
 һыны тиңһез һылыуға —
 һомайға тап булғанһың.
 Утка каршы ут булыр,
 һыуға каршы һыу булыр,
 Елгә каршы тау булыр,
 Яуға каршы яу булыр
 Акбузатка атланып;
 Дейеүзәргә яу аскан;
 4010 Ерзән диңгез киптергән,
 Ергә ырыс сәстергән,
 Илгә байман килтергән
 һине кашка тип белдем,
 һинең алдыңа килдем.
 Күбәләктәй йәнем бар,
 Бер йотомдай каным бар,
 Әлберәгән тәнем бар;
 һөйәк-һаяк кыйралған,
 Тик таркалмаһ һыным бар,
 4020 Хәзәр уйым таркалды,
 Йәшәр хәлем калманы;
 Үлем сақырып караным,
 Буй бирергә уйланым.
 „Йәншишмәнән һыу эстең —
 Минә каршы көс иттең,
 Мәңге йәнең алалмаһ,
 һине үлек итәлмәм;
 Көсөң бөтөр — калырһың,

- 4030 Үлө алмай каңгырырһың;
 Тәнең сереп, корт ашар,
 Шунда ла һин үлмәһең,
 Һис донъянан китмәһең,
 Мине бушка көтөрһөң,
 Аһып-каңгып бөтөрһөң“,—
 Тип, йәнемде алманы,
 Үлем базнат кылманы.
 Егет, һиңә килдем мин,
 Килеп хәлем әйттем мин.
 Колак һалһаң һүземә,
 4040 Әйтә торған һүзем бар;
 Илгә йола булырҙай,
 Һынап белгән заңым бар:
 Донъяла мәңге калам, тип,
 Донъялай ғүмер һөрәм, тип,
 Үлемгә буй бирмәһкә,
 Уны бер заң итмәһкә
 Йәншишмәнән эсмәгез,
 Миндәй хурлык күрмәгез.
 Донъя ул бер бағ икән,
 4050 Йән әйәһе шул бағта
 Донъя быуынын һанаған,
 Кайһы быуын аклаған,
 Кайһы уны таплаған,
 Төрлө төһкә бизәгән,
 Бары — үһемлек, гөл икән;
 Без Үлем тип һанаған,
 Яуыз ул тип караған —
 Бағтың тузған үһмерен
 Йәки көнө тулғанын
 4060 Сүпләп, бағты бушатқан,
 Унан донъя ташлатқан
 Бөтмәй торған йола икән.
 Мәңге калам тимәгез,
 Йәншишмәнән эсмәгез.
 Донъяла мәңге калыр эһ —
 Донъяны матур төзөгән,
 Бағты мәңге бизәгән —
 Ул да булһа якшылык.
 Күккә лә осор — якшылык,
 4070 Һыуға ла батмаһ — якшылык,
 Утка ла янмаһ — якшылык,

- Телдән дә төшмәс — якшылык.
 Бары эшкә баш булыр,
 Үзенә лә, кешегә
 Мәңге йәшәр аш булыр»,—
 Тигән һүзен ишеткәс,
 Бөтә серзе аңлагас,
 Бар халыкты эйәртеп,
 Урал юлга сыккан, ти; 7
- 4080 Йәншишмәгә барған, ти,
 Һыуын уртлап алған, ти;
 Үзе сапкан юлына,
 Дейеүзән өйгән тауына
 Һыузы шунда бөрккән, ти.
 «Тау-урмандар йәшәрһен,
 Мәңге үлмәс төс алһын,
 Кошо һайрап махтаһын,
 Халкы йырлап хуплаһын,
 Ерзән касқан дошмандар
- 4090 Бары күреп һокланһын,
 Илһөйөргә ил булып,
 Ер һөйөргә бағ булып,
 Дошман күзен кыззырып
 Балкып торор ер булһын!»—
 Тигән һүзен әйткән, ти.
 Һыу күп һипкән еренән
 Карағай, шыршы үскән, ти,
 Һыуыкка төс коймәслек,
 Эсегә лә кипмәслек,
- 4100 Корт, мыр-мазар төшмәслек,
 Япрағы төрөлөп,
 Безәнәктәй булған, ти,
 Мәңге йәшел калған, ти.
 Шүлгән быны ишеткәс:
 «Хәзер мине яклаусы,
 Кешене аранан сүпләүсе,
 Бара-бара аз-мазлап,
 Донъянан юк кылыусы
 Үлем тигән яу калды,
- 4110 Уға иркенлек булды,—
 Минә ярзам итер ул,
 Кешене-тар-мар итер ул»,—
 Тиеп уйлап кыуанған,
 Дейеү-йыланды йыйнаған,

- Ерзә торлак табыштым,
 Кешеләрзе яуыздан
 Коткарырга тырыштым.
 Менһәм буз ат бар ине,
 Кулда булат бар ине;
 Яу тупларлык еремдә
 Талай илем бар ине;
 Кулдаш булыр илемдә.
 Батыр ирзәр бар ине.
- 4210 Шулар кәзерен белмәнем,
 Батырлыкка маһайып,
 Кәңәш короп торманым,
 Яңғыз башым уйланым,
 Уңмаҫ юлды һайланым.
 Улдарым, тыңлаң, һезгә әйтәм,
 Тыңла, илем, һиңә әйтәм:
 Ир-арыҫлан булһаң да,
 Батыр беләкле тыуһаң да,
 Илдә йөрөп, ил күрмәй,
- 4220 Тубығыңдан кан кисмәй,
 Йөрәгең батыр булалмаҫ.
 Яуызға юлдаш булмағыз,
 Кәңәшһез эш кылмағыз,
 Уландарым, һезгә әйтәм:
 Мин әрсегән ерзәрзә
 Кешегә байман табығыз;
 Яуза булһа, баш булып,
 Кешегә ил короғоз;
 Данлы батыр булығыз.
- 4230 Олоно оло итегез,—
 Кәңәш алып йөрөгөз;
 Кесене кесе итегез,—
 Кәңәш биреп йөрөгөз.
 Күзенә сүп төшөрзәй,
 Күзһез булып калырзай
 Еҫерзәрзең алдында
 Күзенә керпек булығыз.
 Акбузатым, булатым
 Илдә тороп калыр ул,—
- 4240 Өҫтөнә менеп сабырзай,
 Яуза кылыс һелтәрзәй
 Батырға менәр ат булыр,
 Батыр булмаҫ ирзәргә

- Менер атым ят булыр.
 Әсәгезгә әйтегез:
 Минән риза булһындар,
 „Ирем, хуш бул!“ — тиһендәр.
 Барығызға шуны әйтәм:
 Якшылык булһын атығыз,
 4250 Кеше булһын затығыз;
 Яманға юл куймағыз,
 Якшынан баш тартмағыз!» —
 Тигән һүззе әйткән дә
 Урал батыр үлгән, ти.
 Кайғырышып, барыһы
 Башын түбән әйгән, ти;
 Күктән йондоз атылып,
 Һомайға оран биргән, ти.
 Һомай, кош тунын кейеп,
 4260 Шундук осоп килгән, ти,
 Үле яткан Уралдың
 Ауызынан үпкән, ти.
 «Ай Уралым, Уралым,
 Йәнеңә килеп етмәнем,
 Азақ һүзең ишетеп,
 Күнелемде баһманым.
 Һиңә йәшләй осорап,
 Шатлығымдан кыз булып,
 Кош тунымды һалғайным;
 4270 Яуыздарға яу асып,
 Якшылыкка юл асып,
 Акбузатка менгәнгә,
 Булат кылыс тотқанға
 Иң бәхетле бер булып,
 Мин озатып калғайным.
 Йәнеңә килеп етмәнем,
 Ауызымдан үпмәнең,
 Ни әйтерең белмәнем,
 Инде хәзер нишләйем, —
 4280 Ни әйтергә белмәйем.
 Кыз булып, кемгә карайым?
 Һомай исемем калһа ла,
 Кешеләр кыз тиһә лә,
 Кош тунымды һалмайым,
 Ситтәр күзен алырлык
 Кабат һылыу булмайым.

- Һиндәй батыр табалмам,
 Батырға эсә булалмам,
 Акбузатың, булатка
- 4290 Батыр һайлап бирәлмәм,
 Кош көйөмә калырмын,
 Тыу йомортка һалырмын;
 Балам булһа, кош булыр,
 Һинең керһез уйыңдай
 Төсө булһа, ак булыр.
 Инде нисек итәйем?
 Үзең сапқан юлыңа,
 һызылып килгән тауыңа
 Гүрең казып күмәйем,
- 4300 Изге теләк теләйем.
 Үзең сапқан зур юлың
 Билең һис һыу кырқалмаҫ.
 Һинән калған зур тауың
 Үз куйынына алыр ул,
 Һинең менән берлектә
 Мәңге ерзә калыр ул.
 Өштөн астың диңгезен,
 Өштөндә батыр булдың һин,
 Буйына ил корзөң һин;
- 4310 Зур тауыңдың куйынында
 Илгә затлы булырзай,
 Кешегә татлы булырзай,
 Йәндәй һанап йөрөрзәй
 Тағы ла затлы булырһың,
 Юғалмаҫ алтын булырзай,
 Кешегә данлы һаналып,
 Донъяға батыр булырһың», —
 Тигән һүзен әйткән дә,
 Уралды тауға күмгән, ти,
- 4320 Һомай осоп киткән, ти,
 Илдән гәйеп булған, ти;
 Урал юлы — бейек тау,
 Урал гүре — данлы тау —
 Урал булып калған, ти.

Байтак йылдар узған һун,
 Һомай Уралын һағынған:
 Уның юлы буйынан
 Осоп йөрөп, талпынған,

- Тауға килеп, каяла
 4330 Уралды уйлап, моң сәскән,
 Аккош булып түл йәйеп,
 Аккош тыуын үрсеткән.
 Быны бары белгән, ти,
 Номай токомо коштар, тип,
 Бер туғандай күрешеп,
 Ау аулаузан тыйышып,
 Аккош тотоп еймәскә, тип,
 Үз-ара һүз куйышып,—
 Аккош үрсеп киткән, ти;
- 4340 Аккош ите кешегә
 Шуға харам икән, ти.
 Номай түзмәй оскан, ти,
 Бер килгән, ти, киткән, ти;
 Тыныс ил, тип, берәмләп,
 Кош-корттарзы эйәртеп,
 Үз артынан эркелтеп,
 Тағы Уралға килгән, ти;
 Шуға эйәреп Уралда
 Кош-корт, йәнлек тулған, ти.
- 4350 Коштар киткәнән белгәс,
 Тыныс ил тип ишеткәс,
 Катил үгезе, токомон
 Үзе башлап эйәртеп,
 Данлы Урал буйында,
 Йәмле Урал куйынында
 Бергә гүмер һөрәм, тип,
 Урал буйына килгән, ти,
 Кешегә буй биргән, ти.
 Акбузат та ил гизеп,
- 4360 Йылкы токомон йыйып,
 Бар йылкыға баш булып,
 Барып алып килгән, ти.
 Кешеләргә ылыгып,
 Менәренә ат булып,
 Йылкы ла түлләп киткән, ти.
 Ай, көн һайын, Уралға
 Төрлө йәнлек тулған, ти,
 Шул йәнлектәр, кош-корттар
 Килеү көнө кешегә
- 4370 Ай, йыл һанап белеүгә
 Исем булып киткән, ти.

Урал батыр үлгән һун,
Гүрендә ерһеп бөткән һун,
Гүре балкып торған, ти,
Быны күргән кешеләр
Йыйылышып барған, ти,
Бер ус тупрак алған, ти,
Бары данлап һалған, ти,
Бара-бара ул ерзә
4380 Алтын булып киткән, ти.

Кош-корт, йәнлек күбәйгәс,
Шишмә һыуы етмәгәс,
Күлдән куркып эсмәгәс,
Изел батыр, Яйыкка,
Нөгөш батыр, Һакмарға
Халык йыйылып килгән, ти,
«Нишләйбез?» — тип, барыһы
Аптырашып әйткән, ти.
Изел уйға калған, ти,
4390 Атаһының булатын
Үз кулына алған, ти;
Акбузатка менгән дә,
Бөтә халыкты йыйған да:
«Әсә торған һыуза ла,
Йәшәп килгән донъяла
Яуыз бөтмәй, йән тыумаҫ,
Тыуһа ла, тыныс йәшәмәҫ,
Шүлгәнгә яу асайык,
Барын тар-мар яһайык,—
4400 һыу за булыр кеше өсөн,
Тыныс булыр ил өсөн»,—
Тиеп һүзен бөткәндә,
Яу асырға торғанда,
Һомай килеп еткән, ти,
Былай тиеп әйткән, ти:
«Батырзан тыуған ир-егет
Аптырауза калырмы?
Донъяла тыуған бер йәндең
Уйлап башы етмәгән,
4410 Күңеленә килмәгән
Дингезенә юл һалыр,
Дейеүзәрен тау кылыр,
Бөтә диңгез коротоп,

- Йөрөгән юлын ил кылыр, —
 Тип кем генә уйлаган?
 Атаң үзе үлһә лә,
 Булаты калды кулында,
 Буз аты калды яныңда.
 Атаң дейеүзән тау өйһә,
 4420 Сапқан ерен юл итһә,
 Яман һыузы бөтөрһә,
 Илде бергә туплаһа, —
 Һезгә азақ атағыз:
 „Күлдең һыуын эсмәгез,
 Эсеп әрәм булмағыз“, —
 Тип әйткәйне түгелме?
 Шүлгәнгә яу асһаң да,
 Уны тар-мар итһәң дә,
 Күленән ил мандымаҫ,
 4430 Әсә һөтөндәй булып,
 Илде мәңге һуғармаҫ!»
 һомай һүзен ишеткәс,
 Изел уйға калған, ти;
 Акбузаттан төшкән, ти,
 Атаһының булатын
 Кулына тотоп алған, ти,
 Бейек тауға менгән дә
 Ирәмәлләп торған, ти.
 «Атайымдың кулында
 4440 Булат дейеү тураны;
 Уралдан тыуған ул булып,
 Халыкты һыуһыз қаңғыртып,
 Батыр исеме күтәрәп,
 Һыу табалмай тилмереп
 Тороу ирлек буламы?» —
 Тигән дә Изел ирәйеп,
 Таузы яра сапқан, ти,
 Көмөштәй бер ак йылға
 Шылтырап шундук аккан, ти;
 4450 Таузы буйлап киткән, ти,
 Әзрәкәнән бар булған
 Ямантауға еткән, ти.
 Тау йылғаны быуған, ти,
 Изел килеп укталып,
 Билен өзә сапқан, ти, —
 Йылға ары аккан, ти;

- Изел баҫыи торған тау,
 Ирәмәлләп сапқан тау,
 Йылға сығып акқан тау —
 4460 «Ирәмәл» булып калған, ти.
 Йылға быуған зур тауы,
 Кырка сапқан урыны —
 «Кырыкты» булып калған, ти.
 Изел батыр тапқан һыу,
 Шылтырап матур акқан һыу
 «Изел» булып калған, ти.
 Бары килеп эскән, ти,
 һыу акканын күзәтеп,
 Бөтәһе лә кыуанып
 4470 Былай тиеп әйткән, ти:
 «Изел батыр тапқан ай Ак йылға
 Шылтырап та аға ла үзәндән,
 Тәмле Изелкәй һыузары ла
 Бөтөрәлер һыу көсәгән уйзарзы,
 Кыуандыра кан илаған илдәрзе.
 Гүмерзәр үк теләп ил йырланы
 Батыр тыуған, тип үк Уралдан;
 Тәмле Изел һыузары ла
 Бөтөрәлер һыу көсәгән уйзарзы,
 4480 Кыуандыра кан илаған илдәрзе».
 Шулай барыһы мактаған,
 Кан илауҙан туктаған.
 Бөтә халык эркелеп,
 Бар Изелдең буйында
 Торлак кора башлагас,
 Ай-йыл һанап түлләгәс,
 Илдә кеше күбәйгән,
 Изел буйы тарайған.
 Дүрт батыр ул йыйылып,
 4490 Бергә ултырып уйлаған;
 Яйык, Нөгөш, Һакмарзәр,
 Яңы йылға эзләгән.
 Изел һымак, былар за
 Алмашлашып, бер-бере
 Булат менән сапқан ти,—
 Уларҙан да өс йылға
 Шылтырашып акқан, ти.
 Былар халыкты йыйғандар,
 Дүрт батырға бүлгәндәр;

4500 Дүрт йылғаны буйлатып,
Торлак короп таралып,
Айырым донъя корғандар.
Дүрт батырзың исеме
Дүрт йылғаға ат булған,
Онотолмаҫ зат булып,
Быуын-быуын калғандар.

АКБУЗАТ

1. Борон-борон заманда, атаһы үлгәс, әсәһе юғалғас, һәүбән тигән бер бала биш-алты йәшендә етем калған, ти. Ауыр эш эшләргә йәш булғас, өйзән-өйгә йөрөп, йөз һыуын түгеп, һоранып тамакланып көн күргән, ти.

2. Көндәрзән бер көндө ул яланға сығып киткән. Туғайзағы шишмәне — күлдәй, әрмәнде тауышын — туйзай; әттек, йыуа, кузғалакты һыйзай күреп кыуанған, ти. Бара торғас, курай тауышы ишетеп, шаңлаған да, шул якка табан ыклаған, һазлыктар кисеп, үзән буйлап Изел карай атлаған, ти. Ырғыз бейзә һыйыр көткән Тарауыл карттың янына барып сытқан, ти. Тарауыл карт һәүбәндән иҫәнлек-һаулык, ил-һыу именлеген һорашкан, ти. Һәүбән атаһы үлгәндән башлап, әсәһе ғәйеп булғанға хәтле үз тормошон энәһенән ебенә саклы һөйләп биргән, ти. Тарауыл карт, һәүбәндең һүзән ишеткәс, бик кызғанған, тәрән итеп көрһөнөп куйған, ти.

— Үз көнөм дә ауыр, балам, һеззәйзәрзә күрһәм, бигерәк йөрөгем һызлап китә шул,— тигән.

Озақ уйлап ултырған да һунар қорамалдарын юнәтә башлаған, ти.

— Балам, бынау күлгә барып әйләнәйек әле булмаһа, берәй суртан мәскәүләп булмаҫмы икән,— тигән дә, бер қулына мәскәүен, икенсе қулына һызмаһын тотоп, һәүбәнде әйәртеп алып киткән. Юлда барғанда Тарауыл карт һәүбәнгә үзенең хәлен һөйләп барған, ти.

— Балам, бейзәң бисәһе һаран, көн буйына ашап-әсергә бер тәгәс қатык, бер баш қорот биреп кенә ебәрә, уның менән тамақ асырауы кыйын. Бына ошоләй йөрөп, һызмам менән қош атам, мәскәү менән суртан мәскәүләйем. Қис қайтып киткәндә, қармақтарымды әрмәнде менән емләп, йәйенгә ултыртып китәм. Шулай итеп тамақланмаһаң, йән асырауы кыйын, балам,— тигән, ти.

3. Һәүбән, Тарауыл карт артынан әйәреп барғанда, карттың қулындағы қорамалдарына карай-қарай, қызығып:

— Олатай, ошондай һызмам булһа, мин дә қош атырға өйрәнер инем, юк бит. Қош атып алһам, асқа қанғырып та йөрәмәс инем,—тип әйткән, ти.

Тарауыл уға: «Шулай булыр ине шул»,— тигән дә, бик озақ өндәшмәй барған. Кулындағы һызмаһы һәүбәнден атаһыныкы булғанға, бала берәй нәмә уйлап әйтмәнеме икән, тип шикләнгәндәй булған.

— Балам, атайың бахыр бик һәйбәт һунарсы, мәргән кеше ине. Уның бик матур һызмаһы була торғайны, хәзер калмағандыр шул,— ти әйткән, ти.

Һәүбән:

— Шулай, уның һызмаһы булған шул. «Атайың үлгәс, кәфенлек алырға бер нәмәһе лә булманы, шунан әсәйең бахыр атайыңдың һызмаһын биреп, кәфенлек алды», тип һөйләйзәр,— тигәс, Тарауыл карт күз йәштәрән һөрткән дә:

— Кәфенлеге булмағас, үзенең иске-москоһо менән ураштырып кына куйһа ла арыу булыр ине лә бит, әзәм рәтле итеп күмәйем, тигәндер инде. Нисек итһен, күп йылдар бергә гүмер иткән юлдашы бит,— тигән.

Һәүбән:

— Ай, олатай, әле һин уны һөйләһең, булғаны булған инде, атайым үлгәс, уның өсөн, етеһен, кыркын укытырға бер нәмәһе лә булмағас, әсәйем, зарланып, ил араһына эзләнеп сығып киткән, шул китеүзән кайтмай гәйеп булған, тип һөйләйзәр. Мин, ул сакта бәләкәй булғас, асығын белмәйем. Әсәйем гәйеп булған инде, атайымдың һызмаһы ғына булһа ла, былай қаңғырып йөрәмәс инем, кош-мазар атырға өйрәнер инем,— тигән һүззәрзе әйткәс, Тарауыл карт бик озақ бер һүз зә әйтмәй, уйлап барған, ти. Шунан қапыл, бер нәмә уйлаған кешеләй, туктаған да:

4. — Балам, йәшем алтмышка ете. Йәшәгән саклы йәшәмәм инде. Һин йәш бала әле, қаңғырып йөрәмә. Мә, был һызманы һиңә бирәйем, бер комарткы итеп тоторһоң. Кемдән алғаныңды берәүгә лә әйтмә, бындай һызма Уралда юк,— тип, кулындағы һызманы һәүбәнгә биргән.

Һәүбән кыуанысынан ни эшләргә лә белмәгән, Тарауыл картка рәхмәттәр әйткән, ти. Былар суртан мәскәүләп, уны бешереп тамакланып, бергә ятып ял иткәндәр. Көн кискә һарккас, бер-береһе менән һаулашып, икеһе ике якка киткән.

5. Һәүбән йылын, көнөн һанап үсеп, ун ете —ун һигез йәшкә етеп, һызма менән һунарға йөрөй башлаған.

Берзән бер көн күл яғалап барғанда, бер алтын өйрәк йөзөп йөрөгәнөн күргән. Уны-быны абайлап тормаған, тоскай һалып, атып йыжқан да, йөзөп барып өйрәкте күл ситенә яқынлата ғына башлаған икән, теге алтын өйрәк қапыл телгә килеп, һөйләй башлаған.

6. Шунда был алтын өйрәк:

— Егет, атқан һунарын
Өйрәк түгел, белһәң һин,
Күлдә йөзөп уйнаған,
Данлы Шүлгән батшаның

Йәндәй күргән кызы мин.
Ай егетем, егетем,
Мине күлдән алма һин,
Төйәгемдән айырып,
Күлгә кайғы һалма һин!
Ни һораһаң, бирәйем,
Изге теләк теләйем,
Өйөр-өйөр мал тиһаң,
Барын һиңә бирәйем,—

тигән һүзәрзе әйтеп, һәүбәнгә ялбарған, ти.

7. Һәүбән, был һүзәрзе ишеткәс, аякларлык ергә саклы йөзөп алып килгән дә туктаған, аптырап, ни әйтергә белмәй торған. Өйрәк һаман шул һүзән кабатлағас, һәүбән уны һыузан сығармай ғына, үзенә хәлен әйтә башлаған:

— Атам, әсәм гүмергә
Көн иткәндәр тарлыкта,
Мин үскәнмен аслыкта;
Икеһе лә юк хәзер,
Етем калдым йәшлектә;
Морон терәр ер булмай,
Буй үстәрзем хурлыкта.
Бөгөн тәүге һунарза
Юлыктым мин монарға,
Шулай за мин ебәрмәм,
Теләһәң дә сумырға.

8. Өйрәк уға былай тип яуап кайтарған, ти:

— Ирәмәлдәй һарайға
Алтын таштар тултырған;
Төрлө төстә йылкылар
Өйөр-өйөр көттөргән;
Бер ынтылып өргәндә
Тау-таш, ерзе онтаған,
Кылыс кишмәс муйынлы
Батырзарзы туплаған;
Бар байлыкка торорлок,
Тарза серзәш булырлык
Ак батша атайымдың
Һөйөп менгән аты бар,
Йылкы малдың кото бар,—
Ут юкта ул ут бирер,

Һыу юкта ул һыу бирер,
Ошоҙ-кырыйһыз дингеззән
Осоп сығыр кош булыр.
Ялы ап-ак ебәктәй,
Тәсә талғыр буз ғына,
Йомро ғына тоякты
Башып тора без генә;
Камыш колак, бакыр күз,
Бәбәге лә ак кына;
Мундаһы бейек, тар бөйөр,
Суртан тәнле, нык кына;
Карсыға морон, киң танау,
Куш азаулы, һоҫа теш,
Осло эйәк, ас яңак,
Куш урайлы, шул ғына.
Шул буз атты бирәйем,
Уралыңда һин үзен,
Һыу илемдә мин үзем
Бәхетле ғүмер итәйек.

9. Һәүбән, был һүзәрҙе ишеткәс, өйрәккә:

— Тәмле һүзгә алданып,
Кыу баш калдым донъяла;
Бирер малың янда юк,
Һүзәң менән алдама,—

тигән икән, өйрәк уға бынау һүзәрҙе әйткән, ти:

10. — Батша кызы үзем мин,
Һине алдап тораммы?
Донъя малын кызғанып,
Ергә сығып үләмме?
Был күл миңең һарайым,
Көн дә коштай койонам;
Ер қояшы сыққанда,
Йөзөп, уйнап кыуанам.
Егет, миңе алһаң да,
Ергә сықһам, мин үләм;
Өйгә алып кайтһаң да,
Бер кабымлык ит булам.
Егет, һиңә ике һүз,
Һайлап, беренен алырһың,
Берен дә һайлай белмәһән,

Алйот булып калырһың.
Егет, мине ебәр зә
Бер карамай алға кит!
Бөтә төстән өйөрләп
Йылкы сығыр, шуны көт!
Һауымы еткән һыйырзар
Мөзөлдәп сығыр бызауһың,
Алпанлап баһып куйзары
Мөңрәп сығыр кузыһың;
Күл шаулатып, күл ярып,
Ерзә дауыл куптарып,
Аҡбуз сығыр — мал кото,
Бөтә малдан һуң калып,
Сабыр итеп шуны көт.
Маңлайынан һыйпаһаң,
Телгә килеп, һөйләр ул,
Ни эшләһең, бар эшен
Һис карыуһың эшләр ул.
Алтынлаған эйәрзең
Кашына камсы эленгән,
Болғар күндән матурлап,
Башына югән кейелгән.
Кумы, айылы — барыһы
Бергә кушып тегелгән,
Мөңгә унан алмаһқа
Беркетелеп куйылған.
Утлар булһа йәш үлән,
Башы һужкан яғына,
Һорап тормаһ, китер ул;
Бер бөртөктәй кыл үртәп
Саҡырғанда, килер ул.
Бөтә малың бөтһә лә
Буз ат калыр яһыңда,
Юлдаш булыр юлыңда.
Батыр булыр яһыңда.
Ебәр, егет, китәйем,
Барына эмер итәйем,
Һыу илендә мин, һылыу,
Рәхәт гүмер итәйем.

11. Һәүбән шунан өйрәккә былай тигән, ти:

— Һылыу, һүзең тыңланым,
Мин дә бер уй уйланым:

Икәү китәйек алға без,
Мал килерен күрәйем.
Һыуһыз үләмен, тифәң,
Сарыкка һыу қояйым,
Үзеңде көнгә тейҙермәй,
Шул сарыкка һалайым;
Әйткән һүзең тап буһа,
Һине азат қылайым;
Һин дә ирәүән көн ит, тип,
Теләк теләп қалайым.

12. Шул вақытта Һәүбәнгә өйрәк ошо һүзәрзе әйткән, ти:

— Мин күлемә суммастан
Малдар сыкмаҫ далаға,
Сақырыуға килмәҫтәр,
Һөйләп бирмәй атама.
Мине алып һин, егет,
Һис тә мандый алмаҫһың:
Күгәрсен туным кеймәгәс,
Мине төндә күрмәҫһен;
Йәр тип мине һөйөргә
Қуйыһыңда тапмаҫһың.
Ергә сығып қыуарһам,
Мине һылыу тимәҫһен.
Ер егете ер һөйөр:
Тәне ерзән яралған;
Һыу қызыһың бар ере
Нурзан, уттан яралған.
Қояш һине йылытыр,
Мине майзай иретер,
Минән аққан бер тамсы
Илең ыузай қоротор.

13. Өйрәктән был һүзәрзе ишеткәс, Һәүбән ышанған да өйрәкте ебәргән. Үзе, артына қарамай, өйрәк өйрәткәнсә, алға атлап киткән, ти. Бер аз киткәс тә йылқы сырқыраған, куй-һарык мөңрәгән, һыйыр бақырған тауыштар ишетелә башлаған. Бына бер сак ел-дауыл кубып киткән. Һәүбән алға атлай за алмай башлаған, аптыраған, ни эшләргә лә белмәгән. Ахыры түзмәгән, артына әйләнәп қараған. Қараһа, ни күзе менән күрһен: ер қаплап мал сыққан. Ә теге Ақбузаттың күлдән сак муйыны ғына сығып килгән мәле икән. Һәүбәндең артына қарағанын күргәс тә, Ақбузат күлгә кире сумған; Ақбузаттың кире сумғанын күргәс, теге малдар,

бер-береһен тапарзай булып, өркөшөп, береһе лә калмай Акбузат артынан күлгә сумышып бөткәндәр зә куйғандар, ти.

14. Ел-дауыл туктаған. Һәүбән үз күзенә үзе ышанмай, аптырап, ни эшләргә белмәй уйлап торған, ти. Күл ситенә лә барып караған, унда ла нам-нәшан юк, тып-тын, ти. Ултырып уйлаған, уйлаған да, мәхрүм булып кайтып киткән, ти. Йәйләүгә кайтһа, бөтә тирмә актарылып бөткән, бала-саға, карт-коро, әбей-һәбей, бисә-сәсә, кыз-кыркын — барыһы бергә йыйылып, аптырашып һөйләшәп торалар, ти. Улар янына, таяғын таянып, озон сыбырткыһын яурынына һалып, әлеге Тарауыл карт та килеп еткән, ти.

15. Уның, ауылда азған-тузған малын һорашып:

— Бынау һезҙең сиктәрәк мал көтә инем. Ғәрәсәт дауыл сығып китте лә, малдар за, үзем дә кайза баһып торғанды, кайза барып бәрелгәнде белмәй, таркалышып бөттөк. Бына шул азған-тузған малдарымды эзләп, һезҙең йәйләүгә килеп сыктым әле, — тип һөйләп торған сағында ғына Һәүбән дә килеп өлгөргән, ти. Һәүбән, карт-короларзың һүззәренә қолак һалып, тыңлап торған да һүз ыңғайында Тарауыл карттан:

— Олатай, был һиндәй күз күрмәгән, қолак ишетмәгән дауыл булды һуң?— тип һораған. Тарауыл карт уға:

— Ай, кусты, бының сере бик күп. Бындай дауыл безҙең быуында булғаны юк. Олатайзар һөйләүе буйынса, хәтерзә калғаны ғына бар. Улар ошолар һөйләй торғайны: борон-борон заманда бөтә донъяны һыу баһқан, безҙең олатайзар булмаған, Урал тауы сыкмаған, был тирәлә дүрт аяклы йән әйәһе йөрөмәгән, тик дейеүзәр йәшәгән, һыу батшаһы ғына баш булған сақта, Урал тигән батыр килеп яу аһқан. Уның Акбуз толпары юлыннан Урал тауы бар булған. Дейеүзәрзе кырған урында һыу короп, сағылдар калкқан. Һыу батшаһы, еңелә башлағас, төпһөз, ялдым-ятыу урынды эзләп, бына ошо һезҙең яндағы күлгә сумған. Ул күлдең төбө юк, ер аһтындағы даръяға тоташқан. Шуға Урал батыр һыу батшаһын тоталмаған. Ул һыу батшаһы Шүлгән тип аталған. Шуға был күлдә Шүлгән күл тип атағандар. Урал батыр үлгәс, Шүлгән батша уның Акбузатын урлатқан. Урал батырзың улдары ла үлеп бөткәс, һыу батшаһы, Акбузатты менеп, мизгел-мизгел Урал буйына сығып әйләнә торған булған. Акбузат күлдән сыкканда, үз батырзарын иһенә төшөрөп, елкенеп канаттарын кәкһа, шул канат еленән тау-таһ қолатыр дауыл куба, бер нәмә калмай аһты-өһкә әйләнә, тип һөйләй торғайнылар. Был дауылды мин шулай түгелле икән тип уйлайым, — тип әйткән, ти.

16. Һәүбән һыу кызының һүзе ысын икәнә ышанған. Тарауыл картка ла, бүтән берәүгә лә күргәнән һөйләмәгән, кулынан килмәгән көйөнсә дауыл куптарып йөрөй, тип аһуланырзар, тип уйлаған.

Тарауыл карт, һөйләшәп бөтөп, үз юлына китә башлағас, Һәүбән, уны туктатқан да:

— Олатай, һин кем булаһың? — тип һораған. Тарауыл карт үзенә кем икәнән һөйләп биргәс, һәүбән, иҫенә төшөрә һалып:

— Олатай, һин мине таныһыңмы? — тип һораған. Тарауыл карт, һәүбәндең буй-һынына, төҫ-башына карап, баштан-аяк күзен йөрөткән дә:

— Юк, кустым, бер зә сырамыта алмайым шул. Күзем кайткан, күзем! — тип көрһөнөп куйған. Унан: — Кустым, былай булғас, танып китәйем инде, һин кем балаһы булаһың, төҫ-башына карағанда, ир-егет һымак күренәһең. Сура батырзың берәй ярсығы түгелме? — тип һораған.

17. һәүбән шунда карттың һызма биргәндөрөнә саклы барыһын да һөйләп биргәс, Тарауыл һәүбәнде косаклап алған да:

— Ай, кустым, Сура батыр арыҫлан ине, ул барза был һыу батшаһы ер өҫтөнә сығып аяк-баҫа алмай ине. Улым, мин биргән һызма бармы әле? — тигән. һәүбән:

— Бар, олатай, уны йәндән артык асырайым, бына ул һызма! — тип кулындағы һызмаһын күрһәткәс, Тарауыл карт, һызманы кулына алып, тотоп карап торған да үпкән, ти. Шунан һәүбәнгә һызманы кире биреп:

18.— Кустым, быны биргәндә һин бала инең, мин бының серен әйтмәнем. Был һызма — атайыңдың һызмаһы. Был һызма — Урал батыр балаларынан калған комарткы. һыу батшаһы ошо һызманан ғына курка. Нык һакла, берәүгә лә әйтмә,— тип, үз уйзарын һөйләп бөткән дә, үз юлына киткән. һәүбән алтын өйрәк тураһында уға һөйләмәгән, ти.

19. һәүбән алтын өйрәкте аңдып күп йөрөгән. Айзар, йылдар үткән. һәүбән күл ситендә кунуп һағалап та караған, һис осрата алмаған. Бүтән кош-йәнлектән күп һунарзар алған, Тарауыл картка шыбаға сығарып биргән, уның янына барып та йөрөгән, һаман да алтын өйрәкте һөйләмәгән.

20. Көндәрзән бер көн һәүбән, Тарауыл янына барғас, һүззән һүз сыкканда, карттан күл батшаһы тураһында һөйләүен һораған.

Тарауыл карт:

— Ул батшаның сығып-нитеп йөрөгәнән күргән кешене белмәйем. Бер сак мин күл ситендә йөрөгәндә бер катын осраны. Шул катын: бынау күлдә бер алтын өйрәк йөрөйсә, ул ниндәй өйрәк икән? — тигәс, икәүләп күл ситенә бара һалып каранык. Беззә күргәс тә теге өйрәк күлгә сума һалып юғалды. Мин кабат караштырғылаһам да, ул өйрәкте һис күрә алманым. Тағы бер осрағанымда теге катын: «Һинең менән беззә күргәндән бирле теге өйрәк сыкмай. Нисә айзар буйы абайланым, гел айзың ун дүрте етһә, төндә күгәрсен төҫлө булып сығалар за, супырзашып, көлөшә-көлөшә һыу инәләр,— ен кыззары, ахырыһы», тип һөйләне. Борон да шулай тип һөйләй торғайнылар,— тип һөйләгән. һәүбән, ул ниндәй катын икән? — тигәс, Тарауыл карт: «Мәсем хандың бала караусыһы инем, кызы ошо күлгә һыу инә килгәндә мин күз-колак булырға килгәйнем. Шул хандың кызы күз менән каш араһында гәйеп булды. Шуға хан, кызымды

тапмай кайтма, тапмаһаң, күл ситендә аска үл, бер ергә лә китмә, тип калдырзы. Шунан бирле аска қаңғырып йөрөйөм»,— тип канлы күз йәше менән һөйләп, илай торғайны ул катын. Хәзер уға күп йылдар булды инде,— тип барыһын да һөйләп биргән.

21. Һәүбән Тарауыл карттың һөйләгән һүззәрен барыһын да эсенә алып кына торған да, унан айырылғас, айзың ун дүртенсе кисен көтөп йөрөгән. Айзың ун дүртенсе кисе еткәс, күл ситенә барған. Төн аяз, тымык, шылт иткән нәмәләюк. Бер аз һағалап яһна, бына күлдең бер як ситендәрәк супырзап һыу ингән тауыш қолағына салынған. Һәүбән ер кырлап кына шыуышып караһа, өйрәк түгел, алтын тәхет өстөндә алтын сәстәрен һалындырып, бер кыз сәс тарап ултыра, уның тирәһендә күк күгәрсендәр уйнап йөрөй, ти. Һәүбән янлап кына барған да, һиззәрмәй генә теге кызың сәсенән урап тотқан, кыз һиҫкәнәп киткән. Теге күгәрсендәр осоп киткән, ти. Һәүбән кызың сәсен ебәрмәйенсә:

— Һылыу төсөн алышкан:
Өйрәк түгел, кыз икән, —

тип әйткән. Был кыз баяғы һыу батшаһының кызы икән.

22. Шунда ул кыз Һәүбәнгә:

— Мине кайҙан тап иттең
Төн уртаһы сағында?
Нисә караусым бар бит,
Карап тора янымда!
Егет, ебәр сәсемде,
Бүлдәрмә һин эшемде!
Күгәрсендәр киттеләр,
Илгә хәбәр иттеләр.
Атам белһә был эште,
Һис аямаҫ башынды!—

тип әйткән.

Һәүбән кызға:

— Һылыу, әйтсе атыңды,
Бер һөйләрмен дан итеп,
Йә булмаһа кайтайык,—
Бергә торайык көн итеп! —

типгән икән, кыз уға:

23. — Егеткәйем, шаулама,
Атым һорап даулама,
Хатта мине күргәнде

Илгэ кайтып һөйләмә!
Егет, һинэ тиң булмам,
Мине алырға уйлама;
Нурзан тыуған токоммон,
Ерзә йөрөтөп хурлама.
Ер улына тиң булмаҫ
Нурзан тыуған кыз бала;
Һарайза үскән кыззар за
Мөлхәтһенмәҫ далала.
Егет, һүзең озайтма,
Атам килһә, яу һалыр;
Илең тузандай кылыр,
Токомоңдо юк кылыр,—

тип әйткән. Быны ишеткәс, Һәүбән кызға былай тигән:

— Һине эзләп күп йөрөнәм,
Ай тыугандарын көтөп;
Инде, һылыу, ебәрмәм,
Илаһаң да ут йотоп.
Егет тигән дәүеремдә
Күңелем һис низән куркмаҫ,
Батыр егет йөрөгө
Коро қапактан өркмәҫ,
Яу аша ла атайың,
Тайшанмаҫка уйым бар;
Яңғызлатмаҫ үземде
Урал тигән илем бар.

24. Егет был һүзәрзе әйткәс, кыз уйға калған. «Атам данын әйткәс тә куркманы, был һиндәй егет икән»,— тип уйлаған. Шунан ул Һәүбәнгә бынау һүзәрзе әйткән, ти:

— Егет, батырмын тиеп,
Тау ярырзай һөйләйһең,
Атам илен һаклаған
Дейеүзәрзе белмәйһең.
Теге мәлдә үзеңә
Йылкы малы әйзәнем,
Йылкы менән китергә
Акбузатты димләнем.
Йылкы сыккан сырқырап,
Һыйыр, һарык мөңөрәп,
Бары бергә кушылып,

Хан малындай эркелеп,
Улар артынса ажгырып,
Шүлгән күлен яғалап,
Акбузат та атлыккан,
Ғәйрәт сәсеп, бағмалап.
Күлдә ярып елкенгән,
Һине күрергә ынтылған;
Ғәйрәтенең еленән
Урал тауы һелкенгән.
Түзә алмай, батыры
Колап төшкәс һыртына,
Акбузат та, ғәрләнеп,
Кире кайткан йортонан.
Шулай толпар ат менгән,
Дейеү-пәрейзе йыйған,
Һыу йәненең барыһын
Үз кулында туплаған
Шүлгән күле батшаға
Кем булаһың укталған?

25. Кыздың был һүзәрөнә һәүбән бынаулай тип яуап кайтарған, ти:

— Атаң бында хан булһа,
Дейеү-пәрейзең барын
Тирәһенә туплаһа,
Акбуз толпарын менеп,
Ел-дауылдар куптарһа,
Усақ япрағындай за
Йөрәгем өшөп һелкенмәҫ!
Ун ике башлы дейеүең
Илемә утын һалһа ла,
Уралымда дау асып,
Сергелектән кан койоп,
Илемә яу һалһа ла,
Һис куркмам атаңдан,
Йөрәгемә ук аһа ла!
Сура батырҙан кот йыйып,
Батыр тыуған затым бар;
Етем-еҫер күз йөшен
Һыркыратмаҫка антым бар.
Һылыукайым, маһайма,
Шүлгән күле тәрән, тип,
Атам илдә зур батша,

Дейүзәрзе йыйған, тип,
Уралда илаған етемдең,
Күз йәше аҡна, күл булыр,
Кәберен ағызып батырзың,
Юшкын түкһә, сүл булыр.
Һыуза йөзгән кыз бала
Кайза һыулау табыр ул?
Шүлгән һайыҡна юшкындан,
Ике башлы дейүзәр
Кайза ялдым табыр ул?
Ил зарына моңайған
Иңләп яткан Уралым,
Йылғыр аҡкан Йәзем,
Тонок аҡкан Яйығым
Нөгәр йыйып йәшәргә
Атаңа торлак бирмәҫ ул.

26. Кыз, һәүбәндән был һүзәрзе ишеткәс, куркып киткән дә, уға бынау һүзәрзе әйтеп һалған, ти:

— Егет, һүзең һүз булһын,
Һиңә антым бирәйем,
Үзеңде алып илемә,
Атам торған еремә,
Кан-яу асмай арала,
Һокланғаның бирәйем.
Алтын һарай эсендә
Мамык түшәк йәйәйем,
Ни теләһең алырға,
Һорағаның бирәйем.
Илем гизеп йөрөрһең,
Бар һарайзы күрерһең,
Мине Нәркәс тип һөйһең,
Һарайымда калырһың.
Беззә толка тапмаһаң,
Мөлхәтһеңмәй барына,
Шүлгән һарай иленә,
Нәркәстәй хур кызына,
Акбуз толлар менерһең,
Кулға бәхетең туплап,
Уралына елерһең.

27. Һәүбән, кызың был һүзәрән ишеткәс, уның аты Нәркәс икәнән белгән. Нәркәстең үз һүзендә торор-тормаҫына ышаныр өсөн, уны тағы

бер тапкыр ант иттергән. Шунан улар икәүләп һыу батшаһына китергә булғандар. Нәркәс күз йоморға кушкан. Һәүбән күзен йомған. Күзен асырға кушкан. Һәүбән күзен аша, кыздың алтын һарайында тора, ти, был. Һәүбән унда бер нисә көн кунак булған. Һарай кыззаны йырлап-йырлап кунак иткәндәр, тик Һәүбән бер зә күнел биреп ашамаған-эсмәгән, ти. Нәркәс Һәүбәндең бойокканын, толка тапмағанын һизгән дә атаһына барған, үз хәлен баштан-аяк ошоллай һөйләп биргән, ти:

— Шүлгән тигән зур күлән
Һыулау булды йәшемдән;
Уйнап-көлдөм эсендә,
Һис йәш түкмәй кайғымдан.
Ун һигезгә еткәнсе
Күп һунарысы осраттым,
Күптәр тоскап аһа ла,
Барынан да язлыҡтым.
Алтын өйрәк тун кейһәм,
Ер ыласыны һизмәне,
Кистең йылғыр еле лә
Сәсем һыйпап һөйөргә
Кара башлы камыштан
Үтер юлын белмәне.
Камыштағы кама ла
Һыу ингәнем һизмәне.
Азақ тапкыр береһендә
Өйрәк булып атылдым,
Ай нурына мансылып,
Һыу ингәндә тотолдом.
Ергә сыкһам, үлә инем,
Һүзем биреп котолдом;
Атың әйтеп ант иттем
Арала уг асмаһка,
Батыр һокланған заттан,
Атай, һаранланмаһка.
Бына, атай, ул батыр
Һарайымда кунакта,
Антым шулай зур булғас,
Кунак иттем аулакта.
Бына һүзең әйт, атай,
Минең антқа торорлоҡ,
Мәргән батыр — алдында,
Уның күңеле булырлық
Бүләгең бир малыңдан;

Инде малың кызғанһаң,
Үзем барыр уйым бар.

28. Кызынан был һүзәрзе ишеткәс батша бик аптырауға калған.
Быд егетән нисек тә котолорға уйлап, кызына былай тигән:

— Кызым, азақ һунарын
Хәйерлегә булмаған,
Өйрәк тунға атыр ир
Минең илдә тыумаған.
Алтын колан сәсенде
Йылтыр күззә күрерзәй,
Кызым, ундай зирәк йән
Бер касан да булмаған.
Кызым, уға юл тапһақ,
Ботон-ботса ботарлап,
Кызым, унан котолһақ,
Кабат Шүлгән буйында
Һине атыр ир булмаҫ,
Мазаңа ла тейерзәй
Тирә-якта йән булмаҫ.

29. Нәркәс, атаһының һәүбәнгә карата был каты һүзәрән ишет-
кәс, уның күнелен йомшартырға тырышып, бынау һүзәрзе әйткән, ти:

— Атакайым, ул егет
Һүземде тыңлап килде,
Мине аткан сағында
Өйрәктер тиеп белде.
Атакайым, тағы ла
Мине косто кулына,
Уның кулы йылыһы
Әле йөрөй куйынымда.
Уның каны койолһа,
Бел, сымырғаныр тәнем,
Уның йомшак һүзәрә
Мәңге өзөр йөрәгем,
Атай, уға каныкма,
Уның канын ағызма,
Уның өсөн бар Урал
Эзләр һинән карымта,
Ул һис күптә көсәмәй,
Һинән тәхет һорамай,

Малың һорап тағы ла
Байлығыңды муйырмай.
Атай, мине бала итһәң,
Уның канын ағызма,
Бағауылһыз егеттең
Йәнен кыйып дан алма!
Егеткә бир Буз атты,
Һынап кара ғәйрәтен,
Тота алһа Буз атты,
Уралда йәйһен канатын.

30. Батша, кызының былай инәлеуен күргәс, бик озақ уйлап торған, ти. Унан һуң үзенең вәзирзәрен йыйып, Кәһкәһә тигән ун ике башлы дейеуен сақырып алып, уларға кәңәш иткән, ти. Кәһкәһә батшаға былай кәңәш биргән, ти:

— Буз ат бирһәң егеткә,
Көсөң китер кулыңдан,
Буз ат китһә кулыңдан,
Айырылырһың юлыңдан.
Һынар башлы аждаһаң
Уға күренер мунсактай;
Ике башлы аждаһаң
Уға күренер янсыктай;
Өс дәү башлы аждаһаң
Уға күренер турһыктай;
Илең тоткан Кәһкәһәң,—
Ул да калыр бурһыктай.
Батшам, һиңә бер акыл;
Һарайың тулы ер кызы,
Үз кызыңдан да һылыу
Мәсем хандың бер кызы.
Уны күрһә, ул егет
Акбузатты онотор,
Бер карауһыз, алам, тип
Егет шуға ынтылыр,—

тип әйткән, ти.

31. Батша, Кәһкәһәнең был кәңәшен хуп күреп, урлап килтерелгән кыззар һарайына Нәркәс менән бергә һәүбәнде ебәрмәк булған, ти. Шунда батша Нәркәсте сақырып алған да, уға:

— Балам, күңелең хуш булһын,
Егеткә бирәм теләген,

Ғинең кәзерен тағы артын,
Күреп сыкһын байлығым:
Һарайзарға алып бар,
Һарай кыздарын күрһен;
Ғис бер кысымға калмай,
Кыздар менән һөйләшһен,—

тип әйткән, ти.

32. Нәркәс, атаһының был бойороғон ишеткәс, Һәүбәнгә бөтә һарайзы күрһәтеп сыкмак булған. Улар күп һарайзарзы үткәс, бик зур бакса аша сығып, бер алтын һарайға барғандар. Был һарайға еткәс, Нәркәс Һәүбәнгә:

— Был һарайза мин әйткән
Данлы толпар Буз ат бар;
Танау тартып ажғырып,
Күзенә текләп карап тор;
Якын килеп сапсынһа,
Алдына барып баһып тор.
Тибергә тип арт бирһә,
Янбашынан һөйөп тор.
Колактарын шымайтһа,
Ер батыры мин, тип көл.
Шунан килер яныңа,
Ғыртын һыйпап һөйөрһөң;
Ялынан алып ике кыл,
Беләгеңә бәйләрһөң;
Койроғонан ике кыл
Аяғыңа бәйләрһөң,—

тигән дә, һарайзы асып уңы Акбузат янына индергән, ти.

33. Акбузат, Һәүбәнде күргәс, үрә һикереп, танау тартып ажғырып ебәргән, ти. Һәүбән унан куркмаған. Акбузаттың янып торған бакыр күзенә текләп карағас, Акбуз, башын сайкап, кырғарак барып торған да алғы аяктары менән сапсына башлаған. Акбузаттың сапсынған аяк тауышын ишетеп һаклап торған дейеүзәр һарай түбәһенән килеп төшә башлағандар. Дейеүзәрҙең ярҙамға килгәнән күргәс, Акбузат, бөтә асыуы менән Һәүбәндең алдына килеп, баштарын сайкап, сапсырға ынтыла башлаһа ла, Һәүбән һис тайшанмай каршы барған, ти. Акбуз, Һәүбәнде былай за куркыта алмағас, әйләһөп типмәксә булған икән, Һәүбән уның янбашынан һөйгән. Акбузат, былай за булдыра алмағас, колак шымайтып, һәүбәндең өстөнә ыргымак булған икән, Һәүбән уға карап:

— Асау тогop өйрөткөн
Урал батыры Һәүбән мин,
Батыр һөймәс ат һуйып,
Итен ейгән бәһлеүән мин.
Һазак теймәс Нәркәсте
Атып алған мәргән мин;
Урал тигән илемде
Яузан һаклар Һәүбән мин,—

тип әйткән икән, Акбузат айбанған, ти. Уның айбанғанын күргәс дейү-
зәр зә берәм-берәм һарайзан шыла башлаган. Һәүбәндең батрлығын күр-
гән Акбузат, яңғыз калғас, Һәүбәнгә килеп башын әйгән, ти. Быны күр-
гәс, Һәүбән Нәркәс әйткәндәрзең барыһына ла ышанған. Акбузаттың
ял-койроғонан кыл алғас, Акбуз былай тип әйткән, ти:

34. — Егет, ерзең батыры
Һәүбән батыр һин булһаң,
Йоморо тояк йылкыла
Ат толпары мин булам.
Ялым һиңә көс бирер,
Кылыс тогһаң кулыңда;
Койрок кылым көйзөрһәң,
Яныңа сабып килермен,
Ат булырмын яуыңда.

35. Акбузат ошо һүззәрен әйткәндә, Һәүбәнде үз батырындай кү-
реп, уның алдында колактарын кайсылап, иркәләнеп торған, ти. Шунан
Һәүбән, Акбузатты һыртынан һөйөп, уның янынан сығып киткән. Нәркәс
Һәүбәндең сыкканын кырзарак көтөп тора икән. Уның иҫән-һау сыкка-
нын күргәс, шатлығын белдереп, өндәшмәй генә йылмайып куйған да
кыззар һарайына әйәртеп алып барған, ти. Һарай капкаһы төбөнә еткәс,
Нәркәс, Һәүбәнгә был һарай тураһында өйрөтөп, былай тигән, ти:

— Һарай тулы кыз булыр,
Һылыузары күп булыр,
Аралап күз һалырһың,—
Айзан якты йөз булыр,
Ике бите уйылып,
Кара кашы кыйылып,
Озон керпеге аша
Карап көлгән күз булыр;
Карсығалай түш киргән,
Толомон сәсмәүләп үргән,

Ынйылай теш йылтыратып,
Назлы көлгән кыз булыр.
Бал кортондай билле үзе,
Йөрәгенә ятырзай,
Айһылыу тигән кыз булыр;
Уралдан урлап алынған,
Мәсем хандың кызы ул.
Кыззы һөйһән, атамдан
Шуны һора, бирер ул.
Уралға алып китерһен,
Атаһына илтерһен,
Ханға кейәү булырһың.
Егет, тағы онотма,
Бында шундай зур сер бар:
Был һарайҙан сыккас та
Убыр карсык каршылар,
Һине һүз менән арбар,
Һәрмәнгеләп юхалар.
Кулың бирмә тоторға,
Аяғың бирмә һөртөргә.
Барын эшләп бөткәс тә,
Күл ситенә сыккас та
Койрок кылын көйзөрһән,
Ел-дауылһыҙ янында
Акбузатты күрерһен.

36. Һәүбән, Нәркәстән был һүззе ишеткәс бер аз таң калып торған да, уға карап:

— Атана әйтмәс серенде
Миңә әйттең, һылыукай,
Илгә сәсмәс серенде
Миңә сәстең, һылыукай.
Был серенде әйтеүең
Дуҫ күрепме, һылыукай?
Мине һынап, яратып,
Үз күрепме, һылыукай?
Миңә әйтсе бер һүзең,
Кер калдырмай, һылыукай,
Һине һөйһәм, ни була,
Күңелем яттан алдырмай?
Күктең айы һылыу за
Кояш һөйгәс йөзөнән,

Кояштан нур алғанға,
Гөл үптермәй үзенән.
Айһылыузың йөзө лә
Тыштан ғына йылмайһа,
Күңеле нурлы булмаһа,
Айзай ғына булыр ул,—

тигән. Нәркәс быны ишеткәс, бик оҙак уйлап торған да:

37. — Егет, аҙак серем шул:
Һиңә булмам, уны бел,
Ерзә булған батырға
Атам бирмәс, бәхил бул!
Егетем бар һөйөлгән,
Үземә иш күрелгән,
Сер тотоуза ир булып
Үз янымда беленгән.
Уны мәңге ташламам,
Уны ситкә бирмәмен;
Атын да һис әйтмәмен:
Йөрәгемдә яғылған, —

тип әйткән, ти. Һәүбән кышташмаған. Нәркәс Һәүбәнде кыззар һарайына индереп ебәргән. Һәүбән һарайға ингәс, иҫәнлек-һаулык һорашып, бар кыззарға ла күз ташлаған. Айһылыу бөтә кыззар араһында бер үзе айырылып тора икән, ти. Ул, Һәүбәнгә табан килгән дә, бынау һүззәрзә әйткән, ти:

— Төҫөң-башың, егеткәй,
Ер егетенә окшай,
Тылымдарзы уза алып,
Һисек килдең һин былай?
Уралда уйнап-көлгән
Иркә кыззарзы ташлап,
Һулыған йөзлө кыз көсөп,
Һишләп килдең һин былай?
Әллә Шүлгән короппо,
Батшалары үлеппе,
Күп илаған күз йәштән
Ерзә даръя булыпмы?
Әллә Уралда ат менгән,
Илен йәнендәй һөйгән
Батырзары кырылып,

Бары балык булыпмы?
Эллә Уралда түгелгән
Ир-егеттәр танының,
Зар илаған әсәләр
Һыркырап биргән һөттөң
Изәлендә койоноп,
Дейүзән дә куркмаштай,
Шүлгәндә лә батмаштай,
Һыу батшанан өркмәстәй,
Йәшкә баткан Уралын
Көләс итер беләкле,
Арысландай йөрәкле
Йәш батырзар үсепме?

38. Һәүбән Айһылыузың был һүззәренә каршы былай тип яуап биргән, ти:

— Әрмәнде йөзгән күлдәрзә
Баткан батыр булырмы?
Утыз тешенә аш эзләп,
Кисен йоко туйзырған;
Киң Уралдың буйында
Былай за көләс кыззарзы
Моңон сәсеп көлдөргән;
Коно булмаш өйрәкте
Атып, итен ейзәргән;
Балаға ла буй биргән,
Йылкы тотоп, ат менгән;
Кирәгә бауын төн киҗеп,
Кыззар урлап йәр һөйгән;
Аукан тынлык урманда
Шаңкып йырын йырлап
Илаған — батыр булырмы?
Уралдың һылыу кыззары
Һыу төбөндә һарайза
Кан илаһа бығауза,
Шул бығаузы сисмәһә,
Уралға ул булырмы?
Иленә кул булырмы?

Һәүбәндек был һүззәрен ишеткәс, кыззар барыһы ла әсе күз йәштәрен түгеп, уны урап алғандар, ти. Һәүбән дә быларзы кызғанған, күз йәштәре сыкһа ла, кыззарға һиззәрмәскә тырышкан. Шунан Һәүбән, кыззар менән һаулашып һарайзан сығып киткән.

39. Нәүбән сығыуға бер карсык уның алдына килгән дә былай тигән,
ти:

-- Егет, егет икәнһең,
Шүлгән күлдә булғанһың,
Алтын өйрәк атканһың,
Хан һарайға килгәнһең,
Хандың һылыу кызына
Окшар егет икәнһең.
Хан кызы һөйә һине,
Егете барға тартына,
Һиңә хәйлә өйрәтәм,
Кулың бирсе кулыма,—
Бер типкәндә ватырһың
Егетенең һарайын,
Кызын үзең алырһың,
Бир аяғың үбәйем,
Үзеңә көс бирәйем.

Нәүбән, карсыкка кулын бирмәйенсә, уйға калған, ти. Нәркәстен карсык тураһында һөйләгән һүземе, карсык һүземе,— кайһыһы раҫ икәнәнә ышана алмайынса, озақ уйлап торған. Шунан, карсык тураһында һорашмак булып, кабат Айһылыу янына инергә уйлаһа ла, капканы кабат аса алмаған, ти. Шулай ға ул Нәркәс һүзән тотқан: карсыкка кулын да, аяғын да бирмәй китә башлаған. Быны күргәс, теге карсык:

— Егет, гәйһәр икәнһең,
Үзең серле икәнһең:
Ебәк менән уралған,
Алтын менән коршалған,
Ыһйы менән бизәлгән,
Ел-ямғыр ға теймәгән,
Керпеге йәш күрмәгән,
Күнеле гәм белмәгән,
Сит намысын ер итеп,
Күз йәштәрен күл итеп,
Күнел асып йәшәгән,
Һине ерзәй һанаған,
Үзән көнгә тиңләгән
Кызға мине тиңләйһең!
Минең алһыу йөззәрем
Буштан ғына кипмәгән,
Маңлай күзең булһа ла,

Күнел күзең юк икән.
Алтын калактан ашап,
Мамык түшәктә йоклап,
Гөл эсендә уйнаған,
Кыззы миндәй күрәмһең?
Минең һүзгә ышанмай
Бәхетең уртак бүләмһең? —

тигән һүззәрзе әйткән, ти.

40. Һәүбән, озақ уйлап торғас, карсыкка яқын килеп, унан былай тип һораша башлаган:

— Йөзөң-башың, әбекәй,
Йонсоғандай күренә,
Күкрәгендән сыккан һүз
Тонсоғандай күренә.
Был илдә бер яңғызмын,
Серең һөйлә, әбекәй.

41. Карсык Һәүбәнгә:

— Ышанмаҫ иргә сер һөйләү
Башыма язык булыр ул;
Куркак иргә һүз һөйләү
Башыма казык булыр ул.
Кулың тотһам, күкрәгем
Үзе телһез һөйләр ул;
Аяғың тотһам, юлдарың
Үзе асык булыр ул.
Телем асып һөйләһәм,
Батша телем киҫер шул,—

тип әйткән, ти.

42. Һәүбән, тәрән уйға батып, ни эшләргә белмәй торғанда, Нәркәстең килгәнә күренгән, ти. Уның килгәнән күргәс, теге карсык был ерзән киткән. Нәркәс, Һәүбәндең эргәһенә килеп:

— Әйзә, егет, был якка,
Атам көтә кунакка
Һарайында, аулакта.
Атам урын биргәндә,
Уң яғынан алырһың;
Атам һыуһын биргәндә,

Гул кул менэн алырһың;
 Атам ашын биргәндә,
 Ике куллап алырһың;
 Атам бысак биргәндә,
 Уң кул менэн алырһың;
 Атам карап көлгәндә,
 Уң күзәңдә кысырһың;
 Атам аяк һуҙғанда,
 Кул каушырып торорһоң;
 Атам тороп киткәндә,
 Кырын ятып калырһың;
 Атам кылыс тотқанда,
 Теш һызыкклап торорһоң;
 Атам һуҙһа кулдарын,
 Кире артка китерһең;
 Шунан һарай һелкенер,
 Унан куркмай көлөрһең;
 Ошоноң барын эшләрһең,
 Айһылыу менэн икендә
 Үз ерендә күрерһең,—

тип әйткән, ти.

Һәүбән, шул ерзә ризалык белдергән дә, Нәркәстең һүзен бүлеп:

— Был сереңдә айышын,
 Һорап белеп буламы?
 Әллә һарай эсендә
 Тезелеп килгән йоламы? —

тип һораған.

43. Был һораузы ишеткәс, Нәркәстең төстәре үзгәрәп, Һәүбәнгә текләп карап торған да, уны косакклап үпкән, күззәренән мөлдөрәп йәш сыккан, ти.

Һәүбәнде шунда йоко баҫкан, ти. Битенә қояш төшкәнгә һиҫкәнеп китеп, күзен асып караһа, алдында Нәркәс тә, һарайзар за юк, ти. Бөтә күргәндөрән, әллә төш кенә булдымы, тип уйлап, күзен ситкә югертһә, үзенән алыс түгел, күл ситендә Акбузат қолактарын кайсылап тора, ти. Уның янында Айһылыу ултырғанын күргәс, Һәүбән бигерәк тә аптыраған. Нәркәс үпкәләгәндәй булды, атаһы янына ла барманым, был кыз менән Акбузат ни эшләп бында сытқан, кыл көйзөрөп сақырманым дабаһа, тип аптырап торғанда, Акбузат Һәүбән янына килеп:

44. — Нәркәстән һорашмаһаң,
 Шаһ һарайын аскайның,

Тәхетенән төшөрөп,
Ғыуға батша булғайның.
Нәркәс һылыу-матурзың
Бергә гуйын кылғайның;
Карсыкка кулың бирһән,
Үз әсәнде тапкайның;
Унан аяк үптерһәң,
Атаң конон тапкайның,
Айһылыу тигән матурзан
Айырылып калғайның,—

тип әйткән, ти.

45. Һәүбән быға бик аптыраған, серзе аңламағас, сәбәбен һораған.
Акбузат уға былай тип аңлаткан, ти:

— Мине менер ир булһаң,
Куйыныңа ел тулмаһын,
Кайза барһаң, уяу бул,
Ауызың асык булмаһын!
Бөгөн һөйгән йәрендәң
Күңеле бер тип уйлама!
Күңеле китһә, ят булыр,
Тирә-яғың ут булыр.

46. Айһылыу, Акбузаттың был яуабын ишеткәс, бик күнелһезләнгән,
тик быны Һәүбәнгә лә, Акбузга ла белдермәгән, ти. Һәүбән шунда, тез-
гендәрен рәтләп, Акбузатка менгән дә Айһылыузы үз янына сакырып ал-
ған. Улар икәүһе Акбузатка менгәшәп Мәсем хандың һарайына киткән-
дәр. Һәүбән, һарайға якынлағас, атын туктаткан да Айһылыузан: «Бер-
гә инәбезме, башка-башка инәбезме?» — тип һораған, ти. Айһылыу:

— Егет, мин бик азаным,
Күз ышанмай күргәнгә;
Шулай котолдоммо, тип
Акылым етмәй уйларға;
Ни әйтергә белмәйем
Һинең әйткән һорауға.
Карыш ситкә тайпылһам,
Тағы дошман алыр, тип,
Үз башымдан куркамын;
Һинә, бергә бар, тиһәм,
Урлаусы һин икән тип
Уйларҙар, тип куркамын,—

тип әйткән, ти. Һәүбән быға каршы:

47. — Минең башым һау булһа,
Кабат дошман ала алмаҫ,
Атаңа бергә барһак та,
Безгә яла яға алмаҫ.
Шулай за һин яңғызың
Кайтып һөйлә атаңа,
Атаң һүзең тыңлаһын,
Асык белһен дошманһын.
Йөрәге етһә атандың,
Оран һалһын йортона:
Шүлгәнгә яу асырға,
Унан конон алырға.
Мин килермен бер азақ,
[Атаң яйын белгән һуң,
Батырҙарын йыйған һуң]
Барымтаға барырға,—

48. Тигәс, Айһылыу атаһы Мәсем хандың һарайына бер яңғызы ғына кайтмак булған. Һәүбән уны яман каялар, урманнар, яман һыу-күлдәр аша озатқан. Үзе Акбузаты менән калған. Акбуз менән қасан осрашыу тураһында һөйләшә башлағас, ул Һәүбәндең уйын белгән дә шунда ук ғәйеп булған, ти. Һәүбән, уның ғәйеп булыуына аптырап, кыл көйзәрәп сакырырға уйлап кына торған да, Акбузат, кайҙандыр иҫке кейемдәр алып, Һәүбән янына килеп еткән, ти. Һәүбән был кейемдәрҙе кейгән дә, Акбузатты озатып, үзе Айһылыу артынан Мәсем хан йортона киткән.

49. Һәүбән Мәсем хан торған йәйләүгә барып еткәндә, халықтың кымырҫка һымак кайнап, төрлө ерҙә эркелешеп, йыйылып һөйләшкән сағы булған. Халык янына барып, именлек-һаулык һорашкан да үзен бер юлаусы итеп күрһәткән. Халықтың һүзен тыңлап тороп, хан кызының кайтыу хәбәре бөтә халык телендә зур яңылык итеп һөйләнгәнән белгәс, хан һарайы тирәһендәгә төркөмгә табан атлаған. Шул сакта урта йәштәрҙәгә бер катындың хан һарайынан сыкканын күрөп, бөтә халык кызың кайтыу хәбәрән һорашырға ынтылған, ти. Теге катын бер һүз зә әйтмәй, кулын һелтәп: «Иштерһегез әле, һөйләмәйем!» — тип халыкты йырып-йыртып, үз торлағына кайтып киткән, ти. Һәүбән был катындың кайҙа барып ингәнән күзәтеп торған да, уның артынан атлаған. Катын Һәүбәндең кем икәнән яйлап һораша башлағас, Һәүбән уға үзенәң алыҫтан килгән бер юлаусы булыуын һөйләп, кунып китергә һораған, ти! Катын:

— Былай төбәп килгәс, кунырһың инде, сит кеше кайҙа бара белһен»,— тигән, ти.

50. Һәүбән арлы-бирле сисенеп бөтөүгә, катын-кыззар, әбей-һәбей-зәр, карт-королар, был катындың кайтканын күрә һалып, килеп ингән-дәр, ти. «Айһылыузы күрзеңме? Бик ябыкканмы? Кайза булды икән, һораштыңмы?» — тигән һораузарын язуыра башлағандар, ти.

Хужа катын:

— Айһылыузы күреп, исэн-һаулык кына һораштым, хәлен һораша алманым, үзе бик ябык, коро һөлдәһе генә калған, — тип һүзен бөтөрөүгә, кыззар: «Нинә хәлен һорашманың? Нисек булғанын белергә кәрәк ине», — тип ныкыша башлағандар икән, хужа катын:

— Һораша ғына башлағайным, еңгә, куй әле, кайтканыма үзем дә ышана алмайым... Бер-ике көнһөз бер нәмә лә һөйләй алмайым, — тигәс көсләшмәнем. Тик хандың үз ярандарында: «Аллаға шөкөр, биргән саза-ка, салған корбандар аркаһында, гәйеп ирәндәр ярзамыменән балам котолған. Шүлгән батшаһы урлаған булған икән», тип һөйләгәнә генә колағыма салынып калды, — тип әйткән, ти.

Был катындың һүзен тыңлап, башын түбән баһып ултырған бер карт:

51. — Ярай, мин әле Сура батырзың ярсығы калып, атаһының коно өсөн барымтаға алдымы икән, тип уйлағайным. Былай кан-яуһыз котолоп кайткәс, шөкөр итергә кәрәк. Юғиһә Мәсем хан Сура батырзың еге ятына саклы үлтереп бөтөрөргә ант иткәйне бит, — тип һүз кыстырып куйған, ти.

Хужа катын уға өһтәп:

— Сура батырзың тағы кемен эһләй? Урманда азык эһләп йөрөгән бисәһен дә коткармай Шүлгән күленә баулап һалған бит, уға тағы ни кәрәк? — тип әйткән икән, шундағы бер катын:

52. — Куй инде, ханға оһрағас, үзенә Сура батыр бисәһе икәнән әйтмәһә лә, бер нәмә булмаһ ине лә бит, — тип куйған, ти.

Шунан теге карт:

— Һез белмәйһегез шул! Уны һыуға һалғанда мин ситтән күреп тор-зом бит. Мин нисек икәнән беләм инде, — тигәс, катындар:

— Әллә, без ишеткән-белгәнәбеззе һөйләйбез инде, — тип һүззе шунда туктаткандар, ти.

53. Был һүззәрзе ишеткәс, Һәүбән, атам менән әсәмде Мәсем хан үлтерземе икән ни, тип уйлаған. Сура батыр тураһында һүз сыккәс, барыһын да һүзһез шымып ултырғанын күреп, теге карттан:

— Олатай, был тирәлә Сура батыр берәү инеме, икәү инеме? — тип һораған, ти.

Карт уға:

— Мырзам, илдә дан тоткан, ил намысын һаклаған Сура батыр берәү ине. Мин Урал япрағында ла, Урал армыттарында ла телгә алып һөйләрлек бүтән Сура тигән кешене ишеткәнәм юк. Сура батырзың бисәһен һыуға һалған сакта баһырзың: «Йөрәккәйем, балам калды! Шуның өсөн бауырым һызлай; иремде үлтергәнәбеззе белдем, кешегә әйтмәһкә ант

иттем, ауырып үлде, тип илгә оран һалдым; кыйын булһа ла, күрҙем дә, түҙҙем дә, исмаһам, үземде үлтермәгез инде!»— тип ялбарғанын ишетеп торҙом. Юк, хан куйманы, күлгә ыргытты. Хан, катындың һүҙенән, балаһы барҙыр, тип эзләргә уйлағайны, уларҙың йөйләүе безҙең тирәнән күсеп китеү аркаһында таба алманы. Калған балаһы улмы, кыҙмы,— уныһын белмәнем,— тигәс, һәүбән тағы аптыраған. Был серҙе асыҡ белгеге килгән:

54. — Олатай, миңең ишетеүемә карағанда, Сура батыр икәү булырға кәрәк. Бер Сура батыр үлгәс, бисәһе, кәфен табалмайынса, батырҙың һыҙмаһын биреп кәфен алған; етеһен укытырға хәйерлеге булмағас, илгә сығып киткән икән, шул китеүҙән ғәйеп булған, тип һөйләйҙәр,— тигән.

Карт быға яуап биреп:

— Мырҙам, бисәһе ғәйеп булыуы шулай, мин һөйләгәнсә. Сура батырҙың үлеме лә мин һөйләгәнсә. Тик һыҙмаһын кәфенгә биргән икән тигән һүҙ буш. Ул һыҙма һатылмаған. Уны хан таптыртмаһын, тип шулай һөйләйҙәр. Уның кемдә икәнен бисәһе белә ине,— тип әйткән, ти.

Һәүбәнден:

55. — Үҙен үлтергәс, хан нисек һыҙмаһын алмаған икән?— тигән һорауына, карт:

— Алыр ине, ул һыҙманы таба алманы, уның кайҙа калдырылғанын белмәне. Ул һыҙманың Урал батырҙан калғанын хан белә. Сура батыр һунарҙан йөрөп килгәс, бик арыған да, һыҙмаһын үзе менән һәр ваҡыт һунарға бергә йөрөй торған юлдашы Тарауыл картка биреп, уны һунарға ебәргән. Ул йөрөп кайткансы үзе ял итергә булған. Шул көнө Мәсем менән Акбулат бейҙә һунарға сыккан булған икән. Тарауыл карт китеп барғанда миңә осыны. Мин шунан Сураның хәлен беләйем тип уға табан атлаһам, Мәсем хан менән Акбулат йөкөһөнән яңы уянған Сураны, хозай күктән көткәнде ерҙән бирҙе бит әле тип, шатланып, үлтереп торалар. Шунан һуң, ни эшләргә: һыуға һалһаҡ, Сура батырҙың үлеме, тереме икәнен халыҡ белмәс, уға аркаланып, һаман безгә қаршы булыр; тукта, халыҡ уның үлгәнен белһен, бисәһен сақырып алайыҡ та, халыҡка, ауырып үлде, тип хәбәр таратырға ант итереп күмдерәйек, тип һөйләштеләр. Мин дә, быны күргәс, Тарауылды эзләп киттем, тапманым, шунан кайтыу яғына юнәлдем. Аҙаҡ, бисәһенең килгәнен белдем. Бисәһе, бахыр, нишләһен, шулай эшләгән. Ай, Сура батыр,— Уралды бирмәйенсә, Акбулат бей менән, Мәсем хан менән бик күп йылдар һуғышып килгән кеше ине. Ул бар сакта ир-ат Уралдың һыуында балыҡтай йөзә, урманында коштай һайрай ине. Батыр әрәм булды шул,— тигән. Шунан һәүбән күлдә осыраған қарсыҡ ысындан да әсәйемме икән әллә, тип уйлап куйған.

56. Һәүбән ата-әсәһенең хәлен был ауылда ишетеү менән генә туктамаған, тирә-яҡ ауылдарҙа йөрөгән. Атаһы менән әсәһенең хәлен һорашқан, барыһы ла шул бер төрлө һөйләгән. Һәүбән тағы ауылдар араламаҡ булһа ла, Мәсем хандың ҙур туй яһарға оран таратҡанын ишеткәс, кире

хан йөйләүенә кайткан, ти. Бында кайтһа, ни күзе менән күрһен, аргымак уйнаткан, юрға юрғалаткан, кушакта югерек етәкләгән бейзәр, аҡһакалдар, уларзың улдары, мырзалар хан йөйләүе тирәһенә тулғандар, ти. Бейзәрзән, тархандарзән бүтән халык та күп килгән, ти. Майзандың икенсе яғында бер төрлө ат-тунһыз батырзар, карт-королар, өсөнсө якта кыз-кыркын, бисә-сәсә, әбей-һәбей, бала-саға йыйылған, ти. Майзән уртаһында Мәсем хандың бисәләре, өс кейәүе менән кызы тора, ти. Улар әргәһенә йыйылған аҡһакалдар, бейзәр, майзән башланыузы көтөп, хан тирәһендә уралалар, ти. Батырзар, билбаузарын ыксымлап тотоп, бер урында тороп түзмәй, ары-бире йөрөйзәр; йырсылар, тамактарын көйләп, сей йомортка эсәләр; курайсылар курайзарына һыу бөркөп, курай дымлайзар, ти. Сабарзар майзән тирәләп рәт һаҡлап урап йөрөгән саҡта, һәүбән майзән түңәрәгенә барып, бөтәһенә күз йөрөтөп сыкқан, ти. Тик хан тирәһендә Айһылыуға окшаған кыз уның күзәнә салынмаған, ти. Ары-бире итеп, халык йыйылып бөткәс, оҙаҡ та үтмәгән, күмәк һарай кыззары менән бергә Айһылыу майзәнға килгән, ти. Уның матур йөзөн күргәс, бөтә йәш-елкенсәк тауыш-тынһыз, уға табан күз текәп, карап калған, ти. Мәсем хан майзән уртаһына сығып, былай тип әйткән, ти:

57. — Майзән йыйзым ил данлап,
Зур кыуаныс булғанға:
Дейеү алған кызымды
Хозай азат кылғанға;
Кәзәр төнө булғандай,
Күңелем тулды шатлыкка.
Кызым иҫән кайтқанға
Нәзәр әйттем аллаға:
Тәхетемде һаҡларзай,
Бәхетемде аҡларзай,
Шүлгәндән кон алырзай,
Шул дейеүзе үлтереп,
Башын алып кайтырзай
Батырға бирәм кызымды.

58. Хандың был һүзән ишеткәс, батырзарзың береһе лә бер ни әйтергә кыя алмай, уйлап торған, ти. Шунан Аҡбулат бей, Айһылыуға карап:

— Айһылыуым, әйтсәле
Баштан үткән бар хәләң,
Килгән батырзар белһен,
Нисек һау калды йәңең,—

тигәс, Айһылыу бынау һүзәрзә һөйләгән, ти:

59. — Бер көн сыктым яланға
Бүртә юрға уйнатып,

Нарайзағы бар кыззы
 Үз артымдан эйәртеп.
 Уйнап-көлөп туғайза,
 Шүлгән күле буйында,
 Сәскә шәлкемлэгәндә,
 Бер ни күрзем янымда:
 Айыу тигәм,— кырас йөн,
 Бүре тигәм,— ирәбе,
 Нис тартынмай укталды,
 Қымтып алды беләге.
 Куркышымдан мин қапыл
 Ни эшләргә лә белмәнем,
 Нушым киткән шунда ук,
 Үле булған бар тәнем.
 Күзем ашам бер заман,
 Кыззар тора янымда,
 Бары тора куркышып,
 Өнһөз-ниһез өркөшөп.
 Йөззәре еззәй һарғайған,
 Көләс йөззәр юғалған;
 Бары миндәй урланып,
 Тыуған илдән айырылған;
 Улар менән таныштым,
 Ил-торлағын һораштым.

60. Шунан килде бер карсык,
 Бите-йөзө йыйырсык,
 Барыбыз за күмәкләп
 Эргәһенә йыйылдык.
 Барыбыззан тәүзә ул
 һорап белде илебез,
 Нәсел-нәсәптәрзе без
 һөйләп бирзек барыбыз.
 Ул карсык та бермекләп
 Үз хәлдәрен һөйләне:
 «Ирем — Уралда данлы
 Батыр ирзәр затынан,
 һезгә уның кемлеге
 Билдәләлер атынан
 (Уның үлемен әйтмәйем.
 Хәтере калыр берәүзең).
 Ханға мәңге юл сапмаҫ
 Сура батыр ир ине,
 Тоҫқап атһа, язлыкмаҫ,

Мәргәнлектә бер ине.
Үлем йокоһо баһып,
Яңғыз ятып йоклаган,
Канға һыуһаған доһман,
Яткан ерзә тап итеп,
Йөрәгенә ук аткан.
Илгә оран һалмаһқа
Үземдән ант алдылар;
Бына хәзәр үземде
Шулар һыуға һалдылар.
Шунда ук йотто бер януар,
Ауызы шундай зур ине,
Һис бер теше теймәне.
Өңөнә килгәс укшыны,
„Әйзә тизерәк сык,— тине, —
Килер ереңә килдең,
Башка юлың юк, тине.
Иһән булған сағында
Ирең мине аткайны,
Тирең һуйып алам“, — тип,
Быһак һурып алғайны.
Шунда мин бик ялбарып,
„Аһат ит“, — тип һораным.
Кан илағас, кызғанды,
Миңә быһак һуҙманы.
„Йәштән колда йәшәгән,
Ата-әсәһен ташлаған,
Тел-йолаһын оноткан
Меһкен икән һин“, — тине, —
Мин дә шул көндән башлап,
Шүлгән батыры булһам да,
Кәһкәһә атын алһам да,
Батша кушыуын тотһам да,
Уралға сығып йөрөһәм дә,
Кемде генә йотһам да, —
Зарлы миңә аш булһаһ,
Йөрәгем аһлык киһә лә.
Килдең хәзәр был илгә,
Калырһың һин күп йылға.
Шүлгән күле шундай ул:
Канлы йәштәр аккан һуң,
Бер урынға әркелеп,
Бара-тора бер килеп

Күз йәшенән бар булған,
 Тәхет тотқан батшаһы
 Әсәнән үк бей булған.
 Был һарайзар һалынған
 Тереләй һуйған һөйәктән;
 Һарай тирә баксаһы,
 Бизәп торған сәскәһе
 Һуғарылған кан менән“», —
 Тине шунда ул миңә,
 Тип һөйләһе безгә әбей.
 Урлаусының тап үзе
 Мине урлаған шул берәү
 Булып сықты, белгән һуң;
 61. Азак килде бер егет
 «Уралдан мин», — тине ул.
 Карап сықты һарайзы,
 Тап килтерзе мине ул.
 Күп үтмәһе, ул киткәс,
 Йоко бақты күземде;
 Сырым итеп, уяһһам,
 Кырза тойзом үземде.
 Ырғып торзом һиҫкәнәп,
 Карап торзом тирәмде,
 Үз-үземә ышанмай,
 Күзем һирпәп караһам:
 Томанһырап, күгәрәп,
 Болоттарзы ялмалап,
 Урал тора алдымда.
 Кәрпек үтә йылмайған
 Уҫал күззәй һөзөлөп,
 Камыш үтә караған
 Шүлгән ята янымда.
 Туғайзағы үләндәр
 Сәскәләргә күмелгән,
 Урманына, тауына
 Кош-корт моңо түгелгән.
 Йылғыр иҫкән еләҫ ел
 Сәстәрәмде елпетте.
 Барын күргәс, шатлығым
 Йөрәгемде елкетте.
 Ырғып торһам урынымдан,
 Күзем төштө берәүгә,
 Алыҫ түгел үземдән

Ултырган бер егеткә.
Йөрәктәрәм шыуланы,
Нис түземем калманы.
Якын барзым янына,
Егет көләс йөзлө ине,
Текләберәк караһам,
Баяғы егет үзе ине.
Яуға сапкан батырзай,
Алтын-көмөш эйәрле,
Болғар тарткы, айыллы,
Тукымдары ынйылы,
Тибенгеһе сәмсәле,
Боһан тире таралғы;
Өзәнгеһе көмөштән,
Эйәр кашы алтындан,
Семәрләнгән ақыктан;
Йыһан камсы кашында,
Канъяғала куржыны,
Кырпыузары сәхтиән.
Күмелдерек түшендә,
Арт һанында — койошкан;
Ебәк сылбыр нукталы,
Куш ауызлык югәнле,
Тезгенен кашка шакарған;
Кырас яһлы, төк сәсә,
Суртан һыртлы, тар бөйөр,
Кубаға һебә, куян бот,
Текә тояк, ас яңак,
Камыш колак, киң танау,
Карсыға түш, бакыр күз,
Әгәс муйын, куш урай,
Суңка эйәк, кымты ирен
Акбуз толпар яһында.
Үзе төскә ат шулай,
Кәңәш биреп егеткә,
Тап әзәмдәй һүз һөйләй.
Ана мине шул егет
Азат итте һарайзан;
Аһам һине, тимәне,
Намысыма теймәне,
Юлға төшөрөп ебәрзе,
Сақырһам да һарайға,
Миңә үзе килмәне.

62. Ошолай тип кыз бөтөнөн дө һөйлөп биргәс, барыһы ла аптыраған, ти. Хызыр пәйгәмбәрзәр ул, юғиһә эзәм балаһы ундай эш кыла аламы, тип шау килгәндәр, ти. Шул сакта Мәсем хан:

— Бына, кызым, бер алма,
Батырзарыңды һайла:
Күнгән батыр шартыма
Алмаң алып кулыңдан,
Үзең күргән карсыкты
Алып килер Шүлгәндән,—

тигән дө кызын майзандағы батырзар араһына ебөргән, ти.

63. Айһылыу батырзар алдынан йөрөп уҙһа ла, бер батыр за алманы алырға базнат итә алмаған, ти. Шунан Мәсем хан батырзарға иртәгә саклы уйлап килергә ирек биргән, ти. Халык таралғас, һәүбән йәйләүзән кырғарак сыккан да, кыл көйзөрөп, Акбуз атын сакырған. Һәүбән Акбузатка күлдәге карсыкты иртәгә майзанға алып килергә кушқан. Акбуз:

— Шүлгәнгә яу асмайынса, унан бер нәмә лә алып булмаҫ,— тигәс, Һәүбән, Акбузатты менеп, Шүлгән күленә үзе киткән, ти.

Шүлгәнгә якынлау менән, Акбузаттың тояк тауышы һизеп, күлдә гөж иткән тауыш ишетелгән, ти. Акбузат:

— Ана, хандың кызы һаксылары менән күл өстөнә сыккан икән, без килгәндә ишеткәс, касты. Мин күлдә ашанан-аша сабып сығырмын, һин кылысың менән һелтәп, һыузы ярып узырһың. Беззең үткән бер ерзән күлдә бүлгеләп үткәүел яһалыр. Батшаның күле вақланыр, шунан түзмәй батша кызы сығыр. Ни теләйһең, ул һиңә шуны бирер. Тик, кара, һык ултыр,— тигән.

64. Һәүбән Акбузат әйткәнсә эшләгән. Күл вақланып бүлгеләнгәс, Нәркәс, түзмәйенсә, күлдән сыккан да, Һәүбәнгә:

— Ай егетем, ни теләп,
Бында яуға килдең һин?
Акбузатты аямай
Бүләк итеп бирзем мин.
Кылысың менән тураклап,
Һалмалай иттең күлемде,
Утрау менән бүлгеләп,
Кәртәләнең юлымды;
Кәһкәһәнән айырып,
Яңғыз кылдың атамды.
Күл һайығыр, ер бүлгәс,
Мин нишләрмен шул сакта?
Комоғор күл төптәре,

Ылымык бақыр ул сакта;
Үкән-төкән күбәйер,
Әрмәңделәй булам, тип,
Тән йәйер кабырсақ та.
Егет, һора теләгең,
Харап итмә был саклы,—

тип ялбарған, ти.

65. Нәүбән Нәркәскә былай тип әйткән, ти:

— Күлең ташкан йәш менән,
Комоктормай куймамын,
Ерзән сыккан шишмәнән
Бүтән юлын куймамын;
Гөбөрләнән олпатлы
Атаңа һын бирмәмен;
Кәһкәһә — ер балаһы,
Уны унда куймамын;
Үзең — һыузың һылыуы,
Һине һыузан алмамын.
Атаңа кайтып әйт хәзер:
Һыртына тажын йөкмәһен,
Таж бизәген юғалтмай,
Арқаһына каплаһын.
Кәһкәһәгә әйт хәзер:
Күлдә ятып ут йотоп,
Канлы күз йәше көтөп,
Шунда йоко һимертеп,
Кыз-кыркынды тилмертеп,
Бөтә илде өркөтөп,
Даны менән куркытып,
Айбарланып ятмаһын.
Әйәртеп сыкһын дейәүзең
Ерзән касқан барыһын,
Кая таштан зур торлак
Акбузатка казыһын!
Үзе торған һаз күлен
Ер астынан юллаһын;
Эшен бөткәс, Кәһкәһә —
Үзе коштай канатлы,
Сыскан төслө аяклы,
Кояштан куркыр йөрәкле,
Кеше һөймәс кош булһын.
Кан әсеүсе дейәүзәр

Аяк-кулһыз калырзар;
 Камыш булыр торлағы,
 Бармак буйы зурлығы,
 Йыландай булып, йөзгөндө
 Борғоланыр буйзары.
 Күл калыр аулак булып,
 Күптөргө торлак булып;
 Бары шунда көн итер,
 Үз-араһы йоп булып.
 Нарайзағы кыззары
 Бары сыкһын бушалып,
 Йөрөһөндәр хуш булып,
 Йыйырсык битле бер карсык —
 Ул да күлдә калмаһын,
 Азақ сикке һулышын
 Үз илендә һулаһын?!

66. Нәркәс, был һүзәрзе ишеткәс, атаһына кайтып киткән, ти. Һәүбән, атынан төшөп, бер аз көткән икән, күз алдында теге карсыкты күргән. Карсыктан һорашырға уйлағас, Акбузат уны тыйған, ти. Һәүбән шунан карсыкты, күз асып күз йомғансы, майзан була торған ауылға алып барып ташлаған да, атын ебәргән. Үзе тағы ла көндәге тирмәгә барып кунған, ти.

Иртәгеһенә йәйләү халкы иртүк тороп үзәшенә тотонған. Катын-кыз һыйыр һауып, һарык, һыйыр көтөүен озаткан. Кояш һөңгө буйы күтәрелгәс тә йылкы өйөрө кайткан. Колон бәйләгәндәр. Бөтә халык яңынан майзанға йыйылған, ти.

67. Майзан асылғас, Мәсем хан батырзар алдында әлеге Шүлгәндәге карсыкты алып кайтыу шартын кабатлап әйткән. Батырзар береһе лә һүз аса алмай торғанда, теге карсык үзе алға сығып: «Ханым, мине эзләтеп, батырзарзы яфалама, мине аллам коткарзы», — тип әйткән, ти.

Барыһы ла аптырашкан, кызға карсыкты күрһәткәндәр, ти. Кыз шул карсык икәнән таныған, ти. Хан шунда ук үзенең кеше башы киҫә торған кешеһен сақыртып алған да, халыкка ишеттермәй генә, карсыктың башын киҫәргә кушкан, ти. Баш киҫеүсә, карсыкты һөйләтмәй алып китә башлағас, тирә-яктан килгән халык менән батырзар карсыктың хәлен һөйләтеүзе һорай башлағандар, ти. Хан рөхсәт итмәгәс, Һәүбән, алама кейем кейеп, хан алдына барып баҫкан да:

68. — Ай, оло хан, оло хан,
 Һүз тыңлайык карсыктан,
 Уны коткарған егетте
 Мин әйтермен аҙактан, —

тип әйткән, ти.

Мәсем хан шунда:

— Бөгөн төндә мин йыйзым
Илдең шәйех, изгеген;
Бер хозайзан хоранык
Ул карсыктың килеуен.
Изгеләрзең хақына
Кабул иткән теләгем:
Хо́за кушкан Хызырға
Башкарырға хорауым.
Минең һүзем бер булыр,
Миңә кем каршы килер?
Әммә шәйехтәр әйтте:
«Карсык туйза булмаһын,
Халык алдында хозаның
Ярзам серен әйтмәһен,
Уны өйгә алырзар,
Унда кунак итерзәр,
Азырак кунак булғас та
Шүлгәненә илтерзәр»,—

69. тигәс, карсык, хандың был һүззәренә буйһоноп, баш киҫеүсе артынан эйәрә башлаған икән, һәүбән уны ебәрмәй туктатқан да, хандың алдына барып, бынау һүззәрзе әйткән, ти:

— Уралда Сура тигән
Бер батыр булған икән,
Хан-бейзәрзең әмеренә
Буйһонмаҫ булған икән.
Сура батыр бер мәлде
Сыккан икән һунарға,
Кайта алмаған әйләнеп
Үз йортонә кунарға:
Үлем йокоһо баҫып
Яңғыз йокларға яткан;
Яуыз хан уға тап булып
Йөрәгенә ук аткан.
Күп тә үтмәй батырзың
Бисәһе лә юғалған,
Һәүбән атлы балаһы
Яңғызы тороп калған.
Илендә морон төртөрлөк
Бер яқыны булмаған;

Бызау-мазар карап та,
Нис берәүгә һыймаған.
Бер сак һәүбән киткән, ти,
Күп ерзәрзе үткән, ти;
Йөрөй торғас кызырып,
Бер картты тап иткән, ти.
Был карт унан һорашкан,
Хәлен белеп кызғанған,
Кулындағы һызмаһын
Бер һүз әйтмәй, һорамай,
«Мә, улым»,— тип, биргән, ти,
(Ул карт үзе мөлкәтһез,
Күп ярлының бере икән,
Ырғыз бейзә мал көткән
Тарауыл тигән ир икән.)
Һәүбән һызма алғас та,
Керешкән, ти, һунарға;
Мәргәнлектә дан тоткан,
Батырлығы тағы ла
Яйык, Сура батырзан,
Төкләс менән Алмастан —
Барынан да шәп икән.
Улар еңмәс Шүлгәнде
Бер укталып какшаткан;
Шүлгәндең шәп Акбузын,
Урлап алған бар кызын
Берен куймай коткарған;
Карсыкты коткарыусы ла
Хызыр түгел, шул булған.
Үткән төндө яу асқан
Шүлгән күле ханына,
Күлдә ат күззәй итеп,
Вак-вак итеп телгеләп,
Шүлгәндән алыс түгел,
Кая битен тиштереп,
Үз атына торорға
Дейүзән һарай һалдырған.
Батшаһын иткән ташбака,
Дейүзәрен — ярганат,
Ил талаусы мөлгүнде —
Барыһын иткән һарап.
Бөгөн тағы ат менеп,
Ата-әсәһен эзләй, ти;

Атаһы конон алырға,
Карымтаға кан юллап,
Үлтереүсе бер ханға
Яу асырға теләй, ти.

70. Был һүззәрен әйтеп бөткәс, Һәүбән майзандағы халыкка караған да: «Үзенең һөйләүенсә, был карсык Һәүбәндең әсәһе булырға окшай. Әгәр барығыз за шомланып, миңең һүзгә ышанмай, был карсыктан һөйләтмәй, ауыз асып калһағыз, карсык кабат күренмәс»,— тигән.

Бар халык аптырашкан. Мәсем хан да, был һүззе ишеткәс, тирәһендәге бейзәре менән һөйләшә башлаган. Шунан Һәүбәнде үз янына сакырып алған да: «Әгәр һүзең раç булмаһа, башыңды киçермен»,— тип әйткән, ти. Һәүбән быға риза булған, ти.

71. Мәсем хандың кешәһе ат менгәнсе, Һәүбән кырғарак сыккан да халык араһынан гәйеп булған; кыл көйзәрәп, Акбузатын сакырған, Акбузат күз асып күз йомғансы килеп еткән, Һәүбән Акбуззан бөтә эштең эшләнгәнән һорашып белгән дә, яу коралдарын кейеп, атын менеп, майзанға килгән, ти. Ул килгәс, бөтә халык, был кем икән, һиндәй кеше икән?—тип аптыраған, ти. Һәүбән килеп еткәс үк, Айһылыу менән карсык уның үззәрен коткарған егет икәнән Акбузатынан танып, өзәңгеләге ике аяғын килеп косаклап: «Ошо егет ине...» тип илап ебәргәндәр, ти. Һәүбән шунда, атынан төшөп, карсыкты косаклап алған, унан яңынан атына менеп, хандың алдына барған да, уға бынау һүззәрзе әйткән, ти:

72. — Һиңә төбәп, Мәсем хан,
Һорай торған һүзем бар:
Сура тигән батырза
Юллар коноң бармы ни?
Кызың урлар Шүлгәндең
Барымтаһы бармы ни?
Ошоға тейеш яуапты
Танмай һөйләп бирһәң һин,
Мин дә көçәр уйымдың
Барын һөйләп бирермен.

73. Мәсем хан, Һәүбәндең был һорауына яуап итеп:

— Суранан кон юлларлык
Һис карымтам юк миңең;
Малым талап алды, тип,
Барымтам да юк миңең.
Шүлгән асыуы шул миңә:
Бу һалғайным күленә,

Камышына үрт һалып,
Хас кылгайным иленә,—

74. тигән һүзәрзе әйткәс, Һәүбән шул ерзә ханга:

— Ата-әсәнән йәш калып,
Әсе күз йәшен татып,
Ерзең өскө катын да,
Ерзең аҫкы катын да
Күреп сыккан батыр мин,
Умарталар ватһа ла,
Һыйыр ейеп туйһа ла,
Көтөү һарык быуһа ла,
Каз-өйрәкте кырһа ла,—
Алпанлаған айбузы,
Йылғыр күзле бүрене,
Сағыл буйлап уйнаған
Өлпө койрок төлкөнө,
Ил короткан яуыз, тип,
Ашап туймаҫ ауыз, тип,
Үлем килтерер уғымды
Ужарланып атманым,
Урал буйын буйланым,
Ил дошманын уйланым.
Карымтаһыз кан койған,
Ил батырын үлтереп,
Бисәләрен тол кылған;
Балаларын кызғанмай,
Үкһез етем калдырған;
Кәрһез катын-кыззарзы
Бәйләп һыуға һалдырған;
Илдең әсендә йәшәп,
Яу күтәрәп, кан койған;
Илдең һамысын тапап,
Нәсәлен мактап хан булған;
Илдең күп малын ейгән,
Уның кәр телен киҫкән;
Ике аяклы, йоморо баш —
Тоҫкап һазак атырзай,
Кан дошманым күрерзәй,
Әзләп тапкан дошманым,
Ата торған һунарым —
Алдымда торған Мәсем хан,—

Бына шуларзың бере ул;
Шүлгән күлгә ыу һалып,
Якын-тирәнең малын
Кырып, малһыз калдырған
Йылғыр күзле бүре ул!
Карымтаһыз Сураның
Канын койған айыу ул!
Изел батыры Кыпсакты,
Ирәмәл батыры Катайзы,
Яйык батыры Төкләсте,
Тора батыры Тамьянды;
Яланда Ирәндекте;
Нөгөштә Юрматыны,
Үзән батыры Табынды
Кымтып торған дейеу ул!
Акбузатка мендем мин,
Шул батырзар коно өсөн
Карымтаға килдем мин;
Илдең ирен кол иткән,
Бисәләрен тол иткән
Мәсем тигән яуыздан
Шуларзың хакын юллап
Карымтаға килдем мин,—

75. тигән дә хандың башын сабып өзгән, ти. Мәсем хандың кулында кол булған бөтә халыкты коткарған, ти. Һәүбәндең батырлығын күргәс, бөтә халык уға килеп, үзенең аһ-зарын һөйләй башлаган. Халык уға былай тип әйткән, ти:

— Ай, илдең арысланы,
Нисә йылдар кол иткән,
Үзенә көсләп тилеткән
Яуыз хандың кулынан
Илде азат иттең һин!
Һинә юлдаш булырлык,
Аркалашка торорлок
Ирзәребез бар ине,—
Барын яуыз Мәсем хан,
Илдән айырып ситләтеп,
Катындарын тол итте.
Шуларзы һин кайтарһаң,
Илгә азамат булырһың,
Кан илаған етемгә
Ата һымак булырһың!

76. Һәүбән, халыктан ныклап һорашкас, ул батырзарзы эзләп алып кайтырға һүз биргән дә, эзләп сығып киткән. Бара торғас, бер зур кошқа осрап, ул коштоң янына барған. Кош оса алмаған, ти. Шунда кош, телгә килеп, һөйләй башлаган, ти:

— Мин тау башында ултыра инем, Мәсем хандың аттары мине күрөп өрктөләр. Мәсем хан шуға мине аттырып, канатымды кырктырып, үземде каянан ташланы. Озақ кузғала ла, йөрөй зә алмай яттым. Атылған ерзәрем уңалһа ла, канаттарым һаман осорға ярамай, қаңғырып ошонда ултырам. Балаларым аска тилмереп яталыр инде. Егет, миңә ярзам ит, атыңдың ауызындағы күбеген һөрт, канаттарым төзәлер,— тип әйткән, ти, был кош.

77. Һәүбән Акбузаттың ауызындағы күбектөрөн һөрткәс, коштоң канаттары төзәлгән, ти. Шунан кош:

Егет, был ярзамың өсөн ни бирәйем, һиндәй ярзам күрһәтәйем? Мин гүмер буйына Мәсем хандан, Шүлгән дейеүзәренән яфа сигеп, бала үрсетә алмай зарыккан кош инем. Мин шундай кош, атыңға ат булам, юлдашыңға юлдаш булам,— тип әйткән, ти.

Һәүбән:

— Һин миңә ни ярзам күрһәтә алаһың? — тип һораған икән, кош уға:

— Мин һиңә үзем өсөн генә түгел, Мәсем һарайындағы тоткон һандуғастарзы, Шүлгән һарайындағы тоткон кыззарзы коткарып, Уралдағы һайрар коштарзы арттырғаның өсөн дә ярзам итергә тейешмен, — тип яуап кайтарған, ти.

Һәүбән:

— Һин уны кайҙан беләһен?— тигәс, кош:

— Шүлгәндәге һарай кыззары миңә балаларым ине, шулар килеп әйтте, һөйөнсө алдылар, тигән.

Һәүбән тағы:

— Һин — кошһоң, ә ул кыззар нишләп кеше балаһы төслө һуң? — тип һорағас, кош:

— Улар кеше шул. Мин дә кеше инем, кош булып калдым,— тип әйткән, ти.

78. Һәүбән коштан бөтә серзә һораша башлаган. Кош уға эштең айышын тезеп һөйләп биргән, ти:

— Ин тәүзә был тирәлә һыу батшаһы ғына булған. Урал батыр, үзенә Иҙел, һакмар, Нөгөш, Яйык тигән улдары менән килеп, һыу батшаһына яу аскан. Улар килгәндә, был тирә күп-күнгәк һыу булған. Улар яуҙа ат йөззөрөп һуғышкандар. Урал батырзың ат йөззөрөп килгән юлынан тау калкып сыккан. Бына ошо Урал тауы — Урал батырзың тәү килгән юлы. Тау калкып сыккас, һыу батшаһының иле икегә ярылған. Урал батыр дейеүзә үлтергән бер ерзә сағыл калкып сыккан; һыу кәмегән һайын, һыу батшаһының ғәскәре бөтә барған, дейеүзәре үлгән һайын, коро

ер күбәйгән. Шунан уның төйгәге күләүек-күләүектәрзә генә тороп калған. Көсө бөткәс, һыу батшаһы ошо Шүлгән күлгә килеп урынлашкан. Шүлгән күл ер астындағы һыуға тоташкан, уны бөтөрә алмағандар. Батша шунда йәшәп калған. Хәзер Урал тип йөрөтөлгән тау — Урал батырҙың улдары менән тәү башлап яуға килгән юлы. Мин Урал батырҙың бисәһе инем. Мине Гомай тип атайҙар. Уландарым менән ирем яуға киткәндә, мин килендәрәм менән үз илемдә калғайным. Уландарым кайтып, килендәрзә алып киттеләр. Мин азақ бармак булып калдым. Балаларым, бында килгәс, Шүлгән батшаһын аңдып ошо тирәгә урынлашкандар. Шүлгән батша һаман иремә каршы дошманлығын ташламаған. Ирем балаларым менән кәнәш иткән. Ошо күлдең һыуын эсеп бөтөрәйек, күлен һайықтырайык, Шүлгән батшаһы бер кайза ла бара алмаҫ, тип һөйләшкәндәр. Тәүзә аталары эсә башлағас, Шүлгән батшаһы быны белеп калған да, иремдең эсенә ғәскәрзәрен индереп ебәргән. Улар уның эсенә инеп, йөрәген телгеләп үлтергәндәр. Ирем үлер сағында ударына: Шүлгән батша ғәскәре калған урындан һыу эсмәгез, үзегезгә һыу табығыз, тигән. Улар, ерзә тишәп, йылға ағызғандар. Бына хәзерге дүрт йылға — Изел, Яйык, Һакмар, Нөгөш — шулар ағызған йылғалар булып, — тип әйткән, ти. Һәүбән шунда:

— Оләсәй, һин нишләп кош булып калдың? — тип һорағас,

79. Гомай:

— Без алыҫ юлдан килгәндә, барыбыз за кош булып осабыз. Килендәрәм дә шулай. Бараһы ергә еткәс, ирзәре катындарын үпһә, үз төсөнә кайтып, яңынан катын булалар. Мин килеп еткәнсе ирем үлгәйне, шуға мин үз төсөмә кайта алманым. Улар бала-сағалы булып картайып үлделәр. Бына был һин менгән Акбузат ирем Урал батырҙың аты ине. Үзә үлгәс тә уны Шүлгән урлағайны. Изелдең улдарынан береһе, Акбузатты юллап, Шүлгән батшаһына яуға китте. Шүлгән батшалығына барғас, уның батша кызына күзә төшкән. Батша, быны белеп калып, Изелдең улынан үз һарайында вәзир булып калыуы һораған. Егет, батша кызын алыу уйы менән, батша вәзире булып калған. Тик азақ сиктә батша уға кызын бирмәгән, етмәһә уны мыҫкыл итеп Кәһкәһә тип атаған. Шунан азақ Кәһкәһә Урал буйындағы бөтә данлы кыздарҙы, миңең балаларымды урлап торған.

Изелдең бүтән улдары токомонан — ете батыр, баяғы Кәһкәһә тип ат кушылған улының токомонан Мәсем калған. Мәсем ил талап хан булған. Ете батыр, Мәсемдең ил талап ханлык алыуына риза булмай, уға каршы яу асқан. Бер сак Мәсем хан ете батырҙы, килешәйек, тип үзенә кунакка сақырған. Улар барғас, бөтәһен дә иҫертеп, кул-аяктарын бәйләп, диңгез аръяғындағы батшаға һатқан. Һин хәзер шуларҙы алырға китеп бараһың икән. Бая килеп һөйөнсә алған кыздарым әйттеләр. Мин унда һине атыңдан да тиз алып барырмын. Әгәр миңең менән барһаң, уларҙы яуһыз урлап ала алаһың. Тик шул: миңең зур кәмселегем бар. Тамакланып барып

кайтырға үз итем етмэй, һинең бот итеңде лә, уларзың бот итәрән дә ашатырға кәрәк булыр. Бында кайтып еткәс, ул яраларзы атыңдың ауыз күбеге менән төзәтергә тура килер. Инде атың менән барһан, яу менән алаһың. Яу зур булыр. Шулай за барыбер һин еңерһең, батырза-рыңды коткарып алырһың,— тигән.

Һәүбән, коштоң был һүззәрән нык колак һалып тыңлағандан һуң, озақ уйлап торған. Шунан кошка:

— Оләсәй, бар, һин балаларың янына кайт. Кош булһағыз за һине лә, балаларыңды ла берәү зә ата алмас, рәхәт йәшәрһегез, — тигән дә үзә юлға сыккан.

80. Бара торғас, Һәүбән диңгез аръяғындағы батша иленә барып еткән. Унда һаксылар менән һуғыш башлаған. Һәүбән уларзы кырып, һарайға якынлашқас, батша касып, илдән гәскәр йыйып һуғышып караһа ла, булдыра алмаған. Батша гәскәрзәре Акбузаттың еленән йығылғандар. Һәүбән үзә батшаны, бейзәрзә тотоп үлтергән. Бөтә халык, Һәүбәндең батырлығын, Акбузаттың шундай дауыл куптарыуын күреп, аптырауға калған. Барыһы ла коралдарын ташлаған, ти.

Һәүбән, уларзы еңеп, ете батырын алып кайтып киткән. Кайтқас, бөтә Урал халкын йыйып, туй яһаған, ил батырзарын көрәштергән. Ете батыр туйзағы бөтә батырзарҙан алдын сыкқас, етеһен ете ырыуға баш итеп куйған, ти. Һомай коштоң балалары булған аккоштарзы атмаһқа кушқан. Туйза Мәсемдең кызы Айһылыуға кейәү һайларға рөхсәт биргән. Айһылыу Кыпсақ батырзы һайлаған. Һәүбән, бөтә батырзарзы илгә таратып, һәр кайһыһын бер ырыуға баш итеп куйғас, үзә Шүлгән күленә барған да, Акбузатты ебәрәп, Нәркәсте сығартқан. Нәркәс һис карыулашмай сыккан, ти. Һәүбән, Нәркәсте күргәс, уға:

81. — Етемлектә йөрөгәндә,
Һиңә тәүзә юлыҡтым;
Һинең дөрөс һүзәңсә,
Асыл бүләгең булған
Акбузатыңды алып,
Илемде азат кылып,
Кыуаныска юлыҡтым.
Хәзәр килдем мин һиңә
Теләгеңде белергә,
Һөйләр һүзәң тыңларға,
Күңелеңде күрергә,— тигән.

82. Нәркәс бер аз ни әйтергә кыймай торған. Унан азақ һүзгә кешеп:

— Кыз булһам да, әсәнән
Ирзәй батыр тыузым мин;
Урал буйы ерендә

Күп батырзар күрзөм мин;
Ғинең бабаң Яйыкты
Көс Һынауза ендем мин;
Төҫөм йәштәй булһа ла,
Күп йыл Һүмер һөрзөм мин.
Батша кызы булғанға,
Ергә сығып баҫмағас,
Унан азык еймәгәс,
Ғис Һүмерем үтмәне;
Қартлык мине еңмәне,
Йәш сақтарым һакланып,
Һылыулығым бөтмәне.
Йөзөм ашам, қояшың
Оялып болотқа инер;
Көрәш көҫөп бер әзөм
Килһә минең қаршыма,
Ашам уға йөзөмдө,—
Күзе камашыр нурыма,
Минән йығылып хур булыр.
Ғинең көрәш асманым,
Күнелем уға тартманы;
Ғине тәүзә күргәс тә
Күнелемдән һөйзөм мин,
Тик әйтергә қыйманым,
Азақ сикте көттөм мин.
Әгәр мине тиң күрһәң,
Үзеңә буй бирәйем,
Уралында тиң Һүмер
Ғинең менән һөрәйем,—

тигән дә, йөзөн асып, Һәүбәнгә қарап йылмайған, ти. Һәүбән шунда, Нәркәстең һылыулығын күреп, таң қалған, ти. Һәүбән алырға риза булғас, Нәркәс атаһының бөтә мал-тыуарзарына күлдән сығырға қушқан. Шул сақта күлдән ер қаплаған қола йылкы сыққан, ти. Һәүбән быларзың бөтәһен дә ат-тунһыз халыққа таратып биргән. Үззәре, Нәркәс менән икәүләп, Акбузатты менеп Һәүбән иленә қайтып киткән, ти.

ЗАЯТҮЛӘК МЕНӘН НЫУҠЫЛЫУ

1. Бынан бик күп йылдар элек Асылы күл менән Дим йылғаһы араһында кеүете, байлығы менән даны алыс-алыска таралған Сәмәр тигән хан йәшәгән, ти. Сәмәр хан һәр төрлө уйын-көлкөгө, һунарға сығып кош-корт, кейек ауларға яраткан. Уның ике катыны булып, беренсәһенән алты ул тыуған, ти. Ә икенсе йәш катынынан төскә-башка бик матур, нурлы йөzlө бер ул тыуып, уға Заятүләк тип исем кушкандар, ти. Заятүләк матур булыу менән бергә бала сактан ук батыр за булған, ти. Уйын уйнағанда ызғыш сыҡһа, үз тиҫтерзәрен кыйратып алып барып ине, ти.

2. Балалар үсеп, бер аз быуынға ултыра башлаған, ти. Берзән-бер көндө Сәмәр хан улдарын ун ике канатлы ак тирмәһенә сақыртып алған да:

— Балаларым, һез бер аз быуынға ултырзығыз. Инде ук-һазак атырға, һыбай сабышырға, кош сөйөп һунар итергә, һөнәрзәрегезҙе күрһәтергә ваҡыт етте,— тигән.— Хәҙер үк йылкы өйөрөнә сығып, ат һайлағыз. Югәндәрегезҙе шылтыратканда, кайһы ат боролоп караһа, шуны алығыз. Кош-кортка, кейеккә сөйөү өсөн етегезгә берәр сапсан кош алығыз. Һунарза кемдең қошо нимә тибә, шуны миңә алып килерһегез! — тигән, ти.

3. Сәмәр хандың ете улы йылкы өйөрөнә сығып, берәм-берәм югәндәрен шылтыраткан. Оло катынынан тыуған алты улға уйнаклап торған бик һәйбәт алты дүнән әйләнеп караған, ти. Заятүләк югәнен шылтыратһа, уға бактаһын да койоп бөтмәгән күк дүнән караған, ти. Сөйөү өсөн кош һайлағанда, алты улдың кайһылары бөркөт, кайһылары ыласын, карсыға алдылар, ти. Ә Заятүләккә көнсөл ағалары:

— Һиңә ошо ла ярар! — тип, ак ябалак тотторзолар, ти.

4. Сәмәр хандың ете улы, үззәренә караған ете атка менеп, сапсан коштарың эйәр каштарына, яруындарына кундырып, һунарға сыға. Заятүләктең бакта дүнәнгә атланыуы була, ул күк толпарға әйләнә. Был хәлдә күрөп, алты ағаһының көнсөллөгө килгән, ти. Ауқан туғайға еткәс, һунарсылар яқындағы күл өҫтөнән куркышып туп-туп булып күтәрелгән

торна, кыр жазы, өйрөктөрзө күрөп калалар. Алты ул бер юлы бөркөт, ыласындарын сөйөп ебэрэ. Тик берененөң дә сөйгөн кошо торна, каззарзы тибө алмай, түбөндө генө кәйелеп йөрөй зө кайһы сыскан, кайһы йомран тибеп, эйәләренөң эйәр кашына килеп куна. Бак тиһәң, уларзың бөркөт, ыласын, карсыға тип һайлап алған коштары йә ябалак, йә һар, йә көйгәнөк булған икән. Яңылышканлыктарын һизеп, алты туған бик гөрлөнгән, ти.

Заятүләк ағалары ак ябалак тип биргән кошон сөйөп ебэрэ. Уның кошо һауаға атылған ук кеүек менеп китте лә, ялағай шикелле уйнап, торналарзы, каззарзы, өйрөктөрзө тибеп төшөрө башланы, ти. Шулай итеп:

Сәмәр хандың алты улы
Сыскан, йомран алды, ти;
Заятүләк атлы улы
Каңғылдатып каз алды, ти,
Торколдатып торна алды, ти,
Быткылдатып һуна алды, ти.

5. Заятүләктең ябалак тигән кошоноң ак шоңкар булып сығыуына, уның бик күп кошто тибеп төшөрөүенә ағаларының бик тә нык асыуы, көнсөллөгө килгән, ти. Заятүләк һунарзан зур табыш менән кайта. Һунарзан кайткан алты ул, оялыштарынан кызарына-бүртөнө, тотоп алып кайткан сыскан, йомрандарын аталарының алдына һалдылар, ти. Сәмәр хан, был хәлдә күрөп, асыуынан кашын емерзө, ти. Заятүләк торна, каззарын килтереп һалғас, уның йөзө яктырып китте, ти. Ул шатлығынан Заятүләккә асыл таштар менән бизәлгән кәмәр бүләк итте, ти. Алты ул был хәлдән бик хурланды, ти.

6. Иртәгәһенә тағы ла ете ул һунарға сыға. Был юлы улар сапсан коштарын кейек йәнлеккә сөймөк булалар. Йылға, күл буйзарына барып һунар итә башлайзар. Төлкө, бүре күрөп, ете ул да коштарын сөйө.

Сәмәр хандың алты улы
Алты сыскан алды, ти;
Заятүләк атлы улы
Ауызы канлы бүре алды, ти,
Алпан-толпан атлаған
Һоро айыу алды, ти,
Күл яғалап йөрөгән,
Һылыу кыззай бизәнгән
Колағы миңле төлкө алды, ти.

Заятүләктең һунары уңышлы була, ә уның ағалары табышһыз кайталар. Был юлы Сәмәр хан Заятүләккә килтергән йәнлектәре өсөн уғы менән ян бүләк итә. Алты ул хурға кала, Заятүләк дан ала.

7. Сәмәр хан улдарын, тағы ла бер тапкыр һынамак булып, ат сабыштырырға ебәрә. Заятүләктең ағалары йыйылышып:

— Ат сабышканда без, ялга туктаған булып, уның күк толпарының табанына қазау қағырбыз. Аты ақһап артка калһа, хур булыр, абруйы төшөр! — тип кәңәш коралар.

8. Икенсе көн Сәмәр хандың улдары бәйгегә сыға. Ярты юлды үткәс, иң өлкәне энеләренә:

— Әйзәгез, бер аз туктап ял итеп алайык, шунан бәйгене дауам итербез! — ти.

Барыһы ла, риза булып, аттарын бер як ситкә ебәрәп, ял итергә яталар. Заятүләк сырым итеп алғансы, ике өлкән ағаһы күк толпарзың табанына тимер казак қағып куя. Бер аз ял алғандан һуң туғандар тиз генә аттарына менәләр зә бәйгегә сабалар. Тик Заятүләк кенә толпары ақһап тороп кала. Шул сак толпар, телгә килеп, егеткә былай ти:

— Һин өзәңгегә нығырак баһып, бар көсөнә миңә ике кабырғама камсың менән кан сәсрәткәнсе уңлы-һуллы кабырғага һуғыуы була, һуғылған ер-зән кан сәсрәп китә, шул өзере табанына қағылған тимер казактар шылтырап койолоп төшәләр, күк толпар, канатын йәйеп, ук кеүек алға атыла. Байтак алға китеп өлгөргән алты ағаһын әллә ни тиклем артка калдырып, Заятүләк беренселекте ала.

9. Заятүләктең уңлы-һуллы кабырғага һуғыуы була, һуғылған ер-зән кан сәсрәп китә, шул өзере табанына қағылған тимер казактар шылтырап койолоп төшәләр, күк толпар, канатын йәйеп, ук кеүек алға атыла. Байтак алға китеп өлгөргән алты ағаһын әллә ни тиклем артка калдырып, Заятүләк беренселекте ала.

Иң шәп аталған арғымактар менән дә Заятүләктең който дүнәнән уза алмаған алты туған был юлы ла хур калды, ти. Заятүләк, еңеүсе булып, батыр нарықкланып калды, ти.

10. Уның көнсөл ағалары йыйылышып:

— Заятүләктән нисек тә булһа коталайык. Ул үлмәй тороп, безгә дан да, тыныслык та булмаһ! Бөгөн төндә үлтерәйек! — тип бер төптән һүз куйышалар.

Әммә уларзың яуыз уйзары бойомға ашмай. Күк толпар, телгә килеп, Заятүләккә:

— Ағайзарың бөгөн төндә һине үлтерергә уйлайзар. Эңер төшөү менән мин тирмә артына килермен. Ике кабырғама камсы менән берәр һуғып алырһың да күззән юғалырбыз, — тип иһкәртеп куйзы, ти.

Эңер төшөп, күз бәйләнәп килгән вақытта алты туған Заятүләк йокларға яткан тирмәгә якынлашып килгән булалар. Заятүләк тиз генә күк толпарға атлана ла йәйләүзән юк була. Кыуып караһалар за күк толпарға етә алмай, тороп калалар.

11. Заятүләк елә торғас, Асылы күл буйына килеп сығып, Карағас тауына килеп туктай. Ул ақ шоңкарын әйәр кашына ултыртып, күк толпарын үлән юшарға ебәрә. Ә үзе, караңғы төн булуға карамаһтан, ялтырап яткан күлдең матурлығына хайран калып һоккланып, озақ кына карап тора. Бер вақыт ул, күл ситендә нур уйнағанын күрәп, гәжәпкә кала. Заятүләк һак кына нур уйнаған ергә якынлаша. Килһә, ни күзе менән

күрһен, күлдең ситендә генә ясы таш өстөндә толомдарын тағатып, алтын тарак менән алтмыш колас озонлого кара сәсентарап, һыу кызы ултыра. Асылы күл өстөндәге нур уйнауға ошо һылыу кыздың һыу астынан сығып бизәнеп ултырыуы сәбәп булған икән. Егет кыздың һылыулығына таң калып, озақ кына иҗенә килә алмай карап тора. Ул кызға әкрәнләп-әкрәнләп кенә якынлай за аңғартмастан ебәк кеүек йомшак алтмыш колас кара сәсенән тотоп ала. Һыу кызы нисек кенә ыскынып китергә тырышһа ла, егет уны ебәрмәй. Шунан кыз егет кулының һыклығын, унан котола алмаһын һизеп, ялбарырға тотона:

— Эй, ер улы, һин зинһар мине ебәрә күр! Мин — һыу кызы. Әгәр һыуҙан айырһаң, мине һәләк итерһең. Ул ваҡытта үзең дә үлерһең! — ти.

12. Ни тиклем генә ялынмаһын, Заятүләк һыу кызын ебәрмәй. Егет кызға гашик була, уға былай ти:

— Йондоҙ юлап төн буйы,
Ялһыз елдем, һылыу кыз;
Атың, илең белмәйем,
Әйтеп бирсе, һылыу кыз!
Икәү бергә булайык,
Бергә донъя корайык.

Кыз:

— Сибәр егет, шаулама,
Атым миңең — Һыуһылыу,
Мине һорап даулама;
Егет, һиңә тиң булмам,
Нурҙан тыуған токоммон,
Ерзә йөрөтөп хурлама;
Ер улына тиң булмаһ
Нурҙан тыуған кыз бала.
Егет, һүзең озайтма,
Ебәрә күр, ер улы,
Атам, белһә, яу һалыр,
Башыңа киәмәт һалыр,—

тип әйткән, ти.

Тик Заятүләк уны һис кенә лә ебәрмәгән, ти.

13. Шул ваҡыт Һыуһылыу:

— Заятүләк, йәш егет,
Йәшлегенә бараһың,
Күлдең кызы һылыу, тип,
Һыуҙа йәнһез калаһың.

Менеп йөрөгән толпарың, —
Унан да тороп калырһың;
Ак шоңқарың, бер меҫкен, —
Унан да тороп калырһың, —

тип тағы ла куркытып караған, ти.

Заятүләк:

— Бер тигәндә белә алған,
Муйыны һонок һуна алған;
Муйыны озон торна алған,
Кош оскоро — сүрәгәй, —
Канат какмай шуны алған;
Колағы миңле төлкө алған,
Ауызы канлы бүре алған
Ак шоңқарзан бизәйем,
Һыу аҫтына төшәйем, —
Һинең менән булайым!
Ел еткермәй елдергән,
Кәрәкте алдан белдергән,
Сабышта ал бирмәгән
Күк толпарзан бизәйем, —
Һыу төбөнә төшәйем,
Һинең менән булайым, — ти.

14. Ләкин һыуһылыу риза булмай, нисек тә егеттән котолоп китмәк була.

— Ай, Түләгем, Түләгем,
Бына һиңә бүләгем;
Алтын тарак, алтын сәсмәү, —
Уны ла һиңә бирәмен.
Һиңә булыр түгелмен,
Миңә булыр түгелһең,
Өмөт итмә, Түләгем,
Һыу төбөндә үләрһең.

Заятүләк бүләкте алыузан баш тарта. Ул һыуһылыуға:

— Туғыз ай буйы күтәрәп,
Ауырлыктан бөгөлгән,
Төн йокһон өс бүлеп,
Күкрәк һөтөн имезгән
Әсәйемдән бизәйем,

Ғыуға төшөп үләйем,—
Ғинең менән булайым;
Айыры һакал үстөргән
Атамдан да бизәйем,—
Ғыу төбөнә төшәйем,
Ғинең өсөн үләйем!

15. Шунан һуң ғына Ғыуһылыу йомшара төшөп:

— Егет, аузыңды кымты, күзенде йом, минең толосома нык то-
тон, — күл төбөнә сумабыз! — ти.

Шулай итеп улар икәүләп һыу төбөнә сумалар.

Заятүләк, Асылы күл төбөнә, төшөп күзен асып ебәрһә, икенсе бер сихридонъя күрә. Иркән болонда иһәһез-һанһыз йылкылар юшап йөрөй, сылдырап аккан йылғаларында алтын балыктар уйнай, тәрән-тәрән күл-дөрөндә һәр төрлө өйрәк, аккош, кыр қаззари йөзөп йөрөй, ти. Ғыуһылыу Заятүләкте туғай уртаһында ултырған ап-ак кейез тирмәгә алып инә лә:

— Егетем, теләгенә ирештең: мин һинеке, һин минеке булдың! — ти.

— Тик был эшкә атайың риза булырмы икән? — тип һорай Заятү-
ләк.

16. Шулай һөйләшөп торған вақытта ишек алдына қара атқа атлан-ған, бар кейемен дә қаранан кейенгән, әйәр қашына қара ыласын ултыр-тып, Ғыуһылыузың атаһы килеп туктай. Ғыуһылыу Заятүләкте тиз генә йәшереп қуя. Атаһы тирмәгә килеп инә лә:

— Әзәм еһе килә, бында кем килде? — ти.

Ғыуһылыу:

— Ер өһтөнә сығып әзәм еһе алып қайтаһың да минән кешә таптыра-һың! — тип яуап қайтара.

17. Ғыуһылыу Заятүләкте байтақ қына вақыт ата-әһәһенә күрһәт-мәй йәшереп тотә. Тик берзән-бер көндө атаһы Ғыуһылыу тирмәһендә Заятүләктең йәшенеп йәшәуен һизә, сер асыла. Ғыуһылыу дөрөһөн һөйләп бирергә мәжбүр була. Ул ер улын яратыуын, уның менән бергә йәшәргә теләуен йәшөрмәй. Быны иһетеп, Асылы күл батшаһының асы-уы қабара — күл болғана, қайнай, һыу ташып тирә-яқты баһа башлай.

Ғыуһылыу Заятүләкте атаһына күрһәтә. Баһадир кәүзәле, нурлы йөзлө, сибәр егетте күрөү менән Асылы күл батшаһының күнеле тыныс-лана, асыуы баһыла.

— Ярар қызым, һинәер улына кейәүгә сығырға язғандыр. Мин риза. Заятүләк әйзә һинең менән бында рәхәтлектә йәшәһен. Ерзә һағынып бойғор булһағыз, — бәлә килер. Ғыу аһты донъяһын ташлап ергә сық-һағыз, икегез зә һәләк булырһығыз, ти.

18. Заятүләк, Асылы күл төбөндә матурлықта тиндәшә булмаған Ғыуһылыуы менән бер мохтажһыз, байманлықта йәшәуенә қарамаһтан,

тыуған илен, ер тормошон һағына башлай. Уның һағыныуы, моңайыуы йөзөнә һары булып сыға.

— Заятүләк, һиңә ни булды, һиңә моңаяһың? — тип һорай һыуһылыу.

— Тыуған илемде һағындым, шуға моңаямын,— ти Заятүләк.

Һыуһылыу эз генә булһа ла иренең хәлен енеләйтергә, һағыныуын баһырға уйлай. Ул Заятүләккә бәләкәй генә көзгә бирә, бик нык һағынған хәлдә ошо көзгә аша тыуған ерҙәрен карап күңелен баһырға куша. Заятүләк көзгөгә караһа, ер өҫтөн, Асылы күл буйының төшлөк яғындағы Карағас тауы башында эйәһен һағынып көтөп торған күк толпарҙы күрә. Уның эйәр кашында ак шоңкары моңайып ултыра икән, ти. Күк толпар Карағас түбәһенә үскән үләнде ашап бөтөп, какка калдырған, ти. Күк толпар менән ак шоңкар Заятүләк күлгә сумған ергә карағандар за һаман уның кире сығыуын көтәләр икән, ти. Быны күргән Заятүләктең күңеле тулып китә, күзенән бөрсөк-бөрсөк йәштәр тәгәрәй. Уның һағышы тағы ла көсәйә төшә.

19. Һыуһылыуҙың ата-әсәһе лә, кейәүҙеренең һарғайыуын күреп, уйға калалар. Берҙән-бер көн һыу батшаһы Заятүләктән:

— Кейәү, һинең ерең-һыуың бармы? — тип һорай.

— Тыуған ерем — Балкан тау, әскән һыуым — Дим. Башка күп ер-һыу Дим менән Балканға буйһонған. Бына шул ерҙәрҙе һағынам,—ти Заятүләк.

— Ярар,— ти һыу батшаһы.— Балкан тау иртән тороуыңа тирмәң алдында булып!

Һыу батшаһы ендәргә бер төн әсендә Балкан тауҙы күсереп килтереп ак тирмә каршыһына ултыртырға куша. Ендәр Балкан тауҙы эзләп таба алмайынса икенсе бер тауҙы тимер менән коршап алып кайталар.

Заятүләк иртәнсәк тирмәнән сығып караһа, бер бейек тауҙы күрә. Һыу батшалығы ең-пәрәйҙәре килтергән был тау ғына егеттең тыуған илен һағыныуын баһа алмай. Абайлаңқырап караһа, Балкан тау урынына бөтөнләй икенсе тауҙы килтергәндәрен күрә.

Заятүләк был тауҙың Балкан тау түгел икәнлеген аңғартып былай, ти:

20. — Тауҙы тауға окшатып,
Тимер менән коршатып
Алып килгән тауығыз,—
Балкан-тауым был түгел.
Балкан-тауың бейеге,
Бөйөрөндә уйнар кейеге;
Һыулап каккан қазықтай,
Һыуыры күп Балкан тау;
Айры қолак, йылтан күз

Бүрөчө күп Балкан тау;
Алпан-толпан атлаган
Айыуы күп Балкан тау;
Кырга карап кыя юрткан
Карнагы күп Балкан тау;
Кыз балалай бизенгөн
Төлкөһө күп Балкан тау;
Оя яһар ере күп,
Коштары күп Балкан тау;
Майлап һалган кайыштай
Йыланы күп Балкан тау;
Йәйеп куйған бәрхәттәй
Урманы күп Балкан тау.
Таузы тауға окшатып,
Тимер менән коршатып,
Алып бында килһәләр зә,—
Балкан тауым был түгел.

21. Заятүләктен шулай юкһынып, һағыныуын күрөп, һыу батшаһы:
— Заятүләк, һин — ер улы, ерһез йәшәй алмаһың. Һин бөгөндән үк үз иркеңдә, бында көсләп тотмайым. Балкан тауыңа кайтып донъя көтөгөз. Һыуһылыу һинең менән барыр: ир катын артынан йөрөмәй, катын ир артынан йөрөй. Өйөрөмдән Акбуз толпарзы ал. Донъя короһ ебәрәү өсөн мал бирәм. Күлдән сығып, Балкан тауға етмәй тороп, артыңа әйләнәп карама! — ти.

22. Заятүләк Акбуз толпарға атланып, Һыуһылыузы алдына ултыртып, һыу батшаһы менән хушлашып, күлдән сығып китә. Ул туп-тура Балкан тауға табан юл тотта. Заятүләк артта бер туктауһың күлдә кайнатып эркеләп йылкы сыккан, колондар сыркыраған, асау айғырзар кешнәгән, ер тетрәткән тояк тауыштарын ишетә. Ул тауышка сызай алмай, артына боролоп карай. Караһа, Асылы күлдән өйөр-өйөр сыскан һыртлы йылкы сығып килгәнән күрә. Заятүләктен карауы була, ярга сығып өлгөрмәгән йылкылар күлгә кире сумалар, ергә аяк баһып өлгөргөндәре Акбуз толпарға әйәрәләр. Заятүләк менән Һыуһылыу хужаһын көтөп ябыккан, һарғайып бөткән күк толпар менән ак шоңқарзы ла алып, Балкан тауза донъя көтә башлайзар. Заятүләк һунарға йөрөй, курай уйнай.

Уң яғымдан таяуға
Балкан тауым бар миһең;
Һул яғымдан таяуға
Һыуһылыуым бар миһең,—

тип йырлай Заятүләк. Әммә улар бергә озақ йәшәй алмайзар.

23. Берзән-бер көндө һизгер Һыуһылыу Дим яғынан сабып килеүсә ат тояктары тауышын ишетә, үткер күззәре күккә күтәрелгән саң тоمانын күрә. Ул Заятүләккә:

— Һинең ырыузаштарың саң-томан туззырып бында табан сабып киләләр. Йөрөгемде хәүеф алды, тиккә килмәйзәрзәр ахыры, ти.

— Килһендәр әйзә. Мин уларға тере көйө бирелмәм. Уларға каршы яуға сығам! — тип Заятүләк, ук-һазактарың әзерләй башлай.

— Заятүләк, һин ырыузаштарыңдың канын койма. Бәлки, улар берәй мөһим хәбәр алып киләләр, һүззәрен тәүзә тыңлап кара. Әгәр зә һине көслөк менән алып китһәләр, кырк көндән һуң ошо урынға килерһең, мин һине көтөрмөн. Асылы күлһез, һинһез мин кырк көндән дә артык йәшәй алмам. Хәзәргә мин, сапкындарға күренмәс өсөн, йәшеренәм! — ти Һыуһылыу. Заятүләк қатынының көңәшенә риза була.

24. Күп тә тормай Сәмәр хандың атлы ғәскәре Балқан тауға килеп етә. Ғәскәр башы Заятүләккә килеп:

— Үткән төндә атайың Сәмәр хан вафат булды. Алты туғаның, хан тәхетенә талашып бер-береһе менән һуғышалар. Илдә тыныслык юк. Халык һинең хан булыуыңды теләй, зинһар, ошо теләкте кире какма. Без һине алырға килдек, — ти.

Заятүләк: «Һыуһылыузы кырк көн тулғансы килеп алырмын әле» — тип уйлай за ғәскәрзә әйәртеп, хан йәйләүенә юл тотта. Уны ырыузаштары бик хөрмәтләп каршылайзар, хан тәхетенә ултырталар. Уның алты ағаһы берен-бере үлтереп бөгәләр.

25. Заятүләк илдә тыныслык урынлаштыра, ырыузаштарының көнәштәрен тыңлай, бейзәрзә, ақһақалдарзы йыйып һөйләшә, илселәрзә кабул итә. Йәш ханды һайлау зур байрамға әйләнә. Әллә нисә көндәр буйы туй бара.

Майзанда батырзар көрәше, ук атыу, ат саптырыу бәйгеләре ойошторола, сәсәндәр, йырсылар, курайсылар ярышы узғарыла.

26. Заятүләк уйын-көлкө, ил эштәре менән мәшғүл булып йөрөгән көндәрзә Һыуһылыу, япа-яңғыз моңайып, һөйгөнөнәң қайтыуын зарығып көтә. Асылы күлдән дә, Заятүләктән дә башка айырым йәшәү қайғыһынан ул һарғая, шиңә башлай. Ул Заятүләкте һағынып былай тип йырлай:

— Иртәнсәкәй тороп бер қараһам,
Яңғыз сағыл күренә кош кеүек;
Түләк менән бергә булған көндәр
Йоқоларза күргән төш кеүек.
Күк дүнән дә толпар ай уйнайзыр,
Тезгененән тарһаң, буйлайзыр;
Күзкәйзәрем йоко алғанда ла,
Күңелдәрем һине уйлайзыр.

27. Заятүлөк, донъя мәшәкәте менән йөрөй торғас, билдәләнгән ва-
кыттың килеп еткәнән дә һизмәй кала.

— Һыуһылыуы барып алып киләйем әле, яңғызлыктан зарыккан-
дыр инде! — тип иҫәпләп караһа, кырк көн үтөп, кыркынсы төп үтөп
барған була.

Заятүлөк, иң шәп атка менеп, Балкан тауға карап саба, нисек бул-
һа ла өлгөрөп калырға тырыша. Тик Заятүлөк өлгөрә алмай. Ул Балкан-
ға килеп еткәндә, кырк беренсе көн башланған, уның һөйгән Һыуһылыуы
үлгән була. Заятүлөк Һыуһылыуға булған игтибарһызын бик ауыр
кисерә. Ул Балкан таузың башына һөңгөһө менән кәбер қаза. Заятүлөк
Һыуһылыуы кәбергә һалғандан һуң, булат һөңгөһө менән үзен үзе сәнсә
лә йәнһез булып, һөйгәнәнән эргәнәнә ауа.

28. Заятүләктә эзләй сыккан кешеләр бер нисә көндән һуң ғына
Һыуһылыу менән икәүһәнән бер кәберзә ятқан мәйетен табалар. Улар
Заятүлөк менән Һыуһылыуы хөрмәтләп күмәләр, кәберзәрен эре-эре
таштар менән уратып өйөп куялар.

Шунан бирле гәзел батыр менән Һыуһылыуы түбәһендә һаклаған.
Балкан тауы Дим буйы башкорттарының изге урынына әйләнә.

КАРА ЮРГА (беренсе вариант)

1. Борон заманда Һакмар буйында Күсәрбай тигән һунарсы була. Бының берзән-бер бейәһе була. Шул бейәнән тыуған колондарзан ат үстөрөп, һунарға йөрөй. Бының бейәһе, һәр ваҡыт қасып колонлау арқаһында, колоно бик һирәк тора: йә бүрә ашай, йә бүтән бер уңайһыҙлыҡка осорап үлә. Бүтән кешеләрҙең бер бейәнән әллә нисә йылқыһы булып, үрсеп киткәс, Күсәрбайың быға бик эсе боша. Етмәһә, уның Әбләй тигән берзән-бер улы ла үсеп етеп: «Ат булһа, бүтән малайҙар һымак, һунарға йөрөр инем»,—тип, йәнәнә тейә.

2. Мал караға баҫқас, бейәнәң колонлар ваҡыты еткәс, Күсәрбай улын сақырып ала ла:

— Улым, бейәнәң колонлар сағы етә, карауылла. Әгәр иркәк булһа, үзәңә инсе итеп бирермен. Үзәң һунарға менеп йөрөрһөң,— ти.

Әбләй, мәргән дә батыр за булғас, бынан куркмай, бейәнә күзәтә. Бейәнәң көтөүзә ситләп йөрөгәнән күрә лә, атаһына:

—Атай, бейәнәң имсәгенә һөт төшкән, бөгөндән қалмай колонлар, атыңды бир, карауыллайым,— тигән.

3. Атаһы атын биргәс, Әбләй бейәнә күзәтә сыккан. Бейә, ситкә китеп, бер тау битенә барып, сөм-кара колон колонлаған, ти. Колон тыуғас та, бүтән колондар төслә, аяғына баҫа алмай тормаған, әсәһенәң ялап, киптереп бөтөүенә уйнап, бер алдына, бер артына сығып, сабып йөрөй башлаған. Был бейәнәң колонлауын күзәтеп, аңдып килеп ятқан бер бүрә, колондоң бер артына, бер алдына сығып, уйнаған булған да, уның арт ботонан һәрмәй һалып алған. Быны Әбләй зә, бейә лә күрмәй қалған. Колондоң сыйылдағанын ишетеп, бейә сырқырап ебәргән. Атқан ук һымак, Әбләй зә барып еткәс, бүрә колондо ташлап киткән. Колондоң арт ботонан ус аяһындай итен бүрә өзөп тә өлгөргән. Колон был яранан үлмәй, юнәлгән, үскән. Әбләйҙең ата-әсәһе быны күреп қууанһа, колондоң югерек булмауын, уның һунар өсөн дә, яу өсөн дә яраҡһыҙ ат булыуын белеп, Әбләй күңелһезләнә. Атаһы:

— Улым, кайгырма, ете яузан калган ирзе ваба алмас, бүренән калган йылкыны ел узалмас, тигәндәр. Үшкен, бына тигән юрға ат булыр, — тип йуаткан.

4. Бер нисә йылдар үтә. Әбләй матурлығы, мәргәнлеге, һүззә сәсэн-леге менән ир булып танылһа, Кара юрға ла тирә-яғында иң якшы ат булып дан алған, ти.

Йәйзең йәмле сағында Әбләй ил аралап, ер күреп, ир танып кайтыу уйын атаһына әйткән, ти:

— Һакмар ғына һыу түгел,
Буйы ғына ер түгел;
Сағылында уйнаған
Саптар төлкө, ак куян,
Колон алыр һәр бүре,—
Улар ғына йән түгел.
Илдең кендек билдәһе,
Яйытк, Изел үзөгә —
Урал тауы буйы бар.
Ыласын сөйгән ире бар,
Айыу тоткан ире бар,
Такыя баш курайза
Моңон сәскән ире бар.
Мин барайым шул илгә,
Күз һалайым шул ергә,
Ирмен тигән егеткә,
Ирлекме ятыу бер ерзә,—

тип һорағас, атаһы каршы килмәгән.

5. Әбләй, Кара юрғаһын менеп, юлға сыткан. Күп һыузар кискән, күп йәйләүзәрзә кунған, күп урмандар, юлдар, таузар үткән, Изел башында байлығы менән дан тоткан Мәсем бай йәйләүенә барып еткән, ти. Мәсемдең кунак тирмәһе алдындағы саңланып бөткән ат бағанаһына барып туктап, йола буйынса сәләм биреп тормай, тирмәнең төнлөк бауын каккан. Мәсем бай өйзә булмай, ил аралап кунакка киткән сағы икән. Тирмәнән һис бер ир-ат сыкмай, тик Мәсем байың кызы Мактымһылыузың, иптәш кыздарын йыйып, аулак өй корорға ултырған сағы була. Әбләйзең төнлөк бауы каккан тауышын ишетеп, Мактымһылыу иптәштәре менән тирмәнән сыға ла, бағана янында қолак кайсылап, бер баһа торған урынға биш баһып торған Кара юрға өштөндөгә Әбләйзе күреп, аптырап кала. Бал корто инәһе һымак, кыздар араһында айырылып торған йылғыр кара күзле, озон сәсле, төсө-башы уйнап торған Мактымһылыузы

жүрөп, Әблэй зэ һүзһез калған. Мактымһылыу кыйыу, һүзгэ сәсэн бул-
ғас, озақ аптырап тормаған, былай тип, һүз башлаған, ти:

6. — Атың ауызы күбеккән,—
Татыр ялар малға окшай,
Сабыуың кыйпып тегелгән,—
Ялан яғы иргә окшай,
Атама төбәп килһәң,
Сәләм бирер инең һин,
Йәйләүгә төбәп килһәң,
Оран һалыр инең һин.
Сит йәйләүзең кейәүе
Кайтып килә тир инем,—
Кискә һарыккас, кейәүзәр
Кәләш ташлап кайтырмы?
Канъяғаң да буш һымак,
Күстәнәсең юк һымак,
Кыз ташлаған кейәүзәр,
Кайтып килә тир инем,—
Бынаузай ат менгән ир,
Һайламай кыз һөйөрмө?
Төнлөк бауы қағыуға
Кыз күзләйзәр тир инем,—
Күз бәйләмәй, кис булмай
Егет тағы йөрөрмө?
Юлаусыһың тир инем,
Күп тирмәләрзе ташлап,
Бағанаға килерме?

Әблэй:

7. — Тәсәң-башың, иплегең —
Ата балаһы күренә;
Тирегеп килгән атыма
Күз һалыуың муйыра.
Атаңа төбәп килергә,
Кызына яусы түгелмен;
Илгә төбәп килергә,
Кан даулаусы түгелмен;
Үткенсе-мазар булырға,
Илдән касқан түгелмен;
Төндә кыз күзләргә, → зар
Иргәйел ир түгелмен.

Кыззар:

8. — Эй, егетем, төс-башың
Сит илдеке күренә;
Оран биргән тауышың
Төбөгәндәй беленә.
Ат һорамак дан түгел
Туры килгән кунактан,
Кемгә төбәп килдең һуң
Ат тирләтеп йырактан?

Әбләй:

9. — Урал буйын буйланым,
Күп йәйләүзе куйманым,
Унға-һулға ашанан
Изелен дә күп кистем,
Күбәләктәй уйнаған
Кыззарының кулынан
Һыуһынын да күп эстем.
Һайрар кошто тукратып,
Таң калдырып тыңлаткан,
Күк кояшы зурлаган,
Кисен айы бәпләгән,
Йәйге еләс таңында
Моңон сәсеп йырлаган
Бер һылыузы эзләнем.

Мақтымһылыу:

10. — Асау өйрәтеп, ат менгән,
Болаң тотоп, ит ейгән
Атын әйтмәс ир булмаһ,—
Исемен хур күрмәһә;
Атаһын әйтмәс ир булмаһ,
Ташландык бала булмаһа.

11. Әбләй:

— Байлык менән дан тоткан,
Әйтеп бирер атам юк;
Сәсэнлектә ил тоткан,
Һөт имезгән әсәм юк.

Такыя башлы курайза
Моңон сәскән илендә,
Батыр булып майзанда,
Данын сәскән илендә,
Һакмар һыуы буйында
Әбләй тигән егетмен.

Мактымһылыу:

12. — Эй егетем, беләбез,
Тыуғаң илең йыракта,
Батыр, курайсы даның
Телгә алына был якта.
Әйзә, егет, кунак бул,
Әсәм-атам кунакта,
Улар кайткансы, бергә
Уйнап көләйек аулакта.

Кыззар:

— Егет, егет, елгәнһең,
Ат тирләтеп килгәнһең,
Әйзә тошөп кунак бул,
Йырак илдән килгәнһең,—

тип кыззар өйөрөлөп йырлап торғас, Әбләй уларзың һорауын кабул иткән, ти.

13. Кунак булған, ат өстөндә уйын күрһәткән, уйын-көлкө менән кистәр уҙғарған, Мактымһылыу менән яландарға сығып йөрөгән, ти. Мактымһылыу Әбләйзә яратканын аңлатып караһа ла, Әбләй һөйөүен Мактымһылыуға белдермәй, сер тотоп, хәзер яусылай башлаһа, калымға малы юклығын уйлап аптыраған, ти.

14. Бер нисә көн кунак булғас, Әбләй кайтырға атын эйәрләй башлагас, Мактымһылыу, нисек тә Әбләйзәң үзен яратканын белеү өсөн, уға бүләк бирергә булып, былай тип йырлаган, ти:

— Нағышлы билбау теккәнмен,
Быуайымсы билеңә;
Аҫа балаҫ һукканмын,
Түшәйемсе юлыңа.

Кыззар:

15. — Шаң-шаң койоп балдарзы,
Туйығыззы көтәйек,

Куй майына Һыззырып,
Йыуасалар бешерәйек.
Килсе, егет, билеңде,
Вәғәзә өсөн быуайык.

Әбләй:

16. — Һакмарзы ташлап, Изел кисеп,
Кулығыззан туштак мин эстем.
Курайымды уйнап, моңло йырлап,
Көндөрөмде һеззә кис иттем.
Кулығыззан алып эскән кымыз —
Йөрөгөмдә дуслык — һуһын ул.
Атаһынан йәшерен кызын һөймәм,
Бүләгегез калып торһон ул,—

тип йырлаһа ла, Мактымһылыуға күзе төшкән.

17. Шулай за һаулашып киткәндә үзенең һөйөүен белдермәй киткән,
ти.

Әбләй кайтканда, һәр бер төшкән урында Мактымһылыузың һылыулығын, ошта йырлауын, сәсэнлеген ишеткән. Уның өсөн күп байзар өйөр-өйөр мал биреп тә Мәсемдең һорағанын каплай алманылар тигән һүззәрзе һөйләгән табындарға осраған, ти. Әбләйзең калым түләп алырға, Мәсемде мал менән ризаларға хәле етмәгәс, нишләргә белмәй, аптырап юл буйына уйлай-уйлай, төрлө юлдар эзләй-эзләй йәйләүенә кайтып еткән, ти.

18. Әбләй киткәс, озак та тормай, Мәсем кунактан кайтып төшкән. Мәсем кайтып, арлы-бирле итеүгә Нөгөш бай улына Мактымһылыузы һоратып, яусы ебәргән. Яусы, Мәсем һорағанса, йылкының һәр төсөнән берәр өйөр бирергә риза булған. Мәсем кызын Нөгөш байзың улына бирмәксе булған. Мактымһылыу, был хәбәрзе ишеткәс, нисек итеп булһа ла, Әбләйзе тағы бер тапкыр күрергә теләп, юл эзләй башлаған, ти. Иң якын еңгәһенә кәңәш иткән, икәүләп төрлө юлдар эзләп караһалар за, һис бер юл таба алмай, азақ сиктә: «Әбләйзең Кара юрғаһын урлатһак, егет атын эзләп килмәй калмаҫ»,—тип, уйзарын туплағандар, ти. Былар юрганы урлатырға кешеләр эзләй торғас, күп мал биреп, Мокаш тигән кешене яллағандар, ти.

Мокаш күп йәйләүзәрзе үтеп, күп һуызар кисеп, Әбләй тирмәһен барып тапқан да, тирмәнең билбауында бәйле торған юрганы урлап алып киткән, ти. Быны һизеп, йәйләүзәге эттәр абалап өргәнгә, Әбләй һиҫкәһеп, уянып киткән, ти. Ырғып тороп, сығып караһа — ат юк. Ары югергән, бире югергән,— һис бер ерзә тын-тауыш юк. Аптырап, тыңлап торған да, бик алышта Кара юрғаһың кешнәгән тауышы қолағына салынған, ти.

Әбләй, ике иптәшен барып уяткан да, тауыш килгән якка карай барырға, көтөүгә — атка югергәндәр, ти. Әбләйзәр көтөүгә барып, ат-мазар тоткансы, таң аткан; ат эйәрләп, арлы-бирле һораштырғансы, қояш һөңгө буйы күтәрелеп киткән, ти.

19. Үзенең ике яқын иптәшен алып, Әбләй Кара юрганы эзләргә киткән. Юлда осраған бер ерзә һорашқандар, Урал итәгендә урман эсләп барғанда, бер шылтырап ағып ятқан шишмә буйына төшөп, аташатып, ял итеп китмәксе булғандар, ти. Шишмәнең эргәһендәрәк ақланда үскән, япрағы йәйелеп, ботактары таркалып торған бер имән ағасы янына барып, күләгәгә ат бәйләргә уйлаһалар, имән төбөндә улакланып бөткән бер соқор күргәндәр. Быны күргәс, былар туктап та тормағандар, аттарына менеп киткәндәр. Өс юл сатлығы осрағас, туктап уйлашқандар за өсөһө өс юлдан китергә, азақ килеп шул шишмә янында осрашмаксы булғандар, ти.

Әбләй урта юл менән киткән, ти. Күп ерзәр үтеп, күп һыузар кисеп, күп таузар ашып, бара торғас, бер ауылға барып сыққан, ти. Был ауылда зур йыйын барлығын белгән дә, халық йыйналған урынға барған. Йыйында йөрөй торғас, Әбләйзәр қолағына Мактымһылыузың яңы алған юрғанын мактап, ауыз һыузары қороп, һөйләгән һүззәр ишетелгән. Әбләй шунда ук Кара юрганың Мактымһылыуза икәнән белгән дә, йыйынды ташлап, Мәсем йәйләүенә карай сапқан. Урман эсендәге юлдан китеп барғанда, бының аты нимәлер һизеп, яңғыратып кешнәп ебәргән, ти. Быға қаршы һиндәйзәр ат кешнәп яуап биргәс, Әбләй атын бороп, шул якка елә-сүкә барып сықһа, Кара юрға өстөндә иптәш қыззары менән йыйынға китеп барған Мактымһылыузы күрә. Қыз, Әбләйзә күргәс, көлмһөрәп, юрғанын уйнатып, йырлай башлаған:

20. — Ай егетем, вай егет,
Кайзан килдең һин, егет,
Қыз һорарға ғәрләнһә лә,
Нишләп килгән был егет!
Һайт, Кара юрға, вайт, Кара юрға,
Башын сайкай малкайы,
Егетендә бәсле үскәс,
Май ташламай малкайы;
Егетендә бәсле үскәс,
Май ташламай малкайы.

21. Әбләй Мактымһылыуға ла, иптәш қыззарына ла иғтибар итмәгән булып, Кара юрғанына карай йырлай:

— Айт, Кара юрғам,
Вайт, Кара юрғам,

Кырас кара ялдарынды,
Укалайм, юрғам.
Айт, Кара юрғам,
Вайт, Кара юрғам,
Ниндэй шомлоктар менән
Азып киттең, юрғам.

22. Мактымһылыу юрғаһы исеменән:

— Ай егетем, вай егетем,
Асыуланма һин, егет,
Һакмар һыузарын һыуһынмай,
Изел аштым мин, егет!
Ай егетем, менмәнең,
Кыззар уйын белмәнең;
Һунарзарзан туйманың,
Кыз матурын күрмәнең!
Алма сыбар ат булмаҫ,
Ир егете так булмаҫ;
Кыз һөймәгән егет артып,
Кара юрға тай булмаҫ!
Изел һыуы тәмле икән,
Кыззары ла йәмле икән,
Өстөмдөгә бикәсем дә,
Үземә генә тиң икән.

23. Әбләй:

— Артыу-арка аштым мин,
Күп һыузарзы кистем мин,
Кайһаң, әйзә, Кара юрғам,
Үз илемә киттем мин.
Ат урлаған — йөр булмаҫ,
Баш бирмәгән мал булмаҫ,
Сәләм-хатһыз ат урлатқан,
Кызың миңә тиң булмаҫ.
Изел һыуы тәмле икән,
Урал буйы йәмле икән,
Шулай булһа ла, кыззары
Ат күрмәгән бур икән!—

тигән дә, Әбләй атын бороп, елеп киткән.

24. Бер һыуһын ер киткәс, артына әйләнеп караһа, кыззарзың ба-
сымлатып килгәнән күрә лә, югереген бөтә барышына ебәреп сапқан, ти.

Тағы ла бер аз барғас, әйләнеп караһа, тик Кара юрға менән Мактымһылыузы ғына күргән. Иптәш кыздарының аттары арып, туктап калған булған. Әбләй тағы ла шәберәк киткән. Кара юрға менән Мактымһылыузың баһымлатып килгәнән күргән дә ике иптәше менән осрашырға тейешле шишмә эргәһендә туктап, атынан төшкән. Ул арала иптәштәрәнән айырылған Мактымһылыу за килеп еткән дә, аттан да төшмәй, һүз зә әйтмәй тора икән, Әбләй Кара юрғаны ураңғылап йөрөп караһа, уның ауызлығы кара канға буялып, күззәрәнә кан һауғанын күргән. Егет, юрғаның кызға баш бирмәй, уны буйлап үзә артынан алып килерен алдан белгәс, Мактымһылыуға һүз кушмай ғына, кеҫәһенән кулъяулығын алып, атының ауызлығындағы кандарын һөрткән дә муйынынан һөйөп, һамак-лаған:

25. — Ыласын етмәс ат инен,
Кемдән эйәр һалдырзың?
Ниңә ситкә буй биреп,
Даның илдә юйзырзың?
Толпарзан тыуған колон һин,
Һөйгән атым минең һин,
Татлы йокомдо калдырып,
Биззәү киткән атым һин.
Кара юрғалай ат булмаҫ,
Кешенән югән һалдырмаҫ,
Тезгенен ситтә алдырһа,—
Кара юрға дан тотмаҫ.
Юрға менгән һылыу кыз,
Төш, битендә йыуайым;
Илең алыҫламаҫ борон,
Һөйлә серен, тыңлайым.

26. Мактымһылыу:

— Кара юрға, һин икән,
Әбләй батыр ир икән;
Ат башы менән уйнаған
Мактым тиле мин икән.
Аттан төшкән мин булмам,
Уралда үскән кыз булһам;
Асык һүзең һин аңлат,
Мине һөйөр ир булһаң.
Ирлегенә маһаймай,
Кара атыңа кер һалмай,
Атың тапқан бикәсте
Һылыуым тип уйлаһаң.

27. Әбләй:

— Ай, Кара юрғам,
Вай, Кара юрғам,
Өстөндөгө бикәсенде
Үптерһәнә, юрғам.
Ай, Кара юрғам,
Вай, Кара юрғам,
Өлөшөмә — көмөшөм
Төшөр әле, юрғам!

28. Мактымһылыу:

— Ай, Кара юрғам,
Вай, Кара юрғам,
Баш бирмәй беләгемә,
Алып китең, юрғам.
Ырай алдың һулымдан,
Көсөм алдың кулымдан,
Егетең күңелен һаклап,
Мине айырзың юлымдан.
Өйзән сыктык юл менән,
Уйнап-көлөр уй менән;
Кара юрға, һин асау,
Килгәнһең уһал уй менән.
Уралда үһтем кыз булып,
Иркә булдым бер булып,
Инде калдым хур булып.
Уралда үһкән сәскәмен,
Кырау төһмәһ гөлөмә,
Кара юрға, һин һалдың,
Кара томан көнөмә,—

тип, егеттән хурлык менән алынғанға, уның көләс йөз менән каршы алмауына гәрләнеп, илай башлаган.

29. Әбләй, быны кызғанып, бөтә серен әйткән, ти:

— Уралдың һин шоңкары,
Керһез үһкән кыз инең;
Шул шоңкарзы аулаган,
Әбләй батыр мин инем.
Ат тирләтеп мин килдем,
Илдән-илгә ишетеп;
Атаңа калын бирәм тип,

Ни һораһа, килешеп. ^{КӨҮҮ}
Йөзөң күрзөм, кыйманым,
Ни әйтергә белмәнем:
Янындағы кыззарзы
Серзәшең тип белмәнем.
Атым тарттым һул якка,
Сығайым тип аулакка;
Ял тапманым унда ла,
Кайтып киттем торлакка.
Һине һөймәс ир булмаҫ,
Юкка илама, һылыу кыз;
Калымһыз килгән килен, тип,
Һөйләүсенән журкма, кыз.
Кара юрғам тиң күрмәс,
Өстөнә матур менмәһә;
Сорғотоп күккә ырғытыр,
Егетенә тиң тип белмәһә.
Моңона мансып Уралың,
Буйың матур үстергән;
Тиң табылған егетен
Һакмар һиңә үстергән.
Калым биреп кыз алыу
Ир-егеткә дан түгел;
Минең атам байлығы
Мәсем байға тиң түгел.
Тик калымға малым юк,
Шуға күрә Кара юрғам
Алып килде бергә үк.
Һөйгән егет кул бирһә,
Кызы күз йәш түгерме?
Күнелдәр бергә ылыкһа,
Атаң яуы бүлерме?
Азақ һүзең әйтеп бир,—
Атаң ятып калмаҫ ул;
Ырыу-ырыу йыйылып,
Барымтаһыз калмаҫ ул.
Кара юрғам, теҙең сүк,
Бикәсең төшһөн, талыккан;
Иркәләтеп бәпләйек,
Уралынан ялыккан.

30. Кара юрға, дөйә сүккән һымак ергә сүккәс, Мактымһылыу аттан төшә лә, кулындағы аһак йөзөгөн Әбләйгә биреп:

— Бына, егет, был бүлөк —
Күрешеүзең билгеһе;
Ауға үзенде сакырзым,—
Мин хозайзың төлкөһө!
Минең атам дан тоткан,—
Намыска ул түзә алмаҫ:
Ырыу йыйып килһә лә,
Арабыззы өзә алмаҫ.
Сәсем биштән үрһәм дә,
Алмас кылыс кулымда;
Атам яу ебәрһә лә,
Кәртә булмаҫ юлыма,—

тип әйткән, ти.

31. Әбләй, был һүззәрзе ишеткәс, кыззы косаклап алған да, аттарын һууытырға бәйләп, сирәмгә ял итергә ултырғандар. Әбләй, юлға бергә сыккан ике иптәшен көтмәй, уларға үзенә кайтып киткәнән белгертеп— ағаска Кара юрғаның тамғаһын һалып, кайтып киткәндәр.

Кайтып туй яһап, көн итә башлағандар, ти.

32. Берзән-бер көн ырыу батырзарын йыйып, Мәсем килеп төшә, Күсәрбайзың йәйләүен уратып ала, Мактымһылызың килеүен һорай. Үзә аттан төшмәй. Күсәрбай кеше ебәрәп тә, үзә барып та сакырып караһа ла, йәйләүгә инмәй. Кара юрғаны Мактымһылыу, буз толпарын Әбләй менеп, Мәсемгә каршы баралар. Мәсем, кызын күргәс, каты асыланып былай тигән:

— Үсеп буйға етмәстән,
Атанан баш тарткан кыз;
Атаң намысын тапап,
Урал аша узған кыз;
Уралда үсеп, Изел ташлап,
Татыр көсәп каскан кыз;
Керһез яткан токомома
Таузай гәйеп таккан кыз.
Урландыңмы, алдандыңмы?
Урландыниһәң, алып кайтам,
Алдандыниһәң, каның хәләл,—
Ошо ерзә атып китәм!

33. Мәсем, кызының алдына килеп, һазағын әзернәһенә куйып, кызының яуабын көтә, Мактымһылыу атаһының асыланғанһын күрһә лә, былай тип яуап бирзе, ти:

— Алғыр булған һунарсы
Һазағын бушка тоҫкамаҫ,

Зур һунарзың юлыны,
Сарға инеп, ташламаҫ.
Ирмен тигән ир кеше
Белмәй даузы башламаҫ;
Барымтаға баһымтаны
Төбөн белмәй дауламаҫ.
Әй атайым, Уралың,
Ир үстөргән Уралың,
Ир-егеткә бирелмәстәй
Йылкы үстөрмәй Уралың.
Һазағыңды алып тор,
Минең һүззе тыңлап тор;
Берәүзә лә гәйеп юк,
Барын әйтәм, көтөп тор.
Кара юрға — дан алған ат,
Толпарзан тыуып калған ат;
Мине урлаган Әбләй түгел,
Кулың барһа, бына шуны ат!

34. Атаһына Кара юрға алып касып киткәнөн баштан-аяк һөйләп бирһә лә, атаһы ышанмаған. Әбләй, Мәсемдең ышанмағанын белгәс, уға карап: «Кара юрғаға Мактымһылыузы мендереп алып кит, һис бер кеше юрғаның башынан алмаһын. Юрға һакмарға тиклем барыр, уның теге яғына бармаҫ, кызға баш бирмәй, уны кире алып кайтыр. Әгәр һакмар еренән алып сығып китһәгез, атым артынан бармайым», — тигән. Мәсем был шартка риза булған. Кыззы атка мендереп алып киткән. Көн һаркыуға саң уйнаған якка караһалар, һакмар яғынан Кара юрғаның, саң осортоп, Мактымһылыу менән килгәнөн күрәләр. Мактым йәйләүгә килеп етеүгә, Мәсем дә үзенең кешеләре менән килеп сыға. Әбләйзәр каршы алалар.

35. Мәсем, кызы янына барып:

— Ат башы менән уйнағансы,
Атаң башы менән уйнаһансы?
Үзең йығылып илағансы,
Өйөмдә ятып үлһәнсе!
Карыу һүзем бөттө инде,
Тартһаң, туйың корорбоз,
Тартмаһаң инде, балакай,
Килгән юлдан кайтырбыз.
Үлһән, хәбәр итерзәр,
Кыркың килеп укырбыз.

36. Мактымһылыу:

— Атам, үзең данлы ир,
Ирзе һайлай белмәнең;
Кыптыр тундың әсендә
Ир үсер тип белмәнең.
Асау өйрәтеп, ат менмәс
Майзандарза дан алмәс;
Атанан калып, мандымаç
Төйәген язуан һакламаç,
Үзе кәләш күзләмәс,
Бөгөн тыуғандай бер байгош
Минә кейәү була алмәс!

37. Мәсем кызының был һүзең ишеткәс, бер һүзә әйтмәгән, Әбләйгә карап:

— Егет булып ат асрағанһың икән, даның күрзек, атың үлеп китһә, үзең төтөн сығара алырлыкмы һуң? Һөнәрең күрһәт,—ти.

Әбләй бәтә йыйылған халык алдында һөнәрен күрһәтә башлаган. Ат өстөндә уйнап, көрәшәп, ук атып, йырлап, курай тартып, барын да таң калдырғас, Мәсем риза булып, кунак булырға тирмәгә ингән, ти.

38. Шул мәлдә һәр төрлөһөнән бер өйөр йылкыны калымға бирергә риза булған Нөгөш байзың улы, Мактымһылыузы кыуып килеп еткән дә, кыззы алырға дау сығара башлап, Мәсемгә карап һамаклап әйткән:

— Йылкы төсө һанынса
Өйөр-өйөр йылкым бар;
Туғай-туғай каплаган
Көтөү-көтөү һыйырым бар.
Мәһәренән эш калмаç;
Баймын тигән даным бар;
Туйға бейә тиһәгез,—
Биш өйөр тыу бейәм бар.
Калым алам тиһәгез,
Ете ырыу илем бар;
Мактымға тирмә тиһәгез,
Һигез ап-ак тирмәм бар.

39. Был һүззе ишеткәс, Мәсем, Нөгөш бай улына бер яуап та бирә алмай, Мактымһылыуға карай:

— Әйт һүзең, тартынма,
Уртаға һалып уйлайык;

Көңөшле йыйын таркалмаç,
Әселәшмәй уйлайык.

40. Мактымһылыу:

— Һакмар буйы яланлык,
Саука үсмәç тимәгез;
Ярлы егет Әбләй зә
Малды тапмаç тимәгез.
Нөгөш байзың улынан
Ырыç китмәç тимәгез;
Нөгөш улын һөйөр тип,
Минән яуап көтмәгез.
Көсләп бирһәң Нөгөшкә,
Карыулашмаç тимәгез;
Кара гүрзең әсендә
Урын тапмаç тимәгез.
Ирмен тигән ир булмаç,
Коро маһайып һимерһә;
Айырым казан асалмаç,
Һөнәрһез ятып тилмерһә.
Мин калымға һатылмам,
Егете ир булмаһа,
Куйынына һарылмам,
Һөйөүзә йор булмаһа!

41. Мәсем кызын Әбләйгә бирергә риза булғас, Нөгөш байзың улы, хурланып, батырзары менән кире кайтып киткән, ти. Былар зур туй яһаған, Әбләй менән Мактымһылыу үззәрен кауыштырырға сәбәп булған Кара юрғаны яратып:

— Һайт, Кара юрға,
Вайт, Кара юрға,
Йоморо матур тояғыңды,
Дағалайык, юрға.
Кырас матур ялдарыңды
Укалайык, юрға!—

тип бөгә халык араһында йырлайзар, ти.

КАРА ЮРФА (икенсе вариант)

1. Элек Кушлак исемле бер батыр булған. Һунарға сыккан һайын был батыр ете өйрәк, ете торна, ете каз, ете боландан да кәм алмай торған булған. Шундай данлы булған. Уның әзәм теле белә торған шоңкары ла бар икән. Ана шул шоңкары бик шәп булып сыккан, ти. Һунары шуға гел уңышлы булған, ти.

2. Бер сак Кушлак батыр, һунарза йөрөй-йөрөй, байтак кына ер урап сыға ла, Шүлгән күл буйына килеп туктай. Кушлак үзенең шоңкарын ағас ботағына ултыртып куя ла: «Мин йокларға ятам, улай-былай килеп сыкһа, берәй ят йәнлек, кош-корт күренһә, мине уятырһың», — ти.

Кушлак батыр йоклай, ә шоңкары һайрап һыҙғырып ултыра:

— Кушлак батыр, Кушлак батыр,
Йоклап ятыр, йоклап ятыр...

3. Шул сак бер юлаусы уҙаман үтеп бара икән. Тауышка был туктай. Килеп карай. Караһа — бер һунарсы йоклап ята. Уятырға куша. Шоңкар осоп төшөп Кушлактың күкрәгенә килеп куна. Кушлак батыр уянып китә.

Кушлак батыр күзен асыр,
Кушлак батыр тороп баһыр,
Кушлак батыр сәләм бирер,
Кунағына урын бирер,
Алдына һый-хөрмәт куйыр,
Табак-табак курзак куйыр,
Күнәк-күнәк айран бирер,
Кунак итер, хөрмәт итер,
Кунактың йомшон көтөр...

4. Шунан, ашап-әсеп туйғас, юлаусы йомшон әйтә:

— Шулай за шулай,— ти,— һин миңә үзендең шоңкарыңды биреп ебәр,— ти.

— Юк,— ти, Кушлак,— бына башымдағы бүркемде ал, әммә шоңкарға теймә.

Юлаусы:

— Бүркең кәрәкмәй, шоңкарыңды бир,— ти.

— Юк— ти, Кушлак,— өстөмдәге кейемемде ал, шоңкарға теймә. Кунак тағы ялына. Кушлак һаман бирмәй.

— Юк,— ти, Кушлак,— йәйәм менән уғымды ал, ә шоңкарға теймә.

Шунан юлаусы:

— Мин һинә бер өйөр йылкы бирәм,— ти.

5. Кушлак риза була. Шунан теге юлаусы шоңкарҙы кулына алыуы була — шоңкарҙың кыскырып ебәреүе була:

— Кушлак батыр, Кушлак батыр,
Бирмә мине, Кушлак батыр,
Мине бирһәң, бәхетәң китер,
Ырысың китәр, ғүмерең бөтөр,
Бирмә мине, Кушлак батыр,
Һатма мине, Кушлак батыр.

Нишләмәк кәрәк, Кушлак батыр шоңкарының был һүзенә карамай, юлаусыға биреп ебәрә. Әйткән һүзенән кайтмай. Шунан юлаусы быға:

— Бынау юлдан кайта тор, тик артыңа әйләнәп карама! — ти. Үзе шунда ук юк була.

6. Кушлак батыр теге әйткән юлдан китә. Был кузғалып киткәс тә, Шүлгән күл төбөнән сырқырашып йылкы малы сыға башлай. Сыккан бере бының артынан эйәрә. Эй, сыға, ти, мал, эй, сыға, ти.

7. Өйөр башы Кара юрға
Шүлгән күлдән сығып килә,
Кара юрғаның артынан
Алтмыш өйөр йылкы килә,
Алтмыш өйөр йылкы эсендә
Алма сыбар дүнән килә,
Айыл етмәс ала ат килә,
Койошкан етмәс конан килә,
Алты колас ала бейә,
Ете колас ерән бейә,
Сыскан һыртлы кола бейә,
Ул да булһа сығып килә.
Карлуғас ботло карат килә,
Һандуғас ботло һарат килә,

Ялбыр яллы Кара юрға
Бөтәһен дә алып килә,
Бөтәһен дә йыйып килә...

8. Шунан йылкы малы һаман сыға тора, һаман сыға тора. Кушлак батыр түзә алмай, артына әйләнәп карай. Шул ерзә мал сығыузан туктай, сығып өлгөргәндең яртыһы кире һыуға төшөп китә. Калғаны Кушлакка әйәреп кайта.

Кушлактың берзән-бер улы була. Алып кайткан малды уға бирә.

— Мә, улым, кара малды,— ти. Үзе шунда ук түшәккә башын терәй. Күп тә үтмәй үлеп тә китә был, ни өсөн тиһәң, теге шоңкары алдан әйтәп куйғайны.

9. Малай атаһын ерләй зә, нишләргә белмәй аптырап кала. Нишләмәк кәрәк? Килә был атаһынан калған өйөр янына. Өйөр башы Кара юрғаны менәп бер донъя күрәп, еләп киләргә була был. Сығып китә, бер йәйләүгә барып етә. Был күрше ырыу йәйләүе икән. Унда бер кыззы күрәп кала. Кайта ла был Кара юрғаһына былай ти:

10. — Һай, Кара юрғам,
Һай, Кара юрғам,
Ялбыр-ялбыр ялдарынды
Укалармын юрғам,
Тубыр-тубыр тояғынды
Дағалармын, юрғам,—
Кара кашлы шул һылыузы
Алып килсе, юрғам,
Алып килсе, юрғам,
Һай, Кара юрғам,
Һай, Кара юрғам.

11. Кара юрға:

— Әй, бай улы, бай улы,
Малың һиңә асыулы:
Яз за мине менәһең,
Көз за мине менәһең,
Как қазықка бәйләйһең,
Кабырғамды һанайһың,
Һин әйткәнде мин алмам,
Кыз янына мин бармам.

12. Егет һаман Кара юрғаны һөйөп, ялына:

— Һай, Кара юрғам,
Һай, Кара юрғам,

Дуға кеүек муйыныңды
Иркәләрмен, юрғам,
Түшәк кеүек һыртыңды
Қырғыслармын, юрғам,
Күпереп торған күкрәгенде
Йыуғыслармын, юрғам,—
Нескә билле шул һылыузы,
Алып килсе, юрғам,
Алып килсе, юрғам.
Һай, Кара юрғам,
Һай, Кара юрғам.

13. Кара юрға:

— Эй, бай улы, бай улы,
Колағыңа ал был юлы:
Яз менергә дүнән бар,
Көз менергә конан бар,
Қыз янына мин бармам,
Һин әйткәнде мин алмам.

14. Егет һаман ялынып:

— Һай, Кара юрғам,
Һай, Кара юрғам,
Йомро-йомро тояғыңды
Дағалармын, юрғам,
Кикел сәсле маңлайыңды
Көмөшләрмен, юрғам,—
Зифа буйлы шул һылыузы
Алып килсе, юрғам,
Алып килсе, юрғам,
Һай, Кара юрғам,
Һай, Кара юрғам.

15. Шунан Кара юрға риза булып теге қыз йәйләүенә китә. Килеп етһә, шунда туғайза теге қыз уйнап йөрәй. Кара юрғаны күреп қала ла был, «Бер менеп елеп киләйем әле»,—тип уйлай. Янықа килеп, һөйөп кенә тотоп, менеп ала ла туғайзы бер әйләнәйем тиһә, Кара юрға тегене икенсе ятка ала ла китә. Қыз улай итеп қарай, былай итеп қарай, Кара юрғаның башын қайрып қарай, көсә етмәй. Әлегәсә көйләп тә әйтеп қарай:

16. — Һай, Кара юрғам,
Һай, Кара юрғам,

Ялбыр-ялбыр ялдарыңды
Укаларым, юрғам,
Тубыр-тубыр тояғыңды
Дағалармын, юрғам,—
Атайымдың йәйләүенә
Алып кайтсы, юрғам,
Кире кайтсы, юрғам.
Һай, Кара юрғам,
Һай, Кара юрғам.

17. Кара юрға:

Ялбыр-ялбыр ялдарымды
Укалама, һылыу,
Тубыр-тубыр тояғымды
Дағалама, һылыу,
Атайындың йәйләүенә
Кире кайтмам, һылыу,
Бай улының йәйләүенә
Алып барам, һылыу.

18. Кыз:

— Һай, Кара юрғам,
Һай, Кара юрғам,
Баш бирмәйенсә мине
Алып киттең юлдан,
Алып киттең юлдан,
Көсөм алдың кулдан;
Һай, ара юрғам,
Кире әйләнәп туғайыма
Кайтсы, Кара юрғам,
Кайтсы, Кара юрғам,
Һай, Кара юрғам,
Һай, Кара юрғам.

19. Кара юрға:

— Һай, һылыу кыз, һылыу кыз,
Һай, һылыу кыз, һылыу кыз,
Кире әйләнәп туғайыңа
Кайтмамын, һылыу,
Бай улының каршыһына

Илтермен, Һылыу,
Илтермен, Һылыу.

20. Былар шулай тарткылаша-тарткылаша Кара юрғаның эйәһенә килеп етәләр. Кара юрға уның алдына тып итеп килеп баһа. Баһа, көмөш кашлы эйәрзә шундай Һылыу кыз ултыра — бер бите ай, бер бите көн:

Ун бармағы камыштай,
Тешкәйзәре көмөштәй,
Бер бите айзай балкыған,
Бер бите көндәй балкыған,
Томбойоктай күкрәге
Күпереп үсеп калкыған,
Эй, Һылыу кыз, Һылыу кыз,
Эй, Һылыу кыз, Һылыу кыз, ти.

21. Шунан егет өйөр башы Кара юрға янына килә лә:

— Һай, Кара юрғам,
Һай, Кара юрғам,
Ялбыр-йолбор ялдарыңды
Көмөшләрмен, юрғам,
Тубыр-тубыр тояғыңды
Дағалармын, юрғам,
Өстөндәге Һылыуыңды
Төшөрһәнә, юрғам,
Төшөрһәнә, юрғам,— ти.

22. Кара юрға Һылыу кыззы төшөрөп бай улына тапшыра. Шунан былар бергә донъя көтә башлайҙар. Балалары ла, малдары ла бик ишле була. Шуга күрә уларҙан таралған халықты Байуулылар тип йөрөтөр булғандар. Байуулы ырыуы ана шунан башланып киткән, ти.

АКНАК КОЛА

1. Булган, ти, бик затлы токомдан бер бейә. Ул Шүлгән күленән сыккан йылкы нәселенән булган, ти. Был бейә, колонлар вакыты етте-ниһә, юғала икән. Бер сак эйәһе быны, карап тороп, тотмак булган. Артынан барһа, бейә Шүлгән күл төбөнә төшөп киткән дә барған. Ул шулай колонлау өсөн һәр сак үзенәң төп төйәгенә кайта икән. Бер талай вакыт үткәс, бейә, колонон эйәртеп, һыузан сығып килә, ти.

2. Сыскан һыртлы кола бейә,
Шүлгән затлы кола бейә,
Йоморо тояк кола бейә,
Тырпак колак кола бейә
Шүлгән күлдән сығып килә,
Күл төбөнән сығып килә
Сыскан һыртлы колон менән,
Шүлгән затлы колон менән,
Йоморо тояк, тырпак колак
Матур һынлы колон менән.

3. Эйәһе бейә менән колондоң каршыһына килеп сығыуы була, улар өркөп, икеһе ике якка каса. Сыскан һыртлы кола бейә кире Шүлгән күлгә инеп юғала. Колоно ла уның артынан төшәйем тиһә, капыл боролғанда аяғын имгәтеп куя. Шунан быны килеп тоталар за, алып кайтып ябып куялар.

Акһап калды ул меҫкен,
Һыктап калды ул меҫкен,
Базза ятып бер йөз көн
Акһак кола, бер меҫкен.

4. Акһак кола үсеп етә. Быны өйөргә ебәрмәйзәр, йорттағы төрлө эшкә тоталар. Был хәлгә Акһак кола бик зарлана:

— Яз за мине менэлэр,
 Көз зә мине менэлэр,
 Акһак кола — мин меҫкен;
 Как казыкка бәйләйзәр,
 Кабырғамды һанайзар,
 Акһак кола — мин меҫкен.
 Яз за билем бөгөлгән,
 Көз зә билем бөгөлгән,
 Акһак кола — мин меҫкен;
 Как казыктың кото юк,
 Кабырғамдың ите юк,
 Акһак кола — мин меҫкен.

5. Шулай бер сак, хужаның йортонда туй барған мәлдә, Акһак кола өйөргә килеп, үз иптәштәрен эйәртеп, тау-таш араһына касып китә.

Килендәр һыуға барғанда,
 Кәйнәләр фал һалғанда,
 Егеттәр бәйге сапқанда,
 Мәргәндәр ук атқанда,
 Түрәләр туй иткәндә,
 Көтөүсә куй көткәндә,
 Кыззар нағыш сиккәндә,
 Бикәләр бизәнеп торғанда,
 Бисәләр йыбанып йөргәндә,
 Көңдәр кымыз бешкәндә,
 Бейзәр кымыз эскәндә,
 Табын шау-гөр килгәндә,
 Туғай тулы йылкының
 Айырылып киткән алтыһы,
 Алтыһы түгел — яртыһы, ти.

6. Өйөргә килеп барлаһалар, кайһы якка карама,— шуныһы юк, ти.

Алтмыш йылкы бер китте, ти,
 Етмеш йылкы бер китте.
 Алтмыш йылкы араһында
 Атлығып торған алты ат юк:
 Айыл етмәҫ ала ат юк,
 Койошкан етмәҫ кола ат юк,
 Карлуғас ботло кара ат юк,
 Күгәрсен түш күк ат юк,
 Ғыбай кашка кир ат юк,
 Йондоҙ кашка һары ат юк, ти.

Етмеш йылкы араһында
Елкенеп торған ете ат юк:
Ялбыр ядлы ерэн юк,
Нескә бөйөр дүнән юк,
Югән һалмаҫ юрға юк,
Йомро тояк туры юк,
Мундаһы бейек бурыл юк,
Тырпак колак конан юк,
Йәйек койрок бейә юк.

Алмыш йылкы эсендә
Билге һалған алты ат юк,
Етмеш йылкы эсендә
Инле колак ете ат юк;
Ялы ергә һөйрәлгән,
Аһнак кола — мал кото,
Ул да булһа касып киткән,
Яланда юк, йортта юк.

7. Әйәһе Карағол исемле бер сапкын колдо эйәртә лә малдарзың ар-
тынан кыуа төшә.

Ерәнсәй-ерән менгән ул,
Елбөгәй елән кейгән ул,
Елә лә сабып килә ул,
Каскан өйөрзә кыуа ул.
Янында бар бер коло —
Кара яға Карағол,
Кара юрға менгән ул,
Кыптыр тунын кейгән ул.

8. Бара торғас, былар бер йортка тап булалар. Һыу һорамак булып
гуктайзар. Йорттан бер һылыу кыз килеп сыға ла:

— Әй, бай улы, бай улы, ти,
Төшөп китсе, бай улы,
Ниндәй хәсрәт-кайғың бар?—
Әйтеп китсе, бай улы,
Әйтеп үтсе, бай улы.

9. Егет атынан төшмәй икеләнеп тора. Шунан был кыз йәнә:

— Әй, бай улы, бай улы,
Төшөп китсе, бай улы,

Төшһәң, кымыз эсерһең,
Көңдәр һаумал һөзөрзәр,
Көңдәр кымыз бешерзәр,—
Эсеп китсе, бай улы,
Төшөп китсе, бай улы;
Көңдәр тирмә корорзәр,
Көңдәр урын йәйерзәр,
Көңдәр түшәк түшәрзәр,—
Кунып киткел, бай улы,
Туктап китсе, бай улы.

10. Егет быға каршы былай тип яуап бирә:

— Көң әйткәнгә мин төшмәм,
Көң койғанды мин эсмәм,
Көң корғанға мин инмәм,
Көң йәйгәнгә мин ятмам.

11. Шунан кыз егеткә хәйерле юл теләп, озатып кала. Юлын да өйрәтеп ебәрә:

— Тура китһәң — көнлөк юл,
Урай китһәң — айлык юл.

Егет һаман алға китә. Был хәл Акһак коланың төшөнә керә. Акһак кола төшөн кузактарына һөйләй:

— Бөгәсә мин төш күрзәм,
Канъяғалай шеш күрзәм,
Шеш башында ут күрзәм,—
Ул ни булыр, кузактар?

12. Кузактары бының төшөн яманға юрайзар:

— Бөгәсә һин төш күрһәң,
Канъяғалай шеш күрһәң,
Шеш башында ут күрһәң,—
Үз башыңа, карт кузак!
Аззырған да һин булдың,
Туззырған да һин булдың,—
Үз башыңа, карт кузак!

13. Ул арала булмай, хужаһы юлдашы менән былар янына килеп тә етә. Малдар аптырашып Акһак колаға киләләр:

— Ана килә бай улы,
Бына килә бай улы,
Янында бар бер коло —
Кара яға Карағоло.
Инде ни хәл итәйек,
Кайһы якка китәйек?
Аззырған да һин булдың,
Туззырған да һин булдың,
Акһак кола — карт кузак,
Уйлап торма бик озак.

14. Шунан Акһак кола быларға:

— Ана килә бай улы, ти,
Бына килә бай улы,
Елбәгәй елән кейгәне,
Ерәнсәй юрға менгәне,
Елә-саба килгәне —
Ғәйрәтле бер ир-батыр,
Каты тартыр, нык атыр,
Куш кабырғаң үтә атыр,
Уға карап узмағыз,
Әйткән һүзем бозмағыз.
Ана килә бай улы,
Бына килә бай улы,
Янында бар бер коло —
Кара Карағол тигәне,
Кара юрға менгәне,
Кыптыр тунын кейгәне,
Калдык-боҫтоқ ейгәне
Нык тартмаҫ та, нык атмаҫ,
Куш кабырғаң үтә алмаҫ,
Шуға карай узығыз,
Әйткән һүзем тотогоз.

15. Былар шулай узып китергә булалар. Тик өлгөрә алмай калалар.
Тегеләр килеп кыҫа башлай. Шунан тағы Акһак колаға килеп:

— Алдыбызған тау кыҫты, ти,
Артыбызған яу кыҫты,
Бер яғыбызған һыу кыҫты,
Бер яғыбызған яр кыҫты.
Инде ни хәл итәйек,

Кайза табан китәйек?
Аззырған да һин булдың,
Туззырған да һин булдың,
Кайһы якка үтәйек,
Инде ни хәл итәйек?

16. Акһак кола йәнә, элеккесә, бай улына карап узмаҫка, Кара Карағолға карай узырға куша. Аттар, сыркырашып сабышып, узып китә. Бай улы Акһак коланың артынан төшә лә былай ти:

— Аззырған да һин булдың,
Туззырған да һин булдың,
Аззырғаның йыйнап кайт,
Туззырғаның туплай кайт.

17. Акһак кола быға каршы:

— Яз за мине менәһең,
Көз зә мине менәһең,
Как казыкка бәйләйһең,
Кабырғамды һанайһың.
Яз за билем бөгөлгән,
Көз зә билем бөгөлгән,
Кара тирем түгелгән;
Как казыктың кото юк,
Кабырғамдың ите юк.

18. Бай улы кайтырға өндәй, Акһак кола күнмәй. Шунан һуң Акһак кола: «Беззе ызаламаҫ булһаң, кайтабыз»,—ти. Бай улы риза була. Акһак кола быға ышанып етмәй. «Ер ашап ант ит»,—ти. Хужаһы ер ашап ант итә.

19. Шунан былар бирелеп, кайтырға сығырға ғына торғанда, асыуы кабарған хужаһы, антын бозоп, Акһак коланың һыртына атып ебәрә. Ук тегенең койрок төбөнән инеп колағынан сығып китә.

Шул сак акһак кола имгәнгән аяғы менән канһыз хужаһын тибеп осора. Хужаһы шунда ук үлә. Ни өсөн тиһең, анты башына төшә.

КУҢЫР БУҒА

1. Төшлөк яктағы башкорттарзы дошман яуы баҫа. Төн башкорттарынан ярзамға ғәскәр башы булып Минәй батыр бара. Минәй батыр илде баһып килгән дошмандар — һун төрөктәре менән аяуһыз һуғыша, үзенең бәһлеүәнлеге менән барса халыкты таң калдыра. Минәйҙең яу кайтарыу батырлығы өсөн ошо төшлөк якта берәгәй булып һаналған Тандыса исемле һылыу кыззы бирәләр. Ата-әсәһе Тандысаны кейәү йортона бер куңыр буға эйәртеп озата.

2. Минәй менән Тандыса, эйәртенешеп, куңыр буғаны етәкләп, Уралдан һузылып үткән һырттар буйлап төн яғына, батыр йортона китәләр. Яратышып, тигеҙ донъя короп ебәрәләр. Матур-матур теремек балалары була.

Куңыр һыйыр йыл һайын төрлө-төрлө төстә быҙауҙар килтереп тора, һыйыр малына төҫ бирә. Ул шулай ете тапкыр быҙаулай за үлеп китә. Унан калған етенсе тана ла етене быҙаулап үлә. Шулар рәүешсә алтмыш өс йыл самаһы гүмер үтә. Һыйырҙың эйәһе был быҙауҙарҙың һәр алтыһын халыктарға биреп, током тарата.

Һуңғы, етенсе быуындың етенсе быҙауы төҫө, кылығы, бар булмышы менән иң тәүге куңыр һыйырға окшаш була. Уны Куңыр буға тип йөрөтәләр. Был куңыр буға, тыусаға сыккас, бығаса һыйыр малында күренмәгән, гүмерзә булмаған ике быҙау тыуҙыра. Берәһе тарғыл орғасы, икенсәһе күк үгеҙ була. Куңыр һыйыр¹ бынан һуң бойоға, болокһой башлай, бакыра, үкерә. Үрештән кайтмайынса, юк булып та йөрөгөләй.

3. Көндәрҙең берәһендә Куңыр буға быҙауҙары менәп юк була. Таңдыса быға, бәхетем юғалмағайы, тип кайғыра, борсола, әйләнә-тирә урмандарҙы, тауҙарҙы кызырып сыға. Дейеү инәһе, Бисура башлауҙарына барып әйләнә, әммә малдары табылмай. Инде бер кайҙала эзе-юлдары булмағас: «Тукта әле, был Куңыр буға бик болокһой ине, тиктәҫкә булмағандыр», — тип үзе килен булып килгән юлға карай юнәлә. Тояк эз-зәрән, өйкөм-өйкөм тизәктәрҙе, суғырмаклы кайында өйкөнөүҙән эләгеп

¹ Башкарыусы хаталанған, ахыры: Куңыр буға булырға тейеш.

тороп калган йөндәрҙе һуғылта. «Ә-ә-ә, минең малдарым тыуған илемә кайтып киткән икән дабаһа, малдың малы ла үз тупрағын онотмай», — тип эззәренә төшөп, кыуалатып китә. Шул кисерештәрән көйгә һалып һамаклай:

4. — Эзләй-эзләй талды аяктарым,
Тау-таш, үнер, һырттар артылып;
Күззәремдә өзмәй караһам да,
Кайҙа китте былар алкынып.
 Куңыр бугам, һәү-һәү-һәү,
 Һәүкәшкәйем, һәү-һәү-һәү...
Һуқырандым урынһызға,
Йәш түктәм юлығызға,
Һығынып-һыктап һораным,
Әллә низәр юраным,
Айыу һукты, урланды,
Тип тә томал уйланым.
 Куңыр бугам, һәү-һәү-һәү,
 Быҙаукайҙар, зәп-зәп-зәү,
 Зәп-зәп-зәп-зәү,
 Һәү-һәү-һәү,
 Һәү-һәү-һәү.

5. Тандыса малдарының юлына төшөүенә шул тиклем кыуана-
«Илай-һыктай һорағаным тәңрегә олғашып кабул булдымы икән», —
тип уйлай.

- Эскенәмдә яткан уй-һағышым
Һезең юлға, эзгә тоташты;
Әллә инде ысын һорағаным
Ерзән алып күккә олғашты.
 Куңыр бугам, һәү-һәү-һәү,
 Һәүкәшкәйем, һәү-һәү-һәү,
Йөрәккәйем һизенде,
Кайтырығыз беленде;
Әле бәхетем мул икән,
Тап юлығыз шул икән;
Тәңгәлдән тәңгәл икән,
Тыуған ил карап киткән,
 Куңыр бугам, һәү-һәү-һәү,
 Быҙаукайҙар, зәп-зәп-зәү.

6. Ата йортонан Минәй иленә килгән сағында ла, малын эзләп йө-
рөгәндә лә Тандыса уралып-уралып яткан Оло Уралға карап хайран

кала. Армыт-армыт Урал Һырттарына, монар тарткан алыс аркаларға карап, йыр һуза:

— Уралып та яткан Оло Уралдың
Һырт өстөнән ярып юл һалып,
Куңыр буғам, һине кыуа барам,
Аяк-балтырзарым бик талып.
 Куңыр буғам, һәү-һәү-һәү,
 Һәүкәшкәйем, һәү-һәү-һәү,
Кайза китеп бараһың,
Түтәнән юл һалаһың?
Малһыз нисек калайым,
Юллап һеззе табайым,
Ана етәм, бына тип,
Елә-атлай барайым.
 Куңыр буғам, һәү-һәү-һәү,
 Бызаукайзар, зәп-зәп-зәү.

7. Ул сакта Оло Урал тау кейек-қырағай йырткыстарға иҫәпһез бай, янғыз-яры йөрөүселәргә куркыныс була. Таңдыса Уралдың, уның тирәһендәге таузарзың кыйғаҡ үткер суйыр ташлы урындарынан үтә, аяғын телдереп, кырктырып бөтә. Аяғының һызлауына түзә алмай, һыпырып-һыпырып ыуалап карай, малдарымдың да тояктары шулай тузып, яраланып бөткәндәр инде, тип хафалана. Шунан һамаклай-йырлай юлын дауам итә:

— Урал ғына таузың арка юлы
Кыйғаҡ үткер сакма таш кына,
Туған илдән төс тә током булған
Малды әйзәп, йөрәк ашкына.
 Куңыр буғам, һәү-һәү-һәү,
 Һәүкәшкәйем, һәү-һәү-һәү...
Как казыкка бәйләрмен,
Әрләрмен дә һыйлармын,
Һөтөң һауып, май язып,
Көнкүрмешем яйлармын,
Кәһәтләндем мин һиңә,
Рәһиенем дә мин һиңә.
 Куңыр буғам, һәү-һәү-һәү,
 Бызаукайзар, зәп-зәп-зәү.

8. Таңдысаның малдары төшөп алған йоморо юлдан бер якка ла сителеп сыкмайынса баралар: сыкһаҡ, юлдан язлығырбыз, тип курка-

лар. Юл ситендәге кыйҕак үлэндәрҙең башкынаһын кыйпып өзөп ашап баралар. Һыу эскәндә лә, йылға баштарынан, койолоктарҙан ғына боролоп эсеп, һыуһындарын кандыралар. Азашмаҫка була ашаныуҙар юлдыҫ уң яғынан, ә эсенеүҙәр юлдыҫ һул яғынан булдырыла, сөнки быллар өлөшлө малдар була. Малдарҙың ошо рәүешсә барыуына Тандыса тағы ла ғәжәпһенә:

— Кәрешкәләр кисеп, сәскә кыйпып,
Еләй-еҫкәй ерзе ерһенеп,
Ысык утын ялап һыуһыныңа,
Тыуған-үҫкән ерзе илһенеп,
 Куңыр буғам, һәү-һәү-һәү,
 Һәүкәшкәйем, һәү-һәү-һәү,
Еләй-еҫкәй бараһың,
Сәскә-үлән кабаһың,
Төйәгенде калдырып,
Алыҫ юлдар алаһың;
Азымынды арттырма,
Аяғымды талдырма,
 Куңыр буғам, һәү-һәү-һәү,
 Быҙаукайҙар, зәп-зәп-зәү.

9. Тандыса кыра буйлап барғанда, тәү башлап һыуһар оһрап, юлын кыйып үтә. Һыуһар, бара биргәс, бер ағастан икенсәһенә һикереп, ырып уйнап китә. Һыуһарҙың юл кыйырын ул якшыға юрай. «Һыуһар булһам, мин дә, ағастан-ағаска оһоп, малдарымды кыуып етер инем», — тип уйлай Тандыса.

— Кыш һыуыктан һаклаған
Һыуһар, кама тун икән,
Ерҙең үзен камаған
Урал тауы шул икән,
Эй, Уралым, Уралым,
Тирәләп карап торамын.
 Куңыр буғам, һәү-һәү-һәү,
 Һәүкәшкәйем, һәү-һәү-һәү,

10. Был яғына Тандыса юлда оһраған йәнлектәргә, кош-кортка, күзенә күренгән бер нәмәгә йыр сығарып бара. Бара торғас, мышы көтөһен күрөп кала. «Был януарҙар хәүефһез урында йөрөй торғандыр», — ти, үзе лә, арығас, оһонда йоклап китмәксә була. Мышыларға якын уҡ

барып йоклап, иртә таң алдынан торһа, улар мыш та мыш көйшәнеп яталар, ти.

Боҫ-боҫрап китеп, мыш-мыш көйшәнеп,
Көтөү-көтөү йөрөй мышыһы;
Сыкканымдан алып айыштым мин,
Урал да икән йәшәү ышығы.
Куңыр буғам, һәү-һәү-һәү,
Быҙаукайҙар, зәп-зәп-зәү.

11. Аңкайып, ян-яғына карап ала. Бейек таузарҙа ап-ак карҙар күренә. Алдында дөм кара урман. «Был урманда әллә низәр барҙыр инде», — тип шомлана. Минәй батыр менән тәү башта кайтып килгәнендә Урал эсе уға шул тиклем тын, куркынышыҙ булып күренгәйне. Килә торғас, алдарынан бер мөл көмөштәй кара төлкө югереп үткәйне. Минәй, мәргәнлеген күрһәтеп, кара төлкөнө шунда ук уғы менән атып йыға. Минәй төлкөнөң тиреһен һыпырып кына ала ла, ашанып-эсенергә туктаған ерҙә уны ағас ботағына әлеп куя. Төн караңғылана. Минәй кара төлкө тиреһен алып һелкә, тиренән оскандар сәсрәй. Минәй тирене Таңдысаның муйынына һала. Төн караңғылығында уның бит-күзҙәре яктырып китә.

12. Иртә менән тороп атлағанда, Таңдыса хәҙер зә үткәнде иҫкә төшөрөп, қасандыр төшлөк башкорттарына ташланған дошмандарҙы кыйратқан Минәй һақында йырлай.

— Етмеш төрлө хәйлә белә икән
Һорғоло карасай көмөш төлкөнө;
Батыр ирҙәр барҙа базнат итмәҫ
Хас дошмандың барыһы, көллөһө.
Куңыр буғам, һәү-һәү-һәү,
Һәүкәшкәйем, һәү-һәү-һәү.
Уралдың улдары күп,
Килгән яуға бирмәҫтәр,
Уралдың камауы күп,
Ырғып аша инмәҫтәр;
Әй, Уралым, нығынһын,
Дошман аҫқа йығылһын.
Һәүкәшкәйем, һәү-һәү-һәү,
Быҙаукайҙар, зәп-зәп-зәү.

13. Сылтырап аққан бер йылғаны сығып, каршылағы таузың иңкәүенән, кыраз буйлап китә башлай. Аңғармаҫтан ғына алдынан илек күтәрелеп сабып күзҙән юғала. Таңдыса бының һылыулығына, йылғырлығына аптырап карап төра.

Бара торғас, Таңдысаның тоқсайына тултырып алып сыққан азығы бөгә. Асығып, берәй нәмә тура килһә, өзәп-йолкоп һогонорзай булып бара.

— Был аланлык, типһән тултырып,
Япрак ябып үскән балтырған.

Азаштырмаҫ ерзән азаштырзы
Азаланған өс баш малғынам.

Куңыр буғам, һәү-һәү-һәү,
Һәүкәшкәйем, һәү-һәү-һәү.

Акрынлағыз, азмандар:

Арыттығыз һез мине,

Югерә-атлай киләмен,

Аптыраттығыз һез мине.

Һәүкәшкәйем, һәү-һәү-һәү,
Бызаукайзар, зәп-зәп-зәү.

14. Таңдыса балтырғандың япрағын, сығып кына килгән көпшәһән шыртылдата сәйнәп ашанып, тамак ялғап ала.

Өйкөм-өйкөм үскән кайынлыктарзы, һирәк-һирәк карағаслык, вак бешәлектәрзе үтеп, йыуан усақлыкты, карағай урманды эргәләп бара-бара, бер үзәктең башына килеп сыға. Унда, боттарын кирә баһып, куркыузың ни икәнән дә белмәй рәхәтләнеп колонсағын имезеп торған коланды күрә.

— Буйға буйсан, һылыулыкка һылыу

Урал ғына таузың коланы;

Атайсалдан килгән берсә малдың

Кире кайта торған йолаһы,—

тип үзенең дә күңелен йыуата ла:

— Куңыр буғам, һәү-һәү-һәү,

Һәүкәшкәйем, һәү-һәү-һәү,—

тип сәңгел тауышы менән һауаны ярып һөрәнләп ебәрә.

15. Боҫтары күтәрелеп, тау һыртындағы ала-кола кар аҫтынан асылған куңырланып ятқан ерзе йыуып, йылы ямғыр яуып үтә. Ер кабығы йыуылыу менән ер-яңы төҫ ала, битләүзәрзә йәм-йәшел үлән. Әсәһенең: «Ләйсән ямғырына башыңды йыу, ауырымаҫһың» тигән һүзе иҫенә төшөп, арығанына, тәһенең һынықканына карамайынса, атлай бирә.

16. Таңдыса, тағы ла бик күп юл үтеп, тамам асыға башлай. Зыулашып осоп йөрөгән бал корттарына осрай. Күтәрелеп ағаска караһа, тумырт-

ка тишегенән корттар осоп сығып йөрөй. Ағаска үрелеп менә, бер кыуырак ботакка тотонғанда, ботак айырылып китә. Шул урындан юлаккланып ергә бал ағып төшә. Солоктоң эсе тулы күптәнге азау бал булып сыға. Таңдыса туйғансы бал ашай.

Кая ташлы һырғый, эре карағас урманын үтеп барғанда, Таңдыса өйөрөлөп-өйөрөлөп осоп йөрөгән бөркөттәрҙе күрә, уларҙың өзөп-өзөп һауа ярып саңкылдаған тауышын ишетә, шунан үзенең дә күңеле канатланып, йөрөгәнә көс-кеүәт өстәлә.

17. Ата-әсәләре Таңдысаға элекке замандарҙа Урал өсөн бик яман яуҙар булып үткәнән, баһҡынсыларҙың ил эсенә үтеп инеп, халықты таллап, катын-кыздарҙы мәсхәрәләп, мал-мөлкәттә тартып алып китеүҙәрен һөйләр булған. Ул, шуларҙы күңеленән үткәреп, урман араһында япмаланып, сатыр шикелле торған оло карағайҙарға карап, тәһсирләненеп ултыра. Батырҙарҙың дошман менән канға-кан килешеп, илен-йортоң һаклауын күҙ алдына килтерә. Йырлай, һамаклай:

— Йәйенке лә ботак һай карағай
Йәм бирәлер бейек тауҙарға;
Аямаған йәнен, биргән канын,
Каршы торған батыр яуҙарға.

Куңыр буғам, һәү-һәү-һәү,
Һәүкәшкәйем, һәү-һәү-һәү.

Батыр кылысын һаклаған
Кын һыйышлы булалыр;
Ил һамысын һаклаған —
Ир-уҙаман булалыр;
Ирҙе яуға өндөгән
Илдә бер заң булалыр.

Һәүкәшкәйем, һәү-һәү-һәү,
Быҙаукайҙар, зәп-зәп-зәү.

18. Әһерәп, аяк-кулдары, бөтә ағзалары талыккан буһа ла, Таңдыса алға барыуында булды. Бер һөзөк үрҙе төшөү менән сылдырап ағып ятқан һай ғына ташлы һууҙы күрҙе. Таштан-ташка һикергеләп, уны аша сықты. Бәләкәй генә үрләскә менгәс, алдында әллә кайҙан күренеп күккә олғашып ятқан күм-күк тауҙарҙы күрҙе. Күбә-күбә таштарҙың өстө-өстөнә ултыртылып бөткөнөнә гәжәпләненеп барған көйөнсә, атаһының: «Урал батыр һәр илле, һәр йөз йылда таштарҙы өстө-өстөнә ултырып бара», — тип һөйләгәнә иҫәнә төштө.

Артабан эштәле-эштәле тауҙарҙы үтте, кашлаклы тауҙарға барып терәлеп, каянан таштарҙың япмаланып-япмаланып торған урындарынан үтте. «Был ерҙә Урал батырҙың яусылары койма яуында ышыкланған урындар, олатайҙар шулай һөйләй торғайны», — тип үз алдына һығым-

та яһаны Таңдыса. Унан һуң бейек-бейек, үрле-кырлы яткан тау кыҫаландары буйлап йөрөй торғас, әллә ни хәтлем ерзән тауҙар менән уратып алынған, ян-яғы камаулы тигеҙ урынга барып сықты. «Яусыларҙың ял итеп ятыр ышығылыр», — тигән фекергә килде. Имгәкләп күтәрелеп, тағы тауҙан төштө. Түшәм-түшәм таштарҙың текә ерзә бер-береһенә һөйләшеп ултырған аралыктарынан кысыла-кысыла барып, таза һыулы шишмәне үтеп, еләк-емеш юкмы икән, тип түбәгә күтәрелде. Арғы як ауынкыһында тағы ла һерәйешеп ултырған озон-озон таштарға, әллә кайҙан күренеп яткан тум-тум урындарға, таш өйөмдәренә тап булды. «Олатай-оләсәйҙәремдең кәбереме икән был? Ап-ак кына ак кауландар — сәселеп үскән сәстәреме икән?» — тип уйланып барҙы. Кауланлыҡтар төбөндә сырыл-дашкан буз турғайҙарға, калкып торған ясы таштарға карап, бара-бара атаһынан отоп алған кобайырҙы әйтемләргә тотондо

19. — Уралына артылып,
Тезәкләненеп, тартылып,
Ергә терәп аяғын,
Тау-каяға таянып;
Ужарланып дошманға,
Акбузында елдереп,
Саптарында сабышып,
Йән аямай алышып,
Яу кыуып, һөрән һалып,
Болот һымак кузғалып,
Кулындағы кылысын
Ян-яғына һелтәнгән,
Дошманына укталған.
Тас айыуҙай алышып,
Кемузарҙан сабышып,
Кыу за кыу, тип кеүәтләп,
Килгән яуҙы дәмбәҫләп,
Алкымлашып, алышып,
Карыуын һынап ярышып,
Самытланып көс алып,
Өзә тоткан биленән,
Кәрен алған кулынан;
Унарын унарлап әйләгән,
Йөзәрен йөзәрләп әйләгән,
Эй, батыр ир, батыр ир,
Яу кайтарған батыр ир,
Һуғышканның йәнтәстем,
Илгә сыккан даныңды
Иҫемә алып, мин әйттем,

Мин әйттем, ау мин әйттем.
Қан қойған ул, йән биргән,
Үңгәмләшеп, алышып,
Дошмандарын камалап,
Қысырыклап қырған ул;
Қаялай күкрәк киреп,
Таузай қалкып торған ул.
Хас дошманды бақтырып,
Қилгән юлын таптырып,
Илдән қыуып сығарған;
Ертыштан да уҙғарған,
Уҙғарып, ау уҙғарған.

20. Таңдыса, һирәк-һаяк ағаслы тигезлектән килә-килә, тау куйынына инә. Тәпәш-тәпәш таузарзы үтә биргәс, өскә күтәрелә, сусак ташлык араларына, кымызлыклы урындарға килеп сыға. Йәш сағында ул, атка атланып, кыззар менән кымызлыкты бәйләм-бәйләм алып қайтыр ине. Асау бүртә юрғаһы бер көндө, баш бирмәй ярһып, тулап, Таңдысаны алып қаскайны. Бүртә юрға, ер бауырлап осқан кош шикелле, артында саңтоман уйнатып, яландарза, иңкеүзәрзә елдереп йөрөй-йөрөй торғас, тыны журылып бышлығып килеп туктай. Таңдысаның бәйләм-бәйләм кымызлыктары төшөп қалған була. Кымызлыкһыз қайтһам, оят була, тип атын һағак ботакка тезгененән тартып бәйләй зә югереп йөрөп кымызлык йыйып ала. Шунан бүртә юрғаға һикереп менеп, иптәш кыззары артынан юрғалата.

Таңдысаның атаһы Өлкәр қарттың, уның ырыуаштарының йәйләү ерзәрәндә кыззар уйнай торған бик бейек текә таш булыр ине. Әле барғанында Таңдысаға шуға окшаш бер қая күгәрәп күренде. Иптәш кыззары, еңгәләре менән уйнағандары, таштың астында көрәгә һыпырып, туҫтақ, алдыр сайқап кымыз эсеп уйнап-көлөшкәндәре күз алдына килде.

21. Таңдыса, арып, арманһыз булып талыкты, аяктары һызлап, быуындары қакшаны. Ямғыр күзе төшөп, бер аzzан һибәләргә тотондо. Алыҫтарак қап-қара болоттар өйөрөлөшә. Йәшен йәшнәп, ер һеңкетеп күк күкрәй. Таңдысаның қарағас урманына инеуе булды, шаулап қойма ямғыр яуып ебәрзе. Ялағай ялт та йолт килеп, даҫыр-доҫор күк күкрәп, шуның ыңғайына йәшен уттары ишелеп, йомарланып, Таңдысаның аяқ араларынан да, қултық астынан да үтеп сыға башланы. Ян-яққа югерзе, ут уны бақтырзы, қыуаланы. Йәшен уттарының уйнауы, күктең күкрәуе қотороп көсәйзе. Қарағастарзы сарпып, ярғыслап, өзгәсләп, сатын-сатқа айырып, аркыс та торқос йығып бөттө. Қурқынған Таңдыса шунда бер қалпақ ташты күреп қалып, шуға барып һыйынып күзен сырт йомоуы булды, йәшнәү зә, күкрәү зә көсһөзләнә төштө. Ямғыр туктаны, йәшнәү зә бөттө, урман эсе, тирә-яқ тып-тыныс булып қалды. Таңдыса иркен һу-

лап, күз алдары яктырып китте. «Ниндэй генә куркыныслыктарға тары-
һаң да, Урал куйынында һыйыныр урын табаһың», — тип һөйөнөп, горур-
ланып, барған юлы менән атлауында булды.

22. Эңер төшөү менән, Тандыса йокларға йәтеш урын карай башланы.
Бер яғы һөзәк, каршы яғы текә каяға менеп, һикәлтә генә мүкле ташка
йокларға ятты. Айыу-фәлән килһә, касырға уңай урын да караштырҙы.
Яткан ерендә генә кая астына янтайған бер карағай күрзе. Ысынлап та,
Тандысаны таң алдынан эзләһәп йөрөгән айыу килеп басты. Тандыса бая-
ғы ятык карағайға буйлап менә башланы. Айыу за артынан үрмәләһә.
Ағас, ауырлыкты күтәрә алмай, торок карағайға эләгә-эләгә гөрһөлдәп
барып төштө. Тандыса, торок карағайзың ботағына тоғоһәп, сатағына ул-
тырып котолоп қалды. Айыу, бахырың, ағас менән бергә ергә тәкмәсләһә,
ыңрана-ыңрана, артына әйләһәп карай-карай, күззән юғалды. Тандыса
тағы ла татлы йокоға талды. Тау ашаһынан қызарып қалқан қояштың
йылы нуры уның йөзөн иркәләп уятты. Қояш сығыу менән юлсы үзенең
юлында булды. Бүзәнәләр қымйышқан түбәлә қызарып бешкән еләк менән
туйынып, тиреп алғанын да қаба-қаба қилде. Қызар, егетәр менән бергә
«Бүзәнә» уйынын уйнап бейешкәндәрә иҫенә төшөп:

— Қыйғырымды сөйзәрмәм,
Бүзәнәләр типтермәм;
Алырмын да касырмын,
Мине озақ көттөрһәң,—

тип уйында қыззың егеткә йырлаған йырын қабатланы.

23. Тау қысқаландарын, һыртлас үнерзәрзе аша төшөп атлай-атлай
таза һалқын һыулы йылғаларзы үтте. Был йылғалар, оло һыуға қушылып
қайзарға ғына аға икән, ошо һыузар һымак ақһам, мин дә илемә тизәрәк
барып етер инем, тип тәрән уйға төштө. Барған юлынан яқын уқ бөгөлөп-
бөгөлөп аққан зур ғына йылға күзәнә салынды.

— Анау ятқан йылға Йылайыр ул,
Қайрак өсөн ташын алырмын;
Һау-сәләмәт етһәм үз илемә,
Ғүмерлеккә шатлык табырмын.
Қуңыр буғам, һәү-һәү-һәү,
Һәү-һәү-һәү, зәп-зәп-зәү...

24. Тандысаның атаһы Өлкәр ун ике йәштән алып утыз йәшкә хәтле
гел ятлап һабак алған, Таһранда табиблеккә уқып қайтқан ғилемле кеше,
Уралдағы төрлө үләндәрзән дауа әшләп халықты дауалап, ауырыузары-
нан юнәлтер, һауықтырыр ине. Таһран шағирзәрә менән ултырзаш булып,
шиғриәткә әүәс, сәсән дә ине. Тандыса: «Барып етһәм, ярылған табанымды,

һызырылған балтыр, йөзлөктәрәмде атайым дарыулар, ярама яр япрағы һалып, йөнтәс япрактың кызыл-көрән һутын һығып алып дауалар әле»,— тип уйлай. Был хакта ла ул йыр тезә:

— Ирүән барза ир үлмәс,
Андыз барза ат үлмәс,
Һыزلаныузан бер дауа —
Кымырсканың майы,
Сиренә күрә табылып тора
Бер әмәле, бер яйы.
Куңыр бугам, һәү-һәү-һәү,
Һәүкәшкәйем, һәү-һәү-һәү.

25. Электән үк суйыр-сакма үткер таштарға, селек, тубылғы ағастарына һызырылып-кыркылып, ярылып-тумырылып килгән аяк яралары тынғы бирмәй һызлай. Һыزلаныузарын нисек баһайым, тип килгәндә, қазандай за күбәләй кымырсқа иләүзәрәнең берәһәнән кымырсқа майын тапты. Шуның менән аяғын ыуып һендергәнсә майланы. Ауыртыныузары бөтөп, һыزلаныузары баһылып, аяғы юнәлгәндәй итте. Ял алғандай булды, сапсан баһып атлап китте. Шулай бара торғас, ул бер озон асықлык осона килеп текәлде. Һул яғы тәрән үзәк, уң яғы кырлас озон тау менән камалғайны. Таңдыса, ошо асықлык буйлап төбәшәк кенә үрләстәрзәң берәһәнә менеп, икенсәһәнән, өсөнсәһәнән төшөп, қап уртаһына тигәндәй килеп етте. Ултырып ял алайыммы, тип каранып торғанда, якында тирмә кеүек түңәрәкләнеп торған берзән бер кайын күрзе лә, шул кайын янына барзы. Был тау түбәһәндәге асықлык уртаһында ялбырзап үскән карт кайын булып, төбәндә бер генә бөртөк гөлсәсәк үсеп ултыра ине. Таңдыса, кайын төбәнә ултырып, сәскәнең һабағынан тотоп үзәнә борзо, был сәскә лә минең кеүек азашып килеп сықтымы, икән, тип гәжәһәнде. Гөл сәскәһә, елберзәгенән асыла-асыла зурайып, кейез қалпақтай булды, тажы күззе қамаштырып балқып китте, нәзек кенә бала тауышы менән сәскә телгә килде, ти:

— Юлың алыс, беләмен,
Талыққанһың, күрәмен;
Бер аз туктап китһәңсе,
Әзәрәк ялдар итһәңсе,
Илдең батыр қызы һин,
Илдең матур қызы һин.

26. Йөрәк-бауырзы өзгөләрлек, тән тамырзарын тетрәтерлек курай тауышы ишетелде. Ул көйлә тауыш та, йыр за, моң да ялбыр кайын сатаһынан сыға, ти. Шул моңға кушылып, каршылағы арқа яғынан ер һелке-

теп басқан тояк тауышы, Урал өстөндө алыс-алыстарга быгаса ишетелмә-
гән бер ауаз таралды, ти

— Балкып кына яткан был таузар,
Калкып кына яткан был таузар,—
Ырыуымдың ул бит төйөгө,
Ил-йортомдоң ул бит терәге.

Тауыш яңгырауына әйләнеп караһа, каршылағы арка өстөнөн ак-
бузатка атланған, кулына кылыс тоткан, буй-һыны болоттан ашкан ба-
тырзың Урал тауға табан барыуын күрә. «Урал батырзың рухылыр ул.
Уның йәне үлемһез, ул хәзер зә, дошман Уралға аяк басмаһын, халкымды
таламаһын, таркатмаһын, тип курғап, һағауыллап йөрөй, тизәр ине, ра-
сикән»,— тип, ата олаталарының һөйләүзәрән хәтерләп, батыр һынын күз-
зән юғалғансы карап, озатып кала.

27. Тағы ла күп кенә ер китеп, эре кайынлык, һирәк-һаяк йыуан
япалдаш карағай-уһақ ағастары аралаш үскән урманды аша үткәс, Таң-
дыса тау битләүендә һерәйешеп торған таштарзы ап-ак каулан үлэндәр-
зе күреп был урындың боронғо кәберлек икәнән аңланы. Зыяратта, кә-
берлек араһында йоклаһаң бер ни зә булмай, тип ололарзың һөйләгәнән
хәтерләп алды. Шуға ла алдағы төндө ошонда йоклап үткәрмәксә булды.

Таңғы йокһонда төшөндә ата-әсәһән күреп кыуанды, күңеле асылып,
күгәрелеп ките. Урынынан тороп, һыныккан тәндәрән бер аз хәрәкәт-
кә килтереп алды ла алдындағы юлына күз һалды.

28. Минәй менән Тандыса, Өлкәр карт менән Тандысаның әсәһе
Өһәбикә әбей биргән быуаз тананы етәкләп, кейәү йортона кайтканда
бер талай ер килгәс, был яктағы комло асык ялан ерзәң тәу тапкыр әл-
гәһәйгә менән ялманы күренгәһине. Тандыса ул сакта караштары менән
Минәйенә һыйынып, тыуған Уралы, уның батырзары тураһында ошо-
тәүге йырын сығарғайны.

— Береһе үрзә, береһе ерзә уйнай
Әлгәһәйгә менән ялманы;
Үзен түгел, күләткәһән күреп,
Дошман тигән берәу калманы.

Алдында торған Куңыр бугаһының янбашынан һөйә-һөйә:

— Куңыр бугам, һәү-һәү-һәү,
Һәүкәшкәһем, һәү-һәү-һәү,—

тип тәүге сакырыу, иркәләү һүзән әйткәһине. Ян-яғына караш ташлап,
ошоләй һамаклағайны:

— Тыныс булыр тыуған йорт,
Батыр ирзэр бар сакта;
Дошман кабат яу халмас,
Айбарлы ирзэр бар сакта.
Эй, Минәйем, батыр ир,
Илен курғап ятыр ир, ау,
Йортон курғап ятыр ир.

29. Тандыса текә кая таштарзы, кыраздарзы, үнер һырттарзы, тип-һән акланлыкларзы, кәбәндәй, ясмарзай ташлы урындарзы, сокор-сакырлы, уйкыл-уйкыл асыктарзы, төбәк-төпкөлдәрзе үтте. Инде Уралдың таплы, кыралы каялары бөтөп, һирәкләп көмәс-көмәс ослайышкан таузар күренә башланы. Вағырак усақ, имән, юкә, йыла, саған ағаслы урмандар араһына килеп инде. «Урал таузың кап уртаһын үтеүемә күп булды шикелле, инде осона сыкмайыммы икән?» — тип уйланды.

Урман аша үтеп бара биргәс, Тандыса эреле-ваклы күләүекле урынға килеп сыға, арырак омболло-омболло булып аккан бер йылға күрә. Бында төрлө-төрлө коштарзың зыулашканы, кыскырышканы, һайрашканы, сыр-суу килгәнә ишетелә. Саралың коштон һарык тәкәһендәй бакырганы ла, тәгәрлектең «тәгәрзәк-тәгәрзәк» тип кыйкылдағаны ла, кызғатаузарзың кыскырыуы ла, көйөлдөләрзең көй һызып көйөлдөп һызғырып ебәреүзәре, тартайзарзың тартылдауы ла, — барсаһы бергә кушылып, яңғырап тора.

30. Килә-килә, кескәй генә йылғаны сықты. Таузың ташлы моронон уранжырап барып, текәһенән тырышып-тырмашып өскә күтәрелеп тә етте, юл эсендә күкъял бүренең ауызын, һыртын көзәрәйтеп ултырыуына тап булды. Капыл курка төштө. Алдындағы сукмарлы карағас ботағын айырып алып, икенсе кулына шымағына карағай ботағын тотоп, йырткыска каршы атланы. Бүренең ыржайып ташланыуы булды, ботактың шымаһын уның ауызына һондо. Карағас ботағы менән томшоғона кундырзы. Бүре тау егенә касып юғалды.

31. Тандыса, озон юлдарзы үтеп, интегеп-ызаланып килә торғас, был яктағы таузарзы, ер-һыузы ата йорто яғындағыға окшата бирзе. Күнелә күтәрелеп, йырлай-йырлай бара торғас, уйламастан малдарының юлын юғалтты. Ул якта ла, был якка ла эзләнеп йөрөп караны, таба алманы. Алда әгел-бөгөләнәп аккан бәләкәй ятыулы йылғаның яр астына төшөп, уның бөгөлөндә йокламак булды. Теге якта, тау-таш араһында йоклап килгән Тандыса йылға буйын үзһенмәйерәк карап торзо. Кояш байыуға йылғаның ятыузарына барып, кымйышып йөрөгән бәрзе, бағыр балыктарын ситтән генә һөзөп алып, ут яғып өтөп ашаны.

32. Бар булған тауышы менән һөрәнләп ике бызауын эйәртеп қасқан Қуңыр бугаһын өс көн буйы ызаланып эзләп йөрөнө. Кистәрен гел ошо урынға килеп төнгө ялын алды. Өс көндөн һуң, иртә менән торғанда,

алдындағы ағаска бер ала карға килеп ултырзы ла каркылдай башланы. Найысқандар йыйылып шыгырзашты. Найысқандар килгәс, былар изге кош, арыу хәбәр алып килгәндәрзәр, тип уйлап, күңелен тынысландырзы.

Өсөнсө көндөң иртәһендә Таңдыса төшлөккә карап самалап атларға булды. Ул арала бер күләүеккә оспрап, шунан пырлашып һуна өйрәктәрә осоп китте.

— Һунарсы ла егет атып ала
Күләүек тә күлдең һунаһын;
Бер күрземе кеше, күрә икән
Был донъяның ыза-нужаһын,—

тип тауышын алыс ебәрәп йырланы. Алдағы кескенә йылғаның кисеүен сыкканда, карағас олононда өйкәнгән малдарының эләгеп калған йөндәрән күрәп кыуанды. Шул юл менән уңға кайырылды.

— Ак сәскә лә менән ай миләүшә
Бер-береһе менән серләшә;
Үзем әллә кайза йөрөһәм дә,
Күңелем һеззәң менән һөйләшә.

33. Йыр тауышы урман эсен яңғыратты, тау-таштарзы шаңғыратты ла каклыгып үзенә килде. Ошо тауышты һырт аша малдары ла ишетеп калып, эйәһе яғына карай әйләнеп саптылар. Ике бызауын эйәртеп, Куңыр буғаһы килеп етте, ти. Таңдыса уларзы косаклап һөйзә, малдары йәнә алға карай кызыу ғына атлап китте. Таңдыса арттарынан төшөп алды.

Малдары, алдан ук барып, бер иске генә тирмә янында тора ине. Таңдыса шунда барзы. Бик картайған, ергә сүгеп бөткән бер әбей килеп сыкты. Таңдыса, әбейзәң маңлай уртаһындағы минен күрәп, әсәһен таныр-танымаҫ аптырап карап торзо. Тирмәнән йөзйәшәр карт килеп сыкты. Таңдыса атаһының да төсөн сырамытты ла үзен ата-әсәһенә танытты. «Ысынмы был, бушмы?» — тип үз күззәрәнә үззәрә ышанмайынса, карт менән карсык кыззарының кулдарынан тотоп, текләп-текләп каранылар.

34. Таңдыса, ата-әсәһен косаклап күкрәгенә кысып:

— Килсе, килсе, әсәйем,
Аптырама, атайым,
Күз туйғансы, карайым,
Бик һағындым, күрәйем,
Күз йәшемде түгәйем;
Күргем килеп һарғайзым,
Илай-һыктай картайзым,

Эсәһе һыу, ашар ашым
Ошо илемдә калғандыр.
Күп булмабыз без бында:
Унда калды ун балам;
Уныһы ла матурзар,
Атаһындай батырзар,—

тип һамаккланы.

35. Таңдысаны шатланып каршы алалар. Ата-эсәһе һый-хөрмәт күр-
һәтергә тырыша. Ашап-эсеп, бер аз тынысланып алғас, кыззары:

— Тулы күңелем бушанды,
Малдарым да юшанды,— ти.

Азналар буйы кайзан-кайза озон, ауыр юл үткән кыззарының арып-
талып, как һөйәккә калып йонсоғанын күрөп, Өһәбикә карсык: «Балам,
арығанһың, ят тубығыма»,— тип күпсек һала. «Ят алдыма!» — тип иҙен
итә. Атаһы Өлкәр карт ярылып-кыркылып бөткән аяктарына һарыктың
оса майын һөртөргә тотона. Таңдыса татлы йокоға тала. Эсәһенең бер генә
бөртөк йылы йәше тама. Был йәш ата менән эсәһенең тәүләп кауышкандағы
йәше була. Унан һуң ике күзенән ике бөртөк эсә йәш тама. Быныһы эсә
менән кыззың айырылышыу аралығындағы күз йәше була. Ул яндыра тө-
шә, Таңдыса һиҫкәһенеп уяна. Ата-эсәһен күрөп, шат йылмая ла, эсәһе ал-
дына кабат ятып, каты йокоға китә.

36. Ике көн, бер төн йоклағас, уяна. Уның хөрмәтенә һый, уйын-
көлкө ойшошторола. Һез зә кәзерле кунакһығыз, тип малдарына тоз яла-
талар.

Ырыу башлығы үзе Таңдысаға алдыр тултырып кымыз һуза. «Эсәң
һөтө урынына эс, кызым»,—ти. Таңдыса, алдырзы кулына алып, сайкап-
сайкап:

— Иртән иртүк тороп, юлланырбыз,
Айыра баһып таузың бейеген,
Куңыр буга менән бызаузарға
Хәүеф һалмаҫ Урал кейеге,—

тип йырлап ебәрә. Халык алдында тыуған илен, ата-эсәһен үлгәнсә онот-
маҫка ант итә. Ашап-эсеп, күңел асып, һөйгән кыззарының тыуған йорто-
на кайтыуын байрам итәләр. Таңдыса иләһләһенеп ошо йырзы йырлай:

Ашағыз за, дуһтар, эсегез,
Ашап-эсәү менән мал бөтмәй;
Тәкдирзәрең етеп, ризык бөтһә,
Кауырһындан тамған һыу за үтмәй.

37. Иртәгәһен халык йыйылып озата сыға. Ырыу ололары аманат һүзәрән, ата-әсәһе васыятын әйтә.

Ырыузың иң өлкән әбейе Тандысаның үзенә, ата-әсәһенә карап ошоллай һамаклай:

— Тыуған илен онотмаған
Өлөшлө мал — ошо тана икән;
Йөрәгеңдә өзгән, һары ултырткан,—
Күкрәгеңә һыйған бала икән.
Туғыз айын үткәрәп,
Тулғак ауырын күтәрәп,
Күкрәк һөтөн имезәп,
Күз карам, тип өзөлөп,
Йәнән дә бүлеп биргән —
Әсә икәнән белегез,
Белегез, ау, белегез.

38. Әсәһе:

Йөрәк итем, балам, күз нурым,
Күрә алмаһам, кабат, хуш инде;
Онотолған ерзән бер күрешәп,
Айырылышыу көнө ошо инде.
Куңыр буғам өлөшлө,
Хәлдә киләп белештә;
Тандыса кызым, күз нурым,
Иркә үскән былбылым,
Һөйөндөрзөң әсәндә,
Шатландырзың атаңды;
Куңыр буға, һәү-һәү-һәү,
Һәүкәшкәйзәр, һәү-һәү-һәү.

39. Атаһы:

— Күп йортка төс, кот булған икән
Бүләк итеп биргән һыйырым;
Айырса ла тояк, шеш мөгөзлө
Ыуак малдар бирәм был юлы.
Куңыр буғам, малдарым,
Унда кейәү, балдарым,
Сапсан баһып, ыңғайлап,
Тауған тура юл һайлап,
Теүәл кайтып етегез,
Беззән сәләм илтегез.

40. Ырыу башлығы намакклап ошоларзы әйткән:

Ырыузағы ололарзан
Кейәүебезгә һауыт бир;
Улдарындың үзле-үзенә
Йәйә менән һазак бир;
Кыззарындың һәр беренә
Һарауыс менән йөзөк бир.
Кеше түгел, малкай за,
Бызаузарын әйәртеп,
Кыл муйынсақ һөйрәтеп,
Тыуған ерем тип килгән,—
Белгәндәргә белектер,
Белмәгәнгә көзөктөр.
Куңыр буғам, малдарым,
Килегез, кил яныма,
Ырыс-байлык бәйләйбез
Бызаукайзың муйынына.
Кускар мөгөзлө тәкәңә
Түл төймө эләбез;
Куш мөгөзлө һарығыңа
Бөтмәс током теләйбез.
Кәзәң менән тәкәңдең
Йөнө, дебете күп булһын,
Үрсеп китеп, күбәйеп,
Тау-таш куйыны тулһын.
Кабырғаһын тәкәңдең
Кертелдәк май каплаһын,
Унда-һанда һуғылып,
Зыян булып ятмаһын;
Илең-көнөң тук булһын,
Малың ырыс, кот булһын.

41. Иң азактан кыз сағындағы серзәш еңгәһе, Таңдысаның ағаһы һун төрөктәренә каршы һуғышта үлгәндән һуң тол калып, донъя хәсрәттәрен күреп йәшәгән Гөлһылыу карсык, таяғына таянып, хушлашыу йырын йырлаған, ти:

— Тау яғалап ағып ята икән
Һакмар за ғына тигән ағын һуу;
Бер иштәлек итеп мин йырайым,
Был көйөмдә отоп алырһың.

Тандыса яуап итеп:

— Монак кына һыуы тәрән түгел,
Тәрәнлеге миңең билемдән;
Бизкелдәп тә оскан бизгәләктәй,
Сығып кына киттем илемдән.

Ата йортона бүләк-кот булһын, тип Тандыса Куңыр буға менән килгән күк үгез бызаузы калдыра. Бызаузы мал күрке өсөн суклап, Тандысаға имен-аман юл теләп калалар.

42. Юлға сығып дүрт-биш тау һыртын аша үткәс, үләнгә бай ергә туктап малын ашатып, йылғанан һыу эсереп, аз ғына ял алып, инде кузғалайым, тип торһа, ун ике һыбай кыззар менән егеттәр килеп етеп, уның алдына баһалар:

— Тандыса инәй, әсәйегез үлеп калды, ерләп китегез,— тизәр.

Тандыса, биргән бәхеттәре, коттары ятып калыр, күргән кайғыларым, ызаларым артымдан эйәрер, тип ата йортонан сыкканы бирле артына әйләнәп карамай ине. Әле лә артына әйләнмәйенсә, алға карап:

— Балаларым, тыңлап тороғоз, отоп алып, түкмәй-сәсмәй кайтып тапшырығыз,— ти.— Әсәйемде ошо юлдың ситенә килтереп ерләһендәр. Гүмер-гүмергә узған-барған кеше күрәп ишкә алыр.

Өһәбикә карсыкты юл ситенә килтереп күмәләр. Тандыса, әсә тупрағы менән хушлашып, малдарын эйәртеп, ары китә. Халык уны озатып бер аз килгәс тә, Тандыса олата-бабаларының зыяратына борола. Килгән халык таралышып ултыра. Тандыса, борондан калған йола буйынса, олатай-зар тупрағы менән хушлаша.

43. Тандыса, килгәп юлына төшөп, шул юл менән Урал өҫтөнән бик күп көндәр буйы барзы ла барзы. Азналар, айзар үттә, ти. Бара торғас, алыҫта Изел башы Ирәмәл күгәрәп күренә башлай.

— Без ултырған ерзән күренеп яткан
Изел башы — Ирәмәл тау икән;
Без киткәндә бары ла теүәл ине,
Илгенәйем имен, һаумы икән?
Без китеүгә күп кенә,
Йөрәккәйем елкенә,
Күкрәк-әсем тулкынды,
Арып-өзөлөп йолкондом;
Куңыр буғам, бызауым,
Һәүкәшкәйем, һәү-һәү-һәү,
Әйәрегез артымдан,
Инде китмәҫ йортомдан.

44. Урал өстөнөн килэ торғас, бейек-бейек, эллэ кайзан күренеп яткан һырттарзы үттеләр. Иң бейегенең өстөнә күтәрелеп, бер аз ял итеп алғас, былай ти:

— Тезмә таузар, билән, кыр, аркалар —
Был Уралкай таузың күрке икән;
Тарбак-тарбак үскән агастары —
Кабарып та торған бүрке икән.
 Куңыр бугам, һәү-һәү-һәү,
 Тарғыл танам, һәү-һәү-һәү.
Кузғалығыз, малдарым,
Тамағығыз ялғанды,
Һәүкәшкәйем, һәү-һәү-һәү,
Эйәрегеҙ, калмағыз,
Кәзәкәйем, кәз-гәз-гәз,
Бәрәнкәйзәр, бәр-бәр-бәр,
Үзебезгә етәбез,
Кыуаныстар көтәбез.

45. Байтак кына юл үттеләр. Оло Уралдың өстөнән көн тыуышында, кояш байышында эре-эре таузар күренә.

— Анау яткан Алатаузы,
Күзегеҙ етһә, карап күрегеҙ,
Ана теге бейек — Ирәмәл ул,
Без эргәләп үттек, белегеҙ;
Куңыр бугам, малдарым,
Туйғанынса карағыз,
Танып-белеп алығыз,
Хәтерегеҙгә һалығыз,
Әле байтак барырбыз.
Курташ калды ундарак,
Рәз, Кағыташ — кырҙарак,
Кыртты, Ирәндек — көнлектә,
Сахра-сусаҡ — төнлектә.
Һелтәй-һелтәй кулдарзы,
Күп кысқарттык юлдарзы.
 Куңыр бугам, һәүкәшкәйем,
 Һәү-һәү-һәү,
 Бызаукайзәр, зәп-зәп-зәп,
 Кәзәкәйзәр, кәз-гәз-гәз,
 Бәрәнкәйзәр, бәр-бәр-бәр.

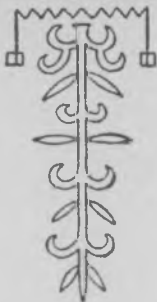
Таңдыса, Тимерғазык, Һарат, Бузат, Етегән, Өлкәр, Аркысак-Торкосак йондоззарына карап, үзенә кайһы якка барғанын, кайһы ташка еткәнән үлсәп белеп кайтты.

46. Минәй карт, бала-сағалары, малдары менән эйәртенешеп кайтып килгән Таңдысаны һағынып каршы алалар. Таңдысаның иҫән-һау кайтыу хөрмәтенә оло туй кылалар.

Башкорт иленә төһьяғынан төшлөк яғына инсе мал қасып кайтқан юл «Куңыр буға» юлы аталып қала. Шул замандан бирле куңыр мал изге мал булып, куңыр төҫ изге төҫ һаналып қалған, ти.

ПЕРЕВОДЫ

УРАЛ-БАТЫР

- В стародавние времена
Там, где не было ни души,
Где не ступала человеческая нога —
Что в тех краях суша есть,
Никто не знал —
С четырех сторон окруженное морем
Было место одно, говорят.
Прежде там жили, говорят,
Старик по имени Янбирде
- 10 Со старухой по имени Янбике;
Куда бы они ни пошли,
Всюду путь был им открыт.
Старик и старуха
Сами не помнили, говорят,
Откуда сюда пришли,
Где остались отец их и мать,
Где родная земля, не помнили они.
И в тех местах вдвоем
Первыми стали жить, говорят.
- 20 Жили-жили они вдвоем,
Нажили себе двух сыновей, говорят.
Старший был Шульген,
Младший был Урал.
Они людей не видели совсем,
Жили себе вчетвером.
Хозяйства они не вели,
Посудой не обзавелись.
Теста не месили, не вешали котла —
Так и жили они.
- 30 Не зная болезней-недугов,
О смерти не ведали они.

- «Все́му живому смерть —
Мы сами», — считали они.
На охоту не выезжали на коне,
Не брали в руки лука и стрел,
Держали как равных при себе
Льва для езды верховой,
Щуку, чтобы рыбу ловить,
Сокола, чтобы на птиц выпускать,
- 40 Пиявку — кровь сосать.
То ли издавна было так,
То ли от Янбирде повелось
И с годами на той земле
В обычай вошло —
Если изловят дикого зверя
И зверь окажется самцом,
Муж и жена вдвоем
Голову съедают его,
А Шульгену с Уралом,
- 50 Собаке со львом,
Соколу со щукой
Остальную часть отдают;
А если изловят дикого зверя
И зверь самкой окажется,
Муж и жена
Сердце себе берут;
Если травоядное животное изловят,
На него черную пиявку посадят,
Чтобы пиявка кровь сосала.
- 60 Из крови той питье готовят.
Пока не подросли их дети,
Пока на зверей не стали охотиться сами,
Сыновьям они запрещали
Есть голову и сердце зверя,
Пить его кровь, чтобы жажду утолить.
«Не разрешается!» — говорили.
Не по месяцам, а по дням подрастая,
Разумными стали дети:
Когда Шульгену [было] двенадцать,
- 70 Уралу исполнилось десять,
Один сказал: «На льва сяду!»
Другой сказал: «Выпущу сокола!»
Из-за того что [отцу] покоя не давали,
Янбирде обоим своим сыновьям

- Так внушал, говорят:
«Вы оба — сыновья мои,
Черные зрачки моих глаз!
Не выпали молочные зубы у вас,
Телом еще не окрепли вы;
80 Сукмар* в руках держать,
Сокола на птицу выпускать,
На льва сесть верхом
Время ваше еще не пришло.
Ешьте то, что я даю,
Делайте то, что я велю:
Чтоб привыкнуть к езде верховой,
Вы на оленя садитесь,
На стаю скворцов
Сокола выпускайте;
- 90 Жажда одолеет в игре —
Чистую воду пейте,
В ракушки налитую кровь
Пробовать не смейте!» —
Вот так своих [сыновей]
Снова наставлял [Янбирде].
Пить кровь детям своим
Еще раз запретил, говорят.
И вот однажды
Старик со старухой вдвоем
- 100 Охотиться ушли,
А Шульген и Урал
В жилище остались одни.
С тех пор как родители ушли,
Немало времени прошло,
Разговрились двое детей,
О еде речь зашла.
Приздумался Шульген,
Он знал: пить кровь отец
Им не разрешил.
- 110 «Не смейте пить!» — говорил.
[Шульген] стал Урала подстрекать
И так ему сказал, говорят:
«Если бы на охоте живность губить
Было неприятно,
А жажду кровью утолять
Не было бы сладко,
Тогда отец и мать, забыв о сне,

- Не щадя своих сил, день за днем,
Изнемогая от усталости,
120 Дома бросая нас [одних],
Не стали бы на охоту ходить.
Урал, если это так, давай
Ракушки откроем
И из каждой понемногу,
По капле отопьем —
Вкус крови узнаем».
- Урал: «Не нарушу наказ отца,
Крови этой не глотну.
Пока егетом не стану я,
130 Пока обычаи не узнаю,
Пока не постранствую по земле
И не уверюсь сам,
Что Смерти на свете нет,
Взяв в руки сукмар,
Не загублю ни одной [живой] души,
Кровью, высосанной пиявкой,
Из ракушки не напьюсь».
- Шульген: «Смерть, что человека сильней,
Сюда не придет,
140 Не явится, нас не найдет.
Отец о том уже нам сказал:
„Мы сами — всему живому смерть“.
Ведь он нас однажды предупредил,
Что ж ты опасаясь теперь?
Боишься крови испить?»
- Урал: «Быстрые и резвые,
Величавые и сильные,
Осторожные и терпеливые,
Днем чуткие
150 И ночью, когда спят,
Львы, леопарды, олени,
Медведи и другие звери —
Разве они хуже нас?
Если копыто о камень разобьют,
Если наколют лапу травой,
Никогда не захромают они;
В летний зной одежды не снимают,
В ледяную пургу шубы не надевают;
Если бросаются на жертву,
160 Никогда не берут [с собой] сукмара;

- Сокола на птицу не пускают,
Щуку на рыб не напускают,
Дичь собакой не травят,
На сокола, на льва, на собаку,
На щуку не надеясь,
Не изнывают на охоте.
Их оружие — клыки и когти,
На себя надеются только.
Им неведома усталость,
- 170 Сердцам их страх неведом;
Живут себе так леопарды,
И львы, и тигры.
Хоть они и такие смелые,
Хоть на всех ужас наводят,
Но, если лапы им опутать
И нож к горлу приставить,
Разве глаза их не зальют слезы?
Разве сердце у них не забьется?
Отец нам рассказывал о Смерти,
- 180 Но ее мы ни разу не видали
И на нашей земле ее не было.
„Человек — это смерть лютая“ —
Не так ли думают звери? Что скажешь?
На плотву щука [охотится],
Сурок [охотится] на суслика,
Лисица на зайца [охотится].
Если всех так перебрать и поразмыслить:
Сильный для слабого
Разве не есть смерть?
- 190 Испугавшихся [этой] смерти —
Рыб, в глубь ныряющих,
Птиц, щебечущих на скалах,
Улетающих в испуге, —
Мы ловим и головы их съедаем,
Разорвав грудь, их сердце съедаем.
Всех слабыми считаем,
Забавляемся, на них охотясь.
Мы, худшие из худших,
Обычай ввели этот —
- 200 Смерть на земле посеяли.
Не мы ли четверо в краях этих
Являемся такими?
Что мы — смерть самая лютая,

- Губящая все живое,—
Так все [звери] подумают [о нас],
Смертью нас посчитают;
[Если] когти [свои] сукмаром сделают,
Сердца превратят в [храброго] сокола,
Все вместе соберутся,
210 Кинутся [на нас] разом;
И если на нас они бросятся,
Вот тогда смерть эта,
О которой отец говорил [нам],
Но которую мы еще не видали,—
Не предстанет ли она перед нашими глазами?»
Услыхав эти слова,
Призадумался Шульген,
Однако слова [брата]
Во внимание не принял.
- 220 Из ракушек понемногу
Крови он отпил, говорят,
И, что Урал отцу не скажет,
Слово с него взял, говорят.
Добыв много дичи, с охоты
Вернулись отец и мать, говорят,
По обычаю все вместе
Сели за трапезу вчетвером,
Всю дичь они разодрали,
К еде приступили.
- 230 Во время еды задумался
Урал и так сказал:
«Отец, вот этого зверя,
Хоть убегал он от тебя, скрывался,
Хоть изо всех сил спасался,
Ты не упустил, настиг все же,
Нож вонзил ему в горло.
А нас вот так же кто-нибудь,
Придя сюда, не отыщет
И ножом не пронзит?»
- 240 Янбирде: «Каждой живности, чей срок настал,
Мы становимся смертью;
Куда б ни бежали [звери],
В каких бы скалах и чащобах ни таились,
Мы все же отыщем их,
Нож в горло вонзим.
Чтобы поймать и съесть человека,

- [Чтобы] нож вонзить в него —
Такой души здесь еще не родилось.
Смерть, способная погубить нас,
250 Здесь еще не появлялась.
Раньше там, где мы родились,
На земле, где наши отцы жили,
Смерть, бывало, появлялась;
Многие еще в юности
Умирали, падали.
Когда пришел див к нам,
Многих людей загубил он.
Сожрал их и ушел див;
Когда землю вода покрыла
- 260 И суши совсем не стало,
Когда люди, сумевшие скрыться,
Те края покинули,
Не осталось там [никого], кроме Смерти,
Ей нечего стало делать.
О том, что кто-то из людей спастись может,
Видно, Смерть и не подумала.
Как мы с вашей матерью убежали,
Она и не заметила.
А в этих краях людей не было,
- 270 Нога человеческая не ступала здесь,
Потому Смерть эти места
Разыскивать не стала.
Когда мы пришли сюда,
Мало [здесь] было зверей,
Земля еще не просохла,
Были болота да мелкие озера».
Урал: «Отец, если Смерть поискать,
Можно ли найти ее?
А если настигнуть ее и схватить,
- 280 Можно ли ее погубить?»
Янбирде: «Злодейка по имени Смерть
Невидима для глаз,
Незаметен ее приход —
Такое это существо!
На нее лишь управа одна:
На земле падишаха-дива,
Сказывают, есть родник,
Человек, воду испив из него,

Никогда не умрет, говорят.
290 Смерти будет неподвластен, говорят».

Так о Смерти рассказывал Янбирде. Окончив еду, он принес ракушки и решил попить крови. Старик Янбирде увидел, что ракушки неполные, и начал допытываться у сыновей, кто пил.

Шульген соврал ему, сказав: «Не пил никто!» Старик Янбирде схватил дубину и начал бить сыновей — то одного, то другого. Но и тогда Урал, жалея брата, упорно молчал, а Шульген не выдержал, о своей вине рассказал. Когда старик Янбирде опять начал бить [Шульгена], Урал схватил отца за руку и сказал так, говорят:

- «Одумайся, мой отец!
На дубину, что в твоей руке,
Внимательно посмотри:
Эта дубина [веткой] была молодой,
А теперь, очищенная от коры,
Вся пообилась на концах,
Согнешь — с треском переломится она,
Сухой палкой стала она.
Пока ты ее не срубил,
300 Росла [себе] в лесу,
Колыхалась на легком ветру,
Трепетала [своею] листвою —
Деревцом была она;
Птицы с пчелами
Попеременно садились на [деревцо],
Птицы пели на нем,
Ветви выбирали себе,
Чтобы гнезда вить;
Красивое было деревцо!
310 Словно младенец, сосущий грудь,
Корни свои распластав,
Оно высасывало влагу из земли.
Когда ж, от родного корня оторвав,
От сучьев и веток очистили его,
Стало, как каменный [твой] молоток,
Как сокол, что пускают на птиц,
Как щука, что ловит рыб,
Как пиявка, что кровь сосет,
Как собака, с которой охотятся на дичь,—
320 Разве не стало дубиной¹ оно?»

¹ Т. е. стало таким же средством охоты, как ловчие животные и птицы. С дубиной охотились на волков, косуль и других животных.

- Утирая пот со лба,
Многие годы ты прожил,
На земле ты не нашел
Злодейки по имени Смерть;
Как она выглядит — не узнал,
Сердцем не почувствовал ее.
Если еще раз ударишь свое дитя,
Не значит ли, что ты готов
В собственном доме своем,
330 На собственных детях своих
Показать, как приходит Смерть
От сильного к слабому,
От отца к детям его?
Если сегодня брата убьешь,
Если завтра меня убьешь,
Ты тогда останешься один;
Когда старость к тебе придет,
Сгорбишься, высохнешь ты,
Тогда не сможешь сесть на своего льва,
340 Не сможешь на охоту пойти,
Не сможешь сокола выпускать,
Еды им не сможешь достать;
И лев твой, и собака твоя,
И сокол и пиявка твои —
Все станут голодать,
Кровью нальются их глаза,
Когда, изголодавшись, твой лев
Разъярится на привязи своей,
В ярости бросится на тебя
350 И согнет тебя пополам
Да на куски тебя разорвет —
Что станет с тобою тогда?
Ту самую злую Смерть
Встретить в своем жилье
Не придется ли тебе, мой отец?»

Услышав это, старик Янбирде перестал бить Шульгена. Потом подумал: «Смерть может явиться и незримо. Наверное, это она пришла и искушает меня. Не может быть, чтобы никто не повстречал эту Смерть. Надо созвать и расспросить зверей и птиц». И, говорят, созвал их всех.

Урал, обращаясь к собравшимся птицам и зверям, говорят, так сказал:

«Обличья злодейки по имени Смерть
Попробуем все перебрать.

- Чтобы сильный слабого пожирал —
Отвергнем обычай такой.
- 360 Вот хотя бы нас всех перебрать,
На каждый род² посмотреть.
Все вы знаете тех,
Что крови не пьют, мяса не едят,
Никого не заставляют слезы лить,—
Одни из них корни едят,
Другие травы едят —
Так вот они и живут,
Хищникам в добычу
Детенышей своих растят,
- 370 Со Смертью знакомы они.
Ни один из тех, кто кровь сосет, мясо ест,
Другом не станет им.
Покончим со злодейством [на земле].
Смерть, что останется одна,
Отыщем все вместе и убьем!»
Хищники с тем, что он сказал,
И вместе с ними Шульген
Не согласились, говорят,
Разные речи вели, говорят.
- 380 Ворон: «Разыскивать Смерть
Я не побоюсь.
Но схватить и выдать ее
Я никогда не соглашусь.
Хоть я и стар, но от дела
Такого я уклонюсь.
Вдобавок еще так скажу:
Если сильный за слабыми
Охотиться перестанет,
Если матерью рожденный ни один
- 390 Не будет умирать,
Если деревья и травы на земле
Изменяют природе своей —
Когда настанет срок
И осенние заморозки падут,
Зелень не сбросят свою,—
Какая нам польза от того?
Если звери, подобные зайцу,
В год два-три раза будут плодиться,

² Урал, как видно из этой фразы, не отделяет себя от других животных.

И, [питаюсь] по ночам,
400 Всю зелень будут поедать,
А звери другие будут метаться и
Пищи себе не отыщут;
Если целые стаи пернатых —
Лебеди, гуси и утки —
Будут купаться, плескаться,
Водную гладь покроют;
Если реки течь перестанут,
Решив, что жизнь их впустую проходит
И берега размываются понапрасну;
410 Если, решив, что на земле такие порядки,
Будут [птицы] пить и плескаться,
Не будут давать нам покоя;
Если, решив, [что такие порядки],
родники бить перестанут

И если на земле воды протухнут,—
Что же тогда нам делать?
Где добывать еду будем?
Откуда воду пить будем?
Головой рискуя, вступая в битву,
Часто старался я понапрасну.
420 Хоть видел нужду я и голод,
Хоть перенес много страданий,
Но не смогу жить на свете,
Если крови не попью, не поем мяса,
Если жира из глазниц падали
Раз в три дня не поклюю.
Поэтому идти на поиски Смерти
Не могу обещать я».
Сорока: «Если кто-то Смерти боится,
Будет путь искать к спасенью.
430 Коль захочет потомство продолжить,
Будет всюду бродить в поисках места».
То, что сказала сорока,
И тигру, и леопарду,
И льву, и волку с барсом,
И [всем] когтистым птицам,
И хваткой рыбе щуке —
Всем хищникам понравилось.
А травоядные животные,
Журавли, утки, дикие гуси,

- 440 Тетерева, куропатки и перепелки
Задумали все вместе
Птенцов выводить
И, пока птенцы птицами не станут
И сами летать не смогут,
Чащи лесные искать [решили],
Пока не пройдет лето,
Накапливать жир на просторе [решили].
Дикие козы, олени
И бурощекие зайцы,
- 450 Гордясь своими ногами,
Ни слова не сказали.
Жаворонки, скворцы и сойки,
Галки, воробьи, вороны,
Поскольку питались чем попало,
Молвить слово постеснялись.
«Гнезда у меня нет,— сказала тогда кукушка,—
Заботы о детях не знаю.
Для кого дети — их печень³,
Кто за детей душою болеет,
- 460 С их пожеланием я согласна» —
Так она сказала.
Все по-разному говорили,
Каждый по-своему думал,
Единства они не добились,
Никто не сказал решительного слова,
Ни с чем разошлись, говорят.
Старика это насторожило,
Выходить один на охоту
Он с той поры не решался.
- 470 Как-то однажды все вчетвером
На охоту ушли, говорят,
Много дорог прошли, говорят,
Много добычи взяв, радостные,
С охоты вернулись, говорят.
Среди птиц, на охоте пойманных,
Была одна — лебедь [белая].
Когда ноги опутали ей
И старик нож наточил,
Чтобы голову ей отсесть,

³ «Дитя есть печень» — образное выражение у тюркских народов, означающее «самое ценное», «самое дорогое».

- 480 Кровавыми слезами заплакала, говорят,
Свое горе высказала, говорят:
«Полетела я мир повидать,
Не земная птица я,
У меня есть своя страна,
Я не безродная сирота.
Когда на земле не было никого,
Никто по ней еще не ступал,
[Мой отец] пару себе искал,
Но на земле никого не нашел,
- 490 Выбрать же из другого рода
Равную себе не смог,
Полетел в небо любимую искать,
Загляделся на Солнце и Луну,
Любимую себе выбирал —
Обоих, [Солнце и Луну], приворожил,
Всем птицам он был главой,
Отец мой, по имени Самрау.
Двое детей у него родилось,
И дети, и он сам
- 500 Не знали болезней никаких,
Никто из них не умирал.
И поныне мой отец — падишах.
Вы отпустите меня —
В родную страну я вернусь.
Если съедите меня, на части разорвав
Сжуете и проглотите [меня],
Все равно пищей не стану вам,
Как еда не переварюсь:
Взяв воды из Живого Родника,
- 510 Моя мать тело омыла мне,
Та, что искупала меня в своих лучах,
Всем вам известна она,
Моя мать, по имени Кояш*.
Отпустите меня —
Отец меня все равно найдет,
Придет и выручит [меня из беды].
Я падишаха Самрау
Дочь, имя мое — Хумай*;
Если золотые волосы распушу,
- 520 Лучами страну залью,
Днем на землю лучи лью,
Ночью лучи посылаю Лун .

Отпустите вы меня,
Я вернусь в свою страну.
Путь к Живому Роднику
Я вам укажу».

Услышав эти слова, старик Янбирде со старухой Янбике обратились за советом к сыновьям. Шульген был за то, чтобы птицу съесть, Урал — чтобы отпустить, и вышел спор. Урал птицу Шульгену не отдал, вырвал у него из рук, отнес ее в сторону. «Не горюй! Вот сейчас поем немного и отнесу тебя к родителям», — утешал он ее. Как только люди сели за трапезу, птица махнула здоровым крылом — выпали из него три пера, она обмазала их кровью, сочившейся из сломанного крыла, — явились три лебедя и унесли девушку [лебедь]. Старик Янбирде и его сыновья пожалели, что не успели спросить дорогу к Живому Роднику.

Тогда старик велел Шульгену и Уралу отправиться вслед за птицами, не спуская с них глаз, идти за ними и отыскать Живой Родник; если по дороге встретится Смерть — отрубить ей голову и привезти домой. Посадил он обоих сыновей верхом на львов и проводил в путь, говорят.

- Урал с Шульгеном вдвоем,
Считая годы, месяцы, ночи и дни,
Горы переваливали, реки переходили,
530 Ехали через темные леса,
Ехали вперед, говорят.
И однажды, когда ехали так,
У берега какой-то реки,
Под деревом большим
Седобородого старца
С длинной палкой в руке
Встретили они, говорят.
Поздоровались с ним, говорят.
Старец ответил на приветствие, говорят.
540 Старец у них спросил,
Куда они держат путь.
О том, что задумали они,
Рассказали старцу, говорят.
Подумал немного старик,
Бороду погладил свою,
Взглядом окинул их,
На две дороги [им] указал
И так сказал, говорят:
«Вот перед вами дороги две :
550 Налево пойдете — на всем пути

- Днем и ночью веселье [одно].
Не зная горя и печали,
Не ведая, что это такое,
Радостно на свободе живут
Волк и овцы на лугу,
Лиса и куры в лесу.
Вместе живут, дружат они,
Подчиняются птице Самрау.
Есть там такая страна,
560 Где крови не пьют, мяса не едят,
Куда путь для Смерти закрыт.
Добром платить за добро —
Обычай [в той стране].
Направо пойдете — на всем пути
Плачь и стенания круглый год.
То жестокостью прославленная
Падишаха Катила * страна.
От падишаха и его приближенных
Горе и страдания терпят там,
570 Кровавые слезы льют,
Там горы человеческих костей,
Вся земля кровью залита».
Услыхав от старца такие слова,
Узнав тайну [двух] дорог,
Оба — Урал и Шульген —
Жребий бросили,
Чтобы выбрать дорогу себе.
Меж собой рассудили они:
Налево Уралу идти,
580 Направо Шульгену идти —
Так по жребию выпало [им].
Но не согласился Шульген.
«Я ведь старше, — он сказал. —
Я налево пойду», — сказал,
Сам себе выбрал дорогу он —
Как сказал, так и поступил.
Согласился Урал направо идти,
Шульген же налево пошел.
Урал направо пошел,
590 Он ступил на долгий путь.
Много вод пересек, говорят,
Через много гор перевалил, говорят.
Долго шел и наконец

- Достиг подножия горы, говорят.
Старуху одну повстречал,
Спина исполосована у нее,
Изодрана в кровавые клочья,
Плечи у нее рассечены,
Словно волки терзали ее;
- 600 Руки и ноги потрескались у нее,
Как у курицы, мусор ворошившей.
Корнями питалась, копалась в земле,
Почернели губы и лицо у нее;
Словно побитая заморозками трава,
Пожелтело ее лицо.
Словно отесанное дерево —
Иссохшие мышцы на икрах у нее,
Как затвердевшие зарубины дерева,
Буграми выступали суставы у нее.
- 610 Прижималась к этой старухе,
То ли от страха, то ли стыдясь,
Красивая девушка одна.
На солнце загорело тело ее,
Всю спину закрывали волосы ей,
Ноги и руки ее —
Словно выточены из дерева,
С высокой грудью, словно
У насытившегося на охоте сокола, она,
С глазами, подобными озерам,
- 620 Сверкающим сквозь камыши;
С ладным, стройным станом она,
С тонкой талией, как у пчелы.
Урал подошел поближе, говорят.
«Не бойтесь меня,— сказал, говорят.—
Я иду издалека,
Оттуда, где мой дом родной.
Ребенком я еще был,
Когда собрался в путь.
Многие страны я миновал,
- 630 Не обижаю я людей,
Не проливаю их кровь.
Смерть, что злодейкой зовут,
Я намереваюсь убить;
Подойдите поближе ко мне,
Расскажите о своей стране»,—
Сказал, и улыбнулись они,

- С места своего приподнялись.
Растрепавшиеся волосы старуха
За уши заложила,
640 С места поднялась,
Глаза раскрыла широко,
Распрявилась чуть-чуть
И сказала так, говорят:
«Ты, оказывается, с дальней стороны,
С добрыми намерениями явился [ты].
Ох, егет мой, знал бы ты!
В нашей стране побывал бы ты!
Падишаха Катила дела
Сам бы увидал!
- 650 Тех, кто боли-болезней не знал,
О смерти и не помышлял,—
Девушек и женщин, юношей и отцов,
Без разбору старых и молодых,
Связав по рукам и ногам,
Выбирая самых лучших [из них],
Раз в год заставлял собирать и
В свой дворец приводить;
Дочь его егетов отбирает,
Сам он девушек выбирает,
- 660 А тех, что остаются потом,
Приближенные падишаха
Отбирают для себя.
Всех остальных не щадят —
Несмотря на кровавые слезы их,
Живыми-здоровыми они
Девушек в озеро бросают,
Мужчин в огне сжигают;
В честь отца своего и в честь себя,
В честь приближенных своих,
- 670 В честь дня рождения своего,
В честь богов раз в году
[Катил] кровавые жертвы приносит.
Вот и я десятерых детей
Произвела на свет.
Четверых из них забрали,
Пятерых в воде утопили,
Изболелось сердце у моего старика,
Когда лишился девятерых детей,
Он этого не мог перенести

- 680 И, не помня себя,
В страшном гневе,
Защищая детей своих,
Бросился на приближенного [шаха].
Бедный мой, в тот же день
Безжалостно на моих глазах
Живьем был в землю зарыт.
Осталась одна младшая [дочь].
Приближенный [падишаха] пришел,
Сказал: „Возьму в жены ее“.
- 690 Нет никого дороже для меня —
[С дочерью] я бежала в лес.
Таких, как я, матерей с детьми
[И] бежавших мужчин много здесь.
Кровавыми слезами плачут все,
Скрываются в лесах.
Едет, у тебя, оказывается, добрая душа
И мысли хорошие у тебя,
Не ходи дальше, вернись!
В кровавую страну ты пришел,
700 В жестокую страну ты пришел».
«Воды переходил, горы перевалил,
Долгие годы я шел,
Много дорог я прошел,
Если скрывающуюся Смерть
Здесь не отыщу
И голову ей не снесу,
Если не сделаю, что обещал,
Если не прогоню ее с земли,
Пусть Уралом меня не зовут!» —
- 710 Сказал Урал эти слова.
«Прощайте!» — он сказал,
Сел на своего льва,
В стан падишаха Катила
Направился Урал, говорят;
Прошло несколько дней, говорят,
Подъехал к такому месту, говорят,
Где, словно рожденные матерью одной,
Все обличья одного —
Голые до единого все,
- 720 Люди, столпившись, стоят,
Выстроили в затылок их,
Мужчины от женщин отделены,

Ряд за рядом поставили их.
Приближенные [падишаха] толкали людей,
Выравнивая ряды.
Плетью били, стегали их,
Люди в страхе молчали все,
Языком шевельнуть не могли.
К стоящим людям [Урал] подошел.

- 730 Окинул взглядом майдан.
Поодаль от этой толпы,
Шагах в пятнадцати в стороне,
С глазами, полными слез,
С сердцем, переполненным болью,
Вместе с напуганными детьми,
Объяснялись только жестами,
Стеная и плача от горя,
Стояли матери и отцы.
И к ним [Урал] подошел,
- 740 Спросил, что же произошло,
О своем намерении рассказал.
Слова Урала люди все
Слушали с жадностью, говорят.
Из толпы один старик
Так ему рассказал:
«Егет, по виду твоему,
По удивленному взгляду твоему,
По тому, что на льве сидишь верхом,
Похоже, ты из чужой страны.
- 750 В нашей стране падишах есть,
Среди приближенных туре * есть,
Среди [вот] этой толпы
Люди из разных родов есть.
В день рождения падишаха каждый год
В честь его матери и отца,
В честь колодца, из которого брали воду,
Чтоб новорожденного падишаха омыть,
Существует обычай жертвы приносить.
На знамени падишаха
- 760 Птица — черный ворон — [изображена].
Раз в году бывает день,
Когда кормят этих птиц.
Вон, егет, видишь их?
Встречал ли ты этих птиц?

- Прилетели на гору, сели они,
Учуяли, что пища будет им.
Когда девушек в колодец бросят,
Когда девушки умрут,
Когда вытащат их всех,
770 Воронам [на съедение] швырнут,
Они тут же их склюют.
Вот эти связанные егеты
Приведены из всех родов.
Дочь падишаха каждый год
Себе выбирает одного;
После нее сам падишах
Рабов отбирает для дворца;
А оставшихся [людей]
В жертву приносят Тенгри *».
780 [Старик] еще не кончил говорить,
Не успел о горе поведать своим,
Как на трон золотой
Воссела падишахова дочь.
С четырех сторон четыре раба
Шли, неся ее трон.
А за ними вслед
Один из приближенных шел,
За ним же остальные
Приближенные [падишаха] шли.
790 Когда они подошли,—
«Ровно, хорошо стойте,
Ведь прибыла дочь падишаха!
Пусть ваши лица просветлеют!»—
Крикнул один из них, говорят.
Тех, кто строй нарушал,
Плетью били, говорят.
Тут падишахова дочь
На площадь прибыла [наконец],
Урал тоже строй не нарушал,
800 Вместе с другими стоял.
Дочь падишаха, проходя по рядам,
Всех егетов перебрала,
Но среди них по душе
Ни одного егета не нашла.
Наконец она к Уралу
Приблизилась, говорят.
Остановилась возле него,

- На Урала взглянула, говорят.
Взяла в руку яблоко она,
810 Подарила ему, говорят.
На майдане * дочь падишаха
Никого больше не стала выбирать,
Урала отвести к себе
Жестом приказала слуге.
Девушка села на трон,
И снова понесли ее рабы.
Направилась она в свой дворец.
«Дочь падишаха полюбила его,
Он зятем падишаха стал!»—
820 Закричали так, зашумели все,
Приближенные засуетились,
Стали народ в сторону теснить.
Сказали: «Пойдем во дворец, егет,
Дочь падишаха ждет тебя».
Что делать Уралу, пояснили они,
А из приближенных один
Взялся повести его, говорят.
«Ты нашим зятем стал»,— сказал,
По плечу его похлопал, говорят.
830 Но Урал не согласился с тем,
Во дворец не захотел идти.
«Порядков ваших не знаю я,
Чем все это кончится, посмотрю,
Потом, может быть, и пойду,
Девушку [сам] отыщу»—
Так Урал ответил, говорят.
Приглашение приближенных
Так он отверг, говорят.
Те обиделись [на него],
840 Пошли сказать девушке [о том], говорят.
Немного времени прошло,
На майдане шум еще не утих,
За глашатаями, пробивающими путь,
В окружении батыров четырех,
На троне, который несли рабы,
Словно взбесившийся верблюд,
Словно крови жаждущий медведь,
С налитыми кровью глазами,
Нахмурившись злобно,
850 Свирепый в гнев своем,

- С затылком, как у дикого кабана,
С ногами толстыми, как у слона,
Кумысом* налившийся, как саба*,
С противным, огромным животом,
Людей в гневе своем
Заставляющий головы склонять —
Появился падишах Катил, говорят.
Прошел, всех перебирая [по рядам],
Рабов-мужчин выбирая, говорят.
- 860 Сказал: «Этот во дворец пойдет,
Этот для жертвы подойдет» —
Так закончил отбор рабов, говорят.
Потом стал девушек отбирать, говорят.
Когда девушек отбирал,
Он к одной красавице подошел,
Приближенного подозвал,
Сказал: «Зубы ей посмотри», говорят.
Закрывавшие румяное лицо
Руки ее отвел, говорят,
- 870 Коснулся ее груди,
За талию ее подержал.
«Для дворца она подойдет, — сказал,
Других сами осмотрите, — сказал, —
Лучших себе отберите,
Сколько хотите берите», —
Сказал падишах, говорят.
Приближенным своим приказал, говорят:
«Оставшихся в честь матери моей,
В честь колодца, водой которого омывали меня,
- 880 В жертву принесите!» — приказал,
Так закончил слово свое, говорят.
Тем временем, разгневанная,
Дочь явилась его, говорят,
К Уралу подошла, говорят,
Стала его упрекать, говорят:
«Егет, я выбрала тебя,
А ты в мой дворец не пошел,
Яблоко подарив, знак тебе подала —
Меня равной себе не признал,
- 890 Мое приглашение отверг,
Перед всеми рабами
Ты опозорил меня»⁴.

⁴ Букв. «Ты очернил мое лицо».

- Слова [дочери] услышав,
 С трона сошел падишах.
 «Из какого рода тот егет,
 Что опозорил мою дочь?»—
 Сказал и к Уралу подошел, говорят.
 Брызгая слюной,
 Он так стал говорить:
- 900 «Эй, егет, о роде моем,
 Что имя мое — падишах Катил,
 Не только люди этой страны
 И подвластных мне земель,
 Но [даже] птицы и звери
 Слышали и знают [о том],
 Даже в могиле мертвецы.
 Если моя дочь приказала,
 Почему же ты не идешь?
 Почему раздумываешь ты?
- 910 Почему нарушаешь обычаи мси?
 Почему не идешь и медлишь ты?»
- «Не знаю того, кого падишахом зовут,
 Не знаю обычая резать людей.
 Мне видеть и слышать [о таком] —
 Сколько ни странствовал я—
 Нигде на земле не пришлось.
 О том, что такое бывает, не знал,
 С чужими обычаями незнаком.
 Злодейку по имени Смерть
- 920 Ищу я, чтобы убить.
 Обычаев [таких] не боюсь
 И Смерти я не страшусь.
 Не только человека, но даже птенца,
 Если Смерть [к ним] придет
 И руку над ними занесет,
 Я Смерти их не отдам.
 Сложу руки не буду стоять.
 Я повременю,
 Все обычаи узнаю твои,
- 930 А потом все, что думаю я,
 Выскажу тебе».
 Услышав эти слова,
 Падишах понял, что Урал —
 Чужой человек [в их стране].

- Приближенные падишаха, батыры его
И старцы, что были при нем,—
Все приревновали
К Уралу падишахову дочь,
Позавидовав, что девушку отдадут за него,
940 Что зятем падишаха будет он.
Сам падишах рассвирепел, говорят.
«Не выбирай такого глупца,
Понапрасну не томись,
На никчемного не смотри,
Иди, дочь моя, иди домой,
Во дворец возвращайся свой!»—
Сказал он дочери своей, говорят.
«Не мешкайте с теми, кто в жертву определен,
Девушек в воду бросайте,
950 Мужчин в огонь кидайте,
А этого егета, заковав,
Приведите ко мне!»—
Приказал четверем батырам, говорят.
А сам, сев на свой трон,
Стал ждать, когда другие подойдут.
Как только приближенные
Связанных по рукам девушек и мужчин —
Девушек собрались в воду бросать,
А мужчин в огонь кидать,
960 Как только двинулись они —
И люди стали плакать и стенать,—
Урал вырвался вперед, говорят,
И такие слова сказал, говорят:
«Я отправился для того,
Чтоб невидимую Смерть сразить,
От кровожадного падишаха,
От людоеда-дива
Всех людей освободить,
Из Живого Родника воду взять
970 И мертвых воскресить,—
Вот для этого я батыром родился!»
Видя, как стенает народ,
Как на глазах у него
Берущая души злая Смерть
Руку накладывает на людей,
Мужчиной считающий себя батыр
Будет ли безучастно стоять?

- Уступит ли злодеям путь?
Устрашится ли их батыр?
- 980 «Приближенные, убирайтесь! — [закричал], —
Великий падишах, с носилок сойди!
Развяжите руки рабам,
Развяжите руки девушкам!»
Услыхав это, Катил
Весь напыжился, побагровел,
Кричать и ругаться стал,
Обратился к батырам своим.
«Если Смерть ищет он,
Если жаждет крови он,
- 990 Покажите ему Смерть,
Пусть запомнит мою страну!» —
Грозно так приказал, говорят.
Словно медведи косматые,
Словно огромные дивы,
Четыре батыра явились, говорят.
«Будешь биться или бороться?
Выбирай! — сказали они, говорят.
«Не погибли бы сами вы!
Подумайте сначала о том.
- 1000 Посильнее самих себя
Найдите какое-нибудь животное!»
Когда Урал так сказал, те захохотали,
говорят.
«Ох-хо-хо! Какой ты, оказывается,
батыр!» —
- Так падишах и все остальные
Издевались над ним, говорят.
В гневе падишах Катил
Не знал, что и сказать,
Не раздумывая, он повелел:
«Если крови жаждет он,
- 1010 Если жить надоело ему,
Быка приведите сюда,
Который поддерживает мой дворец, —
Сделает то, что надо, бык!
А вы, батыры, подождите [пока].
Услыхав эти слова,
Все люди перепугались, говорят.
Урала пожалели они.
«Пропадет егет», — думая,

- Слезы проливали, говорят.
- 1020 Дочь падишаха пришла,
Стала отца умолять:
«Отец мой, остановись,
Понапрасну его не губи!
„Выбери себе жениха“,— ты сказал,
Разрешение мне дал.
Этого егета выбрала я.
„Он мой жених“,— подумала я,
С егетом поговорить
Ты даже мне не дал.
- 1030 Отец мой, остановись,
Понапрасну его не губи!»
Хоть так и умоляла его дочь,
Слезы кровавые лила,
Не внял просьбе дочери падишах,
Не уступил ее мольбам.
Землю с ревом взрывая,
В ярости брызжа слюной,
Подбежал бык [огромный], как гора, говорят.
Остановился перед Уралом он.
- 1040 Постоял, посмотрел на него,
Голову чуть в сторону повернул.
«Егет, я на землю не брошу тебя,
Пока сам не сгниешь и не превратишься в прах.,
Пока ветром не развеет твой прах,
Я буду тебя на рогах держать,
Я тебя вот так иссушу»—
Так сказал Уралу [бык], говорят.
«И я тоже, бык, тебя
Постараюсь не погубить,
- 1050 Не стану силы тратить, себя изводить,
Не стану возиться с тобой.
Что сильнее человека нет на свете никого.,
Придется тебе признать.
Не только тебя, но и племя твое
Сделает человек своим рабом».
От этих слов бык
Ринулся на Урала, рассвирипев,
Урала он решил
На рога свои поднять.
- 1060 А Урал-батыр быка
Схватил за рога, говорят.

- Бык тоже старался [его поддеть], говорят.
 Хоть и надеялся на свои рога,
 Из рук Урала вырваться не смог.
 По колено в землю ушел, говорят,
 От натуги большой
 Из пасти быка
 Черная кровь потекла, говорят;
 Верхний зуб выпал, говорят.
- 1070 Бык обессилел, говорят,
 Запыхался, изнемог, говорят.
 Увидев это, и Катил,
 И его приближенные, и другие — все
 Растерялись, говорят.
 Урал слово свое сдержал,
 Быка он не стал губить,
 Схватил его за рога,
 [Вытащил] увязшего быка из земли,
 На ноги поставил, говорят.
- 1080 У быка четыре копыта
 Треснули пополам,
 В трещины набился песок,
 Кровью обильно залились, говорят.
 Урал: «Рога твои, что держал я в руках,
 Согнутыми останутся [навсегда],
 В шерботой пасти твоей
 Верхний зуб не вырастет [никогда],
 Раздвоенные копыта твои
 Не сомкнутся никогда.
- 1090 Не только ты сам, но и потомство твое
 Такими останетесь навек.
 Силу человека ты испытал,
 Слабость свою ты узнал,
 Человеку рогами не грози,
 Не надейся его одолеть!»
 «Накиньтесь все вместе на него», —
 [Падишах] своим четырем батырам кивнул.
 Батыры к Уралу подошли, говорят.
 «Если умрешь ты на наших руках,
 В какую сторону бросить тело твое?
 Если останешься в живых,
 В какую страну забросить тебя?» —
 Сказал так Уралу
 Свое слово один батыр.

- Не утрашился Урал,
Против батыров четырех
Один вышел вперед:
«Все четверо подойдите [ко мне].
Батыра, разыскивающего Смерть,
1110 Силу на себе испытайте вы!
Если я умру на ваших руках,
То тело мое отдайте льву.
А если хватит сил бросить [меня],
То забросьте в Живой Родник!
Теперь и вы ответьте мне:
Если в руки попадете мои
И мотыльками затрепещете вы —
В какую сторону забросить вас?
Когда, дивов разгромив,
1120 Из Живого Родника воду взяв,
Снова к вам я вернусь
И буду вас искать,
То ваши тела, стертые в муку-толокно,
Ваши души, [трепещущие], как мотыльки,
В какой стороне смогу отыскать?»
Рассмеялись [батыры], когда Урал это сказал.
«Если хватит сил одолеть
И на спину нас положить,
Падишаху и его приближенным
1130 Бросишь под ноги нас» —
Так насмехались они.
Потом все вместе, вчетвером,
С Уралом сцепились, говорят.
Урал, схватив одного,
Падишаху под ноги швырнул,
Остальных же троих
В сторону приближенных [швырнул].
Казалось, земля затряслась:
И приближенные, и сам падишах,
1140 И все четыре богатыря
В муку-толокно превратились, говорят,
С глаз исчезли, говорят.
Матери в кровавых слезах,
Рыдающие отцы,
Дети, связанные по рукам, —
Все видели, это, говорят.
К Уралу бросились они,

- Обступили его со всех сторон, говорят.
Урал вошел во дворец, говорят,
1150 Всех людей собрал, говорят,
Беглецам скрывавшимся — всем
Возвратиться в свои дома
Приказал Урал, говорят.
Избрав среди них главу,
Сам уйти собрался, говорят,
Народ устроил йыйын *,
Урал вместе со всеми был.
Самый старый среди людей
Так сказал, говорят:
1160 «Ты — егет из егетов, оказывается!
Ты — бесстрашный батыр, оказывается!
Надеясь лишь на самого себя ^б,
Засучив рукава,
Жалея таких, как мы,
Ты пришел [сюда], батыр, оказывается.
Ты — победитель, оказывается.
Та, что вызвала гнев падишаха,
Та, что [с ним] столкнула тебя
И потому всем нам
1170 Принесла свободу и счастье,
Ведь это — дочь падишаха.
Из-за нее все это приключилось.
Тебя полюбив, взбунтовалась она,
Против отца голос подняла.
Егет, на дочери падишаха женись,
Здесь останься, егет!»
Услыхав ти слова,
Узнав, что все того хотят,
Урал решил жениться, говорят,
1180 Девушку в жены взять, свадьбу сыграть,
Пожить так немного [решил], говорят.

Прошло несколько дней,
После свадьбы своей
Урал снова отправился в путь, говорят.
Много вод перешел, говорят,
По пути, в местности одной,

^б Букв. «Опираясь на свое сердце».

- У подножья скалистой горы,
Посреди ложбины,
Соскочил со своего льва,
1190 Прилег он отдохнуть.
Шипение змеи
[Вдруг] слышалось ему.
[Урал] с места вскочил,
Огляделся по сторонам.
Недалеко, рядом совсем,
[Змей] возле куста,
Если прикинуть, в толщину он
[Такой], что заслонит собой льва,
Если измерить его длину,
1200 Мало и ста шагов —
Огромный этот змей,
Выполз из кустов,
Схватил оленя одного.
Борются они, говорят,
Бьются они, говорят,
Не вынес в конце концов,
Против змея не устоял,
Задохнулся олень, упал,
И тут же оленя за хребет
1210 Пастью ухватил змей, говорят.
Урал к ним подбежал,
Змей бил хвостом,
Ломая деревья, говорят.
Чтобы и Урала проглотить,
Хвостом ударил его, говорят.
Урал змея скрутил,
Схватил его за хвост, говорят.
«Оленя отпусти!» —
Змею он приказал.
1220 Змей ни слова не сказал,
Он оленю хребет
Продолжал рвать и ломать.
Старался змей, говорят,
Сделать то, что хотел,—
Оленя скорей проглотить,
Но это не удавалось ему:
Большие рога не пролезали в пасть.
Хвостом выламывал их,
Но не ломались рога,

- 1230 Об землю оленя ударял,
Но и тут не поддались рога.
Змей в конце концов
Из сил выбился совсем;
Проглотил бы [оленя] — не проходят рога,
Выплюнул бы его, но не может он:
Обессилел змей, изнемог.
Поняв, что с оленем справиться не смог,
Что другого выхода нет,
Змей голову приподнял,
- 1240 С мольбой к Уралу воззвал:
«О егет мой, помоги!
Пусть не сейчас придет моя смерть.
Я сын падишаха Кахкахи,
Егет по имени Заркум,
За помощь твою отплачу,
Я тебе тоже помощь окажу.
Скажешь: „Будь спутником моим“ —
И я последую за тобой;
Если попросишь кораллов, жемчугов,
- 1250 Отправимся в мой дворец,
Сколько пожелаешь — возьмешь,
Гостем будешь у меня».
Эти слова услышав,
Ответил змею Урал, говорят:
«Никогда не делавшего зла,
Не обидевшего ни одной [живой] души,
Крови не пьющего оленя
Смерти — врагу моему —
Несчастливого предал ты, разорвав.
- 1260 Тайну свою мне открой —
Обо всем мне расскажи.
Даров [твоих] не надо мне
И дворца не надо мне,
Я отправился из своей страны,
Чтоб избавить [всех] людей
Невинных, таких, как этот олень,
От Смерти — злого врага».
«О егет мой, расскажу,
Всю тайну открою тебе.
- 1270 Недалеко от наших мест,
В одной стране, где птицы живут,
Есть падишах по имени Самрау.

- У того падишаха есть дочь,
Она Солнцем рождена.
Я просил — не отдал он ее,
Дочь его тоже сказала: „Ты змей“,
Не захотела идти за меня.
Молил я отца своего,
Дни и ночи упрашивал его:
- 1280 „Отец, жени меня на ней,— говорил,—
Если согласия не дадут,
С их страной огненную битву начни“,— говорил.
Отец сказал: „На охоту пойдя,
В свою змеиную шкуру облачись,
Оленя с рогами в двенадцать ветвей
Поймай и съешь,— он сказал.—
Если проглотить его,
Любой облик сможешь принять.
Страх ты не будешь знать,
- 1290 Самым красивым среди людей
Мужчиною станешь ты.
В страну птиц явишься ты,
Одну из дочерей Самрау
Выберешь для себя».
На охоту я вышел по совету отца
И оленя совсем уж было проглотил,
Да сил не достало мне —
В горле застрявшие рога
Так и не сломались совсем,
- 1300 Не сбылось желание мое.
Егет, ты меня не губи,
Доброе дело сделай [мне],
Помоги мне, егет!
Потом к отцу моему пойдем,
Все, что захочешь, возьмем.
Богатства у отца не проси,
Самую красивую девушку в мире даст,
Ты на нее не польстись,
Даст сокровищ полный дворец,
- 1310 На них тоже не польстись.
Кораллов и жемчугов — всего
Отец мой рассыплет пред тобой—
И ими не дай себя заманить!
Отец [мой] скажет наконец:
„Чтоб от кораллов, жемчугов отказался человек,

- От богатства голову не потерял,
 Чтоб от красивой девушки отказался он,
 Сколько по свету ни странствовал я,
 Такого не слыхал и не видал,
 1320 Такое ни разу не встретилось мне.
 Нечем мне больше расплатиться [с тобой].
 Теперь самого тебя прошу,
 Егет мой, назови желание свое,
 За большую услугу твою [отплачу]!“
 Так мой отец скажет тебе.
 Заранее предупреждаю тебя:
 Скажешь, чтоб снял он шкуру аждахи*,
 Чтобы высунул свой птичий язык
 И вложил тебе в рот.
- 1330 Отец тебя припугнет:
 На камень он плюнет,
 Камень заставит, как воду, кипеть.
 Если на гору плюнет,
 Гора расплавится, станет водой;
 Вода потечет и в один миг
 Соберется в низине,
 Сверкающее озеро предстанет [перед тобой] —
 Ни конца, ни края не будет у него.
 Этого тоже не пугайся ты.
- 1340 Снова проси его [высунуть] язык.
 Когда поцелуешь моего отца в язык,
 Сердцем оттает, смягчится он.
 „Что же ты просишь в награду?“—
 Он спросит тебя.
 „У падишаха в большой стране
 За доброе [дело] добром
 Платят — это знаешь ты.
 То, что любишь сам,
 Ты и отдай мне“, — скажи [ему].
- 1350 Если посох с набалдашником в жемчугах
 Даст свой — его и возьми.
 Этого посоха секрет вот в чем:
 [С ним] не утонешь, оказавшись в воде,
 Не сгоришь, если в огонь попадешь.
 Если захочешь невидимым стать,
 Ни одна душа не увидит тебя,
 Если враг тебя будет искать,
 Не отыщет никогда».

- Услыхав Заркума слова,
1360 Урал обломал оленю рога,
И змей, оленя проглотив,
Егетом обернулся тотчас.
И в этот же миг —
Не успели еще они закончить разговор —
Раздался какой-то свист,
У Заркума тотчас
Побледнело лицо.
«Что это?» — спросил Урал,
Но Заркум не ответил ничего,
1370 От Урала причину скрыл.
«Отец все распознал,
Узнал, что я рассказал обо всем.
Если этого егета упусти,
Не проглочу его, отпущу —
Отец всем сердцем вскипит,
В гневе повесит меня;
Проглотить егета мне не хватит сил.
Хвост свой в петлю
Я больше свернуть не смогу.
1380 Если же выдам его отцу,
Если в ноги отцу поклонюсь,
То небольшое наказание понесу
И останусь в живых» —
Так подумал про себя Заркум,
Но Уралу ничего не сказал.
«Это отец ищет меня —
Так Урала он обманул.—
Пойдем [со мной], егет,
Гостем будешь у нас,
1390 В подарок у моего отца
Попросишь то, что я сказал» —
Так он Урала зазывал,
Во дворец его приглашал.
«Повидаю змея страну,
Все тайны узнаю ее,
Если в мире бывает [так],
Что на добро отвечают злом,
Пойду вместе с ним, чтобы это испытать». —
Решение твердое принял егет,
1400 Что задумает, то и сделает он.
«Не стану опасаться, пойду,

- Я испытаю [всю] мощь
Сердца, способного Смерть одолеть,
Способного ее свалить» —
Так подумал про себя Урал
И решил идти во дворец.
«Если жив буду — вернусь,
Встретимся [с тобою] вновь,
Не вернусь, долго не жди,
1410 Не скитайся в чужих краях,
Дорогу обратную найди,
Домой отправляйся [тогда],
Привет от меня передай» —
Так он сказал льву, говорят,
Поцеловал его в лоб, говорят,
Расстался с ним, говорят.
- Отправились [Урал с Закрумом], говорят,
Много дорог прошли, говорят.
[И вот] что-то черное увидели впереди,
1420 Похожее на гору, высотой до небес,
Словно сверкающие зарницы,
Огонь полыхает вокруг, говорят.
Увидав на своем пути
Что-то серым туманом покрытое,
Огнем-пламенем пышащее,
«Что это?» — спросил Урал.
Заркум ему объяснил:
«Не гора это, а змей,
Охраняющий дворец».
- 1430 Подошли они [к дворцу], говорят,
Тут, говорят, увидел Урал:
Возле ограды железной,
Беззаботно свернувшись [клубком],
Лежит девятиголовый змей —
Урал понял, что сторож он.
Заркум подошел к нему первым, говорят,
Девятиголовому змею он
Приказал: «Ключ принеси!»
Змей пронзительно свистнул, зашипел,
1440 Казалось, рухнули горы и скалы;
Потом раздался грохот и шум —
Четыре змея о шести головах
Ключ волокли, говорят,

- И этот ключ
Сильно гремел, говорят.
Тем громадным ключом
Заркум открыл дворец, говорят.
«Иди, егет, входи,
А я отправлюсь к отцу,
1450 Сюда его приведу»,—
Сказал Заркум и ушел, говорят.
Урала запер там, говорят.
И вот тогда ко дворцу
Большие и малые — все
Змеи подползли, говорят.
Стали по-разному говорить.
Урал стоял и слушал, говорят.
Одиннадцатиголовый змей:
Мой черед его съесть,
1460 Чтоб двенадцатую голову отрастить —
Самым близким падишаху стать,
Везиром сделаться его».
Другой, девятиголовый змей:
«Этот человек теперь
От сына падишаха тайну узнал,
Обещание от него получил;
Его или сам падишах съест,
Или же я его проглочу.
Ведь тайны нашего падишаха все
1470 Я держу в своей голове.
Падишах не станет его есть —
Он же сына ему спас!
Да если и съест, голова у него не отрастет.
Не толпитесь вы тут зря,
На поживу не надейтесь вы,
Не ждите, вам не достанется она».
Сказал, и все змеи расползлись.
А девятиголовый змей
Все поблизости кружил,
1480 Потом к воротам подполз, говорят,
Девушкой обернулся, говорят,
И к Уралу подошел;
Взглядом хотел его заморозить, говорят,
Руки к нему протянул, говорят.
Урал его руки сжал, говорят,
Из [всех] пальцев его

- Брызнула кровь, говорят,
Не выдержал [такого] пожатия змей,
Огнем хотел Урала спалить, говорят,
1490 Но в ярости Урал
Змея за горло схватил, говорят:
«Ведь тайнами владеешь ты,
Людей пожираешь ты —
Головы отращиваешь себе,
Все тайны Кахкахи
И его самого охраняешь ты».
Услыхав эти слова,
Удивился змей, говорят:
«Ой, оказывается, ты — мой бог.
- 1500 О том я и не знал!
Думал, что ты человек,
Потому падишаху и сказал:
Сын твой тайну человеку —
Враждебному нам существу —
Ведь все же раскрыл!»
С этими словами змей
Уралу в ноги упал,
Изогнулся пополам перед ним,
То ли запах учуял, то ли догадался он,
1510 Но тотчас же этот змей:
«Нет, нет, ты не мой бог —
Человеком [здесь] запахло,—
Ты, оказывается, настоящий человек!
Ты заставил сына падишаха говорить,
Все тайны его разузнал,
Узнав тайны, ты сюда пришел».
Сказал так и поднялся змей, говорят.
Раскрыв свою пасть, зашипел,
Хотел Урала огнем-пламенем спалить, говорят.
- 1520 Но не испугался Урал —
По голове его ударил, говорят.
Со звоном из одной головы
На землю выпали ключи,
А из остальных восьми голов
Вышли восемь богатырей.
«Все мы [раньше] были людьми,
Мужами были в своей стране,
Но всех нас змей проглотил —
Себе головы отрастил;

- 1530 Сердце змея [рассеки] —
Ключ золотой в нем найдешь,
Дворец тайн откроешь ты.
То, что пожелаешь, возьмешь» —
Так сказали они, говорят.
Урал сердце змея рассек, говорят,
Дворец тайн открыл, говорят.
Украшенную жемчугами
И окутанную шелками
С поблекшим лицом
- 1540 Красивую девушку увидел [там].
[Сидела] девушка возле двери,
Он открыл ее, говорят,
И рядом с тронem [падишаха] увидал
Посох с набалдашником в жемчугах, говорят.
«Егет, этот посох возьми», —
Сказали люди ему.
В тот же миг дворцовую дверь
Распахнул белый змей, говорят.
«Это кто сюда вошел?
- 1550 Кто взял мой посох,
Не доступный ни для кого из людей?» —
Так сказав, кинулся на Урала змей,
Чтобы его проглотить.
Урал схватил его, говорят,
Скрутил, швырнул на землю, говорят,
И сказал он так, говорят:
«Я — батыр, ушедший искать
Смерть, губящую людей.
Кто на стороне Смерти стоит,
- 1560 Того в покое не оставлю на земле.
Раз имя мое Урал,
Коль я из рода людей,
Если уж я появился на свет,
Я буду людям помогать,
Сделаю счастливой свою страну.
А тех, кто людям враг, —
Всех уничтожу я.
Если ты падишах, то дай приказ,
Чтобы все змеи сюда собрались.
- 1570 Пусть они головы, проглотившие людей,
Склонят до самой земли.
Все головы их на куски изрублю,

- Вновь в людей превращу.
Кто на стороне злой Смерти стоит,
Всех змеев-злодеев
Начисто перебью!»
Услыхав, что сказал Урал,
Увидев смелость его,
Змей подчинился ему, говорят.
- 1580 «Раз посох упустил из своих рук,
К тебе перешла сила моя!» — сказал, говорят.
Падишах, говорят, приказал
Всех змей собрать,
Тем, кто, съев людей, головы себе отрастил,
Урал головы, говорят, отрубил,
Вновь превратились они в людей, говорят.
Он велел все дворцы открыть,
Потом из темниц
Всех узников отпустил.
- 1590 «А теперь [своего] сына найди, — сказал Урал, —
Отыщи и приведи!» — сказал.
Народ на свободу вышел, говорят.
Девушка-красавица, что была в заперти,
Говорят, вместе с другими вышла,
Люди все вместе собрались, говорят,
Обступили, говорят, Урала со всех сторон.
«Помощь, какой не послал сам бог,
Ты нам оказал, егет,
Захватившее всю [нашу] страну
- 1600 Огненное войско злодея ты истребил.
Как нам теперь поступить, егет?
Чем же тебе отплатить?
Каким словом возвеличить тебя?» |
«Не нужно возвеличивать меня;
Батыром страны будет тот из мужей,
Кто [всем сердцем] любит людей.
Ваша радость — [радость] и моя,
А моя радость — [радость] и для вас.
Соберем народ всей страны,
- 1610 Праздник устроим для всех,
Одного из вас
Главой изберем».
Жил [там] муж по имени Алгыр,
Он против змея поднялся,
Много лет боролся с ним,

- Его-то и избрали главой, говорят.
У Алгыра-старика
[От умершего] верного друга его
Дочь осталась по имени Гулистан,
1620 Была она рабыней у Кахкахи.
Урал еще тогда встретил ее во дворце.
Девушку эту сосватали ему,
Решили за Урала замуж отдать.
Урал с женьбой на девушке,
О чем весь народ замышлял,
Решил немного повременить:
Пока не уничтожит Азраку,
Он решил свадьбу отложить.
Самый старший из собравшихся,
1630 Много повидавший в жизни, сказал:
«Каждое поколение одного батыра
Рождает для [своей] страны,
Одно поколение сменяется другим,
Грядущие поколения придут;
Хоть слава тебя и переживет,
Но [однажды] иссякнет мощь твоих рук.
Пусть исчезнет батыр, но не исчезнет народ.
От батыра [родится] народный батыр,
От [храброго] мужа родится этот батыр,
1640 По примеру отца стрелы сделает он,
По примеру старших будет вести бой,
Среди народа он будет расти,
Сквозь огонь и воду пройдет.
Пока от батыра родится батыр,
Равное жизни одного поколения
Время пройдет на земле.
Та девушка рождена от батыра-отца,
Молоком красавицы матери вскормлена она.
Эта девушка тебе под стать,
1650 Сыну твоему будет матерью она».
К сказанному прислушался Урал,
Взял себе в жены Гулистан, говорят,
Свадьбу устроил большую, говорят.
Вместе с гостями он был, говорят.

Шульген же, что направо пошел,
[Тоже] встретил одного старика..

- О том, что ищет в этих краях,
О том, что на своем пути
Повстречал еще одного старика,—
1660 Обо всем ему рассказал.
Тогда Шульгену тот старик
Открыто, не таясь,
Так сказал, говорят:
«Тот старик, которого ты повстречал,
Младшим братом приходится мне,
Со мной вместе в одной стране
Родился и вырос он.
А теперь его лицо [обросло]
Белой бородой, он — седой старик.
1670 Еле теплится в нем душа,
Истощенный он, очень слаб.
А на меня поглядеть,
Я словно егет!
Когда сказал тебе: „Он мой младший брат“,
Ты подумал: „Обманывает старик!“
А секрет тут вот в чем, егет,
Хорошо запомни это, егет.
Так заведено в нашей стране:
И молодые и старики —
1680 Все словно родные [здесь],
Будто одной матерью рождены.
Не грабить никого,
Кровь человеческую не проливать,
Не утаивать то, что людям принадлежит,
В землю не зарывать;
Все, что добыто [людьми],
Порознь не делить.
Не считать, что сильному дозволено все,
Сирот не обижать.
1690 Мать, родившую дочь,
Не позорить, не унижать,
Детей ее в воду не кидать —
Таких обычаев не нарушать —
[Так] в этой стране поклялись.
От этого обычая мой брат отступил,
Каждого, кого осилить мог,
Бил он, уничтожал,
Убивал и съедал.
Злодейке по имени Смерть

1700 С врагами дружбу водить [помогал],
Чтоб много крови в стране проливать.
Такой обычай он ввел.
Поэтому его из страны,
С земли, где родился и вырос он,
Люди, сговорившись между собой,
Прогнали прочь.
Теперь вдали от людей,
В одиночестве он живет,
В горестях влачит свой век.

1710 Сам он и лицо его
Состарились. На нем Смерти печать».
Сказал так старик,
Шульген понял все.
Расспросил о дороге у старика,
Как проехать, повидать ту страну,
Разузнать все о ней.
Старик, не таясь, все объяснил.

Месяц ехал [Шульген], ехал год,
Много рек проехал и гор,
1720 Где застигала его ночь в пути,
Там и ложился спать.
До одного места добрался он,
У озера очутился он,
Берега его камышом заросли,
Кувшинки, раскинув листья свои,
Словно тиковое дерево, цвели.
Дно не топкое, в гальке все,
Много уток, лебедей, диких гусей
Плавало тут и там.

1730 Рыбы, живущие в озере:
Сорожки, щуки, пескари —
Вместе плавали, резвясь,
Друг на друга не нападали они.
Увидев это, остановился Шульген,
Вырвал волос из гривы льва,
Сделать петлю решил,
Надумал рыбу ловить.
В поисках палки для петли
Направился к густым зарослям ивняка.

1740 Пошел он вперед,
До кустов ивняка дошел,

- [А там] рядом с соловьем,
 Что на иве пел,
 Сидели и другие птицы:
 Ястребы, соколы были тут,
 И жаворонок среди них.
 Глянул Шульген на склоны гор —
 А там овцы, бараны и волки,
 Лисы, куры и петухи —
- 1750 Все вместе собрались.
 Увидев это, остановился Шульген,
 Вспомнил, о чем рассказал ему старик.
 «Сначала к падишаху пойду,
 Разузнаю тайну дворца,
 А по дороге домой
 Охотой займусь, всех переловлю», —
 Подумал так Шульген,
 Сел верхом на льва,
 Поехал дальше дорогой своей.
- 1760 И когда ехал он,
 С Заркумом, бежавшим из дворца,
 Встретился Шульген.
 Заркум стал расспрашивать его,
 Шульген отвечал, не таясь.
 Назвался ему Заркум
 Сыном падишаха дивов Азраки,
 [Шульгена] обманул, правду утаив.
 Отправиться к Азраке [обещал],
 Дать много подарков [обещал],
- 1770 Взять его вместе с собой [обещал].
 Из Живого Родника воды достать
 И сколько захочет [ему] дать —
 Все это Заркум обещал.
 Не понял Шульген хитрости его.
 Отправились они вместе в путь, говорят,
 Много дорог прошли, говорят.
 Однажды что-то черное увидели они,
 Приросшее к земле,
 Взметнувшееся в небеса.
- 1780 Туча это или гора?
 Горой назовешь, но кипит, говорят,
 Тучей назовешь, но гудит, говорят.
 Подивился этому Шульген,
 Спутника своего спросил, говорят.

- Заркум ему так сказал:
«То черное, что видим мы,—
Один из громадных дивов,
Стережущих дворец.
Завидев нас, он приближается к нам.
- 1790 Остановись, немного подожди,
Ты на месте постой.
Я сначала сам пойду,
Скажу ему, что явился гость,
Потом он придет за тобой,
Во дворец [тебя] отведет».
Сказал и, оставив Шульгена,
Сам к диву подошел.
«Меня и спутника моего
Отведи во дворец»,— попросил.
- 1800 Див падишаху о них сообщил, говорят,
Понял хитрость [Заркума] падишах, говорят,
Повелел дивам, говорят,
Двух тулпаров * привести.
Словно к мужам-батырам, с почтением,
Словно к гостям большим, с уважением,
Подошел к ним огромный див, говорят,
Шульгена с Заркумом он
Во дворец повел, говорят.
Когда до дворца дошли они,
- 1810 Оставил Шульгена Заркум,
Чтобы сообщить о себе,
Один во дворец вошел, говорят.
Падишаху руку подал, говорят,
Рядом с Азракой
Отца своего увидал, говорят.
Какхаха вместе с Азракой
Размышляли об Урале,
Между собой вели разговор,
В недоумении, в растерянности
- 1820 Они сидели, говорят.
Дивы-сынчи * пришли.
Один — старый, знающий больше других, сказал:
«Мой падишах, помнишь ли ты,
Что, когда родилось какое-то дитя,
Когда до нас донесся его крик,
В небе летавшие дивы
Попадали на землю все?

- Чтобы выкрасть его
 Или уничтожить, убив,
 1830 Ты дивов и джиннов послал.
 Когда они хотели его схватить,
 Ребенок на них в упор посмотрел —
 От страха у дивов всех
 Сердца разорвались.
 Ребенок этот из дома ушел,
 Приблизился к нашей стране,
 Помнишь, как только подумал он:
 „Воду возьму из Живого Родника“,
 Родник со страха вспенился, взбурлил,
 1840 В нем наполовину убавилось воды.
 Получив об этом весть,
 Ты тогда сильно горевал.
 Падишах мой, надо выход найти,
 Нельзя сложа руки сидеть,
 Давайте человека найдем,
 Чтобы у птицы Самрау Акбузата-[коня]
 Этот человек смог достать,
 Или придется нам самим его украсть».
- 1850 Азрака: «Чтоб Акбузатом завладеть,
 Седло на его спину положить
 Или — если это не удастся —
 Со света его сжить,
 Семерых дивов я посылал,
 Место им указал,
 Где на небе этот белый конь укрыт.
 Они гонялись за ним,
 Но и лаской не могли подозвать,
 Конь к ним не подошел.
 Дивы мои со стыда
 1860 Не вернулись обратно в мою страну,
 Опозоренными на небе остались.
 Стали называться Етеген *,
 Стали вечными светилами они.
 „Хоть бы рыжим конем
 Завладеть“, — думал я.
 Есть [у Самрау] дочь, родившаяся от Луны, —
 Я похитил ее.
 Хоть дочь его у меня и в плену,
 А конь, подаренный ей отцом,
 1870 До сих пор не явился к нам.

- Не сбылось желание мое.
 Теперь вот что нужно нам:
 Из рода людей нам нужен муж,
 [Этот] егет дочь Солнца — Хумай —
 Пусть приворожит.
 Пусть будет единственным на свете этот егет.
 Девушка, егета полюбив,
 Акбузата и булатный меч
 Пусть в подарок ему преподнесет.
- 1880 Если батыра найдем, что сможет Акбузата оседлать,
 Девушку захочет — девушку ему дадим,
 Богатства захочет — богатство ему дадим,
 Главой захочет стать —
 Поставим главой над какой-нибудь страной.
 Если егета этого уговорим,
 То Урала одолеем мы.
 Тогда мы на земле от людей
 Не будем гонения знать.
 Будем делать то, что хотим,
- 1890 Будем всех держать в своих руках!»
 Услыхав эти слова,
 Заркум вышел вперед,
 Перед падишахом голову склонил.
 «Я старшего брата Урала
 С собою привел», — сказал, говорят.
 Поведал о хитрости своей,
 Все по порядку, говорят, рассказал.
 Обрадовались все.
 А Заркума падишах
- 1900 Похвалил, честь ему оказал.
 Когда Шульген во дворец вошел,
 Азрака ему место указал,
 С почтением, уважением [усадил],
 Рядом с собой его усадил,
 Заркума сыном своим назвал,
 Какхакху другом своим назвал,
 [Так Шульгена] обманул и познакомил их,
 Во всем ему угождал,
 Как большого гостя, угощал,
- 1910 Все богатство свое показал,
 Дворцовых девушек он созвал,
 Самых красивых выбрать разрешил.
 А девушки

- Все были как на подбор —
 Глаз от них не оторвать!
 Изумляли тех, кто взглянет на них.
 Среди множества девушек
 Красавицу из красавиц — Айхылу* —
 Шульген [вдруг] увидал.
- 1920 Словно среди белых камней
 Жемчужина она,
 Словно среди украшающих небо звезд
 Она — сияние луны,
 Словно у красавицы на щеке
 [Единственная] родинка она,
 Словно цветок на лугу,
 Украшающий травы, она.
 Шульген не мог отвести от нее глаз,
 Не выдержал он,
- 1930 У Заркума о ней спросил.
 Заркум ее сестрой назвал.
 «Тебя [своим] зятем сделаю», — сказал,
 Шульгена он обманул,
 Загорелся всей душой Шульген.
 «Я отцу сейчас [об этом] скажу» —
 [Так] утешал его Заркум.
 Азрака понял все,
 Громким криком на высокую гору
 Всех дивов он созвал.
- 1940 Подозвал к себе Айхылу,
 В укромное место ее отвел,
 Строго ей наказал,
 Что похищенная девушка она,
 Шульгену не говорить,
 Из дворца не велел выходить.
 «Если не сделаешь так, как сказал,
 Голову оторву и съем,
 А тело [твое] брошу в огонь» —
 [Так] ее припугнул.
- 1950 Свадьбу на славу устроили [им] —
 Шульген стал мужем Айхылу.
 Девушка красива была,
 Полюбила егета всей душой.
 Шульген, увлеченный ею,
 Остался во дворце,
 Все свои дела позабыл.

- Однажды Азрака
Заркуму и Шульгену
По порядку [все] объяснил:
- 1960 Как дочь Самрау-падишаха,
Булатный меч и Акбузата
Можно раздобыть.
Сказал: «Муж, который на Акбузата сядет верхом,
Муж, который в руки булатный меч возьмет,
В целом мире
Будет самым большим богатырем,
Всех склонить головы заставит он».
Так по-разному [Азрака]
[Шульгена] соблазнял.
- 1970 Когда Шульгену он [все] объяснил,
[Сказал], что всюду восхваляют Хумай,
Что, если будет бой,
Азрака дивов ему даст,
Шульген решил отправиться, говорят,
Захотел Хумай овладеть, говорят.
Заркум с Шульгеном вдвоем,
Сговорившись меж собой,
На одном диве верхом
В страну Самрау-падишаха
- 1980 Отправились вдвоем, говорят.
Не успели и глазом моргнуть,
В нужном месте очутились они
С дива сошли они,
Стали держать совет,
И тут, как бы невзначай,
Заркум заговорил,
Об Урале речь повел,
Так он сказал, говорят:
«Отсюда не очень далеко
- 1990 Есть страна змея-аждахи,
Падишах там по имени Каккаха,
У этого падишаха в руках
Волшебный посох ⁶ есть;
[Посох тот] против врага обратится огнем,
А когда пожелаешь, разольется водой,
Ветры, ураганы он может поднять.
Как-то вдруг,

⁶ Букв. «мудрый посох», «мудрая палка».

- Когда никто ни о чем не подозревал,
Явился [сюда] один батыр,
2000 То ли украд, то ли еще как-нибудь,
Но посохом этим завладел,
Самого падишаха сверг, говорят,
Всю страну захватил, говорят,
Назвал себя Урал-батыром, говорят,
Падишахом сделался, говорят».
Так Шульгену Заркум
Рассказал обо всем, говорят.
Узнав, что Урал жив-здоров,
Хотя и обрадовался Шульген,
2010 Но тут же, завидуя Уралу,
Подумал Шульген:
«Урал надо мной верх возьмет,
Будет хвастаться Урал.
„Странствовал по свету я,
Прославился в стране как батыр“,—
Вернувшись в родную страну, скажет он.
Хорошим покажется всем».
«Когда на Акбузата сядем верхом,
Когда булатный меч обретем,
2020 Перед нами никто не устоит»,—
Решили Заркум и Шульген.
Хотя Заркум и ехал с ним,
Хотя тайну [с Шульгеном] делил,
Но тоже завидовал ему.
«Шульгену достанется Хумай,
На Акбузата он сядет верхом,
Завладеет булатным мечом
И станет сильнее меня.
Буду вместе с Шульгеном [пока],
2030 Силу испытаю его,
Урала я убью,
Посох себе верну,
Достигну желанья своего,
Всем я отомщу» —
Так подумал Заркум;
Поэтому посох расхвалил
И так вот Шульгену говорил.
Приблизились они [ко дворцу].
Взглянули на дворец,
2040 Увидали перед дворцом

- Множество белых птиц.
Из птичьей стаи одна
[Птица] заметила их,
В сторону отлетела она,
Птичьей стае она
Словно бы знак подала.
Не успели они и глазом моргнуть,
Разлетелись птицы все.
Одна птица, что была в стороне,
2050 Стала смотреть на них, говорят,
Стала наблюдать за ними, говорят.
Шульген и Заркум поближе подошли,
Спросили у нее о Хумай,
Она ответила: «Ее дома нет».
[Еще] не успели ее расспросить,
Как тут же
Все птицы, что были в стае,
Сбросили птичий наряд,
В красивых девушек обернулись они.
2060 Шульген засмотрелся на них,
Особенно — на одну,
Не знал, что и сказать:
Сколько по свету ни странствовал он,
А такой красавицы не видал!
Лицо ее сияло, словно луна,
Высокая ее грудь
Вздыхалась, подчеркивая [ее] красоту.
И все вокруг: и девушек,
И дворец, и землю всю —
2070 Озаряла красавица та,
Будто во все [она] вдохнула жизнь,
И казалось им,
Будто весь мир
Склонился перед ней.
«Видно, это и есть Хумай»,—
Подумали они про себя.
Девушки не выдавали ничем,
Что встревожены они,
Не заметили этого [Шульген и Заркум].
2080 [Девушка], что стояла в стороне,
Выступила вперед.
Словно матка пчелиного роя,
Словно хозяйка, ожидавшая гостей,

- Стала Шульгена с Заркумом приглашать:
 «Многие страны вы прошли,
 О девушке Хумай услышав,
 Прямо к ней явились вы.
 Идите же, войдите во дворец,
 Ждите, вернется Хумай».
- 2090 Открыла она дверь,
 Жестом пригласила [их].
 Не открылась перед ними Хумай,
 И они не стали расспрашивать [ее].
 Заркум и Шульген вошли во дворец, говорят,
 Словно гости высокие, важно
 Почетное место заняли, говорят.
 Немного времени прошло,
 Туманом окутало дворец,
 [Шульген с Заркумом] лишились чувств —
- 2100 Во дворце раздался гул,
 Надвое разверзлась земля.
 Шульген с Заркумом вдвоем
 В подземелье полетели, говорят,
 В глубокую яму упали, говорят.
 Пошарили вокруг себя,
 Друг друга не нашли,
 Страх их обуял, говорят.
 Когда немного в себя пришли,
 Начали метаться туда-сюда,
- 2110 Все ощупали кругом,
 Ничего не могли узнать.
 Шульген в растерянности сидел.
 Не долго думая, Заркум
 В змея превратился [вновь],
 Начал искать какую-нибудь щель,
 Чтобы в нее пролезть.
 Хумай догадалась о том,
 Подозвав девушку одну,
 Велела водой яму затопить,
- 2120 Холодной бурлящей водой;
 Заркума в воде заставила плыть.
 В ужас повергла его,
 Потом Заркум в водяную крысу превратился, говорят,
 Долго плавал в воде, говорят.
 Расправившись с ним, Хумай
 К Шульгену пошла, говорят,

- [И сказала ему]:
«Когда ты в темноту полетел,
Обуял ли твое сердце страх?
2130 Как однажды точил нож для меня —
Припоминаешь тот миг?
За тот мой ужас-страх
Тебе отомстила, мой егет!
Жаждущее крови и слез,
Погубившее множество [людей]
И снова крови жаждущее
Жестокое сердце твое пусть разорвется!
Пусть возродится в твоем сердце добро!
Пусть жир твоего сердца оттает!⁷
2140 Все живое, как самого себя,
Пусть возродится душа, чтобы любить!
Пусть сердце — доброе, молодое —
Владет разумом твоим!
А до той поры здесь,
В могиле, оставайся живьем!
Пусть томится твоя душа,
[Пока] новым человеком не станешь ты,
Способным друзей [достойных] выбирать,
Способным верный путь избрать,
2150 Способным в народе оставить добрую память о себе,
Хорошему [человеку] другом стань;
Змеев сторонись,
Врагами их считай».
Сказала эти слова Хумай
И удалилась, говорят.

- Тут вбежала девушка, говорят,
Сказала, что кто-то приехал, говорят.
Хумай сразу узнала его —
Прибывшим оказался Урал.
2160 Но Уралу не сказала о том.
А Урал, увидев ее,
Не подумал, что это Хумай.
Вот Хумай [к нему] подошла,
Урал взглянул на нее, говорят:
С ее плеч, словно густые колосья,

⁷ Традиционное образное выражение, означающее: «Будь добрым, доброжелательным».

- Волосы, монетами украшенные,
Спину ее закрывая,
Волной ниспадали до колен.
Сквозь длинные ресницы ее
- 2170 Черные глаза глядели в упор,
Подвижные брови вразлет
Над глазами улыбающимися [ее],
Высокая ее грудь
Волновалась перед взором его.
Тонкий, как у пчелы, стан,
Извивался, трепеща.
Девушка, словно с давним знакомым.
Чистым голосом, как серебро,
Лукаво разговор повела.
- 2180 Урал на девушку смотрел,
Слова вымолвить не мог.
Что перед ним Хумай,
Он даже подумать не мог.
Девушка не долго стояла [так],
Урала за собой войти
Жестом пригласила во дворец.
Урал, войдя во дворец,
О здоровье ее расспросил,
О том, где побывал,
- 2190 Что по дороге повидал, —
Обо всем по порядку рассказал.
Девушка, обращаясь к Уралу,
Так начала говорить:
«Егет мой, по облику твоему
Вижу, ты из дальней стороны.
Что ты в наши края
С какой-то целью приехал, догадываюсь [я].
Скажи свое слово — выслушаю [тебя],
Если будет в силах моих,
- 2200 Помощницей стану тебе».
Урал: «Хоть я и молод [еще],
Пять стран я узнал:
В одной я родился сам,
Две увидел, когда странствовал я,
Остальные же две
Отправился повидать.
Куда ни приедешь,
Кого ни увидишь —

- Один себя главой называет,
2210 Другой перед ним голову склоняет,
Сильный слабого пожирает,
Если захочет, кровь проливает.
В мире называют [одну]:
Сама невидима она,
Никто не может справиться с ней,
Руки ее никогда
От секиры не устают;
На охоте, [сидя] на льве,
Она не преследует зверей.
- 2220 Чтобы цели своей достичь,
Спутника не ищет себе —
Это и есть злодейка Смерть.
Хочу с ней счеты свести,
Смерть эту отыскать и убить,
Землю от нее избавить — дума моя.
Когда охотился я,
От птицы, попавшей в руки мне,
Я еще в детстве услышал:
„Чтоб от Смерти избавиться,
2230 Есть в мире средство одно“».
Хумай: «Чтобы в мире бессмертие обрести,
Чтобы в черную землю не уйти,
Есть Живой Родник,
Владеет им див-падишах.
Он не в моей стране,
Его не видал никто!
Если хочешь из него воду достать,
Если желаешь помощи моей,
Если хочешь цели своей достичь,
- 2240 Условие мое таково:
Сам выбирай себе путь,
Сам подумай, посмотри;
Муж, прошедший змея страну,
Муж, узнавший, где право, где лево,
Сам сумеет дорогу отыскать.
Если ты птицу найдешь,
Которой нет в моей стране,
Которую никто не видал и не слышал,
Ту, что красоту всех на свете птиц
2250 Соединила в одной себе,
Если найдешь ее и сюда привезешь,

- Помощь получишь от меня.
Из Живого Родника воду возьмешь,
Желания достигнешь своего.
Урал: «Я иду из дальней стороны,
Добро и зло в пути повидал.
Чтобы найти Смерть и ее погубить,
Чтобы людей избавить от нее,
Всем покой принести,
2260 Я, батыр, с тем и вышел в путь.
Найду я птицу для тебя,
Помощь твою заслужу,
В ответ на условие твое
Я тоже свое слово скажу:
Золото грузить — нет воза у меня,
Украшения дарить — нет любимой у меня,
Кроме как о добре, не помышляю ни о чем.
Кроме как со Смертью, ни с кем
Счетов я не свожу.
- 2270 Помоги исполнить желания людей,
Привольной сделать [их] страну,
Против Смерти пойти,
Победить, уничтожить ее;
Когда без страха войной пойду,
Когда Смерть путь мне преградит,
Чтобы кровавые слезы людей
Я смог утереть,
Чтобы смог [он] мне спутником стать,
А в бою соратником стать,
- 2280 Вот какой дар я прошу у тебя.
Каков же это дар?
Скажи, чтоб я знал».
Хумай: «В огонь попадет — не сгорит,
В воде не утонет [он],
Ветру не даст угнаться за собой,
Не устрашится гор и скал,
Кроме храброго егета, никого
Равным не признает себе,
Ударит копытом — горы рассыплются в прах,
- 2290 Поскачет — моря рассечет,
В трудностях и в невзгодах
Станет сподвижником твоим.
На небе рожденный и выросший там,
Не имевший потомства на земле,

- Дивами Азраки тысячу лет
 Гонимый, но не пойманный [никогда],
 От матери доставшийся мне,
 Любимому егету моему
 Предназначенный [конь] —
 2300 Акбуз⁸ — тулпар мой. Отдам его тебе.
 Булатный меч дам я тебе:
 Острие его ржавчина не берет,
 Никакая сила перед ним не устоит,
 Против огня он становится огнем,
 Против воды становится водой,
 Джиннов, дивов — всех
 Страшит он, словно Смерть,
 Разгоняет, словно стадо овец».
- 2310 Сказала так, и Урал согласился, говорят,
 То, что девушка пожелала,
 Отправился он искать.
 Погостил немного во дворце, говорят,
 Несколько дней пожил там, говорят,
 Хумай не открылась пока ему,
 Не сказала, что Шульген заперт у нее,
 Урал тоже не догадался ни о чем.
 Проснулся Урал на рассвете, говорят,
 Омыл водою лицо, говорят,
 Поел вдвоем
- 2320 С девушкой, говорят.
 Урал отправился в путь, говорят,
 Посох свой превратил в коня, говорят.
 [Много дней провел в пути, говорят.]
 Однажды, когда ехал он
 По местности, горами окруженной,
 Вот какую гору увидал, говорят:
 Сороки да вороны
 Не знали здесь ни одной живой души,
 Ни человек здесь не бывал,
- 2330 Ни дивы, ни джинны сюда
 Не ступали ногой.
 Скалы как [верблюжь] горбы,
 На вершину посмотришь —
 Она взметнулась выше туч,

⁸ Встречающиеся в текстах сказаний клички Акбуз, Буз, Бузат — усеченная форма имени коня Акбузат, данная ему по масти (букв. «светло-серый»).

- Всю окрестную красоту
В себе воплотила давно.
Рассекая тучи, карабкаясь [вверх],
[Урал] поднялся на вершину ту, говорят,
Осмотрелся вокруг,
2340 Долго стоял и смотрел, говорят.
Вдали заметил он
Мерцающий, словно звезда,
Какой-то свет, говорят,
Направился туда, говорят.
Добрался, посмотрел,
Взглядом все окинул кругом,
Красивое озеро увидел, говорят:
Вместо камня серебром
Усланы его берега и дно;
2350 Цветы, что росли на берегу,
Не колышутся даже на сильном ветру.
Водная гладь блестит,
Ослепляя глаза.
Не рябит волной на ветру,
А когда падают солнца лучи,
Жемчугом отливает она.
На озере том
Разные птицы собрались,
Плывущую среди них
2360 В оперении многоцветном чудную птицу
Урал увидал, говорят.
Незаметно к месту тому,
Где птица плыла, приблизился, говорят,
Присмотрелся к ней,
Посохом своим заморозил.
«Видно, это — птица, о которой говорила Хумай»,—
Сразу же подумал Урал.
Птица, Урала не страшась,
И не думала улетать,
2370 К нему ближе подплыла, говорят.
Не зная обычаев, Урал
Кинулся птицу ловить,
Птица [в страхе] рванулась от Урала,
Стремясь улететь.
Но Урал ее схватил.
Когда он ее в руки взял,
Птица подумала, что ее настиг враг,

- Опечалилась она.
К Уралу, выходящему на берег,
2380 Держащему птицу в руках,
Думающему, что цели [своей] достиг,
Птица обратилась [тогда]:
«О мой егет, постой!
Скажи правду мне:
Див ли ты, джинн ли ты?
Человек ли ты? Кто же ты?»
Услыхав эти слова,
Тому, что птица заговорила, как человек,
Подивился Урал, говорят.
2390 Немного пройдя, в месте одном,
На лужайке, возле родника,
Урал стал расспрашивать ее —
Какого рода, из какого племени она.
Подумала птица немного,
Пробормотала [что-то] про себя,
На Урала пристально взглянула.
«Закрой глаза, не смотри,
Отстрани руки от крыльев моих
И не держи меня», — сказала она.
2400 Призадумался Урал.
«Если птица улетит, за ней,
Соколом став, в погоню пусться;
Если в воду нырнет, за ней,
В щуку превратившись, нырни!» —
Дал знак он посоху своему.
А сам сделал так, как птица просила его.
«Открой же глаза, мой егет,
Расскажи мне, задумал что», — сказала она.
Урал на птицу взглянул —
2410 Пред ним смуглая красавица, брови вразлет,
Ямочки у нее на щеках,
В самом центре левой щеки
Черная родинка, словно зрачок;
Густыми завитками
По обе стороны ее щек,
Колыхаясь, как цветы [на ветру],
Струятся, украшая ее,
Длинные волосы,
Локонами ниспадаая.
2420 Сквозь длинные ресницы

- Улыбаются черные глаза,
Играют ямочки на щеках,
Улыбается всем светлым лицом.
Трепетно вздымающуюся грудь
Приблизив к Уралу,
[Так заговорила она:]
«Ах, егет мой,
Как очутился ты здесь?
Какая беда заставила тебя
2430 Сюда прибыть?
Ах, мой егет, знай же:
В улыбке моего лица,
В том, что высказать [хочу],
Одно желание — тайну открыть, мой егет.
Не встречала до этой поры
Такого егета, как ты.
В эти места, куда и диву не пройти,
Не думала, что явишься ты.
В воде рыбой плыть,
2440 В небе звездой гореть —
Силою обладала я.
Все дороги были открыты мне,
[Но] при виде тебя мысли мои
Развеялись, как тучи на ветру.
Дороги, по которым скрыться могла,
Исчезли, как оборвавшаяся тропа на бегу,—
Исчезли для меня,
Потерялись совсем.
Когда-то я девушкой была,
2450 В ласке и неге росла,
[Но] див похитил меня,
Насильно замуж отдал.
Жених мой был мужественный егет,
Но недолго прожил со мной —
Неожиданно исчез,
Закралась в сердце мое печаль.
От дивов я сумела убежать,
Но не вернулась к отцу,
Побоялась, что враг нападет
2460 На родную землю мою.
Чтобы див меня не нашел,
Чтобы новое горе [мне] не принес,
Птицей обернулась я,

- Какой нигде в мире нет,
Какой человек не видал.
Прилетела к этому озеру, опустилась здесь,
Ни один человек это озеро не найдет.
Ничья нога не ступит сюда».
- Услыхав эти слова,
2470 Тайну девушки узнав,
Урал тоже поведал ей думу свою,
Только утаил, что птицу
Ищет для девушки одной.
Подумал он про себя:
«Видно, незадачлив мой путь,
Птицу, которую ищу,
И на этом озере не нашел».
- Сказал, что хочет он
Отправиться в путь,
2480 Цели своей достигь,
Девушке [Хумай] помочь.
«Выслушай же слово мое,
Егет, ты видел ясное мое лицо;
Имя мое — Айхылу.
Есть отец у меня — владыка страны,
Моя мать — небесная Луна,
Есть у меня конь Сарысай,
Которого возлюбленному я дам.
Воды захочешь — достанет воды,
- 2490 В бою соратником будет тебе,
Выслушай меня, егет,
Прислушайся к слову моему:
Ту птицу, что ищешь ты,
Не найдешь в этих краях.
Во многих странах побывал мой отец,
Небесные просторы облетел,
Многие земли знает он,
И всех птиц видел он.
Поедем в наши края,
- 2500 Спросим у отца обо всем,
Желанную птицу твою
Тогда отыщем тебе.
Если меня от дива защитишь,
Все, что пожелаешь, даст тебе отец.
Если наша страна придется тебе по душе,
Если меня равной себе сочтешь,

- Отправимся вместе к нам,
Останемся вдвоем,
Вместе мы будем жить».
- 2510 «Ах, красавица, красавица,
Дар твой я не приму,
Не пойду в твою страну.
Если и вправду птица ты,
А в девушку обернулась невзначай,
То тебя я возьму с собой,
В известный мне дворец
Тебя я отвезу,
Прибыв туда, расскажешь обо всем,
Выскажешь желание свое;
- 2520 Захочешь — птицей станешь,
Захочешь — девушкой станешь,
Если кто-то тебя будет унижать,
Не даст того, что пожелаешь ты,
За тебя заступлюсь, помогу.
В твою страну отвезу», —
Так сказал ей Урал, говорят,
И девушка согласилась, говорят.
О том, что добрый Урал,
По этим словам узнала, говорят.
- 2530 Девушка, птичье одеяние снова надев,
С Уралом в путь собралась, говорят.
Они на посох сели верхом,
Отправились в путь,
Через горы перелетели они,
В мгновение одно
Долетели [до дворца].
Вышли девушки навстречу им,
Птицу радостно обнимали все.
«Айхылу!» — говорили они.
- 2540 Урал, такое увидав,
Сильно удивился [тому],
Айхылу, скинув птичий наряд,
Сказала Уралу так:
«Едет, пойдем со мной,
Дворец, в который вернулся ты,
И тот дворец, куда стремилась я,
Оказался одним и тем же [дворцом].
Еще больше прежнего
Изумился Урал, говорят.

- 2550 «Ай да егет, мой егет!
Батыром оказался ты.
Птицу желанную мою
От дивов ты освободил»,—
Сказала [Хумай], и Урал
Рассказал ей обо всем:
«В озере том, где жила она,
Я дивов не видал,
В пути-дороге
Трудностей не испытал.
- 2560 Как ты узнала, что было там?
Как узнала, что она
В птичьем облике таилась,
Когда сказала мне: „Ищи!“»—
Спросил ее Урал.
Хумай спросила у Айхылу,
Не скрывая удивления своего:
«Как же див не заметил того,
Что ты бежала от него?»
Тут Айхылу поняла, говорят,
- 2570 Что и сестра ее ни о чем
Не знает и заблуждается, говорят.
О том, как от дивов убежала
И на озере скрывалась [потом],
Как на озере том ее
Урал отыскал,—
Обо всем по порядку рассказала она
И о том, что во дворце отца
Об этом никто и не знал.
Услыхав все это, Хумай
- 2580 Не стала перед Уралом таить,
Что она и есть Хумай
И что Урала знает хорошо,—
Призналась ему во всем.
Тут Хумай своего отца
Позвала в комнаты к себе.
Самрау к ней пришел,
С Айхылу поздоровался он,
Со слезами на глазах
Расспросил ее обо всем.
- 2590 Айхылу отцу своему
Рассказала все, что случилось с ней.
Самрау выслушал ее,

- Обо всем узнал, понял все,
Высказал мнение свое,
Высказался напрямик:
«О возвращении Айхылу,
О том, что бежала от дивов [она],
Не рассказывайте никому,
В тайне держите пока.
- 2600 Если узнает див, войной против нас пойдет,
Захватит он нашу страну.
Устала от скитаний Айхылу,
Много горя она перенесла,
По матери истосковалась она,
Пусть отправится в гости к Луне,
Отдых в уединении найдет,
Позовем ее, когда будет нужна.
Так сказал [Самрау], говорят,
И с решением отца
- 2610 Согласились дочери, говорят.
[Айхылу] отдохнула во дворце,
А через несколько дней
Ее отец и сестра
Повелели привести к себе
Рыжего коня —
Подарок матери Айхылу —
И в одну из ночей
Айхылу проводили к Луне.
Несколько дней и Урал
- 2620 Почетным гостем был,
А потом в какой-то из дней
Проснулся он рано поутру,
Хумай к себе подозвал, говорят,
И сказал то, что хотел, говорят:
«Когда я был очень мал,
Отец мой тебя подстрелил,
Приняв тебя за дичь;
Все мы окружили тебя,
А когда петлю накиннули на шею тебе
- 2630 И душа твоя готова была отлететь,
То ли ты действительно умела [говорить],
То ли рассердившись, испугавшись ли,
Дар речи ты обрела;
Услыхав от тебя,
Что против Смерти

- Существует Живой Родник,
Отыскать Смерть, схватить ее
И со света сжить,
Из родника воду достать,
2640 Чтобы вечной была жизнь,
Земле эту воду добыть,
Задумали мы [с братом]
И в путь отправились вдвоем.
Немало прошли, узнали тайну [двух] дорог,
Каждый из нас выбрал себе путь,
О том, что нас в дороге ждет,
Узнали мы, расспросив у [людей].
Брат мой налево пошел,
Я направо повернул —
2650 Так мы [и] разошлись.
Я по свету странствовал много лет,
Помня то, что сказала ты,
Направился в вашу страну,
Без раздумий отправился в путь,
Не проехал мимо твоей страны
И перед твоим дворцом
Льва своего привязал.
Когда вошел в твой дворец,
Когда поделился думой своей,
2660 Когда поговорили мы с тобой,
Поручила ты мне
Разыскать самое дорогое — [свою сестру],
Награду обещала мне.
Тогда ты сказала сама,
Что подскажешь мне,
Какими путями
Избавиться от Смерти, которую я ищу.
Красавица, слово теперь за тобой,
Скажи это слово — я жду,
2670 Выслушав [тебя], продолжу свой путь».
[Хумай] Уралу вняла,
К отцу своему отправилась, говорят.
Не скрываясь, не таясь, обо всем
Рассказала по порядку, говорят.
Ответил отец: «Если любишь [его],
Пойдешь за него и Акбузата [ему] отдашь.
В этом светлом мире, дитя,
Весело, счастливо проживешь.

- Батыру, что будет, как Урал,
2680 Матерью станешь, дитя мое.
Ради Урал-батыра
Шульгена освободи,
Созови всех людей,
Для храброго батыра пир устрой.
Пусть никто не останется в стороне —
Собрав всех, угости».
Выслушала Хумай слова отца —
Его мысли поняла.
Шульгена выпустила она,
2690 Собрала весь народ,
Щедро угостила [всех].

- Когда Шульген и Урал,
Друг друга отыскав,
Нежданно встретились [вновь],
О радости своей,
О том, что видел в пути,—
Обо всем Урал по порядку рассказал.
Шульген сидел и, слушая [его],
Думал про себя:
2700 «Если прославится Урал,
Вернется со славой к отцу,
Будет возвеличен как батыр,
Во всех делах верх возьмет,
Никто и слушать не станет меня».
Так, завидуя, прикидывал он.
Поэтому перед Уралом
Ни одной своей тайны на раскрыл,
О том, что у Азраки побывал,
Зачем явился еюда,—
2710 Ничего [о том] не сказал,
Замыслил он брата убить,
Славу у батыра отнять,
Овладеть красавицей Хумай,
На Акбузата сесть верхом,
Вооружившись булатным мечом,
Славу себе добыть.
На то, что злой был Шульген,
Хмурый ходил всегда,
Урал внимания не обратил.
2720 Не знал, что недоброе задумал он,

- Решил: «Это потому,
 Что он долго в заточении был,
 Вот ему и не по себе».
 Однажды увидел Урал,
 Что нахмурился Шульген,
 Насупившись он сидит.
 «У батыра и счастье и несчастье
 Едут вместе на одном коне,
 Друг с друга не спуская глаз,
 2730 Неотступно, как тень,
 Следуют за ним,
 То с одним, то с другим повстречается он.
 Но есть ли сила такая,
 Которую не одолеет батыр?
 Мужчина, назвавший себя батыром,
 Уступит ли дорогу злу?
 Против огня он станет водой,
 Против врага станет горой;
 Не ради себя, ради других
 2740 Из трудностей выход найдет.
 От батыра не отвернется народ.
 Батыр никогда не пожалуется на судьбу,
 Не поскужится на добро.
 В битве он не утомим,
 Без лестницы поднимется в небеса,
 Землю откроет без ключа⁹.
 Будет ему водою питье, что добрый подаст,
 Будет ему ядом питье, что недобрый подаст» —
 Так говорил Шульгену Урал.
 2750 Хумай же была сомнений [полна] —
 Не в силах всего понять,
 К обоим братьям
 Присматривалась она.
 То с одним, то с другим
 Хумай поочередно поговорит,
 О всех делах и помыслах их
 Пытливо расспрашивала Хумай.
 Хумай, Урала увидав,
 Узнав, что он батыр,
 2760 Поняв, что он добр,
 Всей душой привязалась к нему,

⁹ Букв. «Спустится в подземный мир»

- Урала [Шульгену] предпочла.
Оттого, что Шульген мрачный ходил,
Тревожилась она.
Когда два брата беседу вели,
Мыслями делились между собой,
Когда у Шульгена сидели они,
Видя хмурое его лицо,
Насторожилась Хумай.
- 2770 Когда Урал ложился спать,
Мог он проспать пять дней подряд.
Опасаясь Шульгена, к Уралу
Хумай приставила девушек [его] сторожить.
Шульген спал в месте другом,
В отдельном жилье;
Не смог Шульген задуманное совершить.
Помешала этому Хумай.
Шульген: «Во многих странах ты побывал,
Многое в пути повидал,
- 2780 Прославился, батыром стал,
Теперь ты явился сюда,
На землю падишаха Самрау
Ступил ты ногой,
О чем помышляешь теперь?
Осуществятся ли наши желания здесь —
Этого еще не знаешь ты.
На Самрау войной пойдем,
Акбузата отберем.
Один из нас пусть посох возьмет,
- 2790 Акбуза оседлает другой,
Станем во главе всей страны,
Заставим всех подчиниться себе,
Могучими падишахами станем мы.
Отдай мне посох свой —
Уничтожу эту страну,
Дочь птицы [падишаха] Самрау
Силою себе захвачу,
Сяду на Акбузата верхом;
Я ведь твой родной брат,
- 2800 Пусть прославлюсь и я!»
Урал: «Здесь они никому из людей
Никогда не причиняли зла,
Не убивали, не проливали кровь,
Не были враждебны человеку они.

- Мы должны с тобой вдвоем
Захватить дива страну,
Всем, кто томится у него в плену,
Путь к свободе открыть!
Девушку захочешь взять
- 2810 Или Акбузата предпочтешь:
Если полюбит тебя — девушку возьмешь,
Если подарит она — Буза возьмешь.
Из-за девушки затевать войну,
Смерти дорогу давать,
Кровь попусту проливать
И злодеями быть — не пристало нам;
С дурной славой убийц
Не станем возвращаться домой!
Одолеем вдвоем Азраку,
- 2820 Воду добудем из Живого Родника,
Всем умершим жизнь вернем,
Всех на свете людей
Бессмертными сделаем мы».
От этих слов призадумался Шульген,
Стал выход искать.
Однажды, улучив момент,
В покои Хумай
Шульген явился один,
Положил ей руку на плечо
- 2830 И сказал он так, говорят,
Открылся ей в любви, говорят:
«„В жизни за все, что свершишь,
Воздастся“, — сказала ты сама.
Не будет у нас мыслей злых,
Не будет кровавой свадьбы [у нас],
Между нами не будет этого [никогда] —
Так я думаю сам,
И слово свое обращаю к тебе,
Для дружбы открыто сердце мое,
- 2840 Я предан неизменно ей.
Я тоже в стране большой батыр —
Закаленное сердце у меня,
Если выслушаешь, выскажусь я,
Тайну открою свою.
Не томи, сразу мне ответь!
Твоего ответа буду ждать.
Если не внимлешь слову моему,

- Ясного ответа не дашь,
Я задуманное совершу,
2850 Своей дорогой пойду.
Как только прибыл я во дворец
И тебя увидал,
Сердце мое пленила ты,
Но ты даже не взглянула на меня.
То ли ты узнала меня
И, вспомнив прошлое зло,
Устрашилась за себя?
Или решила меня испытать —
Заточила в темницу меня,
2860 Или после моих слов полюбился я тебе,
Или приезд Урала причина тому,
Что выпустила из темницы меня,
Во дворец пригласила свой?
Увидел твое ясное лицо —
О прошлой [обиде] позабыл.
Подобной тебе красавицы нет,
Если искать, не сыскать, говорят.
Отдашь ли мне руку свою?
Пойдешь ли по любви за меня?
2870 Так думал я, трепеща,
Захочешь — останусь с тобой,
Полюбишь — в жены возьму.
Воспротивишься — тогда
Я задуманное совершу».
Хумай: «Егет, я выслушала тебя,
Тайные помыслы твои
Правильно поняла.
Я дочь падишаха,
Старшая из его дочерей!
2880 Егет, пусть исполнятся помыслы твои!
Я устрою большой майдан*,
Испытаю богатство твое,
Увижу, как прославишься там.
Есть белый конь у меня вдалеке.
Подарила его мне мать,
Прискачет он на майдан,
Если ты батыр — узнает тебя,
Если сумеешь на майдане коня
Схватить и сесть на него верхом,
2890 Снять с его седла

- Булатный меч,
 Если таким батыром окажешься ты,
 Тогда Буза тебе подарю,
 Попрошу отца свадьбу сыграть,
 Стану возлюбленной твоей».
- Так ответила Хумай, говорят,
 Шутьген согласился с ней, говорят.
 Хумай созвала майдан, говорят,
 Кликнула Акбузата, говорят.
- 2900 Тут гром загремел-загрохотал,
 Буря поднялась на земле,
 Горы, скалы рушились от нее.
 Все живое в ужас ввергая,
 Словно летящая звезда,
 Разгоряченный тулпар Акбуз
 С неба слетел, говорят,
 К красавице Хумай подскакал
 И склонил пред ней голову, говорят.
 Когда предстал таким Акбуз,
- 2910 Весь майдан был изумлен:
 На спине его лежит седло,
 А к луке того седла
 Привешен меч, острый как алмаз;
 Лука золотая у седла,
 Золотые удила в узде,
 Уши, словно шило, наострил,
 Грива расчесана, как у девушки, [волосок к волоску],
 Ноздри — словно башкунак*,
 Зубы — как дольки чеснока;
- 2920 Грудь — как у кречета, узок в боках,
 Ноги тонкие, легкие,
 Медью [отливают], как у зайца, глаза,
 Шея — словно изогнувшаяся змея,
 Двойная макушка, челюсть узка,
 Шея — длиной в колас*,
 Глаза — как у сокола, как у орла,
 Ход высокий, вскинута голова,
 Гарцует он, храпит;
 Уши, как ножницы, торчат,
- 2930 По сторонам беспокойно косит;
 Словно хваткий волк,
 Глазом влажным сверкает;
 В ярости жует удила,

Пена падает с губ;
Поскачет — птицей взлетит,
Облако пыли оставляя за собой;
Каждый человек, встретив его,
Остановится, в изумлении [застыв], —
Вот такой этот Акбуз.
2940 Никем не виданный чудесный Буз[ат].

[Хумай] потрепала Акбуза своего,
[Так сказала Хумай, говорят:]
«Жил ты на небе, как звезда,
С нетерпением батыра ждал.
Всех батыров сбросил с себя,
В чьих жилах текла не людская кровь;
Тех батыров, кого выбирала я,
Ни одного не счел достойным себе,
Сам же батыра не избрал,
2950 Не нашел его для меня.
Вот батыры [сюда] пришли,
Ждут они тебя.
По богатырству изберешь
Или по красоте изберешь?
Избери себе одного,
Спутником сделай своим.
Он товарищем станет тебе,
Возлюбленным станет моим».
«Красивый мне не под стать,
2960 Не удержится в моем седле,
Когда тучи с шумным [ветром] придут,
Когда буря с ливнем налетит,
Птицы смогут летать,
Перекасти-поле овраг найдет,
От сильного ветра укроется оно.
Но если я поскачу, поднимется ветер [такой],
Что и камень на месте не улежит,
Воды вспенятся, забурлят,
Рыба не сможет плыть по волнам.
2970 Ударю копытом — [даже] гора Каф*
Рассыплется в муку-толокно,
Все живое вокруг
Погибнет, не выдержав [того].
На луке моего седла
Булатный меч, острый как алмаз.

- Долгие годы закаляло его
Солнце на пламени своем.
Огонь, способный расплавить весь мир,
Не сможет расплавить его,
2980 Ничто на свете не способно
Лезвие его притупить.
Тот, кто не поднимет и в небо не взметнет
Тяжесть в семьдесят батманов*
И на трех пальцах
Не удержит, уронит [eel],
Тот мужчина — не настоящий батыр,
Не сможет он скакать, размахивая мечом.
Если таковым не будет батыр,
Моим спутником не сможет стать.
- 2990 Когда я поскачу, тот батыр
Не удержится на мне.
Кто жаждет батыром стать,
Кто хочет меня получить,
Пусть вот так силу испытает свою
И только потом на меня
Осмелится сесть».
Услыхав, что сказал Акбуз,
Люди поняли все,
К подножию горы направились они,
- 3000 Тяжестью в семьдесят батманов
Огромный камень отыскав,
Решили с места сдвинуть его.
Месяц толкали его, говорят,
Год толкали его, говорят,
Камень не сдвинулся с места:
Сил не хватило у них;
Посмотрела на Шульгена Хумай
И кивнула ему: «Подними и забрось!»
Подошел к камню Шульген,
- 3010 Ощупал его со всех сторон,
Выворотить его хотел,
Напрягся, напыжился он,
Старался, не жалея сил,
Как стоял — по колено
В землю ушел Шульген, говорят.
Месяц возился Шульген, говорят,
Год возился Шульген, говорят, —
Камень не сдвинулся с места,

- Шульген устал, еле уже дышал,
3020 Не смог он камень поднять и отошел.
На Урала взглянула Хумай,
Сказала: «Попробуй подними!»
Урал подошел к камню, говорят.
То, что опозорился брат,
Очень рассердило Урала, говорят.
Ударил кулаком по камню, говорят,
Камень покатился по земле, говорят.
Потом взял в руку его,
Бросил камень в небеса.
- 3030 Камень стрелой полетел, говорят,
И скрылся из глаз.
Все в небо смотрели, говорят,
Ждали, когда камень назад упадет, говорят.
Было утро, полдень настал,
Полдень прошел, вечер настал —
В небе послышался гул.
Увидев, как падает камень,
Опасаясь, что он все разобьет,
Все до единого заплакали.
- 3040 «Пусть на землю не упадет,
Пусть не погубит нас», —
Все вместе Урала
Стали с мольбою просить.
Урал вытянул руку, говорят,
Камень поймал на лету, говорят,
И спросил, говорят:
«В какой стороне живет Азрака?»
В страну Азраки
Урал метнул камень, говорят.
- 3050 Все переглянулись между собой,
Удивились, стали гадать,
Переговариваясь между собой,
О том, куда камень упадет.
После этого конь Буз,
Склонив голову, к Уралу подошел,
Сказал: «Батыр, я отныне твой», —
И подчинился его воле, говорят.
Тут выступил вперед
Сам Самрау-падишах, говорят.
- 3060 Подал руку Уралу, говорят,
Сказал ему: «Будь зятем моим», говорят.

- Созвали [народ] всей страны,
Большую свадьбу устроили они,
Сказали: «Будь батыром страны!»
Уралу славу воздали они.
Увидев все это, Шульген,
Завидуя славе Урала,
Вынести [этого] не мог,
Зло в душе затаил,
- 3070 А Урал [Шульгена] жалел,
Вместе с Хумай решили они
Сосватать за Шульгена Айхылу
И выдать ее за него.
Думой этой поделились с Самрау они,
Посоветовались между собой,
Самрау согласие дал, говорят.
Решил вернуть Айхылу,
Еще раз созвать весь народ,
Выдать замуж Айхылу,
- 3080 Свадьбу [им] с Шульгеном сыграть.
Сказал: «Свадьбу справим,
Покончим дело добром», говорят.
В то время, когда шла свадьба Хумай,
В разгар самого веселья,
Задрожала земля, говорят,
Все удивились, говорят,
По-разному думали все.
«Что это такое?» — говорили они,
Посмотрели — небо [целиком]
- 3090 Охвачено красным огнем, говорят,
Все, кто смотрел вверх,
Растерялись, говорят.
Никто понять ничего не мог,
Не знали, что и сказать,
И когда в недоумении стояли они,—
«Не див ли уж это [летит]?» —
Все стали думать, гадать.
И тут только заметили, что с небес
С плачем-воплем падает, говорят,
- 3100 Что-то черное, охваченное огнем,
Все смотрели на это, говорят.
В небе огненный клубок
Схватил Урал, говорят.
Посмотрели все и узнали [ее]:

- Оказалось — это девушка Айхылу, говорят.
 [Когда] возвращалась домой,
 Пламя ее охватило, говорят,
 Она очутилась в огне, говорят.
 «Видела я, как Урал
- 3110 Камень закинул в небеса.
 Видела, как, поймав на лету,
 В сторону его метнул.
 Камень тот через моря
 Далеко полетел
 И на страну Азраки
 В одно мгновение упал.
 Земля раскололась пополам,
 Пламя взметнулось в небеса;
 То пламя захлестнуло меня,
- 3120 Не вынесла я —
 Упала, сознание потеряв,
 А потом, еле-еле придя в себя,
 Поспешила сюда».
 Когда [так] рассказала Айхылу,
 Сильно удивились все.
 «Вот шуму-то наделали Азраке!» —
 Думал так и радовался Самрау.
 Тут и понял Шульген, говорят,
 Смекнул, в чем дело, говорят.
- 3130 Понял он, что девушка та,
 Которую выдал за него Азрака,
 Назвав ее дочерью своей,—
 Это и есть Айхылу.
 То, что див ее дочерью назвал,
 Выдал за него, сказав: «Это моя дочь»,—
 Все это был обман --
 Так подумал Шульген.
 «Див меня заточил,
 Я от него убежал»,— сказав,
- 3140 Шульген всех обманул,
 Поверила этому [и] Айхылу.
 Хумай видела, что Шульген
 Вместе со змеем явился сюда,
 Змей сам сказал: «В жены ее возьму» —
 И все время об этом просил.
 Вспомнив это, встревожилась Хумай,
 Зародилось сомнение у Хумай.

«Оба батыра — мои зятя,
Опорой в моей стране
3150 Станут»,— сказал Самрау,
Возрадовался он.

Хумай вернулась во дворец.
[В подземелье] к Заркуму спустилась она,
Почуял в этом недоброе Шульген.
Испугался, что Заркум выдаст все,
Всю вину свалит на него;
Решил он любым путем
У Урала посох отнять:
Водой все затопить,
3160 Уничтожить, разрушить все,
На Акбузата сесть верхом,
Хумай с собой захватить
И бежать к Азраке —
Так порешил Шульген.
А Уралу он
Так стал говорить:
«Хочу и я славу добыть,
Пойду на страну Азраки,
Завоюю ее»,— сказал.
3170 Посох у него попросил.
«Пойдем-ка вдвоем [на небо],
Попробуем вместе пойти»,—
Ответил Шульгену Урал,
Но не согласился Шульген —
И Урал ему посох отдал.
Пока не вышла из подземелья Хумай
И, с Заркумом поговорив,
Не узнала тайну его,
Шульген посох схватил,
3180 Не дожидаясь Хумай,
Не встретившись с Айхылу,
Ничего не сказав Самрау,
В сторону отошел,
Посохом ударил [по земле],
Водой всех затопил,
В ужас поверг.
Увидев это, Заркум
Обернулся рыбой большой,
Вошедшую к нему Хумай

- 3190 Тут же проглотил.
Когда Заркум девушку проглотил,
Солнце затмилось в небесах,
Акбуз об этом узнал,
Бросился в поток Акбузат,
С шумом закипела вода,
Поняли все [тогда],
Что исчезла Хумай.
Когда Акбуз поток перекрыл
И преградил Заркуму путь,
3200 Тот выпустил Хумай.
Самого же Заркума он не поймал,
Удалось ему спастись.
Вернувшись [к Уралу], Хумай
Тайну [Шульгена] открыла [ему],
Понял в чем дело Урал.
«Брат мой оказался врагом»,—
Подумал он про себя.
Высох бушующий поток —
У посоха не хватило сил
3210 Против Акбузата устоять.
Встретились Заркум с Шульгеном, говорят,
Вместе отправились в [путь],
Пришли к Азраке, говорят,
Рассказали обо всем, говорят.
Опечалился Азрака,
Дивов своих созвал,
Охрану выставил у дворца.
Шульгену и Кахкахе,
Заркуму и дивам четверем ¹⁰
3220 Повелел возглавить войска.
Чтобы птицы не могли в небе летать,
Чтобы по земле люди не могли ходить,
Повелел дивам своим
Землю водой затопить,
Небо пламенем объять.
И вот однажды всю
Землю залила голубая вода,
Небо красным полыхающим
Пламенем-огнем занялось.
3230 В небе птицы не могли летать,

¹⁰ Букв. «Четырем-пяти дивам».

Ни одна душа места себе не находила на земле,
Измучились, исстрадались все.
|И вот| птицы и звери,
На земле падишаха-змея жившие,
Все вместе собрались,
С мольбой к Уралу пришли.
Не растерялся Урал,
Ни воды, затопившей землю,
Ни огня, охватившего небо,
3240 Не испугался совсем —
Вскочил на Буза верхом,
Взял в руку булатный меч,
Против дива-падишаха
Начал кровавую войну.

Месяц бился Урал, говорят,
Год бился Урал, говорят.
Не дал огню землю спалить.
Люди сделали лодки |себе| —
Не погибли, не утонули в воде.
3250 Бился беспощадно Урал,
Уничтожал дивов, говорят,
И так много их погибло, говорят,
Что |посреди| широкого моря
Возникла гора, говорят.
Где пересек море Акбузат,
Дорога поднялась, говорят,
И по дороге, что Урал проложил,
Шли люди следом за ним, говорят.
Днем бился Урал, говорят,
3260 Ночью бился Урал, говорят,
Во время битвы жестокой,
Когда он дивов сокрушал,
Столкнулся он с Азракой:
Друг против друга встали они,
Мечи скрестили они.
Сражались, говорят, они,
Бились, говорят, они.
И мечом рубил Азрака,
И огнем его палил;
3270 Когда меч над Уралом заносил,
Гром грохотал, говорят.
Если изрыгал на Урала огонь,

- Воды вскипали, говорят,
 Дрожала земля, говорят.
 [Но] не дрогнул Урал,
 Не растерялся он —
 Взял в руки булатный меч,
 Перерубил [надвое] Азраку,
 Изрубил на куски, искромсал,
 3280 Выбив у него [прямо] в воду меч.
 И тут будто содрогнулась земля —
 Бездыханный упал Азрака,
 А огромное, безобразное тело его
 Разделило море пополам —
 Возникла огромная Яман-гора.
 Чтобы люди могли взбираться на нее,
 Чтобы могли на раздолье отдохнуть.
 Урал скакал все вперед и вперед, говорят,
 Конь его рассекал море, говорят,
 3290 Там, где проскакал Акбузат,
 Дорогой, недоступной воде,
 Всплывала высокая гора, говорят.
 Все люди из воды
 На нее выбирались, говорят.
- Много лет сражался Урал,
 Множество дивов перебил,
 [Из их тел] возникло много гор.
 Дети, которые родились тогда,
 Когда Урал [только] вышел на бой,
 3300 Уже стали как те мужи, что могут сесть на коня.
 По дороге, по которой ехал Урал,
 Мимо гор, тянущихся грядой,
 На огненных тулпарах верхом,
 Вооруженные, как батыры, [едущие] на бой,
 Скачут четверо юных батыров, говорят,
 А за ними — след в след —
 Еще четверо скачут, говорят.
 [Урала] приветствовали они.
 Первый: «Я — сын твой, [Урал],
 3310 Дочерью Катила рожден.
 В восемь лет я сел верхом на коня,
 Много объездил стран.
 Ехал по твоему пути.
 В одном месте я видел кровь,

- Земля не впитывала ее,
Ворон ее не пил;
Вороны, хищники, собираясь [там],
Подходили и нюхали [ее] каждый день.
Вернувшись, я об этом матери рассказал,
3320 Спросил, какая тайна скрыта здесь.
Мать, ни слова не произнеся,
Горько заплакала тогда.
Я не знал, что и сказать,
Удивился, растерялся я —
Не мог тайную причину понять.
Долго я странствовал по разным краям,
Многих людей повидал,
Старых встречал и молодых —
[Каждого] о той крови расспрашивал я.
3330 Никто ясного ответа не дал,
А лишь так один говорил:
„Отец твой для нас что бог,
Дитя, он выручил нас.
Мы бережем честь отца твоего,
Помним о чести матери твоей.
Ты от отца своего жизнь получил,
Грудью матери вскормлен ты,
Ты им обоим — родное дитя,
А для нас — дорогое дитя.
3340 Без согласия матери твоей
Не раскроем тайну ребенку ее.
Ради уважения к отцу твоему,
К матери твоей мы [в том] поклялись.
Иди, дитя, возвращаясь [домой],
Попытайся мать расспросить,
Если откроет свою тайну мать,
Остальное додумаешь сам, дитя“.
Как только сказали [так], я вернулся домой,
Снова к матери обратился я.
3350 Ничего не сказала мать,
Тайну не выдала мне.
Сел и заплакал я тогда,
Но по-прежнему молчала она.
Спать уложила меня,
Баюкала, чтобы я заснул.
Я послушался ее,
Сделал вид, что уснул,

- Думал, может, она заговорит.
То ли решила она, что я заснул,
3360 То ли позабыла обо мне —
[Только] горько заплакала мать,
Задумалась, голову склонив,
И заговорила сама с собой так:
„Уехал мой Урал, исчез,
Не возвращается он домой.
Сын его вырос, сел на коня,
А отец и не знает о том.
Родился сын весь в отца —
Двойнсе сердце у него ¹¹,
3370 Кровь злодея — отца моего —
До сих пор не впитывает [земля],
А дитя, это увидав, без конца
Мучает расспросами меня.
Что же мне делать [теперь]?
Как удержаться, чтобы не рассказать?
Если расскажу, тайну узнает он,
Станет разыскивать отца,
Уедет он в чужие края,
Оставит в одиночестве меня“.
3380 Так горько причитала мать.
Поднялся я на ранней заре
И к крови направился той,
Вокруг кровавой [лужи] ходил:
„Вот ты, оказывается, какая кровь!
Тебя, оказывается, пролил мой отец,
Отцу моему, по имени Урал,
Оказывается, объявили войну.
Не потому ли не остываешь, кровь,
Что рука батыра коснулась тебя?
3390 [Не потому ли] не успокаиваешься ты?
Раз ты — грязная кровь,
Ворон тебя не пьет, не впитывает земля,
Пенишься, не сохнешь ты,
Постоянно мучаешься ты“.
После того, как я это сказал,
Кровавая [лужа], озером закипев,
Брызнула на белый камень,
[Который был] от кровавого озера в стороне,

¹¹ Храбрых и отважных людей башкиры называют людьми с двойным сердцем.

- Начала колыхаться кровь,
3400 О тайне своей поведала [мне]:
„Когда твой дед Катил
Пленил нас, батыров четырех,
Мы по его приказу вступили в бой,
Потому и превратились в злодейскую кровь;
Кровь нашу не впитывает земля,
Солище не иссушает нашу кровь.
Воронов просим мы —
Но и они нашей крови не пьют;
Разрывается у нас душа!
- 3410 К своему отцу Уралу поезжай,
О нашем горе ему расскажи:
Пусть способ найдет, как нас воскресить,
Чтобы сделать соратниками себе,
Мужами, способными в битву идти“.
Когда так сказала [кровь], тайну я узнал
И поведал о ней я матери [своей].
Подумала немного моя мать,
Направилась к горе,
Всех воронов собрала,
- 3420 Отослала [куда-то] ворона одного,
Каждый день [потом] ходила его встречать.
Спустя несколько дней
С шумом ворон прилетел,
Принес полный клюв воды,
Мать велела ему выплюнуть [ее] в кровь —
И воскресила [батыров] всех.
Четырем батырам сказала она:
„Вас унижал мой отец,
От него муки вы перенесли;
- 3430 Если Урала считаете другом своим,
То тех, кто отцу моему другом был,
Со света сживите всех!
Вместе с сыном моим
Поезжайте Урала искать,
Мой привет передайте ему“.
Взяв с собой четырех батыров,
Зная, что Урал — мой отец,
С мыслью: „Я — Яик — Урала сын“,
Мечтая твоим спутником стать,
- 3440 Пришел я издалека, тебя разыскал.
Чтобы тебе помощником стать,

- Пять раз обвязался поясом я ¹²,
Избрал для себя твой путь».
Второй: «Моя мать — Гулистан.
Когда мне было шесть лет,
Когда змей и Шульген издалека
Явились разграбить [нашу] страну,
Люди в ужасе
Бежали из страны,
3450 А моя мать в думах о тебе
От горя увяла [совсем].
Когда она не могла уже на ноги встать,
Когда пластом лежала она,
Змеи напали на страну,
Всю землю затопили водой.
И детям и старикам —
Всем лодки сделал я,
В лодки их всех посадил,
А сам в битву вступил один.
3460 Видя, что я страну отстоял от врага,
Что никто в воде не утонул
(Я-то ведь показался им
Маленьким ребенком),
Заркум ко мне подскочил,
Бросился с мечом [на меня],
Но не растерялся и я,
Как ребенок не поступил:
Сражался с мечом в руках,
Не уступая в силе ему,
3470 Не падал от ударов его,
Бился, как богатырь.
Заркум разъярился совсем,
Дивы, помогая ему,
Тоже ринулись [на меня].
Но я и тут не отступил —
И Заркума, и дивов [тех]
Изрубил на мелкие куски.
Обессилевшая, с трудом
Встала мать, подошла, положила
руку мне [на плечо]
3480 И со слезами на глазах
Так сказала мне:

¹² Выражение употребляется в значении: «собрался в дальний путь».

- „Отец твой — Урал-батыр,
 Ты, мой Нугуш, от него рожден.
 [Настоящим] батыром вырос ты,
 Стал уже помощником ему.
 Садись на тулпара, дитя мое,
 Стань сподвижником отцу, мое дитя!“
 Сказала ласково мать, потрепав меня;
 Поймав тулпара, мне его дала,
 3490 Указала дорогу мне,
 На битву проводила меня».
- Третий: «Моя мать — Хумай —
 В небо взлетает каждый день,
 К чему-то прислушивается она.
 „Ах, мой Урал, что с тобой?
 Я горюю, но не знаешь ты.
 Дивы и джинны собрались,
 Все вместе собрались.
 Как ты море переплывешь,
 3500 Затопившее землю [всю]?
 Дивов, проливающих кровь,
 Как же одолеешь ты?“ —
 Восклидая так, причитала она,
 Горевала в одиночестве своем.
 Потом пристально посмотрела на меня
 И сказала, вздохнув:
 „Ах, если б пораньше ты родился,
 Смог бы сесть на коня,
 Стал бы опорой отцу,
 3510 Уставшему от долголетних битв“.
 Говорит и баюкает меня,
 Плачет, всхлипывает она,
 Верно ребенком считая меня,
 Тайны не открывает своей.
 Ночью, когда спали мы,
 Кто-то ударил в дверь,
 Разлетелась вдребезги дверь —
 Див ворвался к нам в дом,
 Руки к матери протянул:
 3520 „Тому, кто страну погубил,
 Кто разрушил мою страну,
 Кто камень в скалы метнул,
 Дивов огнем опалил,
 Не возлюбленная ли ты, Хумай?

- Не та ли ты Хумай, что Уралу
Буза, воздвигшего горы, дала?
Не та ли ты Хумай, что ему булатный меч дала
И, дивов смерти предав,
Покой обрела?
- 3530 Отвечай же быстрее — так или нет?!
Голову тебе сейчас отрублю,
Отрублю и крови твоей напьюсь,
Тело твое швырну в огонь,
А [к ногам] Урала голову брошу твою.
Горе ему причину —
Половину сил у него отниму“.
Сказал и на мать бросился див,
Но остановился, увидев меня.
„Не батыр ли это дитя,
3540 Что от Урала рожден?“ —
[Див] проговорил.
Мать, не в силах слова сказать,
В страхе стояла [большом].
Слезы выступили у нее на глазах,
Сильно встревожилась за меня.
Но я ребенком себя не считал,
Не долго думая,
На дива бросился я.
Из одной головы он метал огонь
- 3550 И ядом хлестал из другой.
То он брал верх [надо мной], то я —
Вскочил я на него верхом.
Не было дубинки у меня в руках,
Голыми руками [сражался я].
И все же я не уступал,
Спуску диву не давал,
Стал колотить его кулаком,
Сдавил горло ему —
Изо рта его хлынула кровь,
- 3560 Еще раз ударил его,
Изнемог [див], ослаб,
На ногах не смог устоять.
Ударил еще раз с размаху его —
Рухнул он, как гора,
Дух испустил див.
Кровью наполнился дворец;
Мать — по пояс в крови —

Со словами: „[Видно], жажда [мучит тебя]“, —
воды мне дала,

- А у самой от радости светится лицо.
3570 „Ты батыром от батыра родился,
Батыром стал под стать отцу;
Хоть тело, как у ребенка, твое,
Хоть сердцем ты еще юн,
Но теперь ты возмужал.
Отец твой сражается один,
Переживает тяжелые дни.
Пусть отец не будет один,
Пусть враги не сразят [его] в бою,
Поезжай к отцу, соратником его стань“ —
- 3580 Так напутствовала [меня] мать.
Ищущий своего отца
Я — сын твой, по имени Идель,
Прибыл я прямо к тебе».
Четвертый: «Моя мать — Айхылу,
Отцом мне был Шульген,
Братом он приходится тебе,
Он к дивам перешел.
Много крови он пролил,
Стал враждебен добру.
- 3590 Мать, пойдя [за него], обрекла себя на позор,
От горя пожелтело [ее лицо].
Не выдержала мать,
Позвала меня к себе
И так сказала она:
„Я дитя, рожденное Луной,
Озаряющей светом темную ночь,
У матери любимым ребенком была.
Когда Шульген стал мужем мне,
Мать моя скрыла свой лик,
- 3600 Печаль покрыла ее лицо,
Родимые пятна появились на нем.
И день ото дня меняется ее лик,
Меркнут ее лучи, стыдится позора [моего].
Хоть [Солнце] и соперница ей,
Лишь светом Солнца лучится теперь.
Опозорен был и мой отец,
Обманулся, выдав за Шульгена [дочь],
Видно, горе выгнало [из дому его],

- Теперь он скрылся с глаз.
- 3610 Дам рыжего тулпара [тебе],
Его я для жениха берегла,
Дитя мое, садись на коня,
Вместе с Иделем отправляйся [в путь],
Вслед за Уралом — отцом твоим —
Скачи на битву, мое дитя.
Будь батыром, Хакмар,
Отца своего разыщи“».
Слова егетов четырех
Выслушал Урал-батыр.
- 3620 Своими глазами увидал,
Как выросли [его] сыновья,
Батырами став.
Обрадовался Урал-батыр;
Прибавилось силы у него,
На Акбузата он вскочил.
[Пять батыров — отец и сыновья —
Батыры друг другу под стать,
И с ними четыре батыра тех]
Против дивов открыли войну,
- 3630 Сокрушили, разбили [их].
Месяц бились они, говорят,
Год бились они, говорят.
[Однажды] в жестоком бою
Свалили они Какхаху.
Вспенивая море, барахтался он,
Испускал пронзительный крик,
Вопил, извергая гром.
Из кусков его тела в море
Сложили еще одну гору.
- 3640 Заколдованное море Шульгена
Надвое разделила [гора].
Дивы, что плавали в воде,
Оказались по обе стороны [горы].
Растерялся Шульген,
Не знал, что и делать ему.
Тех, кто остался с его стороны,
Всех вместе собрал;
А Урал снова отправился в путь,
Против дивов начал войну.
- 3650 Когда разгорелся сильный бой,
Когда в небе огонь бушевал,

- Когда морские воды разлились,
Когда вскипала вода,
Оба — Урал и Шульген —
Сошлись лицом к лицу,
Друг с другом схватились они.
По-разному бились они:
Шульген с посохом [своим]
Яростно на Урала напал,
3660 Хотел его огнем спалить,
Хотел ему голову снести.
Без всякого страха Урал
Выхватил свой булатный меч,
И с яростью большой
По волшебному посоху ударил он.
Разбился посох на мелкие куски,
Гром раздался в небесах,
Исчезло море, озером став;
Дивы, оставшись без воды,
3670 Ослабли, лишились сил.
Урал Шульгена схватил,
А сыновья его и конь Акбузат
Уничтожили дивов остальных.
У Шульгена не хватило сил
Перед Уралом устоять,
Бился, но не выдержал он,
На землю Шульген упал.
Подскочил к Шульгену Хакмар,
Мечом замахнулся на него;
3680 Но Урал не позволил [нанести удар] —
Остановился, не ударил Хакмар.
Урал собрал [всех] людей,
Шульген перед ними предстал.
«С детства ты коварным был,
Тайком крови испил,
Не послушался отца,
Ко злу склонился ты,
Отвернулся от добра.
С войском своим в крови потонул,
3690 Страну водою затопил,
Страну огнем опалил.
Дивов выбрал себе в друзья,
Людам ты стал врагом;
Зло сделал своим конем,

- Окаменело сердце у тебя.
Отец стал тебе чужим,
Материнское молоко в яд превратилось в тебе.
В дороге я был попутчиком тебе,
Думал, что в битве ты помощник [мне];
- 3700 Девушку выбрал — я уступил,
Коня облюбовал — я уступил;
Славы ты захотел —
Я не противился желанию твоему.
Посох [волшебный] я тебе отдал,
А ты закрыл глаза на добро,
Жаждал ты кровь пролить;
Страну поверг в огонь,
Многих в воде потопил,
Лжи дивов поверил ты,
- 3710 Заставил людскую кровь пролить.
Из двух [красавиц], что [для родителей] —
зрочки их глаз,
[Ту], что, как молоко, чиста,
Выдал я за тебя
В надежде, что сердцем ты чист,
Расхвалил, чтоб она полюбила тебя,
Ты же слова своего не сдержал,
От добрых дел отошел,
Не послушался отца,
Словам матери ты не внял.
- 3720 Всю страну водой затопил,
Проливать людскую кровь
Дивов своих напустил;
Землю обезобразил ты —
Ровную поверхность земли
Ямами, буграми покрыл.
Добро взяло верх над злом —
Ты это узнал теперь?
Человек на свете сильнее всех —
Ты это увидел теперь?
- 3730 Отные дивов [поверженные тела]
Станут горами — прибежищем зверей,
Отные войны Какхахи
Не в силах будут воевать ¹³.
И если клятву не дашь, землю поцеловав,

¹³ Букв. «Воины лишатся ног».

- Голову не склонишь перед людьми,
Честное слово не дашь,
Если ты слезы людей
Не примешь на совесть свою
И если при встрече с отцом
3740 Не скажешь: „Я виноват“,
То голову твою швырну, как точильный круг,
Сотру тебя в муку-толокно,
Душу твою, трепещущую, как мотылек,
В ночной туман обращу,
Окровавлю тело твое,
Унесу и захороню на горе
Под названием Ямантау*,
Которая возникла из тела Азраки.
На вершину ее не придет ни одна душа,
3750 [Никто] не придет разузнать о тебе,
Не помянут тебя добром;
Ни травинки не вырастет [на горе] —
От солнца потрескаешься ты;
Для ползучих, таящихся змей,
Для орлов, замышляющих зло,
Для стервятников кровожадных,
Высматривающих добычу свою,
Для новых злодеяний их
Будешь ты [той] черной скалой».
3760 То, что сказал Урал,
Выслушал Шульген
И испугался, что Урал
Не пожалеет, убьет его.
[Стал он ему говорить:]
«[Позволь мне] в озере,
Оставшемся от моря,
Сотворенном волею злою моей,
Омыть [в этом озере] лицо;
Чтобы никакого зла не творить,
3770 Обычаев не нарушать,
Я буду всегда с тобой,
В дружбе с людьми буду жить.
Стану батыром страны,
Стану мир соблюдать в стране;
Урал, стану целовать твой след,
Стану настоящим братом тебе,
Вместе с тобой построю жилье,

- Увижу своих отца и мать,
Им свое слово дам».
- 3780 «Лицо твое, кровью налившееся,
Не отмоет озерная вода,
Сердце твое, крови жаждавшее,
К добру дороги не найдет.
Утонувшие в крови, огнем опаленные
Люди не сделают другом тебя;
[Сердце], полное ненависти к людям,
В проклятьях, как камень, затвердевшее,
Обратилось огнем против добра,
Даже частицы жалости
- 3790 С самого рождения не было [в тебе],
Сердце твое ядовитое
Не оттает — [скорей] камень расплавится;
Оно не способно на добро,
Людей оно близкими не признает.
Если полюбишь ты людей,
Если батыром хочешь стать,
Вместе с другими жить, благоустроивая страну,
То считай врагами тех,
Кто стал врагом для людей,
- 3800 Заполни озеро кровью врагов
И, сочтя ее за воду, омой свое лицо.
Против людей шел ты войной,
Понапрасну кровь проливал,
Зло за славу принимал,
Позором считал делать добро,
Возгордился, спесивым [стал],
Весь напыжился ты.
- Почерневшая твоя кровь
[Пусть] напомним о прошлом тебе,
- 3810 Пусть сердце заное твое,
Пусть тело твое иссохнет, заныв,
Пусть в страданиях очистится душа,
А в сердце твоём черная кровь
Пусть высохнет и заалет вновь.
Тогда человеком станешь ты,
С нами останешься в нашей стране,
Будешь батыром в бою».
Когда сказал так Урал,
Снова взмолился Шульген,
- 3820 Просьбу высказал свою:

- «Лев, на котором я ехал верхом,
Дважды споткнулся,
Дважды я ударил его так,
Что на теле выступила кровь,
Искры посыпались [у него] из глаз,
Он упал к моим ногам.
В третий раз споткнулся он —
С мольбой посмотрел на меня
И поклялся, что отныне никогда
3830 Спотыкаться не будет он.
Я больше не ударил его
И не стал его ругать.
[Вот так] и твой брат Шульген
Дважды пропал,
Уподобившись споткнувшемуся льву,
Тревогу в твое сердце вселил.
На третий раз я пойду,
Дивов разгромлю,
Смою с себя позор ¹⁴,
3840 Чистым предстану пред тобой,
Землю поцелую [свою],
Стану другом для людей,
Вместе с ними построю жилье». Урал решил согласиться с ним.
[В последний раз его испытать:]
«Если честью поступится муж,
В жизни надежды потеряет на все.
Если затаит злобу на людей ¹⁵,
День для него превратится в ночь.
3850 Тому, у кого жестокая душа,
Черной ночью становится день.
Будет он довольствоваться охотой по ночам
На птиц, что не видят в темноте.
Когда же для людей настала ночь,
Для тебя она была светлым днем.
Убивая исподтишка людей,
Ты себе славы искал,
Дивов, людям враждебных,
Друзьями своими избрал;
3860 Не думал ты, что в черную ночь

¹⁴ Букв. «Вымою черное лицо».

¹⁵ Букв. «Если будет людям кости считать».

Луна взойдет для людей,
Когда же зайдет луна и займется заря,
Не знал ты, что засияет день.
Теперь своими глазами увидел,
Что для людей наступил день,
А для дивов и для тебя
Настала черная ночь.
Море твое, где плавали дивы,
Обернулось землей,

3870 Падишах твой, по имени Азрака,
Обернулся скалистой горой;
От злодея и девушки чистой
Родился батыр по имени Хакмар.
Что мужчины, кого пожирала змея твои,
Что девушки, [сидевшие] взаперти,
[Снова] радость обрели,
Придя сюда, будто [заново] родились,
Если поймешь [хоть раз],
Что, когда борешься против людей,

3880 Со злым умыслом начав войну,
Никогда их не победишь;
Если ты подумаешь [обо всем],
Если ты оставил коварство [свое],
Если человечность предпочел,
Если со своего [споткнувшегося] льва
Сможешь взять пример,
То я еще раз исполню просьбу твою,
Буду ждать от тебя добра.
Ради отца моего,

3890 Помня о матери мсей,
Испытаю тебя еще раз,
Исполню желание твое».

Проводив Шульгена в путь,
Урал созвал всех людей и [сказал]:
«Смерть, видимую для глаз¹⁶,
Мы прогнали из страны, уничтожили [навсегда],
Кровожадных дивов [всех]
Перебили, горы сложили из них.
Теперь пойдем из Живого Родника

¹⁶ Имеются в виду всевозможные враги людей: дивы, змеи и т. п. По древним представлениям башкир, настоящая смерть невидима.

- 3900 Воду вычерпаем всю,
Всем людям раздадим.
От Смерти, невидимой для глаз,—
От недугов и болезней,
От немощи и от боли —
Мы избавим людей,
Всем радость принесем,
Бессмертными сделаем [всех]».
Когда говорил так Урал,
К ним приблизился старик, говорят,
- 3910 Он вздыхал и жалобно стонал,
С мольбою Смерть призывал.
Костями он гремел,
Тело иссохло его,
Кто были его отец и мать,
Он не знал.
И так, говорят, он сказал:
«Многие поколения я пережил,
Побывал во многих краях,
Когда чувств никаких не имели,
- 3920 Когда страха люди не знали,
Отцы не признавали своих детей,
А дети не знали отцов —
Вот такое я [время] видал.
Когда люди, вместе собравшись,
Парами соединились;
Когда сильные племена
Грабили слабые, — и такое я видал.
Когда змеи, дивы и [их] падишахи
Преследовали людей,
- 3930 Кого встречали поодиночке,
Они съедали, головы себе растя,
Некоторых обращали в рабов,
Вершили в стране свою власть ¹⁷,
Заставляли людей стенать —
Плакали кровавыми слезами тогда,—
Я рос егетом тогда.
О Смерти не ведал я,
Я не видел сирот.
Когда дивы наполнили страну,
- 3940 Когда змей многих проглотил,

¹⁷ Букв. «Грудь расправили над страной».

- Когда пред глазами предстала Смерть,
Думал я: „И мой когда-то настанет день.
Если я ничего не сделаю сам,
То родится же в стране батыр!
Дивов и [всех] змей
Однажды он перебьет.
В тот день у людей
Будет радостный пир.
Чьи сердца болью полны,
- 3950 Чьи глаза помутнели от кровавых слез,
Улыбка появится у [тех] людей,
Свободно они вздохнут,
На земле построят счастливую жизнь“.
Этого я с нетерпением ожидал —
Чтобы Смерти душу не отдать,
На пиру том побывать,
Я испил воды из Живого Родника.
Часто встречал я Смерть —
Меня обрызгивала кровь,
- 3960 За глотку хватала не раз,
Часто к горлу приставляла нож,
Выпускала мою кровь,
Кости ломала мне —
И тогда не поддавался я.
„Душу возьми!“ — [ей] не сказал,
Боролся, не отдавая души,
Со Смертью боролся я.
Теперь я увидел этот пир,
Поэтому явился к вам,
- 3970 Чтобы приветствовать вас;
Радостные лица людей
Своими глазами увидел;
У назвавшихся людьми
Богатырство увидел я.
Теперь без сожаления умру.
Большая суша, [возникшая] там, где ты прошел,
Достойна людям пристанищем быть,
Горы, что ты из дивов воздвиг,
Станут обиталищем для зверей.
- 3980 И каждый на раздолье
С парой своей способен будет плодиться.
Из поколения в поколение умножится потомство.
Станут [люди] жить весело,

- Обживутся [здесь], счастье найдут,
Будут свое прошлое воспевать.
Понял я, что этот народ
Будет [вечно] жить.
Егет мой, ты батыром оказался,
Словно зрачок глаза,
3990 В стране своей бесценным оказался;
Ты достоин, чтобы поколения
За поколениями восхваляли тебя.
Чтобы стране счастье ты принес,
Дал тебе жизнь отец,
Мать вскормила тебя молоком,
Сердце твое твердо к врагам,
Доброе оно к друзьям,
Батыром [отец с матерью] взрастили тебя,
Первыми на льва посадили [тебя],
4000 Направили тебя по [пути] добра.
С красавицей, чье, словно солнце, лицо,
С красавицей, чей стан ни с чем не сравним,—
С Хумай повстречался ты.
Пошел ты на дивов войной,
Сел на Акбузата герхом,
Который станет огнем против огня,
Водой станет против воды,
Горою станет против ветров,
Войском станет против войск.
4010 Считая, что ты единственный,
Кто на земле море осушил,
Кто на землю счастье принес,
Кто принес свободу стране,
Явился я к тебе.
Во мне душа, [трепещущая], как мотылек,
Во мне крови на один глоток —
В чем только держится душа!
Разбиты кости мои,
[Только] тело не развалилось.
4020 Помутился рассудок мой,
Жить дальше не в силах я.
Пытался звать я Смерть,
Хотел ей себя отдать,
Но не взяла Смерть душу мою,
Отказалась ее принять, сказав:
„Испил ты воды из Живого Родника,

- Сделал ее силой против меня.
Вовек не возьму душу твою,
Не убью я тебя.
- 4030 Силы иссякнут, [но] останешься в живых,
Будешь мучиться, но не сможешь умереть,
Истлеет червями изъеденное тело,
[Но] и тогда ты не умрешь,
Из этого мира не уйдешь.
Напрасно будешь ждать меня,
В ожидании истомись, исстрадаешься ты“.
Егет, явился я к тебе,
Пришел и поведал о себе,
Прислушайся к тому, что скажу,
- 4040 Есть мне о чем тебе рассказать.
Достоин примером стать для людей
Жизненный опыт мой.
Желая на этом свете вечно жить,
Желая быть вечным, как мир,
Чтобы Смерти неподвластным стать,
Подчиняться не желая ей,
Не пейте из Живого Родника,
Не обрекайте себя на муки, как я;
Мир — это сад,
- 4050 [Все] живое в этом саду
Из поколения в поколение растет.
Одни оправдывают свой рост,
Другие позорят [этот сад],
А между тем [все они] украшают сад
в разные цвета,
Все это — растения и цветы.
То, что мы смертью считаем,
Что злом привыкли называть,—
Это есть вечный порядок,
И в саду слабые растения
- 4060 Или отжившие свой век
Выдергивают и очищают [сад],
На гибель обрекая их.
Не ищите бессмертия себе,
Не пейте из Живого Родника:
На свете остается [лишь] то,
Что составляет мира красоту,
Что украшает наш сад,—
Имя ему добро.

- В небо воспарит добро,
4070 В воде не утонет добро,
В огне не сгорит добро,
Неустанно говорят о добре,
Оно превыше всех дел
И людям и тебе самому
Станет источником¹⁸ вечного бытия».
Услышав слова старика,
Урал всю тайну познал,
И вместе со всеми людьми
Отправился он в путь,
4080 К Живому Роднику пришел, говорят,
Полный [рот] воды набрал, говорят,
По дороге сам поскакал,
Подъехал к возникшей из дивов горе,
Побрызгал там водой, говорят.
«Пусть зеленеют горы и леса,
Пусть обретут вечный цвет,
Пусть птицы воспевают [мир],
Пусть люди в песнях восхваляют его,
А враги, сбежавшие с [нашей] земли,
4090 Пусть завидуют ее красоте;
Быть стране достойной любви!
Быть саду достойным земли!
На зависть нашим врагам
Пусть сияет [наша] земля!» —
Такие слова произнес [Урал], говорят.
Там, куда больше попало воды,
Сосны и ели стали расти,
В холод не роняющие цвет,
Не засыхающие в жару,
4100 Не поддающиеся насекомым, червям.
Листья у растений [тех]
Нежные развернулись, говорят,
И вечнозелеными остались, говорят.
Весть об этом до Шульгена дошла.
«Отныне защитницей моей,
Что способна людей
Поочередно хватать,
Со света постепенно сживать,
Остается на свете Смерть.

¹⁸ Букв. «станет пищей».

- 4110 Ей теперь раздолье пришло.
 Мне поможет она
 Людей со света сживать»,—
 С радостью думал он.
 Собрал Шульген дивов и змей,
 Поведал [им] обо всем.
 Всем дивам велел, говорят,
 Уралу не подчиняться,
 Людям воды не давать.
 Месяцы, дни проходили, говорят,
- 4120 Люди жилье построили, говорят,
 Стали друг к другу ходить,
 Устраивать вместе игры, веселье,
 Сватами-кумовьями сделались [они],
 Стар и млад вздохнули легко,
 Отдыхая от кровавых битв,
 Свободно вздохнули, счастье обрели,
 Получив долгожданный покой.
- Но вот все снова началось:
 Девушек, что ходили за водой,
- 4130 Мужчин, что отправлялись в путь,
 Дивы стали подкарауливать, говорят.
 Придут за водой — их проглотят, говорят.
 Повалят, кровь выпьют, говорят,
 Сердца им вырвут, говорят,
 Таящиеся в скалах змеи
 Жалили людей, говорят.
 Люди от этого стонали,
 В страхе, с мольбой
 Все к Уралу пришли,
- 4140 Обо всем рассказали ему.
 Урал собрал [всех] людей,
 От дивов [их] под защиту взял.
 А дивы, об этом узнав,
 Перестали появляться на земле,
 Но Урал не стал их ждать.
 Иделя, Яика, Нугуша,
 Хакмара и батыров других
 Поставил во главе своих войск.
 Взял свой булатный меч,
- 4150 Сел на Акбузата верхом,
 В ярости, с грохотом

- На Акбузате горячем,
Бурю поднимая на земле,
Волны вздымая на воде,
Направился к озеру Шульгена.
«Озеро это выпью до капли,
Воды не оставив, его осушу.
[От] не дающих человеку покоя,
Оставшихся [там] скрывшихся дивов,
- 4160 От Шульгена вероломного
Всех людей избавлю я!» —
Сказал и из озера начал пить,
В нем закипела вода,
Дивы в страхе заголосили,
Шульген их всех вместе собрал.
Урал пьет из озера, говорят,
Дивы заполняют его нутро, говорят,
Уралу один за другим
Точат сердце и печень, говорят.
- 4170 Когда много дивов проникло внутрь,
Когда источили сердце ему,
Урал выплюнул озеро обратно, говорят.
А выскочивших дивов
Батыры поймали, говорят.
Не в силах удержаться на ногах
И снова в битву вступить,
Свалился тут Урал.
Собрались люди все,
Горько плакали, говоря:
- 4180 «Был он счастьем народа».
Урал: «Свсими глазами все видели:
В рот мне вместе с водой
Несметная свора дивов вошла,
Сердце мое источили они,
Отняли силу у рук.
Народ мой, вот что я скажу,
К вам обращаюсь, дети мои!
В лужах, озерах и впадинах —
Всюду дивы будут водиться,
- 4190 Зло они будут творить,
Проникать во внутренности к вам.
Коварство дивов [тех]
Постигнет всех вас,
Все погибнете от него.

- Не пейте воду из озер,
Не подвергайте опасности себя,
Подчинившись дивам [тем],
Не сидите руки сложа,
Я пошел против дивов войной,
4200 Очистил от дивов моря,
Помог [вам] найти жильё на земле,
Я людей от злодеев
Старался освободить.
У меня конь Буз верховой,
В руке [у меня] булатный меч;
Чтобы войско собрать на моей земле,
Страна большая есть у меня,
В стране есть помощники у меня —
Есть отважные мужи,
4210 Цены я им не знал,
Гордый богатырством своим,
Не стал советовать [ни с кем],
В одиночку все решил —
Неудачную дорогу избрал.
Слушайте, сыновья мои, обращаюсь к вам,
Народ мой, слушай, обращаюсь к тебе:
Пусть ты — муж сильный, как лев,
И от рожденья у тебя рука богатыря,
Но, пока не постранишь, не повидишь страну,
4220 Пока не походишь по колено в крови,
Не станет отважным сердце твое.
Зло в попутчики себе не бери.
Не посоветовавшись, не делай ничего.
Сыновья мои, к вам слово мое:
На землях, что очистил я,
Счастье найдите для людей;
Будет битва — возглавьте [войска],
Благоустраивайте страну для людей,
Славными батырами станьте вы,
4230 Чтите старшего по годам,
Не пренебрегайте советами его;
Младшего чтите за молодость [его],
Не лишайте совета [своего].
Тем, в чьем глазу соринка,
Которая слепым его сделать грозит,
[И] для несчастных сирот
Будьте ресницами [их] глаз.

- Акбузат мой и булатный меч
Останутся для [отважных] людей;
4240 Батыру, что сможет на нем скакать,
Кто способен меч поднять в бою,
[Акбузат] станет верховым конем.
А мужам, кто отваги лишен,
Мой конь будет чужим.
Скажите своим матерям,
Пусть не сетуют на меня,
Пусть молвят: „Прощай, мой муж!“
А всем вам вместе так скажу:
Пусть добро станет вашим конем,
4250 Человек — пусть будет имя вам.
Не уступайте дорогу злу,
Не сторонитесь добра!»
Вымолвив такие слова,
Умер батыр Урал, говорят.
В скорби весь [народ]
Низко голову склонил, говорят.
В небе падающая звезда
Весть Хумай подала.
Надела птичий наряд Хумай,
4260 Тут же прилетела, говорят.
Лежавшего мертвым Урала
В губы поцеловала, говорят:
«Ах, Урал мой, Урал,
Не застала тебя в живых,
Не слышала твоих последних слов,
Чтобы печаль свою облегчить.
В юности встретила тебя,
От радости девушкой обернулась я,
Сбросила свой птичий наряд;
4270 Когда на злодеев ты войной пошел,
Дороги добру открывал,
Когда на Акбуза сел верхом,
Взяв в руки булатный меч,—
Самой счастливой я в мире была,
Провожая тебя [в путь].
Не успела застать тебя в живых.
Ты меня в губы не поцеловал,
Не знаю, что ты хотел сказать.
Что теперь делать мне?
4280 Не знаю, что и сказать!

- Если девушкой обернусь, на кого посмотрю?
Хоть имя останется мое Хумай,
Хоть люди считают девушкой [меня],
Не сброшу теперь птичий наряд,
Не стану красавицей вновь,
Чтобы не привлекать чужой взгляд.
Не найду такого батыра, как ты,
Не смогу матерью батыра стать;
Акбузату и булатному мечу
4290 Не смогу выбрать батыра под стать;
В облике птицы останусь навек,
Снесу неоплодотворенное яйцо;
Родится дитя — птицей будет [оно],
Словно помыслы чистые твои,
Белым будет его цвет.
Что теперь делать мне?
У дороги, по которой ты скакал,
На твоей горной гряде,
Могилу вырою, тебя похороню,
4300 Помяну тебя добром.
Большую дорогу, по которой ты скакал,
Никогда не зальет вода.
Оставшаяся от тебя большая гора
Тебя в свои объятия возьмет
И пребудет вместе с тобой
Вечно на этой земле.
Ты море осушил ¹⁹
И стал батыром на [земле],
Там на берегу страну основал;
4310 В объятиях большой горы
Бесценным для страны,
Дорогим для каждого из людей,
[Дорогим,] как сама душа, —
Таким [навсегда] останешься ты.
Нетленным золотом будешь ты.
Прославишься среди людей,
В мире останешься богатырем».
Сказала так Хумай
И Урала похоронила на горе, говорят,
4320 Хумай улетела, говорят,
Покинула страну, говорят,

¹⁹ Букв. «Ты вскрыл поверхность моря».

- Дорога Урала — высокая гора,
Могила Урала — славная гора —
Стала именоваться Урал [-гора].
Спустя много лет,
Соскучившись по Уралу, Хумай
Вдоль по дороге его
Полетела, махая крыльями,
Опустилась на гору-скалу,
4330 Думая об Урале, изливая свою грусть,
Лебедушкой обернулась, вывела птенцов —
Лебединое племя размножилось.
Узнали люди о том, говорят,
Считая [этих] птиц потомством Хумай,
Признали [их] как сородичей своих
И порешили между собой
Не охотиться на них,
Поймав лебеда, не есть.
Размножились лебеди, говорят,
4340 А мясо лебединое люди
Стали запретным считать, говорят.
- Не усидела Хумай, улетела, говорят,
То улетала, то прилетала, говорят.
«Там спокойная страна», — решив,
Она привела [туда] птиц,
За собой их ведя,
К горе Уралу прилетела, говорят.
Урал с тех пор
Дичью и птицами полнился, говорят.
4350 Услыхав, что слетелись птицы [туда],
Что спокойная эта страна,
Бык Катила племя свое,
Став его вожаком,
На славные отроги Уральских [гор],
Под укрытие прекрасных Уральских [гор],
Решив вместе со всеми жить,
К Уралу его привел,
Покорился человеку он.
Акбuzат тоже по всей стране
4360 Собрал племя лошадей
И, став их вожаком,
На [Уральские горы] привел, говорят.
Приручили люди [лошадей],

- Стали они служить для верховой езды,
И размножилось племя лошадей, говорят.
Каждый месяц и каждый день
Все новыми животными полнился Урал.
Люди по дням прихода
[Каждого из] этих животных и птиц
- 4370 Разделили месяцы и года,
Дав им название [в том порядке],
как они пришли ²⁰.
- После того как умер Урал-батыр,
Когда в могиле он истлел, говорят,
[Прах] его в могиле засиял, говорят.
Люди такое увидав,
Собрались все вместе, говорят,
Каждый по горстке земли взял, говорят,
И все восславляли его, говорят,
Со временем на месте том
- 4380 Образовалось золото, говорят.
- Размножились птицы и звери —
Воды в родниках стало не хватать,
А из озера боялись пить.
К Иделю, Яику,
К батырам Нугушу и Хакмару
Люди, собравшись, пришли.
«Что делать нам?» — спросили все,
Растерявшиеся сказали они.
Задумался Идель, говорят.
- 4390 Булатный меч, оставшийся от отца,
В руки он взял, говорят,
На Акбузата сел верхом,
Собрал весь народ и сказал:
«[Пока] в воде, которую мы пьем,
В мире, в котором мы живем,
Не исчезнет зло, не родится живая душа,
А если и родится, то не будет в спокойствии жить.
Против Шульгена битву начнем,
Разобьем все его [войска] —
- 4400 И будет вода для людей,
Мир воцарится в стране».

²⁰ В древности башкиры вели летосчисление по двенадцатилетнему животному циклу.

- Только он это сказал
 И собрался было войско повести —
 Подлетела Хумай, говорят,
 Сказала она так, говорят:
 «Разве растерянность к лицу
 Егету, что от батыра рожден?
 Никто из родившихся на свет
 Не смог бы такое вообразить,
- 4410 Сердцем почувствовать бы не смог,
 Что кто-то в море проложит путь,
 Дивов в горы превратит,
 Целое море осушит
 И там, где прошел его путь, будет страна,—
 Кто только подумать об этом мог?
 Хоть и умер твой отец,
 Меч булатный оставил тебе,
 Оставил белого коня.
 Отец твой из дивов горы воздвиг,
- 4420 Дороги остались там, где он проскакал,
 Воды плохие очистил он,
 Страну свою объединил,
 И вам, умирая, отец [сказал]:
 „Не пейте воду из озер,
 Чтобы не погубить себя“.
 Разве он [так] не говорил?
 Хоть ты на Шульгена пойдешь войной,
 Разгромишь его в бою,
 Но от его озера не будет пользы людям,
- 4430 Не станет им материнским молоком,
 Не утолит оно жажды людской».
 Услыхав от Хумай эти слова,
 Призадумался Идель, говорят,
 С Акбузата соскочил, говорят.
 Булатный меч своего отца
 Взял в руки, говорят.
 На высокую гору поднялся,
 Остановился он там.
 «В руках моего отца
- 4440 Этот меч дивов крошил;
 Сын, что от Урала рожден,
 Достоин ли имя батыра носить,
 Когда от жажды страдает народ,
 Когда он мучается и не может воду найти?

- Мужское ли дело [вот так] стоять?» —
 Громко сказал так Идель
 И гору рассек пополам, говорят,
 Серебристый белый ручей
 Тут же, журча, побежал, говорят,
 4450 Заструился по горе, говорят.
 До образовавшейся из тела Азраки
 Горы Ямантау он добежал,
 Гора преградила путь ручью.
 Подошел и размахнулся Идель,
 Перерубил [гору пополам],
 Дальше потекла река, говорят.
 Гора, на которой стоял Идель,
 Гора, которую он, изловчившись, перерубил,
 Из той горы речка потекла —
 4460 Иремель * стали ее называть, говорят.
 У большой горы, преградившей путь реке,
 То место, где ее рассек [Идель],
 Стало именоваться [ущельем] Кыркты *.
 Вода, которую добыл Идель,
 Река, что красиво с журчанием потекла,
 Стала называться рекой Идель, говорят.
 Все подошли воды испить, говорят,
 Глядя, как течет вода,
 Обрадовались все
 4470 И сказали так, говорят:
 «Белая река, что открыл Идель-батыр,
 По долине с журчанием бежит,
 Сладкие воды Идель-реки
 Смывают грустные думы навсегда,
 Радуют плачущий кровавыми слезами народ,
 Воспевает народ, желая [ему] долгих лет,
 Батыра, что от Урала рожден.
 Сладкие воды Идель-реки
 Смывают грустные думы навсегда,
 4480 Радуют плачущий кровавыми слезами народ».
 Так люди восхваляли [реку],
 Кровавые слезы перестали лить.
 В благоденствии весь народ
 В долинах [реки] Идель
 Стал жилища строить [себе],
 Год от года умножался их род —
 В стране стало много людей.

И долины Иделя стали тесны.
Четверо батыров, собравшись,
4490 Сели вместе, задумались они:
Яик, Нугуш и Хакмар
Новые реки начали искать.
Они тоже, как Идель,
Один за другим
Ударили булатным мечом —
От их ударов три реки
Побежали, журча, говорят.
Собрали они свой народ,
Между четырьмя батырами разделился он,
4500 Вдоль четырех рек
Расположили жилища [свои] —
И стали отдельными [родами] жить.
Четырех батыров имена
Стали названиями четырех рек.
И остались незабываемыми
В поколениях [их имена].

АКБУЗАТ

1. Говорят, давным-давно, когда у мальчика по имени Хаубан умер отец и пропала мать, в пять-шесть лет он остался сиротой. А поскольку он был мал и справляться с тяжелой работой не мог, то жил тем, что ходил из дома в дом и со слезами выпрашивал еду, говорят.

2. Однажды вышел он в поле. Он радовался роднику на лужайке, словно озеру, кваканью лягушек, словно шуму свадьбы, дикому луку и щавелю, словно праздничному угощению. [И вот], когда он шел, услышал звуки курая * и направился в ту сторону, откуда доносились звуки; пробираясь через болота, он пошел по долине к Идели *, говорят. Повстречал он, говорят, старика Тараула, который пас коров у бия Иргиза. Старый Тараул спросил Хаубана о здоровье, все ли благополучно [в его] краях. Говорят, Хаубан ему обо всем подробно рассказал, начиная от смерти отца до того, как исчезла его мать. Старик Тараул выслушал Хаубана и тяжело вздохнул: стало ему очень жалко его, говорят.

— И у меня-то жизнь тяжелая, дитя мое, но когда вижу таких, как ты, сердце особенно сильно начинает ныть,— сказал он.

Долго сидел [старик], о чем-то думая, потом, говорят, начал готовить снасти для охоты.

— Пойдем, дитя мое, к озеру, может, удастся щуку поймать,— сказал он и, взяв в одну руку петлю для ловли рыбы, а в другую — кремневое ружье¹, повел за собой Хаубана, говорят. По дороге старик Тараул рассказывал, говорят, Хаубану о своем житье-бытье.

— Дитя мое, жена жадная у бая, за целый день всего чашку кислого молока да головку курута * даст; на такой пище долго не протянешь. Вот я и хожу, из кремневки птиц стреляю, петлей щук ловлю. Вечером, когда возвращаюсь, насаживаю на крючки лягушек, чтобы [ловить] сома. Если так не промышлять, трудно прожить, дитя мое,— сказал он, говорят.

3. Хаубан, идя за Тараулом, с любопытством разглядывал, говорят, снасти, что были в руках у старика, и сказал:

¹ Слово «Һызма» означает также «кремневка», «лук».

— Дедушка, если бы у меня была такая кремневка, я бы тоже научился стрелять птиц. Подстрелил бы птицу и не ходил бы, страдая от голода.

Тараул ему ответил:

— Так бы оно и было,— и долго шел молча. Поскольку та кремневка осталась [у него от] отца Хаубана, старик подумал, уж не подозревает ли чего-нибудь мальчик.

— Дитя мое, твой покойный отец был хорошим охотником, метким стрелком. Помню, у него была хорошая кремневка, теперь, наверное, ее уж и нет,— промолвил старик, говорят.

— Да, была у него кремневка. Люди говорили мне: «Когда умер твой отец, у матери ничего не осталось, что можно было бы обменять на холст для савана, бедняжка мать отдала кремневку отца и купила ему холста на саван»,— так ответил [Хаубан], а старик Тараул вытер навернувшиеся слезы и сказал:

— Раз не было холста на саван, могла бы его похоронить, завернув в его же старье, но, видно, хотела она похоронить [мужа] как подобает. Что же ей оставалось делать? Ведь он был спутником ее [жизни], с ним вместе прожила она долгие годы.

Хаубан сказал:

— Ох, дедушка, что об этом говорить! Что было, то было. Сказывают, когда умер отец, у матери ничего не оставалось, чтобы устроить поминки на третий, на седьмой и на сороковой день. И она, надеясь выпросить что-нибудь у людей, в слезах ушла из дома. С тех пор и не возвращалась, пропала. Я тогда маленьким был, поэтому не знаю, как все произошло. Раз уж мать пропала, хоть бы кремневка осталась! Я бы не ходил так, не зная, что делать; обучился бы охоте на птиц.

4. Когда произнес он эти слова, старик Тараул долго молча шел, [о чем-то] раздумывая, говорят. Потом, вдруг решившись, остановился и сказал:

— Дитя мое, дожил я до шестидесяти лет. Еще столько же мне не прожить. Ты еще малое дитя. Хватит тебе маяться! На! Отдаю тебе эту кремневку — храни ее как память. Никому не говори, у кого взял. Такой кремневки на всем Урале нет, — и отдал кремневку Хаубану.

Хаубан от радости не знал, что и делать. Поблагодарил старика Тараула, говорят. Поймали они и сварили шуку, утолили голод и прилегли отдохнуть. Когда день склонился к вечеру, распрощались друг с другом и пошли в разные стороны.

5. Год от году, день ото дня рос Хаубан. Исполнилось ему семнадцать или восемнадцать лет. Начал он охотиться с кремневкой.

Как-то однажды шел он по берегу озера и увидел: плавает золотая утка. Не долго думая, он прицелился и подстрелил ее, подплыл к утке и уже начал было подгонять ее к берегу озера, как вдруг золотая утка заговорила человеческим языком.

6. Золотая утка, обращаясь к Хаубану, умоляла:

— Егет, подстреленная тобою дичь —
Не утка. Знай!
На озере плаваю, резвясь,
Славного падишаха Шульгёна
Я любимая дочь.
О егет мой, егет!
Из озера не вытаскивай меня,
С родным домом не разлучай,
Не ввергай озеро в печаль!
Что потребуешь, то и дам,
Добра пожелаю тебе,
Скота захочешь, большие стада —
Все тебе дам.

7. Хаубан, услышав эти слова, доплыл до того места, где можно было ногами достать до дна, и остановился в удивлении, не зная, что и сказать. Поскольку утка все молила его, Хаубан не вытащил ее из воды и начал рассказывать о себе:

— Отец мой и мать всю жизнь
В лишениях провели,
В голоде вырос и я;
Их обоих нет теперь —
С малых лет я остался сиротой,
Куда приткнуться, не знал,
В унижении я рос.
Сегодня на первой охоте [моей]
Удача ко мне пришла,
Я тебя не отпущу,
Хоть ты и пытаешься нырнуть.

8. Утка ответила ему так, говорят:

— Дворец с гору Иремель *
Полон золота и камней,
Кони разных мастей
Пасутся в несметных табунах.
Одним дыханием своим
Способных горы-скалы в прах превратить,
Не поддающихся мечу
Батыров собрал у себя [отец].

У справедливого ² падишаха — отца моего —
Есть любимый конь верховой,
Стоящий всех богатств [земли],
В трудный час можно положиться на него,
Он предводитель всех табунов.
Если нет огня — он добудет огонь,
Если воды нет — он воду даст.
Через бескрайние моря
Может он птицей перелететь;
Грива у него белая, как шелк,
Светло-серой масти он,
Круглые копыта у него,
[Ноги], как шило, [тонки],
Уши, как камыш, [торчат], бронзой
[отливают] глаза,
Веки белые [у него].
Шея крутая, поджарый он,
Как щука, крепко телом сбит,
Нос соколиный, ноздри широки,
Коренные зубы двойные, передние —совком ³,
Узкая морда, нижняя челюсть заострена,
Челка по обе стороны [лба] — вот он каков.
Дам я тебе этого Буза [-коня] ⁴,
Ты на Урале своем,
А я в своей подводной стране
Будем счастливо жить.

9. Хаубан выслушал эти слова и, обратившись к утке, сказал:

— Обманутый сладкими речами,
С пустыми руками останусь я.
Того, что обещаешь, нет у тебя,
Своими речами не обманывай меня.

10. На это утка ответила ему так:

— Сама я — падишаха дочь,
Стану ли обманывать тебя?
Богатства преходящие пожалев,
Предпочту ли на суше умереть?

² Букв. «у белого». Здесь слово «ак» — «белый» — употребляется в значении «хороший», «лучший», «справедливый».

³ Признак крепости, здоровья коня.

⁴ Буз и Акбуз — усеченная форма имени Акбузат, данного коню за его светлую масть (букв. «светло-серый»).

Это озеро — мой дворец,
Каждый день купаюсь, птицей оборотясь;
Когда над землей солнце взойдет,
Радуюсь, плаваю, резвясь.
Егет, если ты меня возьмешь,
Если выйду на сушу, погибну я;
Если домой меня принесешь,
Всего лишь куском мяса стану я.
Егет, есть два выхода у тебя,
Выбери и остановись на одном.
А не сможешь выбрать одно,
Останешься ни с чем.
Егет, меня отпусти
И, не оборачиваясь, ступай вперед!
Разномастными табунами
Выйдут лошади [из озера] — жди!
Коровы, которых время доить,
С мычанием выйдут без телят,
Не спеша выйдут овцы [затем],
С бляением выйдут, без ягнят;
С шумом рассекая озерную [гладь],
Поднимая бурю на земле,
Выйдет Акбуз — покровитель всего скота,
Выйдет последним он,
Терпеливо дожидайся его.
По лбу погладишь его —
С тобою он заговорит.
Все, что пожелаешь, желание твое
Безотказно исполнит он.
На луке [его] золоченого седла
Повешена камча,
Украшенная кожей болгарской
Уздечка на его голове;
Потник и подпруга,
Скрепленные вместе,
Чтобы не соскочили [при езде],
Пригнаны к нему.
Если будет молодая трава,
Не спросится, уйдет
Туда, куда ему в голову взбредет;
Если, [призывая его], сжечь его вслок,
[Тут же] явится к тебе.
Даже если исчезнет весь твой скот,

Конь Буз останется при тебе,
Будет другом твоим в пути,
Отважным будет в бою.
Отпусти ты [меня], егет, пойду
Всем дам свой наказ,
Я — красавица подводной страны,
И [только здесь] могу счастливо жить.

11. Хаубан, говорят, утке сказал так:
— Красавица, я выслушал тебя,
И я одну думу задумал:
Вместе пойдем вперед,
Посмотрим, как начнут выходить стада.
Коль говоришь: «Умру без воды»,
В сарык* я налью воды,
Оберегая от солнца тебя,
В тот сарык тебя посажу.
Если правду сказала [мне],
Тебя я освобожу,
Скажу: «Привольно живи»,
Пожелаю тебе добра.
12. Тогда утка ответила Хаубану, говорят:
— Пока я в озеро не нырну,
На сушу не выйдет скот,
Не выйдет на мой зов,
Пока отцу обо всем не расскажу.
Если ты, егет, и возьмешь меня,
Пользы не увидишь никакой:
Раз я не одета в голубиный наряд,
Ночью не увидишь меня;
Любимой назвав, пожелав меня ласкать,
В объятиях своих не найдешь.
Если выйду на сушу, поблекну я —
Красавицей меня не назовешь.
Егет — [житель] земли — будет землю любить:
Ведь он земное существо⁵,
А дева водяная вся
Из лучей и пламени создана.
Солнце тебя будет греть,
А меня, как масло, растопит [оно].
Одна только капля, упавшая с меня,
Землю твою иссушит, как яд.

⁵ Букв. «Тело его создано из земли».

13. Выслушав утку, Хаубан поверил ей и отпустил. Выйдя [из озера], не оборачиваясь, пошел, говорят, вперед, как научила [его] утка. Как только он отошел немного, послышалось ржание лошадей, блеяние овец, мычание коров. [Потом] вдруг подул ветер, буря поднялась. Хаубану трудно стало идти. Растерялся он, не знал, что и делать. Наконец не выдержал — оглянулся назад. Посмотрел — глазам своим не поверил: из озера выходили стада, покрывая всю землю. Это был как раз тот миг, когда Акбузат показался по шею из воды. Как только заметил Акбузат, что Хаубан обернулся, снова скрылся в озере. Животные, увидев, что Акбузат нырнул, давя друг друга, все до единого тут же нырнули вслед за Акбузатом в озеро, говорят.

14. Буря утихла. Хаубан, не веря своим глазам, удивленный, в раздумье стоял, говорят. Подошел к самому берегу озера, посмотрел, но было все пусто и очень тихо, говорят. Сел он на землю, подумал-поразмыслил и, раздосадованный, пошел [домой], говорят. Вернулся на яйляу *, а там все кибитки разворотило бурей; детвора, старики, старухи, женщины, девушки стояли, говорят, собравшись все вместе, растерянно переговариваясь. Опираясь на палку, перекинув через плечо свой длинный кнут, подошел к ним и давешний старик Тараул, говорят.

15. Стал он спрашивать о своем разбредшемся стаде и рассказал:

— Неподалеку от вас я пас свое стадо. Вдруг поднялась страшная буря. И животные, и я сам, не помня, где стояли, обо что ударялись, разбежались кто куда. Вот я и оказался на вашем яйляу в поисках разбежавшейся скотины.

Когда он рассказывал так, подоспел, говорят, и Хаубан. Хаубан постоял, прислушиваясь к словам старика, и как бы невзначай спросил старого Тараула:

— Дедушка, что же это за буря была неслыханная и невиданная до сей поры?

Старик Тараул ответил ему:

— Да, брат, тайн здесь много. На нашем веку такой бури не было. О ней можно узнать лишь по рассказам стариков. Рассказывали так: давным-давно весь мир был затоплен водой. В то время, когда еще и наших предков не было, и Урал-гора еще не поднялась, и в этих краях не было ни одного живого существа о четырех ногах, когда жили только дивы и правил водяной падишах, явился [сюда] батыр по имени Урал и пошел на них войной. Там, где проскакал его конь Акбуз, возникли Уральские горы. В тех местах, где он дивов уничтожал, высохли воды и выступили горные хребты. Когда водяной падишах начал проигрывать битву, он отыскал бездонный омут и нырнул в то озеро, что неподалеку от вас. Дна у того озера нет, оно сливается с большой подземной рекой. Поэтому Урал-батыр не смог схватить водяного падишаха. Того падишаха звали Шульгеном. Потому и озеро стали называть Шульген. Когда Урал-батыр умер,

падишах Шульген велел похитить его Акбузата. Умерли и сыновья Урал-батыра, а водяной падишах время от времени выходил на [гору] Урал и скакал верхом на Акбузате. Рассказывали, когда Акбузат, выходя из озера, вспоминал своих батыров и, рванувшись, бил крыльями, от взмахов его крыльев поднималась буря, которая разрушала горы и скалы и все переворачивала вверх тормашками. [Вот] так рассказывали. «Не такая ли это была [и сейчас] буря?» — подумал я.

16. Хаубан убедился, что водяная девушка говорила правду. Ни старику Тараулу, ни кому другому он не стал рассказывать об увиденном. Подумал: «Еще рассердятся, скажут, что вот, мол, ходит здесь и без толку поднимает бурю».

Когда старик Тараул кончил говорить и хотел отправиться своей дорогой, Хаубан остановил его.

— Дедушка, кто ты такой? — спросил он его.

Когда старик Тараул сказал, кто он, Хаубан вспомнил его и спросил:

— Дедушка, ты меня узнаешь?

Старик Тараул оглядел Хаубана с ног до головы и вздохнул:

— Нет, брат, никак не могу вспомнить. Глаза [мой] помутились, [ох], глаза мои! — Потом спросил: — Брат, раз так, уйду, хоть узнав, кто ты сам. Чей ты будешь? По виду ты как будто егет. Уж не отпрыск ли [ты] Сура-батыра?

17. Хаубан рассказал старику обо всем, даже о том, как тот подарил ему кремневку. Тараул обнял Хаубана и сказал:

— Брат мой! Сура-батыр львом был, при нем водяной падишах не смел и ногой ступить на землю. Сынок, сохранилась ли еще кремневка, которую я тебе дал?

— Сохранилась, дедушка, я берегу ее пуше своей души. Вот эта кремневка! — сказал Хаубан и показал ее Тараулу. Старик Тараул взял кремневку в руки, долго разглядывал ее и поцеловал, говорят. Потом, отдавая кремневку Хаубану, сказал так:

18. — Брат мой, когда я дарил ее тебе, ты был еще дитя, и я тогда не открыл ее тайны. Это кремневка твоего отца. Эта кремневка — память, оставшаяся от сыновей Урал-батыра. Только этой кремневки и боится водяной падишах. Крепко храни ее, никому о ней не говори, — так сказал он и пошел своей дорогой. О золотой утке Хаубан не стал ему рассказывать, говорят.

19. Долго подкарауливал Хаубан золотую утку. Месяцы, годы прошли. Хаубан даже не раз ночевал на берегу озера, выслеживая ее, но так и не встретил. Много подстрелил он зверей и птиц. Каждый раз выделял долю старому Тараулу, ходил к нему, но все не рассказывал о золотой утке.

20. Однажды, когда Хаубан был у Тараула и к слову пришлось, он попросил старика рассказать о падишахе озера.

Старик Тараул рассказал:

— Я не знаю человека, который видел бы, как падишах выходит из озера. Однажды, когда я ходил по берегу озера, повстречалась мне одна женщина. Та женщина сказала: «В этом озере плавает золотая утка. Что это за утка?» И мы вдвоем подошли к озеру посмотреть. Утка, как только увидела нас, тут же нырнула в воду и исчезла. Я высматривал утку и потом, но так ее и не увидел. Когда я еще раз встретился с той женщиной, она сказала: «После того случая утка не появляется. Сколько уж месяцев я слежу: каждый месяц в четырнадцатую ночь [из озера] выходят по ночам, наверно, дочери беса в облике голубей; они купаются, плещутся и смеются». И раньше такое рассказывали.

— Что это за женщина? — спросил Хаубан.

Старик Тараул ответил:

— За детьми Масем-хана, говорит, смотрела; когда его дочь пришла к этому озеру купаться, меня, говорит, послали присматривать за ней. Дочь хана исчезла в мгновение ока. Поэтому хан приказал мне не возвращаться без его дочери, а если не найду [ее], повелел хоть умереть у озера с голоду, но никуда не отходить. С тех пор и брожу я здесь, страдая от голода, — так рассказывала мне эта женщина, плача кровавыми слезами. Теперь уж много лет прошло с тех пор.

21. Все, что сказал старик Тараул, Хаубан хорошо запомнил и, расставшись с ним, стал ждать четырнадцатой ночи месяца. Когда настала четырнадцатая ночь месяца, он пошел к берегу озера. Ночь безоблачная, тихая, ничто не нарушает тишины. Недолго лежал [Хаубан] притаившись — вдруг с одного берега озера послышался плеск купающихся. Подполз Хаубан поближе, посмотрел: не утка, но на золотом троне, распустив золотые косы, какая-то девушка сидит, волосы расчесывает; вокруг нее, говорят, сизые голуби резвятся. Незаметно подкрался Хаубан, схватил девушку за волосы и накрутил их [на руку]. Девушка вздрогнула, голуби улетели, говорят. Хаубан, не выпуская волос девушки, сказал:

— Красавица облик сменила —
Не уткой, а девушкой стала.

Девушка оказалась дочерью падишаха того озера.

22. Тут девушка обратилась к Хаубану:

— Как отыскал ты меня
В полуночную пору?
Ведь сколько охранников
Стоят возле меня, смотрят [за мной].
Егет, выпусти волосы мои,
Не отрывай меня от дел!

Голуби улетели,
Понесли весть домой.
Если узнает об этом отец —
Не сносить тебе головы!

Хаубан сказал девушке:

— Красавица, назови имя свое —
Буду с гордостью его произносить!
А не то пойдем [со мной],
И станем вместе жить!

23. На это девушка отвечала ему:

— Егет мой, не шуми,
Не требуй, чтобы назвала имя свое.
Даже о том, что видел меня,
Не говори, вернувшись домой!
Егет, парой не стану тебе —
Не думай жениться на мне:
Вся я создана из лучей,
Не заставляй меня страдать на земле.
Не будет равной сыну земли
Девушка, сотворенная из лучей;
Девушкам, выросшим во дворцах,
Не пристало жить в степи.
Егет, много не говори!
Если придет мой отец, битву начнет,
Страну твою повергнет в прах,
Уничтожит племя твое.

Услыхав это, Хаубан сказал девушке так:

— Долго разыскивал я тебя,
Каждого полнолуния ждал.
Теперь, красавица, [тебя] не отпущу,
Хоть горько и заплачешь ты ⁶.
Пока егетом считаюсь я,
Никого не устрашится моя душа,
Сердцем отважный егет
Не устрашится хвастуна;

⁶ Букв. «Заплачешь, глотая огонь».

Даже если отец твой битву начнет,
Не собираюсь отступать.
Есть у меня страна, что Уралом зовут,
Которая не оставит меня одного.

24. Когда сказал так егет, девушка подумала: «Что же это за егет? Даже не испугался, когда я угрожала ему отцом!» Потом такие слова сказала Хаубану, говорят:

— Егет, называя батыром себя,
Говоришь так, будто можешь горы разбить.
Не знаешь ты дивов [тех],
Что стерегут страну моего отца.
В тот раз для тебя
[Табуны] коней я гнала.
Того, кто поведет коней за собой, —
Акбузата пообещала [тебе].
Кони ржали, выходя [из воды],
Блеяли овцы, мычали коровы —
Все они вместе собрались,
Устилая [степь], словно ханские стада.
С ржанием за ними вслед,
Огибая берега озера Шульген,
Устремился и Акбузат,
Грозно бил копытами он,
Рвался вперед, рассекая озерную [гладь],
Тебя увидеть спешил;
От ветра, поднятого крыльями его,
Горы Урала задрожали.
Когда, не выдержав этого, батыр,
Ты на спину упал,
Акбузат от обиды и стыда
Вернулся обратно домой.
Оседлавшему такого тулпара,
Собравшему дивов и пярив *
И все существа подводные
Держащему в руках —
Шульгену, падишаху озера,
Кто ты, чтобы угрожать?

25. На эти слова девушки Хаубан ответил так, говорят:

— Если твой отец здесь хан,
Если дивов и пярив всех

Вокруг себя он собрал,
Если Акбуза, тулпара, оседлав,
Ветры-бури поднимет он,
Сердце мое, как на осине лист,
От страха не задрожит!
Если твой двенадцатиголовый див
Огнем опалит мою страну,
С Уралом войдет в раздор
И, обильно проливая кровь,
Битву начнет против моей страны,
Не утрашусь я отца твоего,
Даже если пустит в мое сердце стрелу!
От Сура-батыра я силу перенял,
В роду батыров я родился;
Поклялся никому не позволять
Сирот и несчастных обижать.
Красавица моя, не гордись,
Думая, что озеро Шульген глубоко,
Что отец твой в стране — большой падишах
И дивов собрал вокруг себя.
Если слезы плачущих на Урале сирот
Потекут — озеро будет,
Если [оно] могилы батыров снесет
И смоеет их прах — пустыня будет.
Девушка, живущая в воде,
Где тогда ты воду найдешь?
Если от праха обмелеет [озеро] Шульген,
Двухголовые дивы его
Где себе омут найдут?
Опечаленный горем людей,
Урал мой, раскинувшийся широко,
Стремительная моя Идель,
Прозрачный мой Яик
Жизни привольной
Не дадут твоему отцу.

26. Девушка, услышав от Хаубана такие слова, испугалась, говорят,
и ответила ему так:

— Егет, пусть по-твоему будет,
Дам клятву тебе —
Возьму тебя в свою страну,
Туда, где живет мой отец.

Не разжигая между нами кровавой войны,
Отдам тебе то, что пожелаешь ты.
Во дворце золотом
Постелю я пуховую постель,
Что пожелаешь ты взять,
Попроси — и тебе я отдам.
Постранствуешь по моей стране,
Осмотришь весь дворец.
Если полюбишь меня, называя Наркас,
Останешься во дворце моем.
Если ж тебе не понравится у нас,
Не довольствуясь всем, что [у нас] есть:
Страной Шульгена, его дворцом,
Девушкой-гурией по имени Наркас —
На тулпара Акбуза сядешь верхом
И сам, счастье в свои руки взяв,
Поскачешь на свой Урал.

27. Хаубан, услышав от девушки эти слова, узнал, что зовут ее Наркас. Чтобы убедиться, что Наркас не нарушит своего слова, он заставил ее поклясться еще раз. Потом они решили отправиться вдвоем к падишаху озера. Наркас велела ему закрыть глаза. Хаубан закрыл глаза. Потом она велела открыть глаза. Когда Хаубан открыл глаза, он стоял, говорят, в золотом дворце девушки. Хаубан погостил там несколько дней. Дворцовые девушки с пением угощали его, но Хаубан не мог ни есть, ни пить, говорят. Наркас, видя, что Хаубан грустит и не находит себе места, пошла к отцу, говорят; рассказала ему обо всем, что случилось с ней, от начала до конца.

— Озеро твое, называемое Шульген,
С детства было обителью моей.
Я играла, резвилась в нем,
В горе не проливала слез.
До своих восемнадцати лет
Многих охотников встречала я.
Хоть многие целились и стреляли в меня,
От всех увернулась я.
Когда я надевала золотой утки наряд,
Не мог высмотреть меня сокол земной,
Даже проворный вечерний ветерок
Не мог ласкать моих волос —
В черноголовых камышах
Не находил прохода себе.

И выдра, что в камышах живет,
Не чуяла, когда ку палась я.
Но вот в последний раз
Меня подстрелили, когда обернулась уткой я,
Когда, окунаясь в лунные лучи,
Плавала [в озере], поймали меня.
Если б вышла на берег — погибла бы я.
Твоим именем я поклялась:
Не разжигать между нами огня,
То, что понравится батыру,
Отец, не жалеть, [все отдать].
Вот, отец мой, тот батыр
У нас в гостях, во дворце у меня.
Раз нерушима клятва моя ⁷,
Был он гостем моим втайне [от тебя].
Отец, скажи теперь слово свое,
Достойное клятвы моей.
Меткий стрелок-батыр перед тобой.
То, что ему по душе,
Подари из сокровищ твоих.
Если пожалеешь своих богатств,
Сама за него пойду, так думаю я.

28. Услыжав от дочери такие слова, падишах очень удивился. Раздумывая, как бы избавиться от этого егета, он сказал своей дочери так:

— Дочь моя, то, что охотились на тебя в последний раз,
Оказалось не к добру.
Мужчина, посмевший стрелять в [твой] утиный наряд,
Еще не рождался в моей стране.
Того, кто способен золотые волосы твои
В сумерках разглядеть,—
Такого зоркого живого существа, дочь моя,
Никогда еще не было [на земле].
Дочь моя, [давай] выход [такой] изберем —
Искромсаем его на куски.
Дочь моя, если избавимся от него,
[То] на берегах озера Шульген
Не будет мужчины, который смог бы в тебя стрелять,
Окрест не будет никого,
Кто бы стал тебе надоедать.

⁷ Букв. «Раз моя клятва была большой».

29. Наркас, услышав эти жестокие слова отца о Хаубане, желая смягчить его сердце, сказала ему такие слова, говорят:

— Отец мой, этот егет
Явился, поверив мне.
Когда стрелял он в меня,
Подумал, что утка я.
Отец мой, он еще
Взял в руки меня.
Тепло его рук
До сих пор у меня в груди.
Если прольется его кровь,
Знай, мое тело судорога сведет.
От ласковых слов, что он мне говорил,
Разорвется сердце мое.
Отец, оставь в покое его,
Не проливай его кровь.
За него весь Урал
Будет тебе мстить.
Он не требует многого [от тебя],
Не просит он трона твоего
И, прося сокровищ у тебя,
Не посягает на богатство твое.
Отец, если считаешь меня ребенком своим,
Не проливай крови его.
Погубив беззащитного егета [того],
Не наживай [дурной] славы себе.
Егету Буза-коня [покажи],
Испытай удаль его —
Если сумеет Акбузата поймать,
Пусть на Урале славу найдет ⁸.

30. Падишах, видя, как его умоляет дочь, долго думал, говорят. Потом собрал своих везиров, призвал двенадцатиголового дива по имени Кахкаха и попросил, говорят, совета у них. Кахкаха так посоветовал падишаху, говорят:

— Если отдашь егету Буза-коня,
Силу упустишь из рук,
Конь Буз уйдет из твоих рук —
Собьешься со своего пути.

⁸ Букв. «Пусть расправит крылья на Урале».

[Тогда] твой одноголовый аждаха *
Бусинкой покажется ему,
Двухголовый твой аждаха
С мешочек покажется ему,
Трехголовый твой аждаха —
С бурдюк покажется ему.
Кахкаха, что страну твою держит в руках,—
И он с барсука покажется ему.
Мой падишах, вот тебе совет:
Дворец твой полон девушек земных,
Красивее собственной дочери твоей
Масем-хана дочь.
Увидев ее, тот егет
Забудет об Акбузате [твоём],
Сказав: «Беру не раздумывая [ее]!» —
Егет устремится к ней.

31. Падишах, приняв этот совет Кахкахи, решил, говорят, отправить Хаубана вместе с Наркас во дворец, в котором жили похищенные девушки. Тогда падишах позвал к себе Наркас и сказал ей:

— Дитя мое, пусть успокоится твоя душа!
Дам егету то, что он пожелал,
Еще больше станет тебя уважать,
Если увидит сокровища мои.
Поведи его во дворцы,
Пусть увидит девушек во дворцах
И, нисколько не стесняясь,
С девушками поговорит.

32. Наркас, услышав это повеление отца, решила показать Хаубану все дворцы. Побывав во многих дворцах, они прошли через большой сад и пошли к золотому дворцу. Когда они достигли этого дворца, Наркас сказала Хаубану:

— В этом дворце есть славный тулпар
Буз, о котором я говорила тебе;
Если, втянув воздух ноздрями, он заржет —
Смотри ему прямо в глаза;
Подойдет поближе, встанет на дыбы,
Спокойно стой перед ним.
Если захочет тебя лягнуть,
По крупу его погладь.

Если уши прижмет к голове,
Смейся, говоря: «Я батыр земли».
Потом, когда к тебе подойдет,
Ласково погладь его по спине;
Вырви два волоса из гривы его,
На руку себе намотай,
А два волоса из его хвоста
На ногу себе повяжи.

Сказав так, она открыла дворец и впустила его к Акбузату, говорят.

33. Акбузат, увидев Хаубана, встал на дыбы и, втянув ноздрями воздух, заржал, говорят. Хаубан не испугался его. Когда он пристально посмотрел в горящие бронзой глаза Акбузата, конь, мотая головой, отошел немного в сторону и стал бить передними ногами. Услышав удары копыт Акбузата, охранявшие его дивы стали спускаться с крыши дворца. Увидев, что дивы пришли к нему на помощь, Акбузат со всей яростью подскочил к Хаубану, замотал головой, хотел ударить его [передними] ногами, но Хаубан не отступил, пошел, говорят, навстречу ему. Так, Акбузат, не сумев испугать Хаубана, повернулся, намереваясь его лягнуть, но Хаубан ласково потрепал его по крупу. Так ничего не добившись, Акбузат, прижав уши, хотел было прыгнуть на Хаубана, но тот, глядя на него, сказал:

— Объездивший не одного жеребца,
Я — батыр с Урала, Хаубан;
Коней, что, не любят батыров,
Я резал и мясо их съедал.
Наркас, неуязвимую для стрелы,
Я — меткий стрелок — подбил,
Страну под названием Урал
От врагов охраняю я — Хаубан.

И тогда Акбузат присмирел, говорят. Увидев это, дивы один за другим начали выползать из дворца. Акбузат, увидев богатство Хаубана и оставшись с ним наедине, подошел к Хаубану и склонил голову перед ним, говорят. Увидев это, Хаубан поверил всему, что говорила Наркас. Когда он выдернул волоски из гривы и хвоста Акбузата, конь, говорят, так ему сказал:

34.— Егет, если ты батыр земли,
Если ты и есть Хаубан-батыр,
То среди круглокопытных табунов
Я и есть конь-тулпар.
Грива моя силу тебе даст,

Если меч в руки возьмешь;
Если подпалишь волос, [выдернутый] из моего хвоста,
Прискачу я к тебе,
Конем твоим буду в бою.

35. Сказал так Акбузат и, признав Хаубана своим батыром, стал ласкаться к нему, прядая ушами, говорят. Потом Хаубан потрепал Акбузата по спине и ушел от него. Наркас ждала, когда Хаубан выйдет из дворца. Увидев, что он вышел целым и невредимым, она молча улыбнулась, выказывая свою радость, потом повела его к девушкам во дворец, говорят. Дойдя до ворот дворца, Наркас так рассказывала Хаубану об этом дворце, говорят:

— Полно будет девушек во дворце,
Много красавиц будет [среди них],
Всех переберешь, увидишь [одну]
Лицом светлее луны,
Ямочки на обеих щеках,
Черные брови вразлет,
Сквозь длинные ресницы ее
Будут смотреть улыбающиеся глаза;
Словно у сокола, ее высокая грудь,
Волосы в косы заплетены,
Сверкая перламутром зубов,
Нежно будет улыбаться девушка [та].
Талия ее [тонкая], как у пчелы,
Придется по сердцу тебе она,
Зовут ту девушку Айхылу;
С Урала похищена она,
Дочь Масем-хана она.
Полюбишь девушку — у отца
Проси ее, он [тебе] ее отдаст.
На Урал ее увезешь,
К отцу ее приведешь,
Хану зятем станешь ты.
Егет, еще не забудь,
Тут есть большая тайна одна:
Как только выйдешь из этого дворца,
Одна старуха встретится тебе,
Станет тебя увещевать
Льстивой речью и лаской своей.
Не дай ей дотронуться до своей руки.
Не давай ей ноги вытереть тебе.

Когда сделаешь так, как я говорю,
Выйдешь на берег озера ты,
Подпалишь волос из хвоста [коня] —
Без ветра и бури пред тобой
Предстанет Акбузат.

36. Хаубан, услышав от Наркас эти слова, постоял немного в изумлении, а потом, посмотрев на нее, сказал:

— Тайну, что не открыла бы и отцу,
Ты, красавица, поведала мне,
Тайну, что не доверила бы стране,
Ты, красавица, доверила мне.
Тайну открыла свою
По дружбе ли, красавица?
Близким ли сочтя, полюбив ли меня,
Ты, красавица, решила меня испытать?
Вымолви хоть слово одно,
Красавица, не утайвай ничего.
А что, если я тебя люблю?
Если сердце другой не отдам?
Прекрасна на небе луна
Оттого, что солнце ласкает ее лик;
Оттого, что лучами солнца освещен,
Цветок не дает себя целовать.
Если и лицо Айхылу
Будет улыбкой освещено,
А душа лишена тепла,
То будет похожа она на луну.

Услышав это, призадумалась Наркас, потом сказала так, говорят:

37. — Егет, последнее мое слово тебе:
Не стану твоей, ты это знай.
Батыру, что живет на земле,
Отец не отдаст меня, прощай!
Егет у меня любимый есть,
Считаю его равным себе.
Тайны умеет, как мужчина, хранить —
Мне на деле это доказал.
Никогда я не покину его,
Другим его не уступлю;
Имени его никогда не назову —

В своем сердце его сохранию⁹.

Хаубан спорить не стал. Наркас ввела Хаубана к девушкам во дворец. Хаубан, войдя во дворец, бросил на них взгляд, расспросил девушек о житье-бытье. Айхылу из всех девушек выделялась, говорят. Она подошла к Хаубану и сказала ему такие слова, говорят:

— По виду своему, мой егет,
Ты похож на егета с земли.
Как ты сумел одолеть колдовство
И явиться сюда?
Тех, что на Урале в раздолье [живут],
Нежных девушек бросил [ты].
Зачем же девушку с поблекшим лицом
Разыскиваешь, явившись сюда?
Или высохло [озеро] Шульген
И умер его падишах?
Или от слез плачущих [людей]
На земле образовались моря?
Или на Урале способные сесть на коня,
Любящие свою страну, как жизнь,
Батыры уже перевелись,
Превратившись в рыб?
А может быть, выросли батыры молодые,
И, искупавшись в реках
Проливой на Урале крови егетов,
[В реках] молока, сцеженного
Горько плачущими матерями,
Львиные сердца обрели?
Ни дивов они не страшатся,
Ни в [озере] Шульген не тонут,
Ни водяного падишаха не боятся?
Может, сила [у них] в руках такая, что способна
Слезами омытому Уралу
Радость принести?

38. Хаубан на эти слова Айхылу ответил так, говорят:

— Разве в озере лягушачьем
Может батыр утонуть?
[Тот, кто] жаден до еды¹⁰,

⁹ Букв. «Оно привязано к моему сердцу».

¹⁰ Букв. «Дающий пищу своим тридцати зубам».

Кто с вечера погружается в сон,
Кто на широких просторах Урала
Смешит от души
Девушек смешливых и без того,
Кто, безобидную утку подстрелив,
Угощает [всех] мясом ее,
[Кто] коня, который даже и детям покорен,
Поймав, садится на него верхом,
[Кто] ночью, срезая веревку у кирэгэ *,
Похищает девушек, чтобы их ласкать,
[Кто] в нелюдимом тихом лесу
Скорбную песню поет
И плачет,— батыр ли тот?
Если красивые девушки Урала
Под водою во дворце
В неволе кровавые слезы льют,
[Может ли] тот, кто не разобьет оковы их,
Сыном Урала быть?
Будет ли он опорой для страны?

Услыхав эти слова Хаубана, все девушки, заливаясь горькими слезами, окружили его, говорят. От жалости к ним у Хаубана выступили слезы на глазах, но он старался не показывать их девушкам. Потом Хаубан попрощался с девушками и вышел из дворца.

39. Как только он вышел, подошла к нему какая-то старуха и сказала так, говорят:

— Егет, ты егетом оказался,
Побывал на озере Шульген,
Золотую утку подстрелил,
Явился к хану во дворец,
Дочери хана — красавице —
Ты, егет, пришелся по душе,
Хотя дочь хана и любит тебя,
Но смущена из-за того, что у нее есть
[другой] егет.

Я научу хитрости тебя,
Дай мне руку свою —
[Тогда] развалишь одним пинком
Того егета дворец,
Девушку себе возьмешь.
Дай мне ногу твою поцеловать —
Я силы в тебя волью.

Хаубан не дал старухе руки, задумался говорят. Долго он гадал, что же тут правда: или то, что сказала о старухе Наркас, или то, что старуха говорит. Потом, намереваясь спросить у Айхылу о старухе, хотел было вернуться к Айхылу, но не смог открыть ворота [дворца], говорят. И все же он поступил так, как сказала Наркас: ни руки, ни ноги не подал старухе. Увидев, что он стал уходить, старуха сказала ему такие слова, говорят:

— Егет, ты храбрый, оказывается,
Но какой-то непонятливый, оказывается:
С девушкой сравниваешь меня,
[С той], что вся в шелках,
Что золотом увешана вся,
Жемчугами украшена [вся],
Которой не коснулся ни ветер, ни дождь,
Чьих ресниц не коснулась слеза,
Чье сердце печали не ведало.
С той, кто не считается с честью других,
Из-за которой они пролили озера слез,
С той, кто в этом радость находит,
Кто с [черной] землей равняет тебя,
А с солнцем равняет себя.
Румяные щеки мои
Иссохли так неспроста.
Хоть есть у тебя глаза на лице,
Нет, оказывается, глаз у твоей души.
С той, что из золотой ложки ест,
В пуховой постели спит,
Резвится среди цветов,—
С девушкой этой сравниваешь меня?
Не поверив моим словам,
Счастье лишь наполовину получишь ты.

40. Хаубан долго думал над этими словами, потом приблизился к старухе и начал расспрашивать ее:

— Мать, лицо и [весь] облик твой
Выдают страдания [твой].
Слова, идущие из глубины души,
Печаль [твою] выдают.
Я одинок в этой стране,
Мать, открой мне тайну свою.

41. Старуха сказала Хаубану, говорят:

С недоверчивым тайной делиться —
Не грех ли на душу брать?
С трусливым мужчиной говорить —
Свою голову под обух подставлять!
Коль тебя за руку возьму — сердце
Само тебе расскажет [все] без слов;
Коль коснусь твоих ног — твой путь
Сам откроется для тебя.
Но если словами расскажу обо всем,
Падишах отрежет мне язык.

42. Хаубан, глубоко задумавшись, стоял, не зная, что и делать. Тут показалась Наркас, говорят. Увидев ее, та старуха отошла в сторону. Наркас, подойдя к Хаубану, сказала так, говорят:

— Пойдем в ту сторону, егет,
Отец мой ждет в гости тебя
В уединении в своем дворце.
Когда отец место предложит [тебе],
Сядешь справа от него;
Когда отец питье предложит [тебе],
Примешь [его] левой рукой;
Когда отец еду поднесет,
Двумя руками [ее] возьмешь;
Когда отец нож подаст,
В правую руку его возьмешь;
Когда отец улыбнется, взглянув на тебя,
Сощуришь правый глаз;
Когда отец вытянет ногу,
Будешь сидеть руки скрестив [на груди];
Когда поднимется отец,
Приляг на правый бок;
Когда отец возьмется за меч,
Ковыряй у себя в зубах;
Когда отец руки протянет к тебе,
Откинись назад;
Тогда дворец задрожит,
Но ты не бойся, улыбнись.
Если все это исполнишь ты,
То и ты и Айхылу
Окажетесь на твоей земле.

Хаубан согласился и, перебив Наркас, спросил:

В чем же секрет здесь,
Можно ли [у тебя] спросить?
Или в этом дворце
Издавна обычай такой?

43. Услышав этот вопрос, Наркас изменилась в лице, пристально посмотрела на Хаубана и, обняв, поцеловала его. Из глаз ее слезы полились, говорят.

Тут на Хаубана нашел сон, говорят. Когда же он открыл глаза, пробужденный падающими на лицо солнечными лучами, то перед ним не было ни Наркас, ни дворцов, говорят. Он подумал, не было ли все, что с ним приключилось, только сном? Потом посмотрел по сторонам и увидел, говорят, что недалеко от него, на берегу озера, стоит Акбузат, прядая ушами. Заметив сидящую возле него Айхылу, Хаубан еще больше удивился. «Наркас, кажется, обиделась на меня и к отцу своему не повела. А как же эта девушка и Акбузат очутились здесь? Ведь не вызвал же я его, подпалив его волос!» Пока он так в растерянности соображал, к Хаубану подошел Акбузат и сказал:

44. — Если бы не расспрашивал Наркас,
Дворец шаха ты бы открыл,
Свергнув с престола его,
Падишахом бы озера стал,
С красавицей Наркас
Ты бы свадьбу сыграл.
Если б руку старухе подал,
Опознал бы свою мать;
Разрешил бы ей ногу поцеловать —
Узнал бы тайну гибели своего отца,
А с красавицей Айхылу
Разлучился бы навсегда.

45. Сильно подивился этому Хаубан. Не поняв, в чем дело, он стал расспрашивать Акбузата. Акбузат объяснил ему, говорят, так:

— Если ты муж, способный сесть на меня,
Будь всегда начеку¹¹,
Куда бы ни пошел, бдительным будь!
Разиней не будь!

¹¹ Букв. «Пусть ветер не заберется тебе за пазуху».

Не думай, что у милой, которую любишь сейчас,
Душа открыта перед тобой.
Обидится — станет тебе чужой,
Ввергнет тебя в огонь.

46. Айхылу, услышав ответ Акбузата, сильно опечалилась, но не подала виду ни Хаубану, ни Акбузату, говорят. Хаубан, поправив поводья, вскочил на Акбузата и подозвал к себе Айхылу. Так вдвоем, верхом на Акбузате отправились они во дворец Масем-хана. Подъехав к дворцу, Хаубан остановил коня и спросил Айхылу, говорят:

— Вместе войдем или врозь?
Айхылу так ответила, говорят:
— Егет, в растерянности я,
Не верю своим глазам,
Неужели я спасена?
Это не укладывается в голове;
Не знаю, как ответить мне
На вопрос, заданный тобой.
Если отойду в сторону хоть на вершок,
Думая, что враг снова захватит меня,
Устрашусь я за себя.
Если скажу тебе: «Вместе пойдем»,
Боюсь, подумают про тебя,
Что ты похититель [мой].

47. Хаубан на это отвечал:

— Пока цела моя голова,
Не захватит снова тебя враг.
Если и вместе пойдем к твоему отцу,
Он не сможет нас обвинить.
И все же ты одна
Вернись к отцу и [обо всем] расскажи,
Пусть тебя выслушает отец,
Пусть узнает, кто его враг.
Если хватит смелости у твоего отца,
Пусть призовет свою страну
Против Шульгена пойти войной,
Отомстить ему за все.
Я сам позднее приду,
(Когда узнаю, на что решился твой отец,

Когда он батыров в поход соберет),
Чтобы отправиться на барымту*.

48. После этого Айхылу решила одна вернуться во дворец своего отца Масем-хана. Хаубан провел ее через горы, леса, через страшные реки и озера. Сам остался с Акбузатом. Едва он стал уславливаться с Акбузом о времени [их будущей] встречи, как конь сразу же понял мысли Хаубана и тут же исчез, говорят. Хаубан удивился этому и только хотел вызвать его назад, подпалив волос [коня], как Акбузат сам явился откуда-то, прихватив с собой старую одежду. Хаубан надел на себя эту одежду и, отпустив Акбузата, отправился вслед за Айхылу в страну Масем-хана.

49. Когда Хаубан добрался до яйляу Масем-хана, [там так и] кишел народ, словно муравейник. Сгрудившись там и тут, обсуждали случившееся. [Хаубан] подошел к людям, справился у них о здоровье, сам путником назвался. Послушал, о чем они говорят; узнал, что возвращение дочери хана — самая большая новость, которая у всех на языке. Он направился к толпе, что стояла у ханского дворца. В это время, говорят, люди увидели, как из дворца вышла женщина средних лет, и все бросились к ней, чтобы расспросить о ханской дочери. Женщина, говорят, ни слова не сказала, только махнула рукой: «Потом услышите, не буду рассказывать!» — растолкала людей и пошла домой. Хаубан проследил, куда вошла эта женщина, и последовал за ней. Женщина не спеша стала расспрашивать Хаубана, кто он такой и откуда. Хаубан назвался путником, идущим издалека, и попросился на ночлег, говорят. «Раз уж пришел прямо сюда, переночуешь. Куда же идти чужому человеку?» — ответила женщина, говорят.

50. Только успел раздеться Хаубан, как вошли девушки и женщины, старухи и старики, увидев, что хозяйка вернулась домой. Они засыпали ее вопросами: «Видела Айхылу? Похудела она? Не спросила, где она была?»

Хозяйка ответила:

— Видела Айхылу, но только поздоровалась с ней, а расспросить обо всем не успела.

Тут девушки стали допытываться:

— Почему не расспросила? Надо было узнать, что с ней случилось.

На это хозяйка сказала:

— Только начала спрашивать, она сказала: «Оставь, енге*! Даже самой не верится, что вернулась... Пока не пройдет два дня, ничего не смогу рассказывать», и я не стала настаивать. Только слышала, как хан говорил своим приближенным: «Слава Аллаху! Благодаря молитвам и жертвоприношениям, которые я сотворил, с помощью неведомых сил спаслось мое дитя. Оказывается, украл ее падишах Шульген!»

Тут один старик, который слушал женщину понуриив голову, сказал:

51. — Это ничего, я-то уж подумал: не остался ли какой-то отпрыск

от Сура-батыра и не взял ли ее в виде барымты* из мести за убийство отца. Раз спаслась и вернулась без войны и крови, надо радоваться. А то ведь Масем-хан поклялся до седьмого колена уничтожить род Сура-батыра.

Хозяйка к этому добавила:

— Кого еще ищет из рода Сура-батыра [Масем-хан]? Ведь он захватил даже жену его, которая в лесу скиталась в поисках еды, и, связав, утопил ее в озере Шульген. Чего еще ему нужно?

52. Тут еще одна из женщин сказала:

— И не говорите! Ничего бы не случилось, если бы, встретившись с ханом, она не сказала, что приходится Сура-батыру женой.

Потом тот же старик сказал:

— Вы не знаете, а я, когда бросали ее в воду, стоял в стороне и {все} видел. Я-то знаю, как все происходило.

И женщины ответили:

— Нам-то что? Мы говорим то, что сами слышали и знаем,— и прекратили разговор, говорят.

53. Услыхав эти слова, Хаубан задумался: «Неужели моих отца и мать убил Масем-хан?» Увидев, как при упоминании Сура-батыра все притихли, он, говорят, спросил того старика:

— Дедушка, в этих краях был один Сура-батыр или их было два?

Старик ему ответил так:

— Братец, Сура-батыр, который был славен в народе и берет честь народа, был один. Ни на Урале, ни вдали от Урала я не слыхал о другом человеке по имени Сура, о котором можно было бы что-то рассказать. Перед тем как утопили жену Сура-батыра, я слышал как она, бедняжка, умоляла: «Сердце мое, дитя мое осталось! Из-за него душа моя изнывает. Знала, что вы убили мужа, поклялась не говорить об этом никому и пустила по стране слух, будто он умер от болезни. Хоть и тяжело мне было, вытерпела {все}; теперь меня-то хоть не убивайте!» Нет, не послушался хан, бросил ее в озеро. Узнав со слов женщины о ребенке, хан задумал было разыскать его, но ее яйляу откочевал с наших мест, и хан не смог отыскать ребенка. Мальчик ли был тот ребенок, девочка ли — этого я не знаю,— сказал старик, и Хаубан еще больше удивился. Он хотел эту тайну узнать до конца.

54. — Дедушка, а мне приходилось слышать, будто батыров по имени Сура должно быть двое. Рассказывают, что, когда умер один Сура-батыр, его жена, не имея полотна на саван, выменяла кремневку батыра на саван. Не было у нее ничего, чтобы устроить и поминки по мужу на седьмой день. Тогда она ушла из дому скитаться по стране — с тех пор и пропала.

В ответ на это старик сказал, говорят, так:

— Братец, жена [Сура-батыра] исчезла так, как я рассказал. И смерть Сура-батыра произошла так, как я говорил. Только слух о том, будто кремневку выменяли на саван,— пустой разговор. Кремневка не

продавалась. Так говорят, чтобы хан не требовал ее. Жена батыра знала, у кого эта кремневка.

55. Хаубан спросил:

— Как же хан не взял кремневку, когда убил самого батыра?

На это старик ответил:

— Взят бы, да не нашел — не знал, где ее оставил батыр. Хан знает, что эта кремневка осталась еще от Урал-батыра. А Сура-батыр вернулся тогда с охоты очень усталый и, отдав кремневку старику Тараулу с которым всегда вместе ходил на охоту, послал его [снова] поохотиться. Сам же решил отдохнуть, пока тот не вернется. В тот же день, оказывается, вышли на охоту и Масем-хан с Акбулат-бием. Старика Тараула я встретил по дороге. Потом завернул было к Сура [-батыру] проведать его, вижу: Масем-хан с Акбулатом, радуясь тому, что бог им дал на земле то, что надо было ждаться с неба, убивают только что проснувшегося Сура [-батыра]. Потом слышу, договариваются, как быть: если, говорят, бросим [его тело] в воду, то народ не узнает, жив Сура-батыр или мертв, и, полагаясь на него, будет по-прежнему против нас. Пусть народ узнает о его гибели: позовем его жену и возьмем с нее клятву, что она распространит в народе слух, будто Сура умер от болезни. Услышав это, я отправился искать Тараула, [но] не нашел его, повернул обратно домой.

Уже после я узнал, как было с женой Сура. Что же она, бедняжка, могла сделать? Поступила так, как велели. Ох, Сура-батыр! Был он человеком, долгие годы воевал с Масем-ханом и Акбулатом и не отдавал им Урала. Когда он был жив, мужчины на Урале рыбой плавали в воде, птицей пели в лесах. Погубили батыра!

Тут Хаубан подумал: «Неужели и вправду та старуха, что встретила меня [на дне] озера,— моя мать?»

56. Хаубан, не довольствуясь тем, что услышал в этом ауле о своих отце и матери, побывал в окрестных аулах, расспрашивал [и там] об отце, о матери, и все говорили одно и то же. Хотел было Хаубан походить по аулам еще, но узнал, что Масем-хан уже разослал весть о большом туе*, и вернулся в яйляу хана, говорят. Вернулся — и что же он видит, говорят: бии, аксакалы *, их сыновья, мурзы, гарцующие на аргамаках, на резвых рысаках, прогуливающие скакунов под уздцы, заполнили окрестности ханского яйляу. Кроме биев и тарханов * собралось, говорят, много разного народу. На одной стороне майдана собрались, говорят, батыры, не имеющие ни коня, ни шубы, и старики. На другой — девушки, женщины, старухи, дети. В центре майдана стояли, говорят, жены Масем-хана, три его дочери и зятья. Сбравшиеся около них аксакалы, бии, ожидая начала праздника, окружили хана. Борцы, ловко накрутив кушаки на руку, в волнении ходили взад и вперед; певцы, чтобы лучше звучал голос, пили сырые яйца; кураисты увлажняли водой кураи; всадники, соблюдая строй, водили скакунов вокруг майдана. В это время Хаубан подошел, говорят, к

майдану и внимательно оглядел всех. Но возле хана он не заметил девушки, похожей на Айхылу. Вскоре, после того как не спеша собрался народ на майдане, говорят, в окружении множества дворцовых девушек появилась Айхылу. Увидев ее красивое лицо, все юноши безмолвно уставились на нее. Масем-хан, выйдя на середину майдана, сказал так, говорят:

57. — Во славу страны на майдан всех я собрал,
Большая радость [у меня]:
Дивом похищенная моя дочь
Милостью божьей освобождена.
Словно в ночь перед праздником святым,
Душа моя радостью полна —
Вернулась живой-здоровой моя дочь.
Дал я Аллаху обет:
Тот, кто мой трон защитит,
Тот, кто счастье мое отстоит,
Кто Шульгену отомстит,
Этого дива убьет,
Отсечет ему голову и [сюда] принесет,—
[Такому] батыру отдам я свою дочь.

58. Услышав эти слова хана, батыры, не смея произнести ни одного слова, стояли задумавшись, говорят. Потом Акбулат-бий, глядя на Айхылу, сказал:

— Айхылу моя, расскажи
Все, что приключилось с тобой,
Пусть узнают батыры, пришедшие [сюда],
Как осталась ты в живых.

59. И Айхылу рассказала так, говорят:

— Однажды в поле выехала я
На резвом караковом рысаке,
Все девушки из дворца
Последовали за мной.
Когда веселились [мы] на лугу,
Возле озера Шульген
Собирали букеты цветов,
Вот что я увидела возле себя:
Медведем назвать — шерсть дыбом на нем,
Волком бы назвать — [волка] крупней.

Без страха кинулось оно.
 Схватило лапой меня,
 От ужаса я
 Растерялась, не знала, как поступить.
 Тут я лишилась чувств,
 Помертвело тело мое.
 Когда открыла глаза —
 Девушки стоят возле меня,
 Стоят, от страха оторопев,
 Безмолвные, перепуганные [все].
 Лица у них пожелтели, словно медь,
 Радость исчезла с их лиц:
 Все похищены, как и я,
 С родной землей разлучены.
 С ними познакомилась я,
 Спросила, из каких они стран.

60. Потом подошла старуха одна —
 Все в морщинах у нее лицо.
 Мы все толпой
 Вокруг нее собрались.
 Поначалу она у всех
 Спросила, из каких мы краев.
 О роде-племени своем
 Все рассказали мы ей.
 И старуха сама подробно
 Повела о своих делах:
 «Муж мой из славного на Урале
 Рода богатырей.
 А кто он — это вам,
 Наверное, известно по имени его.
 (О том, как он умер, не скажу,
 Будет горько одной из вас.)
 Не уступавшим хану дорогу
 Мужем был Сура-батыр.
 Прицелится, выстрелит — не промахнется:
 В меткости он не уступал никому.
 [Как-то] заснул он мертвым сном,
 И, когда он спал один,
 Жаждавший крови враг
 Спящим его нашел,
 В сердце ему вонзил стрелу,
 Чтобы я шума не подняла в стране,
 Заставили меня [о молчании] клятву дать;

А теперь вот и меня самое
В воду бросил [тот враг],
Тут же проглотил меня какой-то зверь.
Пасть у него была так велика,
Что ни одним зубом меня не задел.
Приплыв в свое логово, [меня] изрыгнул.
„Выходи скорее,— сказал,—
Ты куда надо пришла,
Другого пути у тебя нет,— сказал.—
Когда еще был в живых
Твой муж, он в меня однажды стрелял.
Сказав: „Шкуру с тебя сдеру“,
Выхватил он свой нож.
Тогда я стал его умолять,
Просил его: „Отпусти меня!“ —
Плакал кровавыми слезами, и сжалился он.
Нож свой в ход не пустил.
Сказал мне: „С детства ты в рабстве жил,
Разлученный с матерью и отцом,
Язык и обычаи свои позабыл —
Жалкое ты, оказывается, существо“.
Хоть я и батыр Шульгена,
Хоть именуют [меня] Каккахой,
Повелению падишаха покорный,
Рыскать по Уралу выхожу,
Кого ни увижу, пожираю [всех],
Но с того дня понял я,
Что несчастный пищей не станет мне,
Если даже от голода будет разрываться душа.
Вот явилась ты в эту страну,
На долгие годы останешься здесь,
Озеро Шульген — такое оно:
Кровавые слезы, пролитые [людьми],
Стекались в месте одном
Постепенно, и однажды
[Озеро] образовалось из [этих] слез.
Владеющий тронем его падишах
От рождения бием был.
Выстроены эти дворцы
Из костей зарезанных [людей];
Сады, что окружают дворец,
Цветы, что украшают их,
Кровью орошены“»—

О том, что рассказал ей [зверь],
Так поведала старуха нам.
Тот, кто [старуху] схватил,
И тот, кто похитил меня,
Я узнала, был одним и тем же [существом].

61. Потом явился один егет.
«С Урала я», — он сказал.
Осматривал он дворец
И там встретил меня.
После ухода его немного времени прошло,
Внезапно смежил мне веки сон.
А очнувшись ото сна,
Почувствовала я, что в поле лежу.
Вздрогнув, на ноги вскочила я,
Огляделась по сторонам,
Не веря собственным глазам,
Осматривала [все] вокруг:
Голубея в тумане,
Вздымаясь к облакам,
Передо мною предстал Урал.
Словно коварный глаз,
Сквозь ресницы улыбающийся,
Проглядывает сквозь камыши
[Озеро] Шульген близ меня.
Травы на лугу
Утопают в цветах,
По лесам и горам
Разливается пение птиц.
Проворный свежий ветерок
Треплет волосы мне.
Как увидела все это я,
Радостью переполнилось сердце мое.
Когда с места вскочила я,
Увидела [вдруг]:
Неподалеку от меня
Сидит какой-то егет.
Сердце забилося мое,
Удержаться не смогла,
Поближе к нему подошла.
Егет был светел лицом,
Посмотрела пристальней [на него] —
Оказывается, это тот самый егет!
Как перед батыром, готовым в бой поскакать,

Перед ним стоял тулпар Акбуз:
Седло в золоте и серебре;
[Из кожи] болгарской подпруга на нем,
Украшенный жемчугом чепрак
С тисненой кожей по краям,
С застежками из кожи оленьей.
Стремена из серебра,
Из золота лука седла,
Украшенная сердоликом;
На луке змеится плеть,
Пригорочен к седлу хурджун;
Сафьяном отделанный по краям
Нагрудник на коне,
Подхвостник на крупе его,
Из шелка недоуздок сплетен,
Уздечка с удилами двойными,
Поводья к луке прикреплены;
Грива крутая, жесткая шерсть.
Спина, как у щуки, поджарый он,
Ребра гладкие, ноги, как у зайца, [длинные],
Круглые копыта, морда заострена,
Уши — словно камыши, ноздри широки,
Грудь — как у сокола, медью [отливают] глаза,
Шея петушиная, челка по обе стороны [лба],
Нижняя челюсть заострена, губы сжал.
Таков [был] с виду этот конь.
Сам советы егету дает,
Разговаривает человеческим языком.
Вот этот егет меня
Вызволил из дворца.
Не сказал, что в жены меня возьмет,
На честь мою не посягал,
Он меня отправил в путь,
Хоть и звала [к себе] во дворец,
К нам он не пришел.

62. Когда девушка рассказала это, все очень удивились, говорят. Поднялся шум, все говорили, что это, наверное, был Хызыр *-пророк, потому что человеку разве под силу такое?

Тогда Масем-хан сказал:

— Вот тебе яблоко, дочь моя,
Батыра выбери себе.

Батыр, согласившийся с условием моим,
Возьмет яблоко из твоих рук
И старуху, которую видела ты,
Доставит [сюда] из [озера] Шульген —

и послал свою дочь к батырам, что были на майдане.

63. Айхылу обошла [всех] батыров, но ни один из них не осмелился, говорят, взять яблоко. Потом Масем-хан дал батырам подумать до завтрашнего дня, говорят. Как только разошелся народ, удалился Хаубан и неподалеку от яйляу призвал Акбузата, подпалив волос [из его гривы]. Хаубан повелел Акбузату привести к завтрашнему дню на майдан старуху, что живет в озере. Акбуз сказал:

— Без боя ничего у Шульгена не возьмешь.

Тогда, сев на Акбузата, Хаубан отправился на озеро Шульген, говорят. Когда они приблизились к озеру, [обитатели его] услышали стук копыт Акбузата и подняли шум. Акбузат сказал:

— Это дочь падишаха со своей охраной на поверхность озера вышла, но, почуяв нас, скрылась. Я переплыву озеро от берега до берега, ты же, размахивая мечом, рассекай воду. Там, где мы проскачем, образуется суша, которая перережет озеро. Озеро падишаха разделится на мелкие части, потом, не выдержав, выйдет дочь падишаха. Что потребуешь — все тебе даст. Только смотри, сиди [на мне] крепко.

64. Хаубан сделал так, как сказал Акбузат. Когда озеро было разделено на мелкие части, не выдержав, вынырнула из озера Наркас и с мольбой обратилась к Хабуану:

— О егет мой, с целью какой
Ты пришел сюда воевать?
Акбузата, не пожалев,
Тебе в награду отдала.
Рассек своим мечом,
Как лапшу, озеро мое,
Островками его разделив,
Преградил дорогу мне.
Разлучив с Каккахой,
В одиночестве оставил моего отца.
Озеро обмелеет, разделенное сушей,
Что я буду делать тогда?
Песком засыплет дно,
Илом затянется оно,
Разведется много моллюсков;
Решив: «Мы тоже, как лягушки, будем [жить]»,
Ракушки раздолье найдут.

Едет, что хочешь проси,
Только меня не губи!

65. Хаубан так ответил Наркас, говорят:

— Слезами переполнено озеро твое,
Не уйду, пока не обмелеет оно.
Родникам, бьющим из земли,
Не позволю в озеро течь.
Отцу твоему, что чудовища страшней,
Не дам себя одолеть;
Кахкаха — сын земли,
Его я не оставлю здесь;
Сама ты — красавица, рожденная в воде,
Тебя я не оторву от воды.
Иди сейчас же домой, скажи своему отцу:
Пусть взвалит на себя свой венец,
Не теряя украшений с венца,
Пусть закроет им спину свою.
А Кахкахе скажи:
Пусть в озере не лежит
В ожидании кровавых слез
И не жиреет от сна,
Пусть девушек не держит в плену,
Не пугает всех людей [тем],
Что слава страшная о нем.
Пусть не угрожает никому,
Пусть выведет за собой дивов всех,
Что бежали [с ним] с земли,
Пусть большое стойло в скале
Для Акбузата выдолбит он.
Болотистому озеру, в котором сам живет,
Пусть русло проложит под землей;
А сделав все это, Кахкаха
Пусть превратится в ненавистную для людей
Крылатую птицу
С ногами, как у мышей,
С боящейся солнца душой.
Дивы, пьющие кровь,
Останутся без рук и без ног;
Будут жить они в камышах,
Будут с палец величиной.
Плавая, словно змеи,

Будут извиваться они.
Озеро покой обретет,
Многим станет жильем.
И все там будут жить,
Пару себе найдут.
Девушки, что во дворце,
Пусть на свободу уйдут,
Пусть в довольстве живут.
Старуха с морщинистым лицом
Пусть тоже в озере не живет,
Пусть в последние дни свои
Подышит воздухом родной страны!

66. Выслушав эти слова, Наркас отправилась домой к отцу, говорят. Хаубан сошел с коня, подождал немного. Видит — перед ним та самая старуха. Хотел было порасспросить старуху, но Акбузат остановил его, говорят. Потом Хаубан в мгновение ока доставил старуху в аул, где устроивали майдан, и отпустил коня. Сам опять переночевал там, где и в первый раз, говорят.

Наутро люди на яйляу встали рано и принялись за свои дела. Женщины подоили коров и проводили на пастбище скот. Когда солнце поднялось на длину копья¹², вернулся табун лошадей. Привязав жеребят, [женщины] подоили кобылиц. Весь народ снова собрался на майдан, говорят.

67. Когда открыли майдан, Масем-хан вновь напомнил батырам о своем наказе вернуть старуху из озера Шульген. Батыры молчали. Тут старуха сама, говорят, вышла вперед и сказала:

— Мой хан, не мучай батыров, заставляя их искать меня. Аллах выволил меня.

Все были удивлены, показали старуху девушке, говорят. Девушка узнала старуху, говорят. Хан тут же подозвал палача и тихо, чтобы не слышал народ, приказал отрубить старухе голову. Видя, что палач уводит старуху, не дав ей и слова молвить, собравшиеся из окрестных мест люди и батыры стали просить, чтобы старухе разрешили обо всем рассказать. Хан не разрешил. Тогда Хаубан, одетый в ветхое старье, встал перед ханом и сказал, говорят:

68. — О великий хан, великий хан,
Выслушаем, что скажет старуха [нам]!
О том, какой едет ее спас,
Я расскажу потом.

¹² То есть время близилось к полудню.

Тут Масем-хан сказал:

— Прошлой ночью я созвал
Шейхов святых со всей страны;
Аллаха единого просили мы,
Чтобы та старуха пришла.
Ради всех святых
Просьба моя была принята:
Аллах Хызыру повелел
Выполнить желание мое.
Если праведна моя мысль,
Кто противиться может ей?
Но шейхи сказали так:
«Пусть старуха не будет на пиру.
И перед народом не раскроет того,
Как вызволил ее Аллах.
Поведут ее в дом,
Станут там угощать,
А когда немного [здесь] погостит,
Снова отведут ее в [озеро] Шульген».

69. Старуха повиновалась словам хана и пошла было за палачом, но тут ее остановил Хаубан и, подойдя к хану, сказал так, говорят:

— На Урале был батыр
По имени Сура, говорят.
Приказам ханов и биев
Не повиновался он, говорят.
Однажды Сура-батыр
На охоту пошел,
Не мог он вернуться
В свой дом на ночлег —
Мертвый сон [в пути] его одолел,
И прилег он поспать;
Подвернулся тут хан-злодей,
В сердце ему стрелу вонзил.
Немного времени спустя
Исчезла и батыра жена.
Сын их, по имени Хаубан,
Остался на свете один,
Никого не было у него в родном краю,
Кто бы его приютил.
Хоть пас он телят [у людей],

Не сроднился ни с кем.
Однажды Хаубан отправился [в путь], говорят,
Много дорог исходил, говорят.
Долго скитался, говорят,
И повстречал одного старика.
Тот старик расспросил его
И, узнав о его судьбе, его пожалел.
Кремневку, что держал в руках,
Не сказав ни слова, [ни о чем] не расспросив,
Отдал ему со словами: «На, сынок!», говорят.
(Старик тот ничего не имел,
Был одним из многих бедняков,
У Иргиз-бия пас скот,
А имя его было Тараул.)
Хаубан, кремневку получив,
Стал охотиться, говорят;
Прославился меткостью своей,
А отвагой и силой своей
И Яика, и Сура-батыра,
И Туклэса вместе с Алмасом —
Всех он превзошел.
Непобедимого Шульгена
С первого раза он победил;
[Коня] Шульгена — резвого Акбузата,
Девушек, похищенных им, —
Всех до единой освободил;
И спасителем этой старухи
Не Хызыр был, а тот егет.
Прошлой ночью он начал бой
Против хана озера Шульген,
Озеро это сделал с конский глаз,
На мелкие доли его разделил.
Выдолбить скалу,
Что неподалеку от [озера] Шульген,
И для коня своего
Дива заставил построить дворец.
Падишаха в черепаху превратил.
Дивов — в летучих мышей,
Проклятых грабителей страны
Всех уничтожил он.
Сегодня снова верхом на коне
Разыскивает отца и мать, говорят;
Чтобы месть свершить за отца,

Отплатить кровью за кровь,
Против хана-убийцы одного
Хочет начать войну, говорят.

70. Сказав так, Хаубан обратился к народу, собравшемуся на майдане:

— По ее словам, похоже, что эта старуха — мать Хаубана. Если усомнитесь, не поверите мне и не дадите высказаться этой старухе, то окажетесь ротозеями, а старуха больше не появится.

Не знали люди, что и делать. А Масем-хан, услышав эти слова, стал советоваться с окружившими его биями. Потом подозвал к себе Хаубана и сказал ему, говорят:

— Если то, что ты сказал, окажется неправдой, отрублю тебе голову.

Хаубан согласился с этим, говорят.

71. Пока люди Масем-хана садились на коней, Хаубан отошел в сторону и, скрывшись от всех, подпалив [конский] волос, Акбузата призвал. Акбузат явился в мгновение ока. Хаубан спросил у Акбузата о том, как идут дела, облачился в боевые доспехи, сел верхом на коня и выехал на майдан, говорят. Увидев его, народ удивился, говорят: «Кто это? Что за человек?» Как только Хаубан подъехал, Айхылу со старухой, узнав Акбузата, тотчас признали егета, который их спас, и, обняв его ноги в стременах, сказали: «Это он — тот егет!» — и заплакали, говорят. Тогда Хаубан сошел с коня и обнял старуху, потом снова сел на коня, подъехал к хану и сказал ему так, говорят:

72. — Обращаюсь к тебе, Масем-хан,
Есть у меня к тебе вопрос:
К батыру по имени Сура
За что ты имел кровную месть?
На Шульгена, похитившего твою дочь,
Разве совершал ты набег?
Если правдивый ответ
Дашь мне на это, не таясь,
То я тоже о помыслах своих
Все тебе расскажу.

73. Масем-хан ответил на это Хаубану:

— Чтобы пролить кровь Суры,
Не было у меня причин для карымты*.
Не угонял он мой скот —
Не было у меня причин для барымты.
А Шульген на меня зол вот за что:

Как-то я озеро его ядом отравил,
Камыши подпалил,
На его страну я посягнул.

74. Тут Хаубан сказал хану:

— С детства оставшийся без матери и отца,
Испытавший горечь слез,
Я — батыр, повидавший
Все, что есть на земле,
И то, что под землей.
Если даже ульи разобьют,
Если даже задерут корову и съедят,
Если даже передуют стада овец,
Истребят уток и гусей
Косолапый медведь,
С острым глазом волк
И лисица с пушистым хвостом,
Резвящаяся возле скал,—
Считая злодеями их, опустошающими страну,
Ненасытными тварями их назвав,
Свою смертоносную стрелу
В ярости я в них не пускал:
По Уралу странствовал я,
Думая о том, кто же враг [моей] страны?
Того, кто без причины проливает кровь,
Кто убивает батыров страны,
Оставляя вдовами их жен;
[Кто], не жалея их детей,
Делает горькими сиротами их;
Того, кто слабых девушек и жен
В воду бросает, связав;
Кто, среди народа живя,
Кровь проливает, затевая войну;
Кто опозорил честь страны,
Возвысил свой род и ханом стал;
Кто много добра у народа отнял,
Заставляя его молчать;
Кто о двух ногах, с круглой головой —
Это тот, кого пронзит моя меткая стрела,
Кого я считаю своим кровным врагом.
Врага, которого я отыскал,
За кем охочусь я, чтоб подстрелить,—

Это Масем-хан, стоящий передо мной,
Вот он один из тех;
Он бросил яд в озеро Шульген —
И всех, кто поблизости живет,
Истребил [или] оставил без скота;
Он — с острым глазом волк,
Он — медведь, без причины
Проливший кровь Суры;
Он — див, держащий в руках
Батыра Идели Кыпсака*,
Батыра с Иремели Катая*,
Батыра с Яика Туклэса,
Батыра Тамьяна из Туры,
Из степей Ирендыка*,
Юрматы с Нугуша*,
Батыра Табына* с Узена*.
На Акбузата я сел верхом,
За кровь этих батыров
Я пришел отомстить.
Тому, кто в рабов мужей страны обратил,
Кто вдовами сделал их жен,—
Злодею по имени Масем
В память о них [обо всех]
Я пришел отомстить.

75. Сказал так [Хаубан] и отрубил хану голову, говорят. Всех людей, бывших у Масем-хана рабами, он освободил, говорят. Видя силу и отвагу Хаубана, все подошли к нему и стали делиться с ним своими горестями. Люди ему сказали так, говорят:

— Лев [нашей] страны!
Ты освободил людей
От злодея-хана,
Державшего их в рабстве столько лет,
Силой заставившего подчиняться себе.
Были мужчины у нас,
Достойные твоими соратниками быть,
Стоять с тобой плечо к плечу,—
Всех коварный Масем-хан
Со страной своей разлучил,
Вдовами оставил их жен.
Если их возвратишь,
Будешь самым первым в стране.

Для плачущих кровавыми слезами сирот
Ты станешь отцом.

76. Хаубан дал слово разыскать и вернуть этих батыров и, расспросив подробно [о них] у людей, отправился на поиски. Ехал он, ехал и встретил большую птицу. Приблизился к ней. Птица не могла летать, говорят. Тут птица заговорила, стала рассказывать, говорят:

— Сидела я на горе; кони Масем-хана при виде меня испугались. Тогда хан велел подстрелить меня и, изрезав мне крылья, сбросить со скалы. Долго я лежала, не в силах передвигаться. Хоть раны от стрел зажили, но крылья стали непригодными для полета. Вот теперь и сижу здесь горюя. Птенцы мои, наверно, от голода страдают. Егет, помоги мне, смажь мои раны пеной изо рта своего коня, чтобы зажили мои крылья,— так, говорят, сказала эта птица.

77. Хаубан смазал ей крылья пеной изо рта Акбузата, и крылья у птицы зажили, говорят. Тогда сказала птица:

— Егет, чем отплачу тебе за твою помощь? Какую я смогу оказать тебе помощь? всю жизнь я была горемычной птицей, терпевшей муки от Масем-хана и от дивов Шульгена. Не смогла птенцов своих вырастить. Я такая птица: тому, кто коня не имеет, конем становлюсь, у кого спутника нет — спутником становлюсь.

— Чем же ты смогла бы мне помочь? — спросил [Хаубан].

Птица ответила ему, говорят:

— Не только [в благодарность] за себя должна я помочь тебе, но и за то, что ты освободил соловьев, запертых во дворце Масема, пленных девушек во дворце Шульгена и приумножил число певчих птиц на моем Урале.

— Откуда ты знаешь об этом? — спросил Хаубан.

Птица сказала:

— Те девушки, что были во дворце у Шульгена,— мои дети. Они вернулись и принесли мне [о том] радостную весть.

— Ты — птица! А почему же те девушки имеют человеческий облик? — спросил Хаубан.

На это птица ответила, говорят:

— Да, они — люди. И я была человеком, но превратилась в птицу.

78. Хаубан начал спрашивать у птицы, какая тут кроется тайна. Птица, говорят, подробно рассказала ему, в чем дело:

— Раньше в этих местах жил только один водяной падишах. Урал-батыр, явившись сюда со своими сыновьями Иделем, Хакмаром*, Нугушем и Яиком, начал битву против водяного падишаха. Когда они пришли сюда, здесь повсюду была лишь голубая вода. Они сражались, пустив коней вплавь. Там, где проплыл на коне Урал-батыр, поднялись горы. Вот эти Уральские горы — первая дорога Урал-батыра. Когда поднялись

[из воды] горы, страна водяного падишаха разделилась надвое. Там, где Урал-батыр убивал дивов, поднимались скалы. Чем меньше оставалось воды, тем меньше становилось войско водяного падишаха, чем больше погибало дивов, тем больше становилось суши. Потом пристанищем водяного падишаха стали лишь мелкие озера и лужи. Лишившись сил, водяной падишах поселился в этом самом озере Шульген. Озеро Шульген питают подземные воды, и его не смогли осушить. Там и остался жить падишах. Эти горы, называемые теперь Уралом, были первой дорогой, по которой Урал-батыр с сыновьями шел на битву. Я была женой Урал-батыра. Зовут меня Хумай. Когда мой муж с сыновьями ушел воевать, я с невестками осталась в своей стране. Сыновья вернулись и увезли своих жен. Я же осталась, решив, что поеду за ними позже. Но [снова] явились мои сыновья, чтобы выследить падишаха Шульгена. Он все еще не перестал враждовать с моим мужем. Муж посоветовался с сыновьями, и они решили выпить всю воду из этого озера: оно обмелеет, и падишаху Шульгену будет некуда деться. Когда [Урал] начал пить, падишах Шульген узнал об этом и повелел своим войскам войти к нему внутрь. Они погубили его, растерзав ему сердце. Перед смертью муж сказал сыновьям: «Не пейте воду [из озера], где осталось войско падишаха Шульгена. Найдите себе воду в другом месте». Сыновья рассекли землю, открыли реки, и образовались четыре нынешние реки: Идель, Яик, Хакмар, Нугуш.

— Почему ты стала птицей? — спросил Хаубан.

79. Хумай ответила:

— Когда мы отправляемся в дальний путь, все оборачиваемся птицами. И невестки мои тоже. А когда все долетают до места, мужья целуют своих жен, и они снова обретают свой прежний облик. А пока я летела, мой муж умер, и поэтому я не смогла вернуть свой облик. Все [мои сыновья] нажили себе детей и умерли в старости. Акбузат, на котором ты сидишь, был конем моего мужа Урала. После его смерти коня похитил Шульген. Один из сыновей Иделя, чтобы вернуть Акбузата, пошел войной против Шульгена. Явившись в царство Шульгена, он влюбился в его дочь. Узнав об этом, падишах попросил сына Иделя стать у него везиром и жить во дворце. Едет, чтобы овладеть дочерью падишаха, стал везиром во дворце. Но падишах не выдал свою дочь за него, а в насмешку назвал его Кахкахой. После этого Кахкаха стал похищать на Урале самых славных девушек, украл он и моих детей.

От других сыновей Иделя остались семь батыров, а от того сына, которого прозвали Кахкахой, остался Масем. Масем стал ханом — притеснителем людей. Семеро батыров не смирились с тем, что Масем [силой] захватил ханство, и пошли на него войной. Однажды Масем-хан сказал семерым батырам: «Давайте помиримся» — и позвал их в гости. Когда они пришли, он опоил их, связал по рукам и ногам и продал заморскому падишаху. Ты, оказывается едешь сейчас за [теми батырами]. Мне рас-

сказали об этом мои дочери, которые принесли радостную весть. Я тебя доставлю туда быстрее твоего коня. Если со мной отправишься, ты их сможешь без боя похитить. Только вот что: есть у меня один большой недостаток — чтобы слетать туда, мне прокормиться собственного мяса не хватит. Придется тебе скормить мне мясо и со своего бедра, и с бедер тех [батыров]. Когда вернешься сюда, тебе нужно будет лечить эти раны, смазав их пеной изо рта своего коня. Если же поскачешь верхом на коне, придется отвоевывать [их] в бою. Битва будет большая. И все же ты победишь, вызволишь своих батыров.

Хаубан, внимательно выслушав птицу, надолго задумался. Потом сказал птице:

— Ступай, возвращайся к своим детям. Хоть вы и птицы, ни тебя самое, ни твоих птенцов никто не посмеет подстрелить. Будете жить счастливо, — сказал так и поехал своей дорогой.

80. Ехал-ехал Хаубан и добрался до страны водяного падишаха. Там он начал биться со стражниками [подводного царства]. Истребив их, Хаубан подошел к дворцу. Убежавший падишах, собрав войско со [всей] страны, стал сражаться с [Хаубаном], но не мог одолеть его. Воины падишаха падали от одного ветра, поднятого Акбузатом. Хаубан сам схватил падишаха и его биев и убил их. Люди, увидев силу Хаубана и то, какую бурю поднял Акбузат, подивились. Все побросали оружие, говорят.

Хаубан победил всех и увез с собой семерых батыров. Вернувшись, он собрал весь народ, устроил большой туй с состязаниями батыров всей страны. Когда семь батыров победили всех богатырей, собравшихся на праздник, Хаубан поставил их во главе семи родов, говорят. Потом он запретил стрелять лебедей — потомков птицы Хумай. На празднике разрешил Айхылу — дочери Масема — выбрать себе жениха. Айхылу выбрала Кышак-батыра. Послав батыров во все концы страны и поставив каждого во главе какого-нибудь рода, сам [Хаубан] отправился к озеру Шульген и, отпустив Акбузата, вызвал Наркас. Наркас не стала противиться, вышла [из озера], говорят. Увидев Наркас, Хаубан сказал ей:

81. — Когда я скитался сиротой,
Первую тебя повстречал.
Дала ты мне верный совет,
Дорогой подарок дала —
Приняв твоего Акбузата,
Я освободил свою страну
И счастье обрел.
Теперь к тебе я пришел,
Чтобы твое желание узнать,
Слово выслушать твое,
Понять, что у тебя на душе.

82. Наркас долго не знала, что и сказать. Потом стала говорить:

— Хоть девушка я, но матерью
Смелой, как мужчина, рождена.
На всей Уральской земле
Многих батыров повидала я.
Яика, деда твоего,
В единоборстве одолела я.
Хоть с виду юной кажусь,
Поскольку я [водяного] падишаха дочь,
Не ступала по земле,
Не ела пищи земной,
Поэтому нескончаем мой век,
Старость меня не берет.
Молодость сохранилась моя,
Не ушла моя красота.
Открою лицо — солнце твое,
Устыдившись, за тучи уйдет.
Если кто из людей захочет
Силою помериться со мной,
Только открою ему [свое] лицо,—
Лучами моими ослеплен,
Преодо мной упадет, опозорится он.
С тобою я не стала воевать —
У меня к этому не лежала душа.
Как только увидела тебя,
Всем сердцем полюбила,
Но не посмела сказать —
Последней [встречи] я ждала;
Если меня равной сочтешь,
Подчинюсь я воле твоей,
С тобой на Урале вдвоем
Будем жить-поживать.

Сказала так [Наркас] и, открыв лицо, улыбнулась Хаубану, говорят. Тут Хаубан, увидев красоту Наркас, подивился, говорят. Когда Хаубан согласился взять ее, Наркас повелела всем стадам своего отца выйти из озера. И вот из озера вышли, говорят, табуны саврасых коней, покрывая всю землю. Хаубан раздал их беднякам, не имевшим лошадей. Сам же сел на Акбузата вместе с Наркас, и отправились [они] в страну Хаубана, говорят.

ЗАЯТУЛЯК И ХЫУХЫЛУ

1. Много-много лет тому назад между озером Асылыкуль* и рекой Д^ама* жил, говорят, хан по имени Самар, и слава о его могуществе и богатстве разнеслась далеко. Самар-хан любил всякие развлечения, охоту на птиц и диких зверей. Были у него две жены. От первой, говорят, родилось шестеро сыновей, а от второй, молодой жены, говорят, родился один очень красивый сын с лицом, излучающим свет, и назвали его Заятуляком. Заятуляк, говорят, был не только красивым, но с детства отличался большой силой. Если во время игры начиналась драка, то он, говорят, избивал [всех] своих сверстников.

2. Вот подросли дети, окрепли немного. Однажды Самар-хан вызвал сыновей в свою двенадцатикрылую белую юрту и сказал, говорят, так:

— Дети мои, вы уже немного окрепли. Настало время вам из лука стрелять, верхом на коне скакать, [ловчих] птиц на дичь выпускать, свое умение показывать. Сейчас же идите и выберите себе коней в табунах. Пусть [каждый] из вас погремит уздой, и, какой конь повернет [к нему] голову, того и возьмет. Пусть каждый из вас семерых возьмет себе ловчую птицу, чтобы выпускать [ее] на дичь. Всех, кого на охоте поймают ваши птицы, принесите мне!

3. Подошли семь сыновей Самар-хана к табуну и один за другим стали позвякивать уздечками. К шестерым сыновьям, родившимся от старшей жены, повернули головы шесть горячих дунанов*, говорят. А когда погремел уздечкой Заятуляк, то к нему повернулся, говорят, серый дунан, еще не успевший [полностью] облинить. Когда выбирали ловчих птиц для охоты, шестерым братьям достались: кому беркут, кому сокол, кому ястреб, а Заятуляку завистливые братья, говорят, сказали:

— Тебе и это годится,— и дали ему белую сову.

4. Семеро сыновей Самар-хана, сев верхом на семь коней, которые на них обернулись, взяв ловчих птиц и посадив их на луку седла, отправились на охоту. Заятуляк только сел на облезлого дунана, как тот сразу же превратился в серого тулпара*. Когда увидели это старшие братья, их одолела зависть, говорят. Доехали охотники до широкого луга и уви-

дели: с ближнего озера стаями поднимаются вспугнутые ими журавли, дикие гуси и утки. Шестеро братьев одновременно выпустили своих беркутов, [ястребов] и соколов. Но ни одна из их птиц не смогла поймать журавлей и гусей, а, полетав низко над землей, одна с мышью, другая с сусликом в клюве сели на луки седел своих хозяев. Смотрят: птицы, которых они выбрали, приняв за беркута, сокола и ястреба, оказались или совой, или сарычем, или лунем. Поняв свою ошибку, шестеро братьев, говорят, устыдились.

Заятуляк выпустил свою птицу — белую сову, которую дали ему братья. Взвилась его птица в небо стрелой и стремительно, как молния, стала, говорят, сбивать журавлей, гусей и уток. И так вот:

Шесть сыновей Самар-хана
Мышей, сусликов поймали, говорят;
Сын же по имени Заятуляк
Гогочущих гусей поймал, говорят,
Курлычущих журавлей поймал, говорят,
Лопочущих перепелок поймал, говорят.

5. То, что сова Заятуляка оказалась соколом и сбивала много птиц, вызвало гнев и зависть у братьев. Заятуляк с богатой добычей вернулся с охоты. Приехавшие с охоты шестеро братьев, сгорая, говорят, от стыда, положили перед отцом пойманных ими мышей и сусликов. Увидев это, Самар-хан от гнева нахмурился, говорят. А когда Заятуляк выложил своих журавлей и гусей, лицо у хана просветлело, говорят. От радости, говорят, он подарил Заятуляку пояс, украшенный драгоценными камнями. А шестеро других сыновей были посрамлены.

6. На другой день семеро братьев снова отправились на охоту. На этот раз они решили выпустить ловчих птиц на диких зверей. Стали охотиться по берегам озер и рек. Увидев лисиц и волков, все семеро братьев выпустили своих птиц.

Шесть сыновей Самар-хана
Шесть мышей поймали, говорят;
Сын же по имени Заятуляк
Волка с кровавой пастью поймал, говорят,
Косолапого, неуклюжего
Бурого медведя поймал, говорят,
Бегающую вдоль озера
Нарядную, словно красавица,
Лису с родинкой на ухе поймал, говорят.

Охота Заятуляка оказалась удачной, а его братья снова потерпели неудачу. На этот раз Самар-хан в подарок за привезенных зверей дал

Заятуляку лук со стрелами. Шестеро сыновей [хана] снова были посрамлены, а Заятуляк прославился.

7. Самар-хан, чтобы еще раз испытать сыновей, послал их на скачки. Собираются братья Заятуляка и советуются между собой.

— Во время скачек мы сделаем вид, что остановились на отдых, а сами вобьем гвозди в копыта его серого тулпара. Если захромает его конь и отстанет, то [Заятуляк] будет посрамлен, расстанется с добрым именем своим, — решили они.

8. На второй день сыновья Самар-хана выехали на скачки. Проскакав полпути, самый старший из братьев сказал:

— Давайте остановимся, отдохнем немного, потом продолжим скачки!

Все согласились и, отпустив коней, прилегли отдохнуть. Только задремал Заятуляк, как двое старших братьев вбили в копыта серого тулпара железные гвозди. Немного отдохнув, братья проворно сели на коней и продолжили скачки. Заятуляк же отстал на своем захромавшем тулпаре. Тут тулпар заговорил человеческим голосом и сказал егету так:

— Стань твердо на стременах и изо всех сил ударь меня плетью справа и слева так, чтобы кровь брызнула.

9. Как только ударил его Заятуляк справа и слева, брызнула кровь, и тут же из копыт [коня] со звоном посыпались железные гвозди. Серый тулпар, расправив крылья, полетел вперед, словно стрела. Обогнав шестерых братьев, ускакавших далеко вперед, Заятуляк первым пришел.

Не сумев на своих хваленых аргамаках обогнать неприметного дунана Заятуляка, шестеро братьев и на этот раз были, говорят, посрамлены. Победив их, Заятуляк получил, говорят, имя батыра.

10. Собрались завистливые братья на тайный сговор:

— Надо нам как-нибудь избавиться от Заятуляка. Пока он не умрет, нам ни славы, ни покоя не видать! Убьем его этой ночью!

Но не сбился их коварный замысел. Серый тулпар заговорил [человеческим] языком и предупредил Заятуляка, говорят:

— Братья замышляют убить тебя этой ночью. Когда наступят сумерки, я подойду к твоей кибитке. Ударишь меня разок плетью по бокам, и мы скроемся из их глаз.

Когда настали сумерки и уже стемнело, шестеро братьев подкрались к кибитке Заятуляка. Заятуляк тут же мигом вскочил на серого тулпара и ускакал с яйляу. Братья погнались было за ним, но не догнали серого тулпара, отстали.

11. Мчался так Заятуляк и очутился возле озера Асылыкуль. Он остановился у горы Карагас*, отпустил серого тулпара пастись, а белого сокола оставил [сидеть] на луке седла. Сам же, стоя на берегу, долго смотрел, изумленный, на красоту озера, которое сверкало в темноте ночи. Тут он заметил на берегу у воды отблеск каких-то лучей. Удивился Заятуляк и стал осторожно приближаться к тому месту, где сверкали лучи.

И что же он видит: на берегу, на плоском камне, сидит водяная девушка и, распустив косы, расчесывает золотым гребнем черные волосы длиною в шестьдесят коласов*. Свет над Асылыкуль [-озером] исходил, оказывается, от той прекрасной девушки, которая вышла из воды и прихорашивалась. Изумленный красотой девушки, долго стоял егет и не мог прийти в себя. Потом он тихонько подкрался к девушке и неожиданно схватил ее за мягкие, словно шелк, черные волосы длиною в шестьдесят коласов. Как ни старалась водяная девушка вырваться, егет не отпускал ее. Когда девушка, почувствовав его силу, поняла, что ей не уйти, она взмолилась:

— Сын земли, прошу, отпусти меня! Я — дочь озера. Если лишишь меня воды, то погубишь. Тогда и сам погибнешь!

12. Сколько ни молила она, не отпустил Заятуляк водяную девушку. Полюбилась егету девушка, и сказал он ей так:

— Всю ночь, держа по звездам путь,
Я без отдыха скакал, красавица;
Не знаю имени твоего и страны —
Назови же мне [их], красавица!
Вместе мы будем жить,
Вместе семью создадим.

Ответила девушка, говорят:

— Успокойся, красивый егет,
Имя мое — Хыхухылу,
Ты не добивайся меня,
Егет, не могу быть ровней тебе.
Я создана из лучей,
Не глумись [надо мной], заставив
по земле ходить,
Не будет равной сыну земли
Девушка, созданная из лучей.
Егет, не уговаривай меня,
Отпусти меня, сын земли,
Если узнает отец, на тебя пойдет войной,
На голову твою падет беда.

И все же Заятуляк не отпустил ее, говорят.

13. Тогда Хыхухылу попыталась его запугать, говорят:

— Заятуляк, егет молодой,
По молодости своей
Дочь озера считая красавицей,

Погибнешь ты в воде.
Тулпара, на котором сидишь,—
И его лишишься ты.
Белого сокола — бедняги своего —
И его лишишься ты.

Заятуляк сказал:

— С полуслова понимает [сокол меня]:
Перепелку с вытянутой шеей поймал,
Журавля с длинной шеей поймал,
Самую быструю из птиц — чирка —
И ту, не взмахнув даже крылом, настиг.
Лису с родинкой на ухе поймал,
Волка с кровавой пастью поймал.
От своего белого сокола откажусь,
Под воду я опущусь,
Буду [там] вместе с тобой!
От того, кто ветра быстрее,
Кто предупреждает [все] желания мои,
Кто на скачках непобедим,—
От серого тулпара откажусь,
Под воду я опущусь,
Буду [там] вместе с тобой!

14. Не согласилась Хыхухылу с тем, что он предложил, и попыталась все же избавиться от егета:

— О Туляк¹ мой, Туляк,
Вот тебе мои дары:
Золотой гребень, золотая косоплетка —
Отдаю их тебе.
Я не стану твоей,
Ты не станешь моим,
Не надейся, мой Туляк,
Захлебнешься под водой.

Отказался от даров Заятуляк. Он сказал Хыхухылу:

— Отрекусь от матери своей,
Которая девять месяцев носила меня,
Сгибаясь под тяжестью,

¹ Сокращенная форма имени Заятуляк.

Недосыпая ночей,
Вскормившей меня своим молоком.
Пусть погибну под водой,
[Только] позволь мне быть с тобой!
Отрекусь от отца своего,
Чья борода надвое [расчесана],
Под воду я опускаюсь,
Умру ради тебя!

15. Только после этого Хухылу смягчилась немного и сказала:

— Егет, сожми губы, закрой глаза и крепко держись за мои волосы, нырнем в воду!

Так они вдвоем нырнули в озеро.

Спустившись на дно озера Асылыкуль и открыв глаза, Заятуляк увидел совсем иной, таинственный мир. На просторных лугах пасутся бесчисленные стада, в журчащих речках золотые рыбы играют, а в глубоких озерах — утки, лебеди, дикие гуси. Хухылу ввела Заятуляка в белую войлочную юрту, стоявшую посреди луга, и сказала:

— Егет мой, ты добился своего: отныне я твоя, а ты — мой!

— А не будет ли против твой отец? — спросил Заятуляк.

16. Пока они так разговаривали, к юрте подъехал на черном коне, одетый во все черное, с черным соколом на луке седла отец Хухылу. Хухылу быстро спрятала Заятуляка. Отец вошел в юрту и спросил:

— Человечий дух стоит. Кто здесь?

— Сам выходишь на поверхность земли, приносишь с собой человеческий дух, а с меня спрос! — сказала на это Хухылу.

17. Долгое время Хухылу держала у себя Заятуляка, не показывая его ни матери, ни отцу. Но однажды отец узнал, что в юрте Хухылу находится Заятуляк, — и тайна раскрылась. Хухылу должна была рассказать правду. Она не скрыла своей любви к сыну земли и того, что хочет вместе с ним жить. Услышав это, падишах озера Асылыкуль разгневался — вода в озере забурлила и, выйдя из берегов, затопила окрестные луга.

Хухылу познакомила Заятуляка со своим отцом. Когда увидел красивого егета богатырского сложения, светлолокого, падишах озера Асылыкуль отошел, гнев его утих.

— Ну что же, дочь моя! Видно, тебе суждено выйти замуж за сына земли. Я согласен. Пусть Заятуляк счастливо живет с тобой. А если по земле загрузите, вас ждет беда. Если оставите подводный [мир] и выйдете на землю, то погибнете оба, — сказал.

18. Несмотря на то что Заятуляк жил на дне озера Асылыкуль в счастье и довольстве со своей любимой Хухылу, которой не было равной по красоте, но затосковал он по родной земле, по земной жизни. От тоски пожелтело его лицо.

— Заятуляк, что случилось с тобой? Почему ты загрустил? — спросила Хыхухылу.

— Соскучился по родной земле, потому и грущу,— ответил Заятуляк.

Чтобы хоть немного утешить своего мужа, Хыхухылу попыталась развеять его тоску. Она дала Заятуляку маленькое зеркальце, чтобы он смотрел в него, когда ему будет особенно грустно, чтобы он успокаивался, видя в зеркале родные края. Вот посмотрел Заятуляк в зеркало и увидел поверхность земли, своего серого тулпара, стоящего на горе Карагас, возвышающейся у южного берега озера Асылыкуль, и с нетерпением ожидающего своего хозяина. На луке [его] седла, пригорюнившись, сидел белый сокол, говорят. Серый тулпар объел всю траву, которая росла на вершине горы Карагас, и [совсем] ее оголил, говорят. Серый тулпар и белый сокол не сводили глаз с того места, где Заятуляк нырнул в озеро, и все ждали, говорят, когда он появится. Увидев это, Заятуляк опечалился, из глаз его покатались крупные слезы. Тоска его стала еще сильнее.

19. Отец и мать Хыхухылу призадумались, видя, как печален их зять. Однажды водяной падишах спросил Заятуляка:

— Зять мой, есть ли у тебя свои воды и земли?

— Родная земля моя — гора Балкан; вода, которую я пил,— из реки Дёма. Балкану и Дёме подвластны многие другие земли и воды. Вот по той земле я и тоскую,— сказал Заятуляк.

— Хорошо,— сказал водяной падишах.— К утру гора Балкан будет возле твоей юрты.

Водяной падишах приказал джиннам перенести за ночь гору Балкан и поставить против белой юрты. Джинны, не найдя горы Балкан, обхватили железным обручем другую гору и притащили ее.

Вышел Заятуляк наутро из юрты и увидел высокую гору. Но только эта гора, перенесенная джиннами и пряями подводного [мира], не могла развеять тоску егета по родной стране. Приглядевшись, он заметил, что вместо горы Балкан притащили они совсем другую гору.

20. Давая понять, что это не гора Балкан, он сказал:

— Вы перепутали гору с горой,
Железным [обручем] обхватив,
[Эту] гору притащили,
Но это не гора Балкан.
Гора Балкан высока,
На склонах ее водится дичь.
Словно колышки, вбитые в землю,
На горе Балкан суслики сидят;
Шустроглазых, чьи уши врозь,
Много волков на горе Балкан;

Косолапых, неуклюжих
Медведей много на горе Балкан;
Много степных лисиц на горе Балкан,
Которые рыщут, поглядывая вокруг,
Нарядных, словно девушки,
Лисиц много на горе Балкан;
Много места для гнездовий —
Много птиц на горе Балкан;
Словно ремней, маслом смазанных,
Много змей на горе Балкан;
Словно расстеленный бархат,
Лесов много на горе Балкан.
Перепутав гору с горой,
Железным [обручем] обхватив,
Хоть и перенесли вы ее сюда, —
Это не моя гора Балкан.

21. Видя, как тоскует Заятуляк, водяной падишах сказал ему:

— Заятуляк, ты — сын земли и не сможешь прожить без земли. С сегодняшнего дня ты свободен, не стану силой тебя удерживать здесь. Отправляйтесь на гору Балкан и живите [там]. Хыхуылу поедет с тобой: не муж ходит за женой, а жена за мужем. Возьми из табуна тулпара Акбуза. Я дам тебе скот, чтобы ты наладил хозяйство. Выходя из озера, не оглядывайся, пока не достигнешь горы Балкан!

22. Заятуляк сел верхом на тулпара Акбузата, впереди себя посадил Хыхуылу, и, попрощавшись с водяным падишахом, они стали выбираться из озера в направлении горы Балкан. Слышит Заятуляк, как за его спиной, вспенивая бурлящее озеро, выходят из воды лошади, кричат жеребята, ржут жеребцы-вожаки, от стука их копыт дрожит земля. Не выдержав, он оглянулся назад и увидел, как из воды выходят косяки сильных лошадей². А как только Заятуляк оглянулся, те из лошадей, что не ступили еще на берег, тут же нырнули обратно в озеро, а те, что уже ступили на землю, последовали за тулпаром Акбузатом. Заятуляк и Хыхуылу прихватили с собой и серого тулпара, похудевшего в ожидании хозяина, и белого сокола. Стали они жить на горе Балкан. Заятуляк ходил на охоту, играл на курае*.

С правой стороны, для опоры,
Есть у меня гора Балкан;

² Букв. «косяки лошадей с мышинными хребтами» — так образно передано представление о крепкой, кряжистой лошади.

С левой стороны, для опоры,
Есть у меня моя красавица Хыухылу —

так пел Заятуляк. Но им не суждено было долго жить вместе.

23. Однажды чуткая Хыухылу услышала, как со стороны [реки] Дёмы раздался топот копыт. Зоркие ее глаза различили поднявшуюся к небу пыль.

— Это твои сородичи скачут, поднимая пыль. Сердце мое охватил страх; неспроста, видно, едут сюда,— сказала она.

— Пусть едут. Живым я им не дамся. Выйду на битву против них! — ответил Заятуляк и стал готовить лук и стрелы.

Хыухылу сказала:

— Заятуляк, не проливай кровь своих сородичей. Может быть, они едут с какой-нибудь важной вестью? Выслушай сначала, что они скажут. Если увезут тебя силой, то через сорок дней придешь на это место, я буду ждать тебя. Я не проживу больше сорока дней без озера Асылыкуль и без тебя. А пока я спрячусь, чтобы не видели меня всадники.

Заятуляк послушался совета жены.

24. Прошло немного времени, и конные войска Самар-хана достигли горы Балкан. Глава войска, подъехав к Заятуляку, сказал:

— Прошлой ночью отец твой Самар-хан умер. Шестеро твоих братьев, борясь за ханский престол, воюют между собой. В стране нет мира. Народ хочет, чтобы ты стал ханом. Просим тебя, не отказывайся. Мы приехали за тобой.

Заятуляк подумал: «Я успею забрать Хыухылу еще до того, как пройдет сорок дней» — и, поведя за собой войска, направился в [родное] яй-ляу. Сородичи встретили его с большим почетом, посадили на ханский престол. Шестеро же его братьев перебили друг друга.

25. Заятуляк установил в стране мир, совещался со своими сородичами, собирая биев и аксакалов *, держал с ними совет, принимал послов. Восхождение [на престол] молодого хана превратилось в большой праздник. Несколько дней подряд длилось празднество. Устроили борьбу батыров на майдане *, конные скачки, соревнования стрелков из лука, состязание сэсэннов *, певцов и кураистов *.

26. Пока Заятуляк был занят торжествами и делами страны, Хыухылу в горестном одиночестве ждала возвращения любимого. В тоске по озеру Асылыкуль, в разлуке с Заятуляком она стала блекнуть и увядать. Тоскуя по Заятуляку, она пела так:

— Встала я рано поутру и взглянула:
Одинокая вершина виднеется, как птица;
Дни, что мы вместе с Туляком провели,
Пролетели, словно все было во сне.

Серый дунан-тулпар резвится,
Повод натянешь, он рвется вперед.
Даже когда глаза мои смежит сон,
Сердце мое тоскует по тебе.

27. Занятый делами Заятуляк не заметил, как настал назначенный срок.

— Поеду-ка, привезу Хухухулу! Истосковалась, видно, в одиночестве! — подумал он и начал считать: оказалось, прошло сорок дней и была на исходе сороковая ночь.

Заятуляк скачет верхом на самом быстром коне к горе Балкан, старается успеть к сроку. Но не успел Заятуляк. Когда он домчался до [горы] Балкан, настал сорок первый день, и его любимая Хухухулу уже умерла. Заятуляк очень тяжело переживал ее смерть. На вершине горы Балкан вырыл он копьём могилу для Хухухулу. Заятуляк положил ее в могилу и, пронзив себя булатным копьём, упал бездыханным рядом с любимой.

28. Люди, выехавшие на поиски Заятуляка, только через несколько дней нашли его в могиле рядом с Хухухулу. Похоронили их с почестями, оградили могилу крупными камнями.

С тех пор гора Балкан, на вершине которой покоятся справедливый батыр и Хухухулу, стала священным местом для придёмских башкир.

КАРА ЮРГА
(первый вариант)

1. В давние времена жил на реке Хакмар* охотник по имени Кусярбай. Была у него одна-единственная кобыла, которая жеребилась каждый раз скрытно [от хозяина], и потому жеребята от нее редко выживали: то волк зарежет, то еще в какую беду попадут. Другие же люди от одной кобылы имели большой приплод, и это очень огорчало Кусярбая. К тому же единственный его сын Аблай вырос и надоедал отцу:

— Если бы конь был, то и я занялся бы охотой, как другие парни.

2. Когда обнажилась для [корма] скота черная земля и кобыле подошло время жеребиться, Кусярбай позвал сына и сказал:

— Сын мой, кобыле подходит время жеребиться, следи за ней. Если принесет жеребца, дам [его] тебе на развод. Будешь на охоту ездить.

Аблай был смелый и меткий охотник, и, ничего не страшась, он стал следить за кобылой. Заметив, что она то и дело отбивается от табуна, он так сказал отцу:

— Отец, вымя у кобылы молоком налилось, не позже чем сегодня она ожеребится. Дай мне своего коня, я послезу за ней.

3. Отец дал ему коня, и Аблай поехал за кобылой. Кобыла ушла из табуна, выбрала место на склоне горы и принесла вороного жеребенка. Он не походил на других жеребят, которые с трудом вставали на ноги. Едва мать облизала, обсушила его, он начал резво скакать, то забегаая вперед, то отставая от матери. Следил за кобылой и волк. Подскочив к жеребенку, он сделал вид, что играет с ним, бегая вокруг него, а сам ухватил его зубами за заднюю ногу. Ни Аблай, ни кобыла не заметили этого. Услышав жалобный крик жеребенка, кобыла заржала. Стрелой бросился к ним Аблай, и волк убежал, оставив жеребенка, но успел отхватить от ноги кусок мяса величиной с ладонь. Жеребенок не погиб от этой раны, выжил и вырос. Отец и мать Аблая радовались, а сам он пеналился, видя, что жеребенок не станет скакуном, не будет пригоден ни для охоты, ни для битв. Отец утешал его:

* Кара Юрга — кличка коня, данная ему по вороной масти. «Вороной Иноходец».

— Не горюй, сынок. Говорят, мужчину, вернувшегося с семи битв, и холера не берет, а коня, спасшегося от волка, и ветер не обгонит. Когда он вырастет, будет иноходцем.

4. Прошло несколько лет. Если Аблай прославился своей статью, меткостью в стрельбе и острым словом, то и Кара Юрга снискал славу лучшего коня в тех краях.

Как-то летней порой Аблай высказал отцу свое желание поездить по стране, увидеть новые земли, познакомиться с достойными мужами.

— Есть [на свете] не только река Хакмар,
Земля не только на ее берегах.
Кроме резвящихся на косогоре
Рыжей лисицы, белого зайца,
Хватающего жеребят волка
И другие живые души есть.
[Есть] середина земли —
Долины Яика и Идели
И отроги Уральских гор.
Есть мужи, пускающие соколов,
Есть мужи, медведя берущие,
Есть мужи, на курае * из шпорника
Мелодичные напевы играющие. ? ?
Поеду я в те края,
Увижу я земли те,
Егеу, считающему себя мужчиной,
Разве пристало на одном месте сидеть? —

сказал он, и отец не стал противиться его желанию.

5. Аблай сел верхом на Кара Юргу и отправился в путь. Многие воды он пересек, на многих яйляу * ночевал, множество лесов, дорог и гор оставил позади. Добрался, говорят, до яйляу Масем-бая, славившегося своим богатством на весь Верхний Идель. Остановился у пыльной коновязи возле юрты для гостей, принадлежавшей Масему, но не стал по обычаю приветствовать хозяев, а сразу дернул петлю, которая удерживала дверь юрты. Масем-бая не было дома, он уехал в гости. Никто из мужчин не вышел навстречу, только дочь Масем-бая Мактымхылу [была дома], она пригласила к себе подруг, и они собрались на свой девичник. Услышав, что кто-то дергает за петлю, Мактымхылу и ее подруги вышли из юрты. Девушки удивились, увидев возле коновязи Аблая на гарцующем, прядящем ушами Кара Юрге. Аблай тоже не мог вымолвить ни слова при виде черноглазой, длинноволосой Мактымхылу, выделяющейся среди девушек своей красотой, словно матка среди пчел. Мактымхылу была девушка решительная, острая на язык и, не долго думая, начала, говорят, свою речь:

6. — Пена на губах твоего коня —
Видно, он соль привык лизать,
Полы твоей одежды закруглены —
На жителя степей ты похож.
Если ты приехал к отцу моему,
То прежде всего приветствие бы сказал,
Если ты приехал на яйляу,
То громким кличем дал бы знать о себе.
Подумать бы, что это возвращается назад
С чужого яйляу жених, —
Но разве вечерней порой
Женихи уезжают от невест?
Похоже, что и тороки твои пусты,
И подарков нет у тебя никаких.
Подумать бы, что ты покинутый невестой жених,
Возвращающийся домой, —
Но разве егет на таком коне
Не заставит девушку себя полюбить?
По тому, как ты дернул за петлю,
Подумала бы, что невесту ищешь ты.
Но разве так рано, до темноты,
Приезжает с этим егет?
Подумала бы, что путник ты,
Но зачем тогда, многие юрты миновав,
Ты остановился у этого столба?

7. Аблай:

— Облик твой и обхождение твое
Выдают в тебе дочь достойного отца;
Что на потного моего коня
Взор обратила — [тоже] в пользу твою.
Чтобы прийти прямо к отцу твоему,
Я не сватаюсь за его дочь;
Чтобы явиться прямо на яйляу,
Я кровной мести не ищю;
Чтобы проезжим каким-то быть,
Я не странник, бежавший из своей страны,
Чтобы по ночам за девушками следить,
Я не карлик, а мужчина я.

8. Девушки:

— О егет, по виду [своему]
Ты на чужеземца похож;

По тому, как о себе дал знать,
Можно подумать, что с [какой-то] целью пришел.
Странного в том нет — спросить имя
У гостя, который приехал прямо [к нам].
К кому же приехал ты
Издалека, загнав [своего] коня?

9. Аблай:

— Ехал я вдоль Уральских [гор],
Многие яйляу повидал.
То с левого берега на правый, то наоборот
Реку Идель много раз переезжал.
Из рук девушек,
Бабочкам подобных,
Много раз жажду утолял.
Искал я красавицу одну,
Пред кем певчая птица молчит
И в удивлении слушает голос ее,
Кого славит солнце на небесах,
Баюкает ночами луна,
Ту, которая на прохладной утренней заре
Мелодичные песни поет.

10. Мактымхылу:

— Тот, кто, объездив дикого жеребца, сел на него,
Тот, кто ловит оленя, чтобы есть мясо его,
Тот, кто своего имени не назовет, не мужчина он,
Если он считает постыдным имя свое [назвать],
Тот, кто своего отца не назовет, не мужчина тот,
Если не подкидыш он.

11. Аблай:

— Известного богатством своим
Нет отца у меня, чтобы назвать имя его;
Известной своим острословием в стране
Нет матери у меня, вскормившей меня молоком.
Я — егет по имени Аблай,
[Тот], кто на курае из шпорника
Дарит мелодии певучие своей стране,
Кто батыром на майдане *

Славится в своем краю —
В долинах реки Хакмар.

12. Мактымхылу:

— О егет мой, знаем [мы]:
Родные края твои отсюда далеко,
Слава твоя как батыра и кураиста *
Донеслась и до наших мест.
Входи, егет, гостем будь,
Пока отец мой и мать в гостях,
До их возвращения вместе [с тобой]
Повеселимся тайком от всех.

Девушки:

— Егет, егет, как ветер мчался ты,
Прискакал сюда, коня загнав,
Сойди же с коня, гостем будь!
Приехал ты из дальних мест,—

так девушки кружились вокруг него и пели, а Аблай принял их приглашение, говорят.

13. Он стал их гостем, показал свою ловкость в верховой езде, по вечерам веселился с девушками, вместе с Мактымхылу гулял в поле, говорят. Хотя Мактымхылу и давала понять, что полюбила его, сам Аблай не открывался ей, любовь свою держал в тайне и печалился, говорят, думая о том, что если станет свататься, то на калым ему не хватит богатства.

14. Погостив несколько дней, Аблай начал седлать коня, чтобы ехать домой. Мактымхылу хотела узнать, любит ли он ее, и, решив дать ему подарок, так пропела, говорят:

— Пояс расшила я —
Опояшу-ка тебя,
Цветастый палас соткала —
Путь твой устелю.

15. Девушки:

— Медом чаны наполним [мы],
Вашей свадьбы будем ждать,
Нажарим в бараньем жиру —
Приготовим баурсаки ²,

² В тексте национальное название — йыуаса.

Подойди же, егет, твой стан
В знак сговора опояшем мы.

16. Аблай:

— Покинув Хакмар, перебрался через Идель,
Чашу принял из ваших рук.
Играл на курае, для вас песни пел,
Проводил с вами дни и вечера.
Кумыс, что я пил из ваших рук,—
Это утоление жажды сердца моего.
Втайне от отца не полюблю его дочь,
Пусть подарок ваш останется пока,—

так пел Аблай.

17. Хотя он уже полюбил Мактымхылу, однако, уезжая, не сказал ей о своей любви.

По дороге домой Аблай, где бы ни останавливался, везде слышал молву о красоте, о певучем голосе, о мудром острословии Мактымхылу. Бывал и на таких застольях, где говорили, что многие богачи давали целые стада за нее, но этого было мало Масему. У Аблая не было такого калыма, на который согласился бы Масем. Всю дорогу он ломал себе голову, не зная, что и делать, искал выход, говорят, так в растерянности и доехал до своего яйляу.

18. Вскоре после отъезда Аблая Масем возвратился из гостей. К приезду Масема Нугуш-бай заслал сватов, прося [отдать] Мактымхылу за своего сына. Сваты согласились с условием Масема дать ему по табуну коной каждой масти. Масем решил выдать дочь за сына Нугуш-бая.

Узнав об этом, Мактымхылу решила, говорят, во что бы то ни стало увидеть еще раз Аблая. Она посоветовалась с самой любимой молодой. Обдумывали они вдвоем разные способы, но, ничего не придумав, порешили, говорят, так: «Если выкрасть у Аблая Кара Юргу, то он наверняка прибудет в наши края в поисках своего коня. Долго искали они для этого человека и наконец нашли, говорят, человека по имени Мокаш, которому дали множество скота.

Много яйляу проехал, многие воды пересек Мокаш, добрался до юрты Аблая и, отвязав привязанного к юрте иноходца, выкрал его. Аблай проснулся на лай собак, выскочил из юрты, поглядел: а коня и нет! Кинулся Аблай туда-сюда — нигде никаких следов. Подавленный, стоял он в темноте, прислушиваясь, и [вдруг] издали послышалось ему ржание Кара Юрги.

Аблай разбудил двух своих друзей, говорят. Они побежали к табуну за лошадьми, чтобы поехать в ту сторону, откуда послышалось ржание. Пока они добрались до табуна и поймали лошадей, наступило утро, а пока

они их оседлали, расспросили людей о том, о сем, солнце, говорят, поднялось уже на высоту копья.

19. Взяв с собой двух близких друзей, Аблай поехал искать Кара Юргу, расспрашивая о нем всех, кого встречал по пути. Когда ехали лесом по склонам Урала, увидели журчащий родник и решили отдохнуть, покормить коней. Подъехали к раскидистому большому дубу, который рос прямо возле родника, и только захотели привязать лошадей в тени, как увидели под дубом в изрытой земле желоб. Увидев такое, они даже останавливаться не стали, сели на коней и поехали дальше. Выехали к развилке трех дорог, постояли, подумали, потом решили отправиться в разные стороны, а в конце пути встретиться возле родника.

Аблай поехал, говорят, по средней дороге. Проехал много земель, много вод пересек, через многие горы перевалил — очутился, говорят, в ауле. Узнав, что в ауле большой праздник, он подъехал к собравшимся людям. Ходил он, ходил по площади и вдруг услышал, как люди хвалят нового коня Мактымхылу. Аблай тут же понял, что Кара Юрга у Мактымхылу, покинул празднество и поскакал к яйляу Масема. Когда ехал по лесу, его конь, что-то почуяв, громко заржал. Ему ответила другая лошадь, и Аблай поскакал в ту сторону. Выехал на поляну и видит: верхом на Кара Юрге едет Мактымхылу вместе с подругами на праздник. Встретив Аблая, девушка улыбнулась и, гарцуя на коне, запела:

20. — О егет мой, ой, егет!
Откуда прибыл ты, егет?
Хоть сватать девушку постыдился ты,
Все же явился зачем-то егет!
О Кара Юрга! Ой, Кара Юрга!
Мотает головой конек,
Вырос он в ласке у егета своего,
Потому и упитанный такой.
Вырос он в ласке у егета своего,
Потому и упитанный такой.

21. Аблай, сделав вид, что не обращает внимания ни на Мактымхылу, ни на ее подруг, глядя на своего вороного иноходца, запел:

— О Кара Юрга мой!
Ой, Кара Юрга мой!
В крутую черную гриву твою
Ленты вплету, иноходец мой,
О Кара Юрга мой!
Ой, Кара Юрга мой!
Что же случилось с тобой?
Мне изменил иноходец мой.

22. Мактымхылу пропела, [отвечая за] иноходца:

— О мой егет, ой, мой егет!
Не сердись ты, мой егет!
Воду Хакмара не влюбив,
Пересек я Идель, егет!
Мой егет! Не сел на меня,
Замысла` девушек не понял,
Не насытился охотой своей,
На красивую девушку взор не обратил.
Серый в яблоках не станет [твоим] конем,
Егету холостым не пристало быть!
Возя на себе егета, не любящего девушку,
Кара Юрга не станет резвым, как стригунок.
Вода в Идели сладка,
Красивы девушки [здесь].
И хозяйка, что верхом на мне,
Только мне самому под стать.

23. Аблай:

— Через много гор я перевалил,
Пересек много вод.
Если хочешь вернуться, мой Кара Юрга,
Отправимся на родину свою.
Не станет любимой похитившая коня,
Не станет добрым непослушный [конь].
Девушка, что и вести не послала,
А коня похитила, не будет ровней мне.
Вода в Идели сладка,
Склоны Урала красивые,
А все же девушки [здесь]—
Воровки, [будто] никогда и не видели [коней].

Сказал так Аблай и, повернув коня, поскакал прочь.

24. Проехав один перегон, он оглянулся назад и увидел, что девушки тоже скачут за ним. Пустил он своего коня во весь опор, говорят, проехал немного и, оглянувшись, увидел, что на этот раз скачет только Мактымхылу на Кара Юрге. У подруг ее устали кони, и они остановились. Аблай поскакал еще быстрее. Видя, что Мактымхылу догоняет его на Кара Юрге, он остановился у родника, где должен был встретиться с двумя своими друзьями, и сошел с коня. Между тем подъехала и Мактымхылу, ускакавшая от подруг. Не сошла с коня она, не сошла и [сидела] молча. Аблай

обошел вокруг Кара Юрги, осмотрел его и видит: удил его в черной крови, глаза кровью налились. Егет понял, что иноходец не подчинился девушке, понес ее вслед за ним. Понял и, не говоря девушке ни слова, вынув из кармана платок, вытер кровь с удил коня, потрепал его по шее, приласкал и сказал:

25. — Был ты конем, что сокола быстрее.
Кто же тебя оседлал?
Почему перед кем-то смирился [ты]
И в народе ославил себя?
Ты от тулпара родился,
Ты — мой любимый конь,
Ты — лишивший покоя меня,
Убежавший от меня конь.
Нет коня, равного Кара Юрге,
Он не даст никому накинуть на себя узду.
Если даст взнуздать себя на стороне,
Лишится славы своей Кара Юрга.
Девушка, сидящая на иноходце верхом,
Спустишь на землю, омою твое лицо.
Пока далеко не отъехала от родных мест,
Слово свое скажи, выслушаю тебя.

26. Мактымхылу:

— Кара Юрга — это ты, оказывается,
Батыр Аблай — мужчина, оказывается;
Затеявшая игру с конем
Глупая Мактым — это я, оказывается.
Не сойду я с коня,
Ведь девушка с Урала я.
Сам скажи мне искренние слова,
Если ты мужчина, любящий меня.
Тем, что ты мужчина, не кичись,
Не черни своего Кара Юргу,
Если красавицу, что добыл твой конь,
Девушкой любимой считаешь ты.

27. Аблай:

— О мой Кара Юрга!
Ой, мой Кара Юрга!

Красавицу, что [сидит] верхом на тебе,
Позволь мне поцеловать, иноходец мой,
О мой Кара Юрга!
Ой, мой Кара Юрга!
Она — все серебро, что отпущено мне,
Опусти ее на землю, иноходец мой!

28. Мактымхылу:

— О мой Кара Юрга!
Ой, мой Кара Юрга!
Непослушный моей руке,
Понес ты меня, иноходец мой.
Отнял ты силу моей красоты,
Отнял ты силу моих рук;
Храня верность егету своему,
Сбил меня с моего пути.
Выехали из дому по дороге мы,
Чтобы повеселиться, поиграть;
Кара Юрга — дикий конь,
Со злым умыслом ты пришел.
Я — девушка, что на Урале росла,
Была я любимицей — единственная [дочь],
Теперь вот опозорена, унижена [я],
Я — выросший на Урале цветок,
Заморозкам неподвластный.
Кара Юрга, это ты закрыл
Черным туманом мой [светлый] день.

Сказала так и заплакала, оскорбленная тем, что егет встретил ее не-
ласково.

29. Аблай пожалел ее и открыл ей всю свою душу:

— На Урале — сокол ты,
Девушка, выросшая в чести;
А охотник на сокола того
Я — батыр Аблай.
Раз приехал я, загнав коня,
Услыхав, что слава о тебе идет
из страны в страну,
Выкуп хотел отцу твоему заплатить,
Согласный на все, что потребует он.

Увидел твое лицо и оробел,
Не знал, что и сказать:
Не думал, что девушки, бывшие с тобой,—
Это наперсницы твои.
Повернул я налево коня,
Чтобы остаться одному,
Нигде я покоя не нашел,
Уехал я к себе домой.
Нет мужчины, который не полюбил
бы тебя,

Красавица, понапрасну не плачь.
А того, что скажут: «Ты, невеста,
без калыма взята»,

Девушка, не бойся совсем.
Мой Кара Юрга недостойным сочтет,
Если красавица не сядет на него,
Вскинет в небо, сбросит ее с себя,
Если равной своему егету не сочтет.
Напевая тебе песни свои,
Урал прекрасной взрастил тебя.
Егета, достойного тебя,
Хакмар [-река] вырастила для тебя.
Взять девушку за калым
Не делает чести егету.
Богатством своим мой отец
Масем-баю неровня.

Для калыма нет у меня скота,
Поэтому мой Кара Юрга
Привез нас обоих сюда.
Если любящий егет руку подаст,
Станет ли девушка слезы проливать?
Если в одно сливаются сердца,
Способно ли нас разъединить войско
твоего отца?

Скажи последнее слово свое,
Ведь не даст согласие твой отец
И, набрав войска из всех родов,
Поведед их отомстить за тебя.
Кара Юрга мой, колени подогни,
Пусть сойдет с тебя хозяйка,
устала она;

Успокоим лаской ее,
Утомил ее Урал.

30. Кара Юрга, словно верблюд, опустился на колени. Мактымхылу сошла на землю, подарила Абляу сердоликовое кольцо с руки и сказала так, говорят:

— Вот этот подарок, егет,
В знак нашей встречи дарю,
Сама на охоту вызвала тебя
Я — лисица, богом ниспосланная тебе!
Славой избалован мой отец,
Вызова не потерпит он;
Если даже со всем войском придет,
Не сумеет нас разлучить.
Хоть волосы я заплетаю в пять кос,
В руке у меня меч, как алмаз,
Если даже отец войной пойдет,
Не станет [это] преградой на моем пути.

31. Аблай, услышав эти слова, обнял девушку. Они привязали коней, чтобы те остыли, а сами сели на траву отдохнуть. Аблай не стал дожидаться двух своих друзей, вырезал на дубе тавро Кара Юрги, давая этим знать, что уехал, и отправился в обратный путь.

Говорят, вернулись они домой, свадьбу устроили и стали жить вместе.

32. Однажды Масем, собрав войско из батыров, окружил яйляу Кусярбая и потребовал, чтобы вышла Мактымхылу. Сам с коня не сходит, хоть Кусярбай и людей посылал к нему и сам ходил приглашать его в свой яйляу. Мактымхылу на Кара Юрге, Аблай на светло-сером тулпаре выехали навстречу Масему. Увидев дочь, Масем в сильном гневе сказал так:

— Дочь, еще до выданья не доросла,
А отреклась от родного отца;
Дочь, поправшая честь отца,
Бежала через Урал;
Девушка, выросшая на Урале, бросила Идель,
Бежала в солончаковую степь;
Девушка, что мой честный род
Позором покрыла [большим], как гора,
Выкрали или обманули тебя?
Если выкрали, то я увезу тебя домой,
Если же обманули, участь твоя [такова] —
Тут же я тебя застрелю и уеду!

33. Масем подъехал к дочери, направил на нее стрелу, натянул тетиву лука и стал ждать ее ответа. Видя гнев отца, Мактымхылу все же ответила так, говорят:

— Охотник настоящий
Не целится впустую из лука,
Выследив большого зверя,
В норе его не оставит.
Муж, считающий мужчиной себя,
Понапрасну не начнет раздор,
Не совершит в отместку набег,
Не выяснив истинных причин.
Ах, отец мой, твой Урал,
Вырастивший мужчин твой Урал,
Не вырастил коней,
Недостойных тех мужчин, твой Урал.
Свой лук пока убери,
Выслушай слово мое:
Ни на ком нет вины,
Все тебе расскажу, подожди.
Кара Юрга — славный конь,
От тулпара он рожден.
Выкравший меня — не Аблай.
Если поднимется рука, не меня,
а [коня] застрели.

34. Она рассказала отцу о том, как ее похитил Кара Юрга, но тот не поверил ей. Видя, что Масем не верит ей, Аблай сказал ему:

— Увези Мактымхылу верхом на Кара Юрге, но чтобы никто не держал его за поводья. Иноходец дойдет до [реки] Хакмар, но на другой берег не перейдет, не подчинится девушке, привезет ее обратно. Если же удастся вам вывести коня за пределы земель Хакмара, я за иноходцем не последую.

Масем принял это условие. Увезли девушку верхом на иноходце. Под вечер, увидев облако пыли, смотрят: со стороны Хакмара скачет Кара Юрга с Мактымхылу. Только Мактым доскакала до яйляу, вслед за ней появился и Масем со своими людьми. Аблай же со своими людьми встретил его.

35. Масем подъехал к дочери и сказал:

— Чем резвиться тебе на коне,
Резвилась бы [лучше] при отце.
Чем плакать по собственной вине,
[Лучше] бы в доме моем умерла.
Гнев мой уже прошел,
Если хочешь, устроим свадебный туй,
Если ж не хочешь, дитя мое,

Юрту потребуете для Мактым —
Есть у меня восемь белоснежных юрт.

39. Услышав эти слова, Масем ничего не сказал сыну Нугуш-бая, а посмотрел на Мактымхылу:

— Не смущайся, скажи слово свое,
Обдумав, посоветуемся вместе все:
Совет, идущий в согласии, не разорвать,
Без упреков обдумаем [все].

Мактымхылу:

40. — Не говорите, что на берегах Хакмара
Молодые березы не растут.
Не говорите, что Аблай — бедняк —
Богатства не наживет.
Не говорите, что сыну Нугуш-бая
Счастье не изменит однажды;
Не ждите ответа от меня,
Что, мол, сына Нугуша люблю.
Если насильно [меня] Нугушу отдадите,
Не думайте, что не воспротивлюсь я,
Не думайте, что в недрах черной земли
Не найду я места себе.
Мужчина мужем недостоин быть,
Если от безделья жиреет он,
Если сам себе не сможет повесить даже котла,
Если, ни на что не способный, томится он.
Я не продамся за калым.
Если не окажется мужчиной егет,
Если не будет достоин любви,
Я к груди его не прильну.

41. Когда Масем согласился выдать дочь за Аблая, оскорбленный сын Нугуш-бая уехал, говорят, домой со своими батырами. Тогда устроили большой свадебный туй. Аблай и Мактымхылу, лаская Кара Юргу, который помог им соединиться, пели, говорят, перед всем народом:

— О Кара Юрга!
Ой, Кара Юрга!
Круглые красивые копыта твои
Подкуем, иноходец!
В крутую красивую гриву твою
Вплетем золото и серебро!

КАРА ЮРГА
(второй вариант)

1. Давным-давно был батыр по имени Кушлак. Каждый раз, выйдя на охоту, этот батыр приносил не меньше семи уток, семи журавлей, семи гусей, семи оленей. Тем и был знаменит. Был у него и сокол, говоривший человеческим языком. Такой был особенный тот сокол, говорят. И охота его, говорят, поэтому всегда удачливой была.

2. Однажды охотясь, Кушлак-батыр обошел многие места и остановился у озера Шульген. Посадил Кушлак своего сокола на ветку дерева и сказал ему:

— Я прилягу поспать. Если что-нибудь случится, появится какой-нибудь невиданный зверь или птица, разбудишь меня.

Кушлак-батыр спит, а сокол сидит и поет, присвистывая:

— Кушлак-батыр, Кушлак-батыр
Лежит и спит, лежит и спит.

3. Тем временем проходил мимо них один путник. Услыхав [чей-то] голос, он остановился. Подошел посмотреть. Смотрит: лежит какой-то охотник и спит. Велел [соколу] его разбудить. Сокол, слетев с ветки, сел Кушлаку на грудь. Кушлак-батыр проснулся.

Кушлак-батыр глаза откроеет,
Кушлак-батыр на ноги встанет,
Кушлак-батыр поприветствует,
Гостю своему место предложит,
Перед ним угощение поставит,
Полные чаши жареного [мяса] поставит,
Подаст полные ведра айрана *,
Угостит, уважение ему окажет,
Подождет, о чем гость его попросит.

4. После того как насытился едой и питьем, путник высказал свою просьбу.

— Так и так,— говорит,— отдай мне своего сокола,— говорит.

— Нет,— говорит Кушлак,— вот возьми мою шапку с головы, только сокола не трогай.

— Шапка твоя [мне] не нужна, сокола своего отдай,— отвечает путник.

— Нет,— говорит Кушлак,— одежду с меня возьми, сокола не трогай.

Гость опять стал просить. Кушлак все не отдает [сокола].

— Нет,— говорит Кушлак,— лук и стрелы мои возьми, а сокола не трогай.

Тогда путник сказал:

— Я тебе дам целый табун лошадей.

5. Согласился Кушлак. Только взял сокола в руки путник, а сокол как закричит:

Кушлак-батыр, Кушлак-батыр,
Не отдавай меня, Кушлак-батыр,
Отдашь меня — счастье твое уйдет,
Достаток уйдет, жизнь твоя уйдет.
Не отдавай меня, Кушлак-батыр,
Не продавай меня, Кушлак-батыр.

Но ничего не поделаешь. Кушлак-батыр, не внемля словам своего сокола, отдал его путнику, не нарушив данного ему слова. Потом путник сказал ему:

— Иди пока домой по этой дороге, только не оглядывайся.— А сам тут же исчез.

6. Кушлак-батыр пошел по указанной ему дороге. Как только он двинулся, со дна озера Шульген стали выходить несметные табуны лошадей. Выходят и за ним следуют. Вот, говорят, все выходят и выходят они.

7. Вожак табуна Кара Юрга
Показался из озера Шульген,
Вслед за Кара Юргой
Вышли шестьдесят табунов коней.
В тех шестидесяти табунах
Серый в яблоках дунан * идет.
Пеструшка идет, которую подругой не обхватить,
Кунан * идет, для которого подхвостник короток,
Пестрая кобыла в шесть обхватов,
Рыжая кобыла в семь обхватов,

Пегая кобыла с мышиним хребтом —
И она тоже идет;
Вороной с ногами, как у ласточки, идет,
Саврасый с ногами, как у соловья, идет,
Кара Юрга с косматой гривой
Всех за собою ведет,
Всех вместе собрав, ведет.

8. А табуны все выходят и выходят. Кушлак-батыр не выдержал, оглянулся. Лошади тут же перестали выходить из озера, а половина из вышедших вновь нырнула в воду. Остальные последовали за Кушлаком.

У Кушлака был один-единственный сын. Приведенных лошадей он отдал ему.

— Возьми, сын мой, смотри за табуном,— сказал. Сам тут же лег в постель. Немного времени прошло, и он умер. А если сказать почему, еще тот сокол заранее ему это предсказал.

9. Егет предал тело земле и растерялся, не зная, как быть. Но что поделаешь? Пришел он к табуну, оставшемуся от отца. Решил сесть верхом на Кара Юргу — жоака табуна, поехать мир повидать. Отправившись в путь, добрался он до какого-то яйляу*. Оказывается, это яйляу соседнего рода. Там увидел он одну девушку. Вернулся домой и сказал Кара Юрге так:

10. — О мой Кара Юрга,
Мой Кара Юрга!
В косматую гриву твою
Вплету ленты, иноходец мой!
Цокающие копыта твои
Подкую, иноходец мой.
Чернобровую красавицу ту
Привези же, иноходец мой,
Привези же, иноходец мой,
О мой Кара Юрга!
О мой Кара Юрга!

11. Кара Юрга:

Эх, байский сын, байский сын,
Конь твой зол на тебя:
И весной едешь на мне верхом,
И осенью едешь на мне верхом,
К голому колу привязываешь меня,
Пересчитываешь ребра мои.

Не послушаюсь твоих слов
К девушке я не пойду.

12. Егет все ласкал Кара Юргу и уговаривал:

О мой Кара Юрга,
Мой Кара Юрга!
Дугой выгнутую шею твою
Буду ласкать, иноходец мой,
Спину твою, что как постель,
Буду чистить скребком, иноходец мой,
Выпуклую грудь твою
Буду мыть, иноходец мой.
С тонким станом девушку ту
Привези же, иноходец мой!
О мой Кара Юрга!
Мой Кара Юрга!

13. Кара Юрга в ответ:

Эх, байский сын, байский сын,
Так скажу тебе на этот раз:
Чтоб ездить верхом по весне — есть дунан,
Чтоб ездить верхом по осени — есть кунан,
К девушке я не пойду,
Не послушаюсь твоих слов.

14. Егет все умолял:

О мой Кара Юрга!
Мой Кара Юрга!
Круглые-круглые копыта твои
Подкую, иноходец мой,
✓ Шелк волос на твоём лбу
Серебром украшу, иноходец мой.
Стройную девушку ту
Привези же, иноходец мой,
Привези же, иноходец мой!
О мой Кара Юрга!
Мой Кара Юрга!

15. И все же Кара Юрга согласился и пошел на яйляу той девушки. Пришел, а там на лугу играет и резвится та самая девушка. Заметила она Кара Юргу и подумала: «Дай сяду на него, поезжу немного». Приблизил

лась к нему и, ласково потрепав, села верхом, чтобы проехаться по лугу. А Кара Юрга взял да и увез ее в другую сторону. Девушка и так и сяк старается повернуть Кара Юргу, но сил у нее не хватает. Пробует уговорить его, напевая так:

16. О мой Кара Юрга!
Мой Кара Юрга!
В косматую гриву твою
Вплету ленты, иноходец мой.
Цокающие копыта твои
Подкую, иноходец мой!
На яйляу моего отца
Отвези меня, иноходец мой,
Поверни же назад, иноходец мой,
О мой Кара Юрга!
Мой Кара Юрга!

17. Кара Юрга:

В косматую гриву мою,
Красавица, не вплетай ленты,
Цокающие копыта мои
Не подковывай, красавица,
На яйляу твоего отца
Не поверну я, красавица,
На яйляу байского сына
Увезу тебя, красавица.

18. Девушка:

О мой Кара Юрга!
Мой Кара Юрга!
Не послушавшись меня,
Понес в сторону от дороги [меня],
Понес в сторону от дороги [меня].
Нет сил в моих руках.
О мой Кара Юрга!
Обратно на мой луг
Вернись, мой Кара Юрга,
Вернись, мой Кара Юрга!
О мой Кара Юрга!
Мой Кара Юрга!

19. Кара Юрга:

О красавица, красавица,
О красавица, красавица!
Обратно на твой луг
Не вернусь, красавица,
К байскому сыну
Отвезу тебя, красавица,
Отвезу тебя, красавица.

20. Так препираясь, домчались они к хозяину Кара Юрги. Топнув ногой, Кара Юрга встал перед ним. Стоит, а в седле с серебряной лукой сидит такая красивая девушка, что одна ее щека, словно луна, другая, как солнце, [сияют].

Как камышинки, десять пальцев ее,
Зубы ее словно из серебра,
Одна щека луной блестит,
Другая щека солнцем горит,
Грудь, как лилия на воде,
Вздывается высоко, —
О красавица, красавица,
О красавица, красавица.

21. Потом егет подошел к Кара Юрге, вожаку табуна, и сказал:

О мой Кара Юрга!
Мой Кара Юрга!
В косматую гриву твою
Вплету серебро, иноходец мой,
Цокающие копыта твои
Подкую, иноходец мой,
Красавицу, что сидит на тебе,
Опусти на землю, иноходец мой,
Опусти на землю, иноходец мой.

22. Кара Юрга опустил красавицу на землю и передал байскому сыну. Стали они вместе жить. И детей у них, и скота было много. Поэтому распространившийся от них народ стали называть баюлы¹. Род баюлы оттуда берет свое начало, говорят.

¹ Баюлы, байулы — букв. «байский сын».

АКХАК КОЛА ¹

1. Была, говорят, одна кобыла чистых кровей. Говорят, была она из породы лошадей, вышедших из озера Шульген. Эта кобыла исчезала [всякий раз], как только подходила ей пора жеребиться. Однажды хозяин решил подсмотреть и поймать ее. Подкрался сзади, а кобыла взяла да ушла на дно озера Шульген: так она каждый раз возвращалась в свои родные места, чтобы там ожеребиться. Спустя некоторое время кобыла, говорят, вышла из воды, ведя за собой жеребенка.

2. Саврасая кобыла с мышиным хребтом,
Саврасая кобыла из породы коней [озера] Шульген,
Саврасая кобыла с круглыми копытами,
Саврасая кобыла с ушами торчком
Выходит из озера Шульген,
Со дна озера выходит
Вместе с жеребенком с мышиным хребтом,
С жеребенком из породы коней [озера] Шульген,
Со статным жеребенком,
У которого круглые копыта, уши торчком.

3. Когда хозяин внезапно появился перед кобылой и ее жеребенком, они испугались и метнулись в разные стороны. Саврасая кобыла с мышиным хребтом исчезла, бросившись в озеро Шульген. Жеребенок хотел было тоже последовать за ней, но, резко повернувшись, повредил себе ногу. Потом его поймали, привели домой и заперли.

Хромой она сделалась, бедная,
Горемькой она сделалась, бедная,
Пролежала в яме сто дней
Акхак Кола, бедная.

¹ Кличка лошади; букв. «Хромая Савраска»

4. Вот выросла Акхак Кола. В табун ее не пускают, держат для разных нужд в хозяйстве. Акхак Кола очень мучилась и все сетовала:

— И весной ездят на мне верхом,
И осенью ездят на мне верхом —
 Акхак Кола я бедная.
К голому колу привязывают,
Ребра мои пересчитывают —
 Акхак Кола я бедная.
И весной гну хребет,
И осенью гну хребет —
 Акхак Кола я бедная.
От голого кола проку нет,
На ребрах моих мяса нет —
 Акхак Кола я бедная.

5. Однажды, когда в доме хозяина шла свадьба, Акхак Кола подошла к табуну и, поведя за собой своих сородичей, убежала в горы.

Когда невестки ушли за водой,
Когда свекрови по книге гадали,
Когда егеты устроили скачки,
Когда меткие стрелки пускали стрелы,
Когда богачи пировали на свадьбе,
Когда пастухи пасли овец,
Когда девушки узор вышивали,
Когда знатные женщины красоту наводили,
Когда делом занимались простые,
Когда служанки кумыс взбивали,
Когда бии кумыс пили,
Когда застолье шумело-гудело, —
Из табуна, покрывавшего весь луг,
Отделилось и ушло шесть коней,
Не шесть коней, а пол[табуна], говорят.

6. Пришли [люди] к табуну, куда ни посмотрят, нет [коней], говорят.

Шестьдесят лошадей ушло, говорят,
Семьдесят лошадей ушло.
В числе шестидесяти лошадей
Исчезли шесть горячих коней:
Нет пестрого, которого подпругой не обхватить,
Нет саврасого, для которого короток подхвостник,

Нет вороного, чьи, как у ласточки, ноги,
Нет серого с голубиной грудью,
Нет мухортого со светлым пятном на лбу,
Нет желто[-серого] со звездой на лбу, говорят.

В числе семидесяти лошадей
Исчезли семь норовистых коней:
Нет рыжего с мохнатой гривой,
Нет дунана с узкими боками,
Нет иноходца, что узды еще не видел,
Нет гнедого с круглыми копытами,
Нет чалого с крутой холкой,
Нет кунана с острыми ушами,
Нет кобылы с распущенным хвостом.

В числе шестидесяти лошадей
Исчезли шесть меченых коней,
В числе семидесяти лошадей
Исчезли семь коней с надрезанными ушами;
Гриву волочащая по земле
Акхак Кола — покровительница² скота —
И она тоже сбежала,
Нет ее ни в поле, ни во дворе.

7. Ее хозяин взял с собой раба по имени Карагол и отправился в погоню за убежавшими лошадьми.

Сел он верхом на рыжего коня,
Надел на себя развевающийся [на ветру] халат,
Скачет он во весь опор —
За сбежавшим табуном гонится он.
Рядом с ним скачет раб —
Карагол с черным воротником,
Он на черном иноходце сидит,
В ветхую шубу из невыделанной овчины одет.

8. Ехали-ехали они и доехали до какого-то дома. Остановились, чтобы попросить воды напиться. Из дома вышла красивая девушка:

Байский сын, а байский сын,— говорит.—
Сойди с коня, байский сын!

² Букв. «Воплощение удачи, благополучия скота».

Какая работа-беда у тебя?
Скажи, прежде чем уедешь, байский сын,
Скажи, прежде чем уедешь, байский сын.

9. Егет, не сходя с коня, задумался. Потом девушка снова сказала:

Байский сын, а байский сын,
Сойди же с коня, байский сын.
Сойдешь — кумыса попьешь:
Служанки процедят кобылье молоко,
Служанки взобьют кумыс,
Поезжай, выпив его, байский сын,
Поезжай, побыв здесь, байский сын;
Служанки поставят шатер,
Служанки приготовят постель,
Служанки разложат перины.
Переночуй здесь, байский сын,
Сделай остановку, байский сын.

10. Егет на это ответил так:

Служанка просит, а я не сойду с коня,
Служанка [кумыс] налила, а я не выпью его,
Служанка поставила [шатер], а я не войду,
Служанка расстелила [постель], а я не лягу.

11. Потом девушка, проводив егета и пожелав ему доброго пути, подсказала ему дорогу:

— Поедешь прямо — дорога [займет] один день,
Поедешь в объезд — дорога месяц [займет].

Егет едет вперед. Все это видит во сне Акхак Кола. Акхак Кола рассказала спутникам о своем сне:

— Прошлой ночью я видела сон,
Большой вертел видела я,
На конце вертела огонь видела я —
К чему бы это, спутники мой?

12. Ее спутники поняли, что сон ее не к добру:

— Если прошлой ночью ты видела сон,
Если видела вертел большой,

Если на конце вертела видела огонь,—
На свою же голову, старина,
И совратила ты нас,
И разобщила ты нас —
На свою же голову, старина.

13. А между тем хозяин со своим рабом уже приближался к ним.
Встревоженные животные окружили Акхак Кола:

— Вот едет байский сын,
Сюда едет байский сын,
Рядом с ним раб его —
Карагол с черным воротником.
Что же нам делать теперь?
В какую сторону бежать?
И совратила ты нас,
И разобщила ты нас,
Акхак Кола, старина!
Долго не раздумывай, [что делать нам].

14. Тут Акхак Кола сказала им:

— Вот едет байский сын,— говорит,—
Сюда едет байский сын;
В халате, раздуваемом [на ветру],
На рыжем иноходце верхом
Скачет сюда во весь опор.
Это отважный муж-батыр.
Туго [тетиву] натянув, выстрелит он,
Бока нам насквозь пробьет.
В его сторону не бегите,
Послушайте мой совет.
Вот едет байский сын,
Сюда едет байский сын.
Рядом с ним его раб
Этот, по имени Карагол,
Что на вороном иноходце сидит,
Что в ветхую шубу из невыделанной овчины одет.
Тот, кто объедки ест,
Не натянет туго для выстрела [тетиву],
Бока вам насквозь не пробьет.
В его сторону бегите,
Послушайте мой совет.

15. Так и решили они бежать, но не успели, а те стали их теснить. Потом снова лошади окружили Акхак Колу и сказали:

— Спереди гора преградила путь,—
Сзади враг настигает [нас],
С одной стороны вода преградила путь,
С другой стороны берег путь преградил.
Что же теперь делать нам?
В какую сторону бежать?
И совратила ты нас,
И разобщила ты нас.
Куда теперь нам бежать?
Что же теперь делать нам?

16. Акхак Кола, как и в прошлый раз, велела им скакать не мимо байского сына, а в сторону черного Карагола. Лошади с топотом проскакали мимо него. Байский сын, преследуя Акхак Колу, так сказал ей, говорят:

— И совратила ты их,
И разобщила ты их,
Тех, кого совратила, собери и приведи,
Тех, кого разобщила, объедини и приведи.

17. На это Акхак Кола [сказала]:

— И весной на мне едешь верхом,
И осенью на мне едешь верхом,
Привязываешь к голому колу,
Ребра пересчитываешь мои.
И весной гну я хребет,
И осенью гну хребет,
Черный пот льется с меня;
От голого кола проку нет,
На ребрах моих мяса нет.

18. Байский сын стал уговаривать ее вернуться домой, но Акхак Кола не согласилась. Потом Акхак Кола сказала: «Вернемся, если не будешь мучить нас». Байский сын дал согласие. Акхак Кола не до конца поверила ему и сказала: «Поклянись — ешь землю». Хозяин поклялся, съев земли.

19. Когда лошади, сдавшись, только было собрались повернуть домой, разгневанный хозяин нарушил клятву и выстрелил в Акхак Колу. Стрела вошла ей под хвост и вылетела через ухо.

Тогда Акхак Кола хромой ногой лягнула безжалостного хозяина. Хозяин тут же и умер, потому что нарушил клятву.

КОНГУР БУГА

1. На южных башкир * напали вражеские полчища. На помощь им во главе войск северных башкир * прибыл батыр Миней. Он бесстрашно сражался с нападшими на страну врагами — с хуннскими турками * — и своей богатырской силой удивил весь народ. За храбрость, которую он показал в сражении, Минею отдали красавицу по имени Тандыса, не знавшую себе равных по красоте в тех краях. Отец и мать проводили Тандысу в дом жениха, дав ей в приданое бурую корову ¹.

2. Миней и Тандыса, ведя за собой бурую корову ², по склонам Урала и по холмам отправились на север, на родину батыра. Там они зажили в любви и согласии. Появились у них красивые и здоровые дети.

Бурая корова каждый год приносила разномастных телят — от нее шел хороший приплод. Принесла она семь телят и издохла. Оставшаяся после нее седьмая телка тоже принесла семь телят и тоже издохла. Так прошло около шестидесяти трех лет. Каждые шесть телят, рождавшихся от этих коров, хозяин отдавал людям — так и размножилась эта порода.

Седьмой телок от последнего, седьмого колена — и по масти, и по нраву, и по всей своей стати — был похож на первую бурую корову. Теленка этого и называли Конгур Буга ³. Когда он подрос, от него родились двое телят, не виданных ни в какие времена среди коров: телочка и серый бычок. После этого Конгур Буга стал беспокойным, начал мычать и реветь. Иногда даже домой не возвращался с пастбища, пропадал, неизвестно где.

3. И вот однажды Конгур Буга исчез вместе с телятами. Тандыса опечалилась и подумала, уж не уходит ли ее счастье. Обошла она в поисках [скота] ближние леса и горы. Дошла даже до урочища Бисуры, названного так по имени матери дива, но и тут не нашла своей скотины. Нигде не отыскав следов [животных], она подумала: «Постой-ка, видно, неспроста Конгур Буга был таким беспокойным» — и направилась к дороге, по

¹ В тексте «бурый бык», что не соответствует последующему рассказу.

² В тексте «бурый бык».

³ Кличка бычка: букв. «Бурый Бык».

которой сама пришла [сюда] невесткой. [Вдруг] увидела она следы копыт, кучи навоза и пучки шерсти, которые остались на шершавой коре березы. «А-а, оказывается, скотина ушла в мои родные края. Она не забывает своей земли», — решила [Тандыса] и отправилась вдогонку. Свои думы она вложила в песню, [которую] пела:

4. Я искала-искала, мои ноги устали,
Поднималась на скалы, холмы, косогоры,
Смотрела, глаз не отрывая,
Туда, куда ушли они торопливо.
 Конгур Буга мой, хау-хау.
 Бурый мой, хау-хау-хау.
Зачем я вас только бранила?
Слезы лью на вашу дорогу,
Взываю к вам с мольбою,
Чего только не передумала:
Думала, не задрал ли медведь [вас],
Не воры ли [вас] угнали!
 Конгур Буга мой, хау-хау-хау!
 Телята мои, зап-зап-зау!
 Зап-зап-зап-зау!
 Хау-хау-хау!
 Хау-хау-хау!

5. Тандыса очень обрадовалась, что напала на след своей скотины. «Мои стенания и слезная мольба дошли, наверное, до бога», — думала она.

Думы и печали, что на сердце моем,
Следуют за вами по пятам.
Или искренние мои мольбы
С земли вознеслись до небес?
 Конгур Буга мой, хау-хау-хау!
 Бурый мой, хау-хау-хау!
Всем сердцем чувствовала я,
Что вы устремились домой.
Оказывается, очень счастливая я:
Ведь я напала на ваш след.
[Эта дорога] — та самая,
Которая ведет в [мои] родные края.
 Конгур Буга мой, хау-хау-хау!
 Теляточки, зап-зап-зау.

6. И тогда, когда из отцовского дома шла в родной край Минея, тогда, когда искала свою скотину, Тандыса дивилась величю Урала. Смотрела

она на крутые отроги и хребты Урала, на далекие долины, подернутые синей дымкой, и завела песню:

Через хребты великого Урала
Путь себе пролагая,
Конгур Буга мой, за тобой иду вдогонку,
Ноги мои очень устали.
 Конгур Буга мой, хау-хау-хау!
 Бурый мой, хау-хау-хау!
Куда же ты путь держишь,
Дорогу напрямик пролагая?
Как я останусь без скотины?
Как по следам отыщу вас?
Думая, что вот-вот вас настигну,
Бегом и шагом иду за вами,
 Конгур Буга мой, хау-хау-хау!
 Теляточки, зап-зап-зау!

7. В те времена на великом Урале было несметное множество диких хищников и одиноким путникам здесь было опасно. Тандыса шла по острым камням и булыжникам Уральских гор и предгорий. Она изранила себе ноги. Но, превозмогая боль, она поглаживала свои ноги и печалилась, что у ее скотины, должно быть, также посбивались и поранились копыта. Потом, напевая свои песни, она продолжала путь:

Дороги на отвалах Уральских гор —
Сплошь острый камень-кремень.
Скотину, чья порода происходит из родных краев,
Ищу, всем сердцем стремлюсь [отыскать].
 Конгур Буга мой, хау-хау-хау!
 Бурый мой, хау-хау-хау!
К голому колу [вас] привяжу,
И побраню, и угощу,
Надою молока, масло собью,
Налажу свое житье-бытье.
Так пообещала я тебе,
Так обиду высказала тебе свою,
 Конгур Буга мой, хау-хау-хау!
 Теляточки, зап-зап-зау!

8. Животные Тандысы, как ступили на каменистую дорогу, так и шли, не сходя с нее: боялись, что если сойдут, заблудятся. Шли и щипали траву, растущую вдоль дороги. А когда хотели пить, утоляли жажду у

истоков рек, в заводях. Чтобы не заблудиться, ели по правую сторону дороги, а пили по левую, потому что это были животные, понимавшие, что их может ожидать. Тандыса удивлялась, что так шел скот.

Идешь по вике-траве, обрывая цветы,
Нюхашь землю, чтобы узнать [путь],
От жажды лижешь сверкающую росу,
Тоскуешь по родной земле,
 Конгур Буга мой, хау-хау-хау!
 Бурый мой, -хау-хау-хау!
Так, приняхиваясь, ты идешь,
Губами щиплешь траву, цветы.
Оставив стойбище свое,
Преодолеваешь дальний путь.
Шаг свой не ускоряй,
Не давай устать моим ногам,
 Конгур Буга мой, хау-хау-хау!
 Теляточки, зап-зап-зау!

9. Шла Тандыса вдоль скалистых гор, и встретила ее куница, которая перебегала дорогу. Куница бежала-бежала, а потом, перескакивая с одного дерева на другое и резвясь, скрылась. Тандыса подумала про себя, что встреча с куницей — к добру. «Если бы я была куницей, я тоже, перелетая с дерева на дерево, догнала бы своих животных».

Куница, ты, оказывается, для шубы мех,
Что спасает от зимних холодов.
Всю землю закрывающая [собой],
Оказывается, — это ты Урал-гора.
Ой, Урал мой, Урал!
Смотрю на тебя со всех сторон.
 Конгур Буга мой, хау-хау-хау!
 Бурый мой, хау-хау-хау!

10. После этого Тандыса слагала песни каждому зверю и птице — всем, кто встречался ей по пути, кто попадался ей на глаза. Шла она, шла и увидела стадо лосей. «Эти животные, наверно, в безопасном месте ходят», — подумала она и, поскольку устала, решила поспать здесь. Подошла к лосям совсем близко, легла спать, а когда рано утром проснулась, то лоси [все еще] лежали, пережевывая траву.

Исходя паром, жвачку жуя,
Лоси бродят стадами.

Когда отправилась в путь, поняла,
Что Урал и есть прибежище для всех!
Конгур Буга мой, хау-хау-хау!
Теляточки мои, зап-зап-зау!

11. [Тандыса] оглядывалась по сторонам. На вершинах высоких гор белеет снег. Впереди дремучий лес. «Кого только нет в этом лесу!» — истревожилась она. Когда с батыром Минеем впервые ехала по Уралу, он показался ей тогда таким тихим, безопасным. Ехали-ехали они, и перед ними пробежала черно-бурая, вся в серебре лисица. Миней тут же подстрелил черно-бурюю лису из лука, показав свою меткость. Миней содрал с лисы шкуру, и, когда они остановились, чтобы поесть и попить, он повесил ее на сук дерева. Настала ночь. Миней снял шкуру черно-бурой лисы, встряхнул ее — шкура вся занескрилась. Он положил шкуру Тандысе на плечи. В ночной темноте ее лицо и глаза осветились.

12. Утром, продолжив свой путь, Тандыса снова вспомнила прошлое и запела про Минея, который разгромил врагов, напавших на южных башкир:

Семьдесят хитростей разных знает
Серо-черная серебристая лиса,
Когда есть отважные мужи, не посмеют
Напасть злые враги.
Конгур Буга мой, хау-хау-хау!
Бурый мой, хау-хау-хау!
У Урала много сыновей,
Не отдадут его напавшему врагу.
На Урале много неприступных мест,
Не пробраться [здесь] врагу.
Пусть укрепляется мой Урал,
Пусть падут перед ним враги.
Бурый мой, хау-хау-хау!
Теляточки, зап-зап-зау!

13. Перешла она журчащий ручей и пошла вниз по склону горы. Вдруг пронеслась перед ней и мигом исчезла из глаз дикая коза. Тандыса подивилась ее красоте и стремительности.

Шла-шла Тандыса, кончились у нее припасы. Идет она голодная, готовая проглотить все, что может оказаться съедобным.

Вот поляна. Покрывая ее всю,
Борщевник листья распустил.
Не думала, что далеко заведет

Меня беспокойный мой скот ⁴.
Конгур Буга мой, хау-хау-хау!
Бурый мой, хау-хау-хау!
Беглецы, остановитесь же.
Утомили вы меня,
То бегом, то шагом за вами иду,
Овадачили вы меня.
Бурый мой, хау-хау-хау!
Теляточки, зап-зап-зау!

14. Тандыса с хрустом пожевала листочки борщевника и только-только появившиеся его стебли и немного насытилась. Она прошла мимо березовых рощиц, мимо редких лиственниц, через мелкий ельник, мимо толстых осин, через сосновый бор и вышла на опушку. Там стояла matka кулана и, расставив ноги, с наслаждением кормила своего жеребенка, не ведая никакого страха.

Ростом высок, собою красив
Обитающий на Урале кулан.
Скот, уведенный из родных мест,
Имеет обычай возвращаться назад —

такими словами Тандыса утешила сама себя и звонко закричала, пронзив тишину:

Конгур Буга мой, хау-хау-хау!
Бурый мой, хау-хау-хау!

15. Прошел теплый дождь, поднимая пар с земли, омывая горные хребты, на которых из-под лежащего пятнами снега обнажились поляны. Земля, омытая дождем, обрела новый лик, на склонах гор зазеленела трава. Тандыса вспомнила слова матери: «Мой голову под первым весенним дождем — не будешь болеть» — и, забыв об усталости, о боли во [всем] теле, пошла дальше.

16. Пройдя дальний путь, Тандыса проголодалась. Она увидела гу-дящий рой пчел. Взглянула вверх на дерево — там из пробитого дятлом отверстия вылетают пчелы. Полезла она на дерево, схватилась за сухой сук — и он обломился, оттуда потек на землю мед. Ствол дерева оказался полным старого, перезимовавшего меда. Тандыса досыта поела меда.

Идя по скалистой горе, покрытой крупными, высокими лиственницами, Тандыса заметила парящих в небе орлов, услышала их громкий клеткот. Это окрылило ее, а в сердце пробудились силы.

⁴ Букв. «три беспокойные головы».

17. Отец и мать рассказывали Тандысе, что в старину шли страшные войны за Урал, что захватчики, проникавшие в глубь страны, грабили народ, насиловали женщин, отнимали и угоняли скот. Вспомнив об этом, она, глядя на раскинувшиеся шатром сосны, отдалась своим чувствам и, представляя себе, как батыры заставляли врага кровью платить за кровь, защищая родную землю, запела:

Сосна с разлапистыми ветвями
Высокие горы украшает.
Кровь проливал, жизни не жалел
Батыр, борясь против врагов.
Конгур Буга мой, хау-хау-хау!
Бурый мой, хау-хау-хау!
Вместительными бывают ножны,
Хранящие меч батыра.
Честь страны оберегающий
Муж достоин уваженья.
Призывающий мужа на битву
Закон — есть такой в народе.
Бурый мой, хау-хау-хау!
Теляточки, зап-зап-зау!

18. Тандыса шла вперед, несмотря на усталость. Руки и ноги ее совсем обессилели. Вот спустилась она по пологому склону и увидела мелкий ручеек, который журчал по каменистому руслу. Перешла по камням через этот ручеек, поднялась на большой холм и увидела вдали высокие синие горы с вершинами до самого неба. Шла и удивлялась нагромождению огромных камней величиной с копну.

Она вспомнила слова отца, который говорил: «Урал-батыр через каждые пятьдесят-сто лет накладывал один на другой камни».

Потом она прошла мимо складчатых гор, мимо скал с нависающими, словно крыши, огромными камнями. «По рассказам дедов, здесь укрывались от проливного дождя воины Урал-батыра», — вот так подумала Тандыса. Потом, миновав крутые и глубокие теснины, она оказалась на равнине, окруженной со всех сторон высокими горами. «Здесь, в этом укромном месте, наверное, отдыхали воины», — решила она. [Тандыса] то карабкалась на гору, то снова спускалась вниз, протискиваясь между нагроможденными друг на друга камнями, переходила через ручейки с чистой водой и поднялась [наконец] на холм, надеясь найти там плоды или ягоды. Потом на склоне противоположного холма она увидела торчащие из земли каменные столбы и нагромождение круглых камней. Подумала: «Уж не могилы ли это наших предков? А эти белые-белые ковыли — не их ли волосы, что разбросаны тут и там?» Прислушалась к чириканию серых воро-

бьев под ковылем, поглядела на плоские камни, торчащие из земли, и, продолжая свой путь, зашла кубаир *, который она выучила от отца:

19. На Урал свой поднимался,
Изо всех сил напрягался,
Ногами в землю упираясь,
О горы-скалы опираясь.
Преисполнясь к врагу гневом,
На Акбузе своем мчался,
Горяча своего игреневого коня;
Не жалея жизни, бился,
Боевым кличем гнал врага,
Поднимался, словно туча,
Мечом, что держал в руках,
Размахивал по сторонам,
На врагов [своих] кидался,
Словно медведь, боролся,
В скачке обгонял всех он,
Подбадривая: «Гони [врагов], гони!»
Вторгшихся врагов дубасил,
Хватал он их за горло,
Испытывая свою доблесть,
Черная в храбрости силу.
В схватке кидал их за смертью,
Совсем их силы лишая,
Десятками он гнал их,
Сотнями он гнал их,
Муж-батыр, муж-батыр,
Врагов заставив отступить, муж-батыр,
Не жалея себя, сражался.
О славе твоей в стране
Вспоминая, так говорю [я],
Говорю это я, говорю я.
Кровь проливал, жизни не жалея,
Стиснув зубы, он сражался,
Врагов своих окружал он,
Теснил и уничтожал он,
Словно скала, грудь распрямив,
Возвышался он горою,
Преследуя злого врага,
По дороге, которой тот пришел,
Гнал его из своей страны.

За пределы Иртыша оттесняя,
Отгонял его, отгонял он.

20. Тандыса шла по равнине, поросшей редкими деревьями, и очутилась в объятиях гор. Пройдя низкие горы, поднялась выше, к каменным сопкам и зарослям дикой гречихи. В юности она вместе с девушками верхом на лошади привозила эту гречиху снопами. Однажды ее горячий караковый иноходец, не дав поводья, понес Тандысу. Караковый иноходец помчался, словно летящая над землей птица, оставляя за собой клубы пыли. Он долго скакал по полям и равнинам, пока наконец не остановился усталый. Тандыса растеряла связки дикой гречихи. Она подумала, что возвращаться без дикой гречихи будет стыдно, и, привязав коня за повод к нижнему суку дерева, стала бегать и собирать дикую гречиху. Потом вскочила на каракового иноходца и погнала его вслед за подругами.

На яйляу отца Тандысы, старика Улькара, и его сородичей стояла высокая крутая скала, на которой играли девушки. Теперь ей в синей дали показалась скала, похожая на ту. И вспомнила Тандыса, как она вместе с подругами и молодками играла под этой горой, как они веселились, кумыс сливая из бочонков и деревянных чаш.

21. Тандыса устала, обессилела, у нее болели ноги, ломило в суставах. Вот упали [первые] капли дождя, и через некоторое время пошел небольшой дождь. Вдали сгрудились черные тучи. Сверкнула молния, земля задрожала от грома. Только успела войти Тандыса в лиственный лес, как хлынул ливень. Сверкали молнии, грохотал гром, и, обрушиваясь, свертываясь в кольца, огни молний носились вокруг Тандысы. Она металась из стороны в сторону, но огонь преследовал ее. Игра грома и молнии становилась все яростнее. [Гроза] сбивала лиственницы, расщепляла, крошила их, раскидывала по лесу вдоль и поперек. Перепуганная Тандыса заметила шапкообразный камень, прижалась к нему и закрыла глаза. Тут гроза сразу утихла, дождь прекратился, и гроза прошла. Кругом воцарилась тишина. С облегчением вздохнула Тандыса, [радостно] засияли у нее глаза.

«Какие бы опасности тебя ни подстерегали, всегда найдешь, где спастись в объятиях Урала», — думала она с радостью и гордостью, идя своей дорогой.

22. Наступили сумерки. Тандыса стала искать удобное место для ночлега. Поднялась на скалу, одна сторона которой была пологой, а другая — крутой, и легла спать на ступенчатый мшистый камень. На случай, если вдруг появится медведь, она приглядела удобный путь для бегства — под самой скалой стояла пригнувшаяся к земле сосна. И впрямь под утро на Тандысу набрел медведь, искавший еду. Тандыса полезла на ту пригнувшуюся к земле сосну. Медведь тоже полез за ней. Дерево не выдержало его тяжести, с грохотом повалилось на землю. Тандыса уцепилась за высо-

кую сосну, села на развилку ее ветвей и так спаслась. Медведь, бедняга, вместе с деревом покатился на землю, скуля и оглядываясь, он скрылся прочь. Тандыса снова сладко заснула. Ее разбудили теплые лучи красного солнца, поднявшегося из-за гор. С восходом солнца странница отправилась в путь. На поляне, где играли перепела, она поела спелой земляники. Вспомнила, как с девушками и с егетами плясала, играя в игру «Перепела», и мысленно повторила песню, которую егет пел девушке:

Не запущу сокола своего,
Не дам ему перепела поймать;
Возьму да похищу тебя,
Если очень долго заставишь ждать.

23. [Тандыса] шла по горным теснинам, по косогорам, пересекала речки с чистой прохладной водой. Шла она в глубоком раздумье: «В какие большие реки впадают эти ручейки? Если бы я текла, как эти воды, то скорее добралась бы до родного края!»

Глазам ее открылась большая река, которая, извиваясь, протекала поблизости.

Та река, наверное, Зилаир*.
Возьму камень из нее для оселка;
Если живой-здоровой на родину вернусь,
На всю жизнь радость обрету.
Конгур Буга мой, хау-хау-хау!
Хау-хау-хау, зап-зап-зау!

24. Отец Тандысы, Улькар, с двенадцати до тридцати лет учился в Тегеране на лекаря. Он был ученым человеком, готовил снадобья из разных трав, растущих на Урале, лечил людей, возвращал больным здоровье. В Тегеране он общался с поэтами, он имел пристрастие к поэзии и сам был сэсэн. Тандыса думала: «Если дойду, отец к моим ранам приложит листья мать-и-мачехи, смажет их красно-бурым соком из ворсистых листьев, и излечит меня». И об этом она сложила песню:

Пока сила есть, муж не умрет,
Пока есть девясил, конь не падет.
От ноющей боли снадобье одно —
Это муравьиная кислота⁵.
От каждой болезни есть
Свое средство и способ [лечения] свой.

Шушун?

⁵ Здесь и далее букв. «муравьиное масло».

Конгур Буга мой, хау-хау-хау!
Бурый мой, хау-хау-хау!

25. Израненные острыми камнями, исколотые чилигой*, побитые, потрескавшиеся ноги у нее болели, беспокоили ее. Шла [Тандыса] и думала, как бы избавиться от боли, и набрела на муравейники: один — величиной с котел, другой — с копну. Она нашла в них муравьиную кислоту и смазала ею ноги. Боль прошла, ноги зажили. Будто даже отдохнула, твердо ступая, она отправилась дальше. Шла-шла и вышла на край опушки. Слева пролегал глубокий овраг, а справа возвышался большой скалистый хребет. Идя вдоль опушки, Тандыса одолела один невысокий подъем, второй, третий и дошла до середины [хребта]. Хотела она сесть, отдохнуть, но увидела недалеко от себя круглую, как юрта, одинокую березу и подошла к ней. Эта одинокая, старая косматая береза росла на горной поляне, и под ней росла одна-единственная роза. Она осторожно взяла ее за стебелек, повернула к себе и с удивлением подумала: «Не оказался ли и этот цветок здесь случайно, как я?» Цветок начал раскрываться, все увеличивался и увеличивался, пока не стал с войлочную шляпу. Глазок его ослепительно засиял. Вдруг цветок заговорил тоненьким детским голосом:

Путь твой далек, я знаю,
Устала ты, я вижу.
Остановилась бы ненадолго,
Отдохнула бы немного,
Смелая дочь своей страны,
Красивая дочь своей страны.

26. Послышались звуки курая, надрывающие душу⁶. И певучие звуки, и песня лились, говорят, из расщелины между ветками березы. Сливаясь с этой мелодией, с противоположного горного хребта донесся стук копыт, сотрясающий землю. Над Уралом разнесся, говорят, никем до того не слыханный голос:

Горы эти, излучающие свет,
Горы эти, поднявшиеся из недр,—
Пристанище моего рода они,
Они опора моего дома и страны.

Обернувшись на этот голос, [Тандыса] увидела: по противоположному хребту движется к горе Урал верхом на Акбузате батыр с мечом в руке, а ростом он выше облаков. Вспомнила она рассказы отцов и дедов и поду-

⁶ Букв. «способные оборвать сердце и печень, потрясти жилы всего тела».

мала: «Это, наверное, дух Урал-батыра. Душа его бессмертна, он и теперь, говорили, объезжает, охраняет [страну], чтобы враг не ступил на Урал, не грабил, не рассеивал его народ. Значит, это правда». Она взглядом проводила видение, пока оно не исчезло за горами.

27. Долго еще шла [Тандыса], прошла крупный березняк, где березы росли вперемежку с редкими толстыми разлапистыми соснами и осинами, увидела торчащие из земли камни на склоне горы, белый ковыль и поняла, что это старое кладбище. Она вспомнила слова стариков, что спать на кладбище, среди могил, безопасно, поэтому предстоящую ночь решила провести здесь.

Под утро, увидев во сне отца и мать, она поднялась, обрадованная, с просветлевшей душой и, потянувшись всем телом, взглянула на дорогу.

28. Когда Миней и Тандыса направлялись в дом жениха, ведя за собой стельную телку, которую им дали родители Тандысы — старик Улькар и старуха Ухэбике, — первое, что они увидели в этих степях, были бурундук и тушканчик. Тогда Тандыса, ласково глядя на Миней, сложила первую песню об Урале, о его богатырях:

Один на вершине, другой на земле —,
Резвятся бурундук и тушканчик.
Не самого [Миней], а лишь тень его увидав,
Ни один из врагов не остался здесь.

Лаская и поглаживая бурую корову, она сказала [тогда] впервые ласковые слова зова:

Конгур Буга мой, хау-хау-хау!
Бурый мой, хау-хау-хау!

Глядела она по сторонам и напевала:

Будет спокойно в доме родном,
Если есть в нем храбрый батыр.
Враг не осмелится снова напасть,
Если бесстрашные мужи есть.
О Миней мой, смелый батыр!
Страну защищающий муж, ау!
Дом свой защищающий муж!

29. Тандыса миновала крутые скалы, обрывы, косые хребты, ровные поляны, камни величиной с большой стог, рвы и овраги, светлые лужайки, глухие чащи. Теперь каменистые, ребристые скалы Урала остались позади, изредка встречались островерхие невысокие горы. Она вошла в лес, в ко-

тором росли мелкая осина, дуб, липа, ильм и клен. «Кажется, давно уже я прошла половину горы Урал, не подхожу ли к концу ее?» — подумала Тандыса.

Идя лесом, Тандыса очутилась на поляне с озерами и озерцами, и подалее увидела реку, которая текла, извиваясь. Было слышно, как шумели, пели, чирикали, порхали разные птицы. Сливаясь, звенели голоса чибисов, куликов, веретенников, коростелей.

30. Перейдя небольшую речку, [Тандыса] обошла мыс горы, поднялась на кручу и наткнулась на серогривого волка, который сидел на дороге, выгнув спину. От неожиданности она испугалась. Но потом отломала сук лиственницы [и взяла в одну руку палку] в виде сукмара *, в другую руку взяла гладкую сосновую палку и шагнула навстречу зверю. Когда волк, оскалив зубы, бросился на нее, она сунула ему в пасть гладкую палку, а суком лиственницы ударила его по голове. Волк скрылся в расщелине горы.

31. Шла Тандыса длинными дорогами в страдании и муках и заметила, что горы, земля и воды этих мест немного похожи на те, что в родном краю. Воспрянула она духом, запела и неожиданно потеряла след своей скотины. Бросилась туда, сюда, но найти его не могла.

Увидела речку, которая текла, извиваясь, и решила отдохнуть на одной ее излучине. Там, в горах, Тандыса привыкла спать среди скал и поэтому на ровные берега реки смотрела с некоторой опаской. Когда село солнце, она подошла к отмели и, стоя прямо на берегу, выловила кишящих в воде хариусов и форелей, разожгла огонь, испекла [рыбу] и съела.

32. Три дня кряду искала она Конгур Бугу, сбежавшего с двумя теллятами, крича во весь голос, а вечерами возвращалась на одно и то же место на ночлег. Через три дня, когда она встала ото сна, на дерево возле реки села ворона и закаркала. Собрались сороки, затрещали. Глядя на сорок, она подумала, что это птицы священные, они, наверное, добрую весть принесли, и успокоилась.

Наутро третьего дня Тандыса решила идти на юг. Тут она увидела озеро, с которого с криком взлетели утки кряквы.

Егет-охотник стреляет и берет
Утку крякву с луговых озер;
Если человеку суждено, испытает он
На свете столько мучений и бед! —

пропела она, и голос ее разнесся далеко. Когда перешла вброд маленькую речку, увидела она на стволе лиственницы шерсть своих животных, которые потерялись о дерево, и обрадовалась, свернула направо по этой дороге.

Белый цветок с цветком фиалки
Делятся тайною своей.

Хоть сама пребываю от вас вдали,
Разговариваю с вами в душе.

33. Песня разнеслась по [всему] лесу, отозвалась эхом в горах и скалах, вновь вернулась к ней. Голос донесся через гору до ее скота, и тот побежал к своей хозяйке. Вот подбежал, говорят, Конгур Буга с двумя телятами, Тандыса обняла их, обласкала, и животные снова двинулись вперед. Тандыса последовала за ними.

Скотина ушла вперед и остановилась возле старенькой юрты. Подошла и Тандыса. Навстречу вышла старушка, очень старая, согнувшаяся до самой земли. Тандыса увидела у старухи на лбу родинку, она смотрела, с трудом узнавая свою мать. Из юрты вышел столетний старец. Тандыса узнала и отца, назвалась родителям. «Правда ли это или нет?» — говорили старик со старухой и, не веря глазам своим, ощупывали руки дочери, пристально смотрели на нее.

34. Тандыса прижала родителей к груди и запела:

Подойди же, подойди, моя мать,
Не удивляйся, мой отец!
Дайте вдоволь насмотрюсь на вас,
Соскучилась, дайте насмотрюсь [на вас].
Слезы свои я пролью,
Истосковалась, хотела вас повидать.
От слез и рыданий состарилась я.
Вода, чтобы мне пить, еда, чтобы мне есть,
Видно, остались на этой моей земле.
Недолго мы пробудем здесь:
Там осталось у меня десять детей,
Все десять — красавцы [мой],
Как и отец их, батыры они.

35. Радостно встретили Тандысу. Отец и мать старались угостить ее. Поела, попила, успокоилась немного дочь и говорит:

Успокоилась моя душа,
Передохнула скотина моя.

Зная, что дочь много недель шла из далеких краев и прошла трудный путь, устала, изнемогла, обессилела и похудела, старуха Ухэбике сказала: «Дитя мое, ты устала, ложись ко мне на колени» — и положила подушку. «Ложись ко мне на колени», — повторяла она. Отец ее, старик Улькар, начал натирать ей потрескавшиеся, израненные ноги курдючным бараньим жиром. Тандыса погрузилась в сладкий сон. На нее капнула

одна-единственная теплая слеза матери — [будто] слеза, [ироничная] в первую встречу ее молодых матери и отца. Потом из глаз [матери] капнуло [еще] по одной горячей слезе. Это были слезы разлуки матери с дочерью. Они упали и словно прожгли Тандысе лицо, и она, вздрогнув, проснулась. Увидела отца и мать, радостно улыбнулась, снова легла к матери на колени и уснула крепким сном.

36: Проспав два дня и одну ночь, [Тандыса] проснулась. В ее честь устроили угощение, развлечение и игры. А [ее] скотине сказали: «Вы — тоже дорогие наши гости» — и дали полизать соли.

Глава рода сам протянул Тандысе чашу, полную кумыса, и сказал: «Пей вместо материнского молока, дочь моя».

Тандыса взяла в руки чашу и, покачиваясь, запела:

Завтра с рассветом уходим в дорогу,
Путь преграждают высокие горы.
Конгур Буге и телятам
Хищники Урала не угрожают.

Перед народом она дала клятву до самой смерти не забывать родную землю, отца и мать. Ели, пили, веселились, праздновали возвращение любимой дочери в родной дом. Взгрустнулось Тандысе, и запела она такую песню:

Ешьте, друзья, и пейте,
От угощенья дом не оскудеет;
Когда твой час роковой настанет,
Ни капли воды ты не проглотишь.

37. Наутро собрались люди, вышли ее проводить. Старейшины рода произнесли слова напутствия, отец и мать — свой завет.

Самая старшая в роду старуха запела, обращаясь к Тандысе и ее родителям:

Не забыл родную землю
Этот скот, приносящий достаток,
Сердце разрывается от тоски
Из-за дитя, которое ты грудью кормила.
Девять месяцев носит под сердцем,
Терпит боль родовых схваток,
Кормит грудным своим молоком,
Нежит, зрачком своих глаз называя,
Полдуши отдает она ребенку —
Знайте же — мать это.
Знайте же это, знайте.

38. Мать:

Дитя мое — долька сердца, очей моих свет
Прощай, если [тебя] вновь не увижу.
Встретились мы так неожиданно.
И сегодня разлучаемся [навечно].
Конгур Буга мой достаток приносит,
Вернулся, чтобы узнать о житье-бытье нашем
Дочь моя Тандыса, очей моих свет,
Соловей мой, выросшая в ласке,
Обрадовала ты свою мать,
Обрадовала своего отца.
 Конгур Буга, хау-хау-хау!
 Бурый [мой], хау-хау-хау!

39. Отец:

Многим домам, оказывается, счастье приносит
Корова, которую я подарил вам.
На этот раз дам мелких животных,
Чьи копыта раздвоены, рога шишками.
Конгур Буга мой, животные мои!
Там у меня зять и внуки мои;
Не отставая, идите вперед,
Прямую дорогу выбирая в горах.
В целости до дома добирайтесь,
От нас привет передайте.

40. Глава рода пропел так:

От старейшин [нашего] рода
Передай доспехи нашему зятю;
Каждому сыну своему
Передай лук и стрелы;
Каждой дочери своей
Передай перстень и расшитый надлобник
Не только человек, но даже скотина,
Повея телят за собою,
Волоча за собой волосяную веревку,
Возвращается на земли родные.
Для понятливых это будет примером,
Для непонятливых — осуждением.
Конгур Буга мой, животные мои,

Подойдите же ко мне, подойдите.
Счастья и достатка знак привяжем
Теленочку на шею.
На барана, чьи рога, как улитка,
Узелок приплода повесим;
Овце твоей двурогой
Нескончаемого рода желаем,
У коз и козлов твоих
Пусть много будет шерсти и пуха,
Пусть они расплодятся, размножатся,
Заполнят долины и горные теснины.
Пусть ребра твоих баранов
Покроются хрустящим жиром,
Пусть беды их обходят
И не лежат они покалеченными;
Живи ты в сытости, в достатке.
Пусть скот твой добро и счастье приносит!

41. Самой последней выступила вперед повидавшая много горя на своем веку старуха Гульхылу — вдова брата Тандысы, который был убит на войне с хуннскими турками. Она спела, говорят, прощальную песню:

Течет и течет, огибая горы,
Быстрая река, именуемая Хакмар,
Спою-ка тебе я на память,
Запомни ты эту мою песню.

Тандыса в ответ:

Река Мохак * совсем неглубока,
По пояс самое глубокое место.
Словно стрепет-птица, трепеща в полете,
Из родного края я улетела.

В знак пожелания счастья и достатка отчему дому Тандыса оставила пришедшего с Конгур Бугой серого бычка. Повесили ему на шею для красоты кисточки. Оставшиеся пожелали Тандысе безопасной, счастливой дороги.

42. Отправилась Тандыса в путь, перевалила через четыре или пять горных хребтов и остановилась на лужайке, богатой травой, чтобы покормить и напоить животных. Отдохнула немного, собралась идти дальше, и тут догнали ее двенадцать верховых девушек и егетов. Они остановились перед ней:

— Бабушка Тандыса,— говорят,— ваша мать скончалась, похороните ее.

Тандыса, боясь, что счастье и добрые пожелания родителей пропадут, а пережитые ею муки и беды последуют за ней, шла, ни разу не оглянувшись с тех пор, как покинула отчий дом. И теперь, не оглядываясь, шла она, смотря только вперед.

Она сказала:

— Дети мои, слушайте и запоминайте, а потом, ничего не забыв, передайте мои слова всем. Пусть похоронят мою мать у обочины этой дороги. Каждый, кто будет проходить или проезжать здесь, вспомнит о ней.

Старуху Ухэбике похоронили у обочины дороги. Тандыса, простившись с прахом матери, пошла со своей скотиной дальше. Люди шли, провозжая ее в путь. Тандыса свернула к могилам своих предков. Пришедшие с ней люди сели на землю. Тандыса, по древнему обычаю, попрощалась с прахом предков.

43. Тандыса вышла на дорогу, по которой шла сюда, и много дней подряд все шла и шла по Уралу. Недели, месяцы текли, говорят. Шла-шла она, и [вот] вдали засинела гора Иремель у истоков Идели.

То, что мы видим, сидя здесь,—
Это гора Иремель у истоков Идели.
Когда уходили мы, все было цело,
В благополучии ли [сейчас] моя страна?
Много утекло [времени], как ушли мы,
Сердце мое туда рвется,
Сердце взволновано мое —
Устала я, извелась,
Конгур Буга мой, теленок мой!
Бурый мой, хау-хау-хау!
Следуйте же за мною!
Теперь не увидите из моего дома.

44. Шли-шли по Уралу и прошли по высоким хребтам, видимым издалека. Поднялась [Тандыса] на самую высокую вершину, отдохнула немного и сказала так:

Цепи вершин, седловины, ущелья, хребты —
Это, оказывается, краса Уральских гор;
Разлапистые, разросшиеся деревья —
Это, оказывается, шапка, возвышающаяся на них.
Конгур Буга мой, хау-хау-хау!
Темно-бурый бычок мой, хау-хау-хау!
Животные мои, поднимайтесь в путь,

Вдоволь наелись вы,
Бурый мой, хау-хау-хау!
Не отставая, следуйте за мной,
Козочки мои, кэз-кэз-кэз!
Ягнята мои, бэр-бэр-бэр!
К знакомому дому подходим мы,
Радости ожидают нас.

45. Немалый путь прошли. На восток и на запад от великого Урала виднелись высокие горы.

Вот виднеется Алатау *,
Посмотрите — если хватит глаз,
А там высоко — Иремель,
Знайте — мы мимо нее прошли.
Конгур Буга мой, животные мои,
Досыта наглядитесь,
Узнайте, приметьте [ee],
Запомните навсегда.
Еще нам немало идти,
Правее остался Курташ *,
Ряз * и Кагыташ * — в стороне,
На юге — Кыркты *, Ирендык *,
На севере — сопка Сахра *.
Размахивая руками,
Много дорог я прошла,
Конгур Буга мой, бурый мой,
Хау-хау-хау!
Телята мои, зап-зап-зап!
Козочки мои, кэз-гэз-гэз!
Ягнята мои, бэр-бэр-бэр!

Тандыса, глядя на Полярную звезду, на созвездия Рака, Зодиака, на Большую Медведицу, на Стожары, определяла, куда она идет, до какой горы дшла. Все измерила, вызнала.

46. Старик Миней, сыновья и дочери радостно встретили Тандысу, которая вернулась со своим скотом. В честь ее благополучного возвращения устроили большой туй.

Дорогу, по которой с севера на юг пересек башкирские земли сбежавший [ee] скот, завещанный для размножения породы, стали называть «Дорога Конгур Буги». С тех пор, говорят, бурый скот стал считаться священным, а бурая масть — благородной мастью.

СВЕДЕНИЯ О ВАРИАНТАХ

«УРАЛ-БАТЫР»

Архив БФ АН СССР, ф. 3, оп. 12, ед. хр. 233, стр. 1—144 (стихи с прозаическими вставками). Машинописная копия, латинский шрифт. Подлинник записи не сохранился.

Текст с сокращениями опубликован на башкирском языке в 1968 г. (журн. «Ағиҙел», Өфө, 1968, № 8, стр. 48—92; подготовлено к печати А. И. Харисовым и Б. Бикбаем).

На русском языке научный перевод публикуется впервые.

Сказание записано в 1910 г. народным сэсэном и собирателем фольклора М. Бурангуловым (1888—1966) от двух сэсэнов-кураистов: Габита из аула Идрис Иткуловской волости Оренбургской губернии (ныне Баймакский район Башкирской АССР) и Хамита из аула Малый Иткул той же волости. Запись сохраняет диалектные особенности языка сказителей бурзян.

По-видимому, это сводный текст сказания. Как сообщает М. Бурангулов, зафиксированные им от этих певцов варианты он систематизировал и объединил в один. Однако, каков был принцип составления единого текста, не указывается. Запись М. Бурангулова является уникальной, и поэтому мы сочли возможным опубликовать сказание по данному тексту.

Сэсэн Габит родился примерно в 1850 г. во Второй Бурзянской волости Оренбургского уезда. Умер в 1922 г. Он был известным кураистом-музыкантом и сказителем. В 1912 г. дважды завоевывал первый приз за искусное исполнение народных песен и поэм (на состязании кураистов и певцов в Оренбурге и в деревне Якуполю Оренбургского уезда). После Великой Октябрьской социалистической революции, в 1920 г., исполнительское мастерство Габита было отмечено республиканской премией. Репертуар его был разнообразен и богат. В 1910—1920 гг. М. Бурангулов записал от Габита сказания «Урал-батыр», «Идель и Яик», «Акбузат», «Сары мулла», «Кусякбий», «Тамьян», «Батырша», «Карасакал», «Салават» и др. Габит исполнил по памяти эпические сказания объемом более 6000 строк. Кроме героических сказаний сэсэн знал много народных песен и легенд.

Исполнительскому мастерству, как вспоминал сам Габит, он учился у прославленного кураиста-сказителя Ишмухамета Мырзакаева (1781—1878).

О Габите см.: М. Бурангулов, Башкорт халык поэзияһы (Башкирская народная поэзия).— Архив БФ АН СССР, ф. 3, оп. 12, ед. хр. 445, стр. 261—264.

О сэсэне Хамите сведений не сохранилось.

Ранее публиковавшийся вариант «Урал-батыра» (см. «Әзәби Башкортостан», Өфө, № 5) записан А. И. Харисовым в 1956 г. в г. Трсицке от Исмагила Рахматуллина.

«АКБУЗАТ»

Архив БФ АН СССР, ф. 3, оп. 12, ед. хр. 297, стр. 1—67 (стихи с прозаическими вставками). Машинописная копия, латинский шрифт. Подлинник записи не сохранился.

На башкирском языке опубликовано в Уфе в 1943 г.: «Батырзар тураһында эпос» («Эпос о батырах»), сост. М. Бурангулов.

На русском языке научный перевод публикуется впервые.

Сказание записано М. Бурангуловым в 1917 г. в ауле Бабалар Куюргазинского района Башкирской АССР от певца Гатиатуллы Биккужина.

Сведений о сказителе не сохранилось.

«ЗАЯТУЛЯК И ХЫУХЫЛУ»

Архив БФ АН СССР, ф. 3, оп. 63, ед. хр. 6, стр. 18—30 (стихи с прозаическими вставками).

Сказание записано М. М. Сагитовым в 1964 г. в ауле Мекеш Альшеевского района Башкирской АССР от сэсэн Биктимира Валиуллина (74 года).

На башкирском языке этот вариант был опубликован в 1972 г. в кн.: «Башкорт халык ижады. Эпос» («Башкирское народное творчество. Эпос»), 1-се китап, сост. М. М. Сагитов, Өфө, 1972, стр. 187—196.

На русском языке публикуется впервые.

Опубликованные варианты

1. В. И. Даль, Башкирская русалка,—«Москвитянин», М., 1843, № 1, стр. 97—119; см. также: В. И. Даль, Полное собрание сочинений, т. VII, СПб.—М., 1898, стр. 328—353; сб. «Башкирия в русской литературе», т. I, Уфа, 1961, стр. 211—230 (текст прозаический). Сказание кратко изложено на русском языке В. И. Далем по фольклорным материалам, собранным им во время поездки по кантонам Оренбургской губернии.

2. Л. Суходольский. Легенда о Туляке,—ВИРГО, ч. 24, СПб., 1858, № 12, стр. 65—72; см. также: «Оренбургские губернские ведомости», 1858, № 46, стр. 123—126 (текст прозаический). На данную запись и публикацию Л. Суходольского ссылается Г. И. Потанин в работе «Дочь моря в степном эпосе»,—ЭО, 1892, № 1—4, стр. 38—69.

3. Башкирское предание «Зоя-Тюляк и Су-сулу»,—«Самарская газета», 1902, № 83, стр. 3—4 (текст прозаический). Записано, переведено на русский язык и литературно обработано С. Султановым. Башкирский текст сказания не сохранился. Время, место записи и имя исполнителя не указаны. Нет сведений и о самом собирателе.

4. «Заятүләк берлә Сусылу» («Заятуляк и Сусылу»), Өфө, 1910, стр. 1—24 (стихи с прозаическими вставками). Записал и опубликовал на татарском языке башкирский народный поэт М. Гафури. От кого произведена запись, не указывается. Известно, что вариант записан в 1909 г. во время отдыха поэта у озера Асылыкуль (ныне Башкирская АССР), где он слушал эпические сказания в исполнении куранстов близлежащих аулов Сапай и Каплы Туркай.

5. «Заятүләк»,—журн. «Октябрь», Өфө, 1938, № 6, стр. 38—41 (стихи с прозаическими вставками). Это первая публикация сказания на башкирском языке. Текст подготовил к печати А. Усманов. Паспортные данные не указаны.

Неспубликованные варианты

Архив БФ АН СССР

1. Ф. 3, оп. 21, ед. хр. 3, стр. 96—104 (стихи с прозаическими вставками). Записал в 1960 г. А. Н. Киреев в ауле Котос Александровского района Оренбургской области от 63-летней сказительницы Рахилы Телякаевой.

2. Ф. 3, оп. 21, ед. хр. 3, стр. 104—107 (стихи с прозаическими вставками). Записала в 1960 г. Ф. А. Надршина от 60-летней Алифы (фамилия не указана) в ауле Котос Александровского района Оренбургской области.

3. Ф. 3, оп. 21, ед. хр. 3, стр. 108—111 (стихи с прозаическими вставками). Записал в 1960 г. Н. Шункаров от 84-летнего Гибадуллы Агишева в ауле Колман Люксембургского района Оренбургской области.

4. Ф. 3, оп. 21, ед. хр. 3, стр. 112 (проза со стихотворными вставками). Рукопись озаглавлена «Туляк». Записал Н. Шункаров в 1960 г. от 43-летней Оркии Ильясовой в ауле Мряс Новосергиевского района Оренбургской области.

5. Ф. 3, оп. 47, ед. хр. 1, стр. 6—8 (текст прозаический). Записал М. Сагитов в 1964 г. в ауле Мекеш Альшеевского района Башкирской АССР от 62-летней Сабиры Валиуллиной. Исполнительница сообщила, что сказание она выучила у своего отца Сулеймана. Запись произведена с сохранением диалектных особенностей дёмского говора, на котором было исполнено сказание.

6. Ф. 3, оп. 47, ед. хр. 2, стр. 9 (стихи с прозаическими вставками). Записал Н. Шункаров в 1964 г. от 82-летнего Гайнуллы Валиуллина в ауле Сурай Альшеевского района Башкирской АССР.

7. Ф. 3, оп. 47, ед. хр. 2, стр. 10—11 (стихи с прозаическими вставками). Записал в 1964 г. Н. Шункаров в ауле Мекеш Альшеевского района БАССР от 82-летнего Сафы Гильманова.

Фольклорный фонд ИИЯЛ БФ АН СССР

8. Рукопись не инвентаризована (проза со стихотворными вставками). Записал Н. Шункаров в 1967 г. от 63-летней сказительницы Салихы Бикбулатовой в ауле Максуд Зиланрского района Башкирской АССР.

9. Рукопись не инвентаризована (проза со стихотворными вставками). Записал Н. Шункаров в 1967 г. от 67-летнего Султана Касимова в поселке Янги-Тормош Давлекановского района Башкирской АССР.

Фольклорный фонд кафедры башкирской литературы БГУ

10. Рукопись не инвентаризована (проза со стихотворными вставками). Запись произведена студентом БГУ (фамилия не указана) в 1960 г. от 80-летней Муслимы Вагаповой в ауле Муйнак Зиянчуринского района Башкирской АССР.

11. Отчет фольклорной экспедиции БГУ, 1965 г., ч. I, стр. 60—69 (проза со стихотворными вставками). Записала студентка БГУ Н. Нафикова в 1965 г. от сказительницы Аскабьямал Давлетбаевой в ауле Тубанги-Шакар Стерлибашевского района Башкирской АССР.

«КАРА ЮРГА»

1. Научная библиотека БФ АН СССР, шифр. 8СФ, 529 (проза со стихами). «Древние башкирские песни и кубайры». Сказание записано М. Бурангуловым в 1907 г. в ауле Урге-Ильяс Юмран-Табынской волости Бузулукского уезда Самарской губернии (ныне Оренбургская область) от сказителя Хасана Бурангулова (возраст не указан).

В 1972 г. вариант опубликован на башкирском языке в кн.: «Башкорт халык ижады. Эпос» («Башкирское народное творчество. Эпос»), 1-се китап, сост. М. М. Сагитов, Өфө, 1972, стр. 244—258.

На русском языке данный вариант публикуется впервые.

2. Архив БФ АН СССР, ф. 3, оп. 21, ед. хр. 3, стр. 115—123 (проза со стихотворными вставками). Записано в 1960 г. А. Н. Киреевым в ауле Каипкул Оренбургской области от 62-летнего сээзна Усмана Сантова.

В 1972 г. вариант опубликован на башкирском языке в кн.: «Башкорт халык ижады. Эпос» («Башкирское народное творчество. Эпос»), 1-се китап, сост. М. М. Сагитов, Өфө, 1972, стр. 259—264.

На русском языке данный вариант публикуется впервые.

Опубликованные варианты

1. М. В. Лосневский. Из суеверий и легенд мусульман Оренбургского края. — «Оренбургский листок», 1878, № 38, стр. 2—3.

2. С. Г. Рыбаков. Музыка и песни уральских мусульман с очерками их быта. — ЗИЛН, 1897, т. 2, № 2. Записано музыковедом С. Г. Рыбаковым в Башкирском Зауралье в 1892—1894 гг. «...По поводу почти каждой инструментальной мелодии или песни, по крайней мере в моей практике, — отмечает С. Г. Рыбаков, — они (башкиры. — А. М., М. С.) сообщали какое-нибудь сказание или легенду, так что у них можно было бы найти большой цикл всевозможных сказаний и мифов» (стр. 114).

В книге опубликованы нотная запись мелодии, под которую исполнялось сказание «Кара Юрга», и краткий прозаический пересказ на русском языке эпизода похищения девушки конем.

3. З. Өммәти. Башкорт-типтәрләрен жыр-бәетләре (Башкирские и типтярские песни и банты). Өфө, 1909 (стихи с прозаическими вставками). Сказание записано и опубликовано Зия Уммати под названием «Кара Юрга». Где и от кого произведена запись, в книге не сообщается.

4. «Башкорт халык ижады» («Башкирское народное творчество»), сост. А. И. Харисов, т. 1, Өфө, 1954, стр. 194, 292. Сказание записано кураистом и певцом Г. Сулеймановым в 1943 г. в ауле Темяс Баймакского района Башкирской АССР от Бикбирдина (имя и возраст сказителя не указаны). Краткое содержание сказания изложено в комментариях, а стихотворная часть помещена в разделе песен.

Неопубликованные варианты

Архив БФАН СССР

1. Ф. 3, оп. 21, ед. хр. 3, стр. 113—124 (проза со стихотворными вставками). Записал А. Н. Киреев в 1960 г. от 63-летней сказительницы Рахилы Телякаевой в ауле Котос Александровского района Оренбургской области.

2. Ф. 3, оп. 2, ед. хр. 3, стр. 125—126 (проза со стихотворными вставками). Записал А. Н. Киреев в 1960 г. от 81-летнего Шакира Бурангулова в ауле Урге-Ильяс Люксембургского района Оренбургской области.

Фольклорный фонд кафедры
башкирской литературы БГУ

3. Отчет фольклорной экспедиции 1965 г., объем 5 стр. (текст прозаический), машинописная копия. Записал студент Б. Шарипов в 1965 г. от 60-летнего Магавиза Вахитова в Баймакском районе Башкирской АССР (местожительство исполнителя не указано).

4. Отчет фольклорной экспедиции 1966 г. Объем 1 стр. (текст прозаический), машинописная копия. Фабула сказания записана студентом А. Сулеймановым от 70-летнего Зайнагетдина Асылбаева в ауле Абзан Зиянчуринского района Башкирской АССР.

«АКХАК КОЛА»

Архив БФ АН СССР, ф. 3, оп. 12, ед. хр. 218, стр. 58—66 (стихи с прозаическими вставками).

Сказание записано А. Н. Киреевым в 1960 г. от 84-летнего сээсна Гибадуллы Агишева в ауле Колман Люксембургского района Оренбургской области. В рукописи сообщается, что сэсэн Г. Агишев грамотен и известен как исполнитель эпических сказаний. Он исполняет также «Заятуляк и Хыухыду» и «Конгур Буга». В настоящее время сказание распространено среди башкир Оренбургской области, южной и юго-восточной части Башкирской АССР.

На башкирском языке данный вариант опубликован в 1972 г. в кн.: «Башкорт халык ижады. Эпос» («Башкирское народное творчество. Эпос»), 1-се китап, сост. М. М. Сагитов, Өфө, 1972, стр. 223—228.

На русском языке публикуется впервые.

Опубликованные варианты

1. «Башкорт халык ижады» («Башкирское народное творчество»), сост. А. И. Харисов, т. 1, Өфө, 1954, стр. 192—193. Первая публикация сказания на башкирском языке. Рукопись хранится в архиве БФ АН СССР, ф. 3, оп. 12, ед. хр. 269, стр. 266—267 (текст стихотворный). Записал Г. Сулейманов в 1943 г. от Бикбирдина в ауле Темяс Бэймакского района Башкирской АССР. Записаны следующие эпизоды: побег табуна, встреча джигита с девушкой в пути, сон Акхак Кола и джигита.

2. «Башкорт халык ижады. Эпос» («Башкирское народное творчество. Эпос»), 1-се китап, сост. М. М. Сагитов, Өфө, 1972, стр. 229—233. Рукопись хранится в архиве БФ АН СССР: ф. 3, оп. 12, ед. хр. 218, стр. 133—136; а также ф. 3, оп. 12, ед. хр. 219, стр. 111—115 (стихи с прозаическими вставками). Машинописная копия, латинский шрифт. Подлинник записи не сохранился. Рукопись озаглавлена: «Сказка об Акхак Коле». Записана фольклористом и сээсном М. Бурангуловым в 1907 г. от сээсна Хасана Бурангулова в ауле Урге-Ильяс Юмран-Табынской волости Бузулукского уезда Самарской губернии.

3. Газ. «Совет Башкортостаны», 28. I. 1970; «Башкорт халык ижады. Эпос» («Башкирское народное творчество. Эпос»), 1-се китап, сост. М. М. Сагитов, Өфө, 1972, стр. 233—237. Рукопись хранится в архиве БФ АН СССР: ф. 3, оп. 12, ед. хр. 269, стр. 58—64; шрифт латинский (стихи с прозаическими вставками). Записал Г. Сулейманов в 30-е годы (точная дата записи не указана) от учителя и известного кураиста Карима Диярова в ауле Басай Баймакского района Башкирской АССР.

4. «Башкорт халык ижады. Эпос» («Башкирское народное творчество. Эпос»), 1-се китап, сост. М. М. Сагитов, Өфө, 1972, стр. 238—243. Сказание записано М. М. Сагитовым в 1971 г. в Уфе от учительницы-пенсионерки Зайнап Зубаировой (род. в 1905 г.). Текст — стихи с прозаическими вставками.

Неопубликованные варианты

Архив БФ АН СССР

1. Ф. 3, оп. 21, ед. хр. 3, стр. 54—58 (текст — стихи и проза). Записал А. Н. Киреев в 1960 г. от 63-летней сказительницы Рахилы Телякаевой в ауле Котос Александровского района Оренбургской области.

2. Ф. 3, оп. 21, ед. хр. 3, стр. 66—71 (стихи с прозаическими вставками). Записала в 1960 г. Ф. А. Надршина от 60-летней Назифы Байтимеровой в ауле Габдрафик Переволоцкого района Оренбургской области.

3. Ф. 3, оп. 21, ед. хр. 3, стр. 85—92 (стихи с прозаическими вставками). Записал С. Галин в 1960 г. от 60-летней сказительницы Назифы Байтимеровой в ауле Габдрафик Переволоцкого района Оренбургской области.

4. Ф. 3, оп. 21, ед. хр. 3, стр. 72—80 (стихи с прозаическими вставками). Записал Н. Шункаров в 1960 г. от 68-летнего Миннебулата Абдразакова в ауле Каипкул Александровского района Оренбургской области.

5. Ф. 3, оп. 21, ед. хр. 3, стр. 80—85 (стихи с прозаическими вставками). Записал Н. Шункаров в 1960 г. от 54-летнего Султанмурата Саитова в ауле Курпес Александровского района Оренбургской области.

6. Ф. 3, оп. 21, ед. хр. 3, стр. 92—94 (стихи с прозаическими вставками). Записал С. Галин в 1960 г. от 75-летнего Шарафи Юлуева в ауле Котос Александровского района Оренбургской области.

7. Ф. 3, оп. 21, ед. хр. 3, стр. 95 (текст стихотворный). Записал Н. Шункаров в 1960 г. в ауле Мряс Новосергиевского района Оренбургской области от сказительницы Бибикамал Мрясовой (возраст не указан). Сказительницей были исполнены два эпизода сказания — эпизод побега табуна коней во главе с племенным жеребцом Акхак Коля и эпизод встречи джигита, отправившегося со своей невестой в погоню за табуном.

8. Ф. 3, оп. 21, ед. хр. 3, стр. 71 (стихи с прозаическими вставками). Записал от 67-летней Назифы Абубакировой Н. Шункаров в 1960 г. в ауле Котломбет Переволоцкого района Оренбургской области.

9. Ф. 3, оп. 21, ед. хр. 3, стр. 85 (стихи с прозаическими вставками). Записал от 85-летнего Сабита Кучаева в ауле Байгужа Люксембургского района Оренбургской области Н. Шункаров в 1960 г. Изложена в сжатой форме фабула сказания.

Фольклорный фонд кафедры башкирской литературы БГУ

10. Отчет фольклорной экспедиции 1963 г., стр. 79—81 (проза со стихотворными вставками). Записала студентка М. Янбухтина в 1963 г. от 66-летней Рахилы Телякаевой в ауле Котос Александровского района Оренбургской области.

11. Отчет фольклорной экспедиции 1965 г., объем 3 стр. (проза со стихотворными вставками), машинописная копия. Записал студент Б. Шарипов в 1965 г. от 66-летнего Котлогилди Илсебаева в г. Баймак Башкирской АССР.

«КОНГУР БУГА»

Фольклорный фонд ИИЯЛ БФ АН СССР. Рукопись не инвентаризована (проза со стихотворными вставками). Записал журналист Р. Шакуров в 1969 г. в ауле Аскар Абзелиловского района Башкирской АССР от 69-летнего сказителя Мугаллима Мирхайдарова (сказитель грамотен).

На башкирском языке данный вариант был опубликован в кн.: «Башкорт халык ижады. Эпос» («Башкирское народное творчество. Эпос»), 1-се китап, сост. М. М. Сагитов, Өфе, 1972, стр. 274—292.

На русском языке публикуется впервые.

Опубликованные варианты

1. «Оренбургские губернские ведомости», 1865, № 32. Опубликовано эпизод перехода Конгур Буги во главе стада коров по Уральском хребту. Сказание переведено на

русский язык и опубликовано ученым-краеведом Р. Г. Игнатьевым. Башкирский оригинал перевода не указан.

2. «Башкорт халык ижады («Башкирское народное творчество. Эпос»), сост. А. И. Харисов, т. 1, Фф, 1954, стр. 193. На башкирском языке опубликована песня девушки Коланяс, в которой она обращается с просьбой к Конгур Буге вернуться домой. Записана в 1938 г. в ауле Исмакай Белорецкого района Башкирской АССР от Нугмана Тайбанова. Кем записана песня, неизвестно. Рукописная запись не сохранилась. Песня исполняется самостоятельно от сказания и широко распространена по всей Башкирии.

3. «Башкорт халык йырлары» («Башкирские народные песни»), сост. Х. Ф. Ахметов, Л. Н. Лебединский, А. И. Харисов, Фф, 1954, стр. 98—99. Опубликованы на башкирском языке следующие части сказания: песня девушки, ищущей корову с теленком; эпизод бегства скота и поиски Конгур Буги. К текстам приложены нотные записи.

4. «Башкорт халык ижады. Эпос» («Башкирское народное творчество. Эпос»), 1-се китап, сост. М. М. Сагитов, Фф, 1972, стр. 265—273. Стихи с прозаическими вставками. Сказание записано М. Бурангуловым в 1907 г. от Хасана Бурангулова в ауле Урге-Ильяс Юман-Табьинской волости Бузулукского уезда Самарской губернии. Рукопись хранится в архиве БФ АН СССР: ф. 3, оп. 12, ед. хр. 219, стр. 116—129.

5. «Башкорт халык ижады. Эпос» («Башкирское народное творчество. Эпос»), 1-се китап, сост. М. М. Сагитов, Фф, 1972, стр. 293—296. Стихи и проза. Записал А. Н. Киреев в 1960 г. от 84-летнего сэсна Гибадуллы Агишева в ауле Колман Люксембургского района Оренбургской области.

Неопубликованные варианты

Архив БФ АН СССР

1. Ф. 3, оп. 12, ед. хр. 294, стр. 13—14 (текст прозаический). Записал сэсен и фольклорист М. Бурангулов. Рукопись не паспортизирована: неизвестно, от кого, когда и где была произведена запись. Рукопись поступила в Архив в 1938 г.

2. Ф. 3, оп. 12, ед. хр. 294, стр. 15—17 (проза со стихотворными вставками). Краткий пересказ фабулы. Рукопись не паспортизирована; в Архив принята в 1938 г.

3. Ф. 3, оп. 12, ед. хр. 294, стр. 18—19 (проза со стихотворными вставками). Записал краевед Сагит Мирас от Шагишарифа Касимова. Где и когда было записано сказание, не указано. Рукопись поступила в Архив в 1938 г.

4. Ф. 3, оп. 21, ед. хр. 3, стр. 132—134 (стихи с прозаическими вставками). Записал А. Н. Киреев в 1960 г. в ауле Тубанге-Ильяс Люксембургского района Оренбургской области от Гибадуллы Каскинова (возраст сказителя не указан).

5. Ф. 3, оп. 21, ед. хр. 6, стр. 49—50 (стихи с прозаическими вставками). Записал в 1961 г. А. Н. Киреев в ауле Ырысай Медногорского района Оренбургской области от 73-летнего Сайфуллы Хасанова.

БАШКИРСКИЕ СКАЗИТЕЛИ И ИХ ЭПИЧЕСКИЙ РЕПЕРТУАР

Творцами и хранителями башкирского эпоса издавна были народные сэсэнны, которые играли большую роль в общественной жизни башкир и пользовались огромным авторитетом, выступая выразителями интересов, дум и чаяний народа¹. Когда появлялась опасность нашествия иноземных захватчиков, сэсэнны призывали народ к защите родной земли, нередко становились во главе войска.

В мирные дни сэсэнны принимали участие в разрешении многих спорных вопросов. «Когда возникали споры и стычки между племенами из-за кочевок и тебеневок, — пишет М. Бурангулов, — вступали в действие сэсэнны. Чтобы не допускать во время спора кровопролития, роды и племена обычно собирались на майдан и устраивали состязания всадников, певцов, музыкантов, батыров. Спор считался решенным в пользу того племени, конь которого пришел первым и сэсэнны, батыры, кураисты, танцоры которого одержали победу в состязании. Если какое-либо племя нарушало это решение и начинало братоубийственную войну, остальные племена, обвинив его в измене традициям, ополчались против него»².

Издରେле ни один народный праздник не обходился без мудрых сэсэннов.

Хотя в письменных источниках почти нет сведений о сэсэннах прошлых времен, народная память сохранила имена ряда легендарных сказителей. Например, в кубанре «Идукай и Мурадым» упоминается «старый сэсэн и певец по имени Хабрау, известный на всем Урал-Алтас». Хабрау воодушевлял народ на борьбу с татаро-монгольскими завоевателями

В башкирском фольклоре широко популярен образ защитника обездоленных — мудрого и находчивого Ерансе-сэсэнна, известного также в фольклоре казахского и каракалпакского народов. В башкирских легендах и преданиях об Ерансе-сэсэнне рассказывается, что он свободно владел башкирским и казахским языками.

О некоторых сэсэннах сложены самостоятельные произведения. Например, сохранились айтышы о замечательном сэсэнне Кубагуше, который, по преданию, жил в середине XVI в. В айтыше «Кубагуш-сэсэн» повествуется о борьбе Кубагуша с ханами и бнями. Кубагуш говорит о себе:

Не власть имущий — простолюдин я,

Не власть имущий — простолюдин я,

Иду против ханов, оседлавших тулпаров,

¹ М. Бурангулов, Башкорт халык поэзияһы, — Архив БФ АН СССР, ф. 3, оп. 12, ед. хр. 445, стр. 1.

² Там же.

Иду против захватчиков. ау,
Иду против захватчиков³.

Кубагуш-сэсэн был известен и среди казахов. Казахские акыны слагали о нем песни-четверостишия — олены. В олене «Кубагуш-сэсэн», записанном М. Бурангуловым в 1907 г. в г. Актюбинске от акына Алсынбая, рассказывается о победе «истяцкого»⁴ акына Кубагуша над казахским акыном Бисанбаем во время поэтического состязания⁵.

В первой половине XVIII в. в башкирском племени тиляу жил сэсэн по имени Карас. Он был не только талантливым сказителем, но и бесстрашным военачальником. Карас возглавлял борьбу против грабительских набегов иноземных феодалов. О нем был создан кубаир «Карас-сэсэн»⁶.

Об одном из знаменитых сэсэнов XVIII в., Махмуте, сохранилось несколько народных преданий. Рассказывают, что он родился и жил в кочевье у озера Аушкуль (ныне Учалинский район Башкирской АССР). О нем сложены также кубаир «Махмут-сэсэн» и песня «Пеший Махмут».

Живший в XVIII и в начале XIX в. прославленный сэсэн Баик из аула Махмут Мырзаларской волости Уфимской провинции (ныне Учалинский район Башкирской АССР), сын тархана Байназара, был известен не только в Башкирии, но и в казахских степях. Он принимал участие во многих айтышах. В кубаире «Баик-Айдар» говорится, что Баику удалось победить в поэтическом состязании даже знаменитого Бухар-жырау — казахского акына XVIII в.⁷

Баик был не только талантливым сэсэном, но и искусным сочинителем и исполнителем мелодии на курае. Баик принял участие в Крестьянской войне 1773—1775 гг. под руководством Е. Пугачева. Личной храбростью и словом он воодушевлял воинов легендарного полководца и поэта Салавата Юлаева. Преследуемый за участие в восстании, Баик долгие годы вынужден был скитаться в горах и отдаленных кочевьях, скрываясь от карателей.

Мудрый Баик никогда не отождествлял русский народ с представителями монархической власти. В 1812 г., во время нашествия войск Наполеона на Россию, столетний Баик призывал башкир к защите России. Известно, что в 1814 г. Баик игрой победного марша на курае встречал башкирских воинов, вернувшихся после окончания войны. Его марш, называемый «Баик» и «Карт Баик», популярен и в наши дни. О Баике народ создал кубаир «Баик-Айдар»⁸.

В XIX в. среди сэсэнов особенно выделялась фигура Ишмухамета Мырзакаева (1781—1878) из аула Янги-Балапан Тилявской волости Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии (ныне Абзелиловский район Башкирской АССР). Он удачно сочетал искусство сэсэна с искусством певца и был известным кураистом. Ишмухамет Мырзакаев считался автором нескольких песен и мелодий: «Санглы үзьяк», «Аюка», «Юлтый карак», «Малбай», «Бузыкаев» и др. Мырзакаев жил обычной жизнью крестьянина, но время от времени вынужден был отправляться на службу кураистом к начальнику 9-го башкирского кантона Оренбургской губернии известному меценату Кагарману Куватову (1766—1868), а также к генерал-губернатору Оренбургской губернии В. А. Перовскому.

Ишмухамет Мырзакаев оказал большое влияние на творчество многих башкирских сэсэнов. Один из его учеников — яркий, самобытный сэсэн Габит (ок. 1850—1922) из аула Идрис Второй Бурзянской волости Оренбургской губернии (ныне Баймакский

³ Там же, стр. 12.

⁴ До Великой Октябрьской революции казахи называли башкир истяками (производное от этнонима «остяк»).

⁵ М. Бурангулов, Башкорт халык поэзияһы, стр. 2—4.

⁶ «Башкорт аймағы», Өфө, 1925, № 1, стр. 78—86.

⁷ «Байык-Айзар», — Архив БФ АН СССР, ф. 3, оп. 12, ед. хр. 445, стр. 177.

⁸ Там же, стр. 177—194.

район Башкирии). Габит-эсэн перепял от Ишмухамета Мырзакаева такие сказания, как «Урал-батыр», «Идель и Яик», «Акбузат», «Алпамыш», «Кусяк-бий» и др.

В начале XX в. лучшими продолжателями традиций сэсэнов, знатоками и исполнителями эпических сказаний были Хамит, Гатиатулла Биккужин, Мухаметша Бурангулов, Сабирьян Мухаметкулов, Хайрулла Ишмурзин и др. Среди них особое место принадлежит сэсэну Мухаметше Бурангулову.

Почти в каждом башкирском ауле имеются знатоки и исполнители кубаиров, легенд, сказок. Но не каждому сказителю удалось заслужить звание народного сэсэна. Народ называл сэсэном лишь исключительно одаренных сказителей, которые обладали не только исполнительским талантом, но и способностью к импровизации. Именно таким подлинно народным сэсэном являлся Мухаметша Бурангулов, обладавший феноменальной памятью и блестящим талантом импровизатора.

Мухаметша Бурангулов родился в 1888 г. в ауле Урге-Ильяс Юмран-Табынской волости Бузулукского уезда Самарской губернии (ныне Люксембургский район Оренбургской области) в семье крестьянина-середняка Абдрахмана. В 1901—1902 гг. он поступает в земскую школу в ауле Юлдаш, затем учится в каргалинском медресе. Двенадцати лет, оставшись сиротой, М. Бурангулов для продолжения учебы вынужден в летние каникулы работать приемщиком на мельнице в г. Актюбинске, заниматься обучением детей в казахских аулах. В Казахстане Бурангулов знакомится с творчеством казахских акынов и записывает ряд образцов казахского фольклора. В 1907 г. М. Бурангулов заканчивает каргалинское медресе, после чего около двух лет работает в комиссии по переписи населения. В эти годы он знакомится с известными башкирскими сэсэнами Габитом и Хамитом и перенимает от них эпические поэмы «Урал-батыр», «Идель и Яик», «Акбузат», «Кусяк-бий», «Карасакал», «Марган и Маян» и др. От них же он записывает большое количество кубаиров. В 1909—1911 гг. Бурангулов обучается в медресе «Хусания» в Оренбурге.

После Великой Октябрьской социалистической революции он долгие годы работает в органах просвещения Башкирии, преподает в школах и техникумах башкирский язык и литературу. В 1938 г. его приглашают на работу в Башкирский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы в качестве научного сотрудника, где в основном он занимается сбором и публикацией башкирского фольклора.

Мухаметша Бурангулов известен не только как сэсэн и собиратель башкирского фольклора, но и как драматург. Им написано несколько пьес, музыкальных драм по мотивам башкирского фольклора («Ашкадар», 1917; «Ялан Яркай», 1923; «Шаурекай», «Энжекай и Юлдыкай», «Башкирская свадьба», 30-е годы и др.). В 20-х и 30-х годах эти пьесы успешно ставились в театрах республики.

Бурангулов создал кубаиры, посвященные актуальным темам современности. В кубаире «Отечественная война» он воспел былые воинские доблести башкирского народа, призывая бойцов на битву с фашистскими захватчиками⁹.

М. Бурангулов умер в 1966 г. Его роль в башкирской фольклористике как собирателя устного народного творчества и сэсэна огромна. В Архиве Башкирского филиала АН СССР хранится большое количество записей башкирского фольклора, произведенных М. Бурангуловым в различные годы от разных сказителей; много сказаний и кубаиров М. Бурангулов записал из своего собственного репертуара.

В башкирском фольклоре заметный след оставило творчество Сабирьяна Мухаметкулова. Он родился в 1890 г. в ауле Кипчак (Узян) Орского уезда Оренбургской губернии (ныне Бурзянский район Башкирской АССР) в семье состоятельного крестьянина из рода карагай-кипчак племени кипчак. Его отец, Мухаметзакир (1861—1919), был известным сэсэном.

С детских лет Сабирьян проявлял большой интерес к народной музыке, обучался у многих сказителей исполнительскому мастерству. В 1900—1911 гг. он учился в медресе в ауле Рауил (в нынешнем Абзелиловском районе), а затем — в г. Стерлитамаке.

⁹ М. Бурангулов, Ватан һуғышы, Өфө, 1942.

Сабирьян Мухаметкулов

По окончании медресе Сабирьян несколько лет учительствовал в башкирских аулах. В 1914—1915 гг. занимался этим трудом в Казахстане, где познакомился с казахскими акынами, оказавшими на его творчество значительное влияние. С. Мухаметкулов помимо родного владел арабским, персидским и казахским языками. Он был известен не только как исполнитель героических сказаний, песен, но и как импровизатор, создатель многих песен и байтов*, которые исполняются сказителями и в наши дни. Сэсэн С. Мухаметкулов знал наизусть множество башкирских и казахских эпических сказаний.

По просьбе слушателей сэсэн записывал эпические сказания из своего репертуара. Его рукописи затем переписывались и распространялись в народе. Так, в 1910 г. С. Мухаметкулов впервые записал сказание «Кусяк-бий». По свидетельству родных сэсэн и односельчан, С. Мухаметкуловым были письменно зафиксированы и другие сказания. Однако эти записи до нас не дошли.

С 1919 г. С. Мухаметкулов целиком посвятил себя учительской работе. Умер он в 1934 г.

Сэсэнны во все времена выступали выразителями интересов трудового народа, его идеалов, дум и чаяний. Среди них, однако, встречались и такие, кто отдавал свой талант служению феодальной аристократии. Народ не признавал и презирал их. Отрицательное отношение народа к таким сказителям ярко выражено в народных произведениях. Например, в айтыше «Кубагуш-сэсэн» резко осуждается сказитель Акмырза, усердно служивший хану.

Литературные сочинения, в которых прославлялись эксплуататорские классы, жили недолго: народ не воспринимал таких произведений.

Башкирские сэсэнны не были профессиональными, сказительство никогда не было единственным источником их существования. В большинстве случаев сэсэнны происходили из бедного крестьянства и до Октябрьской революции средства к жизни добывали крестьянским трудом. Время от времени они принимали участие в народных празднествах, сабантуях, свадьбах, где получали различные подарки.

Сэсэнны советского времени — простые труженики: колхозники и представители интеллигенции. Советское правительство окружило их вниманием и заботой, создало все условия для расцвета их таланта. Благодаря радио и печати творчество многих сэсэннов стало широко известно по всей республике.

По письменным и фольклорным источникам известны сэсэнны-женщины.

По преданиям, в середине XVI в. жила в племени бурзян девушка-сэсэн по имени Гильмияза. Гильмияза была сказительницей, славилась как непревзойденная исполнительница кубаиров и песен. О Гильмиязе слагались легенды и песни. В одной из легенд рассказывается, что между башкирскими племенами, особенно между крупными племенами бурзян и усерген, возникла острая вражда из-за кочевий у горы Ирендек. Бий усергенского племени Бикбау¹⁰ однажды решил согнать бурзянцев и другие мелкие племена с их исконных кочевий. Усергенцам удалось овладеть Ирендеком силой оружия. Но спустя некоторое время бурзянцы и другие племена объединенными силами выступили против них. Бикбау-бий, потерпев ряд военных неудач, согласился на мирное решение спора. Он сказал своим противникам: «Хватит нам кровь проливать. Давайте организуем большой туй. Чей батыр поборет, чей конь прискачет первым, чей сэсэн победит в состязании, тому пусть достанется Ирендек».

В состязании батыр усергенцев занял первое место, но на скачках не имел себе равных конь бурзянцев. Спор могли теперь решить только сэсэнны. В состязании Гильмияза победила усергенских сэсэннов, и Ирендек остался за бурзянцами¹¹.

¹⁰ Бикбау-бий — известный политический деятель середины XVI в., один из активных сторонников присоединения Башкирии к Русскому государству. Он был в числе четырех послов от племен усерген, кипчак, тамьян, бурзян, направленных к Ивану IV для ведения переговоров о принятии башкирских племен в русское подданство в конце 1555—начале 1556 г. («Очерки истории Башкирской АССР», т. 1, Уфа, 1956, стр. 63).

¹¹ См.: М. Бурангулов, Башкорт халык поэзияһы, стр. 134—135.

В наше время сэсэн-женщины, прекрасно исполняющие кубайры, пользуются широкой известностью. Это Бадерниса Афлатунова (Сафакулевский район Курганской области), Рахилия Телякаева, Хатира Селяусинова (Александровский район Оренбургской области). Уммухаят Кулдавлетова (Бурзянский район), Хадиса Кусабаева (г. Мияса).

Сказительское мастерство башкирские сэсэн перенимали друг у друга. От старых, умудренных опытом сказителей постигали искусство молодые. Например, известный сэсэн Габит в молодости обучался у сээна Ишмухамета Мырзакаева. Он усвоил почти весь его эпический репертуар, манеру исполнения кубайров. Габит, в свою очередь, был наставником молодого сээна Мухаметши Бурангулова. Иногда сказительское мастерство передавалось от отца к сыну. Например, сэсэн Сабирьян Мухаметкулов учился у своего отца Мухаметзакира Мухаметкулова и перенял весь его репертуар.

Передаваясь из уст в уста, башкирские эпические сказания в течение многих веков подвергались шлифовке и изменениям, становясь плодом коллективного творчества нескольких поколений сээнов.

И в наши дни, несмотря на сплошную грамотность сказителей и населения, сказания живут и бережно передаются изустно.

Однако устная передача эпических сказаний являлась не единственной, хотя и главной формой их бытования. Еще в дореволюционное время в Башкирии были случаи распространения эпических поэм в рукописях. Некоторые грамотные сэсэн иногда записывали сказания из собственного репертуара или услышанные в исполнении других сээнов. Их записи, в свою очередь, переписывались и распространялись в народе.

Так, в начале XIX в. русский чиновник Тимофей Беляев встретил одного грамотного сээна и кураиста и познакомился с его записью сказания «Кузыкүрпес и Маянхылу». В 1809 г. он перевел это сказание на русский язык, а в 1812 г. опубликовал отдельной книгой¹².

Есть основание полагать, что являющееся логическим продолжением «Кузы-Курпяча и Маянхылу» сказание «Зухра и Алдар» также переведено Т. Беляевым с рукописи того же неизвестного нам башкирского сээна. Эти два сказания дошли до нас лишь благодаря русскому переводу.

Также в рукописях в начале XX в. получило распространение в народе (особенно среди населения бурзянского и кипчакского племен) сказание «Кусяк-бий», записанное сээном Сабирьяном Мухаметкуловым.

В дореволюционной Башкирии грамотными в большинстве своем являлись лица, получившие духовное образование, — муллы и другие служители культа. Поэтому и отдельные записи эпических произведений вносились исламские идеи, отсутствовавшие в самих народных сказаниях. Так было, например, с рукописными вариантами сказаний «Кузыкүрпес и Маянхылу», «Зухра и Алдар», «Кусяк-бий».

По своей лексике сказания, дошедшие до нас в рукописях, отличаются от записанных в момент устной импровизации. В них часто встречаются персидские и арабские слова, а повествование ведется в основном на общем для многих тюркских народов литературном языке — тюрки. Такие рукописи воспринимались народом как священные книги, как подлинный исторический материал, поэтому и переписчики старались точно скопировать текст, а рукописи бережно хранились их владельцами.

В башкирских сказаниях, как и во многих эпических жанрах других тюркских народов, стихи обычно чередуются с прозой.

У башкир прозаическая часть рассказывается, а стихотворная поется без сопровождения музыкального инструмента. Напевы довольно разнообразны. За некоторыми произведениями закрепились определенные мелодии. Например, такие эпические сказа-

¹² «Куз-Курпяч. Башкирская повесть, писанная на башкирском языке одним курайчем и переведенная на российский в долинах гор Рифейских 1809 года», Казань, 1812.

ния, как «Заятуляк и Хыухылу», «Акхак Кола», «Кара Юрга», «Конгур Буга», имеют собственные напевы. Однако большая часть эпических произведений не имеет определенной мелодии. Видимо, сээны при исполнении их использовали один или несколько излюбленных мотивов, которые не были прикреплены к определенным сюжетам.

Тирадный стих, эпическая нагнетаемость действия наложили печать на мелодии сказаний, которые отличаются нарастающей динамикой ритма.

Форма стиха башкирских сказаний в некотором отношении напоминает казахский жыр, алтайский кэй, каракалпакские дастаны. В метрике и форме стиха наблюдается довольно большое разнообразие. Встречаются в эпических поэмах семи- и восьмисложные, девяти-, одиннадцати- и двенадцатисложные метры. Например, сказание «Заятуляк и Хыухылу», а также некоторые варианты «Акхак Кола» в основном имеют девятисложный стих. Однако значительно шире используются семи- и восьмисложные стихи¹³, объединенные в строфы, число строк в которых может колебаться от 2 до 48 и более.

Иногда встречаются одиннадцатисложные четверостишия, рифмующиеся по принципу *ааба* («Кусяк-бий»).

В многострочной строфе главная мысль обычно заключена в первых или в последних строках. Остальные стихи дополняют, уточняют эту мысль. Например:

*Среди шестидесяти лошадей
Исчезли шесть горячих коней:
Нет пестрого, которого подпругой не охватишь,
Нет саврасого, для которого подхвостник короток,
Нет вороного, чьи ноги, как у ласточки,
Нет серого с голубиной грудью,
Нет мухортого со светлой полоской на лбу,
Нет солового со звездочкой на лбу, говорят.*
(«Акхак Кола»)

Наиболее излюбленна у сээнов перекрестная рифма:

Уң яғымдан таяуға
Балкан тауым бар миңе;
Һул яғымдан таяуға
Һуһуһлыуым бар миңе

(«Заятуляк и Хыухылу»)

Часто встречается также рифма типа *ааба*:

Һарай тулы кыз булыр,
Һылызары күп булыр,
Аралай күз һалырһың,—
Айзан якты йөз булыр.

(«Акбузат»)

В тирадном стихе можно встретить самые различные рифмы — от простых до сложных. Например, приведем тирадный стих со сложной рифмой:

¹³ Семисложный метр тюркского стиха акад. Ф. Корш считал древней формой, «достоянием пратурецкого племени», подтверждая это примерами из древнетюркских письменных памятников (Ф. Корш, Древнейший народный стих турецких племен, СПб., 1909, стр. 15).

Акбуз шунда туктаған,
 Бөтә майзан һокланған:
 Һыртына эйәр һалынған, ти,
 Эйәрәнең башына
 Алмас кылыс тағылған;
 Эйәрәнең кашы алтын,
 Юғәненең башы алтын;
 Колағын беззәй қазаған,
 Ялын кыззай тараған,
 Башкүнәктәй танаулы,
 Һарымһактай асаулы;
 Қарсыға түш, тар бәйер
 Еңел, текә тояклы;

(«Урал-батыр»)

В семисложном стихе важную роль играет цезура, которая приходится на четвертый слог и делит строку на два ритмических звена:

Егет һүзән|һүз булһын,
 Һиңә антым|бирәйем,
 Үзәнде алып|илемә,
 Атам торған|еремә,
 Кан-яу асмай|арала,
 Һокланғаның|бирәйем.

А в одиннадцатисложном стихе цезура приходится на четвертый и седьмой слоги и делит строку на три ритмических звена:

Кулына ул|алмас кылыс|тотоп алды,
 Ике һаба|кымыззы|йотоп алды;
 Кыззы ташлап|Көлөмбет|сыккан ине,
 Сыскан тоткан|бесәйзәй|тотоп алды.

(«Кусяк-бий»)

В башкирских сказаниях широко используются пословицы и поговорки, которые лаконично резюмируют то, о чем говорится как в объемной тираде, так и в небольшой строфе:

Если животное отбилось от стада,
 Его в овраге волк схватит;
 Если мужчина свою родину бросит,
 Его до времени могила возьмет.
 Обругавший отца — пищи лишится,
 Обругавшему мать — слезы лить;
 Возмутителю мира — своей кровью расплачиваться,
 Плохой человек запятнает свою страну,
 От плохого человека народ отвернется¹⁴.

¹⁴ «Башкорт халык ижады», т. 1, предисл., сост., коммент. А. И. Харисова, ФФ, 1954, стр. 61.

Нередко в сказаниях можно встретить загадки. Их загадывание (обычно сэсэн, старейшим в племени или хиюм) и разгадывание (обычно богатырем, который демонстрирует свой ум и находчивость) являются одним из художественных приемов в башкирском эпосе.

Обычно в эпических поэмах занимает большое место диалог, который имеет стихотворную форму. В жанре айтыса диалоги выполняют главную художественно-композиционную роль.

Башкирский народный эпос и по сей день исполняется народными сэсэнами и пользуется большой популярностью. Эпические сказания, созданные гением и талантом народа в далеком прошлом, и сегодня волнуют наших современников, повествуя о благородных чувствах, стремлениях и делах народных героев-батыров, боровшихся за счастье людей.

О БАШКИРСКИХ ЭПИЧЕСКИХ НАПЕВАХ

Для башкирского эпоса характерно сочетание прозаического и стихотворно-песенного повествования. В прозаическом повествовании раскрывается главным образом сюжетная канва эпического сказания, а эмоциональная сфера и наиболее картинные моменты, диалоги, а также отношение самого сказителя к происходящему в эпосе (сочувствие или осуждение) передаются возвышенно звучащим тирадным (кубайрским) стихом, исполняемым в речитативно-распевной манере. В древности отдельные сказители пели кубайры под аккомпанемент домбры.

В процессе многовекового бытования башкирского народного эпоса сказители выработали своеобразные музыкальные формулы, на которые «припевались» (выражение акад. Ивана Лепехина) стихотворные строфы эпических сказаний. До настоящего времени дошло лишь несколько таких музыкально-эпических формул. Их можно условно назвать обиходными напевами башкирского народного эпоса.

Фономатериалы фольклорных экспедиций ИИЯЛ свидетельствуют, что у каждого сказителя — сэсна или кубайры, как правило, есть излюбленный обиходный напев, на который он исполняет стихотворные строфы различных эпических сказаний (см. нотные примеры № 2 и 5)¹.

Для обиходных напевов башкирского эпоса характерны речитативный склад, мерная повторность ритмо-интонационной формулы. Ладовую основу обиходных напевов образуют ангемитонные (бесполутонные) квартовые и квинтовые триорды. Так, обиходный напев кубайров «Акхак Кола» и «Заятуляк» звучит в пентатоническом ладу, возникшем в результате «сцепления» двух квартовых триордов. Ритмика и метрика обиходных напевов отражают особенности тирадного эпического стихосложения. Несмотря на сквозное развитие содержания и значительное количество строк в эпических строфах, обиходный напев невелик по объему (обычно 10—12 тактов) и состоит из вариантного повторения мелодической формулы: каждой строке стихотворной строфы соответствует мелодическая фраза напева ($a - a_1 - a_2 - a$ и т. д.).

Динамика поэтических строф, раскрывающих содержание в сквозном его развитии, почти не отражается на самом напеве (каждая строфа интонируется с незначительной вариантностью), но весьма сказывается в исполнительстве. Народные певцы, сказители, тщательно придерживаясь традиционной манеры, тем не менее вносят в исполнение свои, индивидуальные оттенки: подчеркивают концы полустроф и строф ферматами различной продолжительности, по-разному окрашивают звук, то высветляя, то сгущая тембровую окраску голоса; используют приемы глиссандирования при интонировании широких интервалов и своеобразного вибрато при окончании строф; широко пользуются динамическими оттенками, усиливают громкость звучания в кульминационных, особенно патетических по содержанию строфах.

¹ Отбор напевов и сведения о записях М. М. Сагитова.

В современных условиях эпические сказания редко исполняются полностью. Чаще они бытуют в виде фрагментов — кубаиров, и их стихотворно-музыкальные эпизоды поются, как правило, без инструментального сопровождения. Лишь у башкир, живущих в Куйбышевской и Саратовской областях, сохранилась традиция исполнять кубаиры в сопровождении домбры.

Переходя из поколения в поколение, мелодии кубаиров претерпели значительную эволюцию. В исполнительской практике сэзнов и кубаирсы замечается постепенный отход от обиходных формул музыкально-эпического речитатива в сторону усиления образно-лирического начала в мелодике; стремление превратить традиционный эпический напев в мелодию с индивидуальным образным содержанием. Подобная эволюция довольно отчетливо прослеживается на мелодиях эпоса «Акхак Кола», «Заятуляк и Хыухылу», приведенных в настоящем издании.

Напев кубаира «Заятуляк и Хыухылу» (см. нотный пример № 2) является образцом обиходной речитативной мелодии башкирского народного эпоса. На этот же напев, только в другой тональности и с очень незначительными мелодическими изменениями сказительница исполняет кубаир «Акхак Кола» (см. нотный образец № 5). Мелодия «Заятуляк» бытует также в виде наигрышей на курае, по стилю близких к лирическим песням и плясовым мелодиям. Подвижный, плясового характера наигрыш «Заятуляк» приводится в данном издании (см. нотный пример № 1).

Особенно наглядна эволюция эпического напева «Акхак Кола». Наряду с обиходным напевом (см. нотный пример № 5) этот кубаир имеет и более индивидуализированный напев, в котором сохраняется речитативность, повторность мелодических фраз, отражающих внутреннюю структуру текста (см. нотный пример № 3). Однако в отличие от обиходного напева данный образец мелодически более развит: вторая строфа текста оттеняется новым мелодическим материалом.

Нотный пример № 4 дает нам образец того, как эпический напев «Акхак Кола» становится песней. Мелодическая речитация в нем заменена широкой распевностью, в связи с чем расширяется диапазон мелодии и по-иному проявляется зависимость текста и напева. Если внутреннее строение обиходного эпического напева отражает поэтическую структуру текстовой строфы, то в данном случае на первый план выступают законы песенности. Мелодия песни «Акхак Кола» состоит из двух музыкальных предложений. Второе предложение выполняет роль припева, и в нем последние две строчки стихотворной строфы повторяются, тогда как в кубаирах, поющих на обиходные мелодии, таких повторений нет.

Постепенная эволюция эпических напевов привела к тому, что наряду с традиционной формой бытования в виде кубаиров они получили свое новое воплощение в жанре эпической песни. Прозаическая, повествовательная часть эпического сказания в этом случае стала выполнять роль легенды к песне, а стихотворная — превратилась в собственно песню или наигрыш на курае. Для таких песен характерна особая мелодическая образность, граничащая с изобразительностью. Образцами подобной метаморфозы являются мелодии эпических сказаний «Кара Юрга» и «Конгур Буга» (см. нотные примеры № 6, 7, 8, 9, 10).

ОБРАЗЦЫ НОТНЫХ ЗАПИСЕЙ

1. ЗАЯТУЛЯК

Етез гена J-104

The musical score consists of four staves of music in G major (one sharp) and 2/4 time. The first staff begins with the tempo marking 'Етез гена J-104'. The melody is written in a treble clef and features a mix of eighth and sixteenth notes, with some notes beamed together. The second staff continues the melody with a slur over the first two measures. The third and fourth staves show further development of the melodic line, including a triplet of eighth notes in the third measure of the third staff.

2. ЗАЯТУЛЯК И ХЫУХЫЛУ

Уртаса тизлектә

Бал - кан та - уым был тү - гел (дә), ай
- най, меҗ - кен бал-кан тау; та - уы тау -
га ок - ша - ган (да), ти - мер ме -
нән кор - ша - ган (да), - ми - нең та -
уым был тү - гел. Бү - лә - бү - лә йө - рө - гән
(дә) бү - ре - һе лә бар у - ның; Өл - кәм тө - бә -
нән то - роп кас-кан ху - я - ны ла бар у - ның.
Май - ла - в һал - ган ха - йыштай (за) йы -

ла - ны ла бар у - ның, ай - най, мең - кен Бал - кан
 тау. Мыр - мыр ат - лап иө - рө - ган
 (да) а - ны - уы ла бар у - ның (да); каа - кан го - бо -
 - нэн го - роп лас - кан төл - кө - һө лә бар у -
 ның, ай - най, мең - кен Бал - кан тау
 (ра), - ми - нең та - уым - был тү - гел.

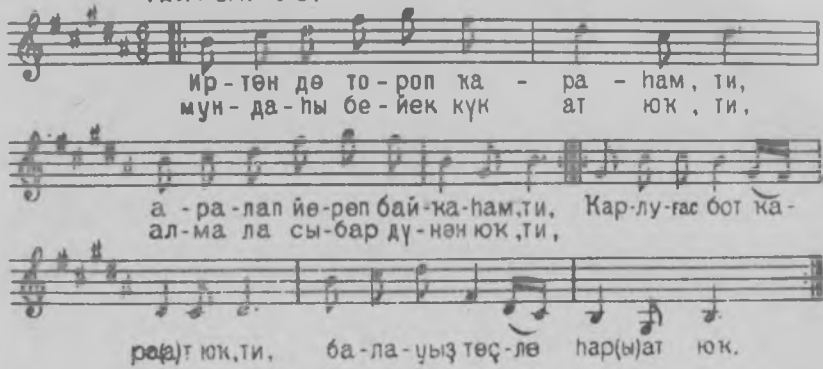
3. АКХАК ҚОЛА

Талғын

Кар - лу - ғас бот - ло ка - р(а)т юк, ти.
кар - лу - ғас бот - ло ка - р(а)т юк, ти;
(Var.) һан - ду - ғас бот - ло һа - р(ы)ат юк, ти.
һан - ду - ғас бот - ло һа - р(ы)ат юк, ти эй...
Ра - к(ы) - һа - к(ы) ко - ла һай бе - р(е) меҫ - кен, ти.
а - к(ы) - һа - к(ы) ко - ла һай бе - р(е) меҫ - кен, ти;
у - л(ы) - да бул - һа һай я... (о)н - да (й) юк, ти.
у - л(ы) - да бул - һа һай ян - да юк!

4. АҚХАҚ ҚОЛА

ТАЛҒЫН №84

ир-төн де то-роп ка - ра - нам, ти,
мун-да-ны бе-йек күк ат юк, ти,
а - ра-лап йе-рөп бай-ка-нам, ти, Кар-лу-ғас бот ка-
ал-ма ла сы-бар дү-нен юк, ти,
ре)т юк, ти, ба-ла-уыз төс-ле һар(ы)ат юк.

5. АКХАК ҚОЛА

Уртаса тизлектә

Ак - хак ко - ла бер мең - кен (дә), как
 ка - зык - ка бәй - ләй - зәр (зә), ка - бы - р - ған
 ды һа - най - зар (за). Яз за (һы) ми - не ме -
 нә - ләр (зә), көз зә (һә) ми - не ме -
 нә - ләр (зә); йәй ме - нер - гә дү -
 нән бар (за), көз ме - нер - гә ко - нан
 бар. Ак - хак ко - ла бер мең - кен
 (дә), как ка - зык - ка бәй - ләй - зәр

(зә), ка - быр - ғам - ды һа - най - зар,

Бай улы әйтә

ти. А - йыл ет - мәс а - ла (а)т юк

(та), кар - лу - ғас бот - ло тү - ра(а)т юк

(та), ко - лас ет - мәс ко - ла(а)т юк.

Ак - һак ко - ла бер мес - кен

(дә), ул да бул - һа бын - да юк. Эй

бай у - лы, бай у - лы, (ла), тө - шөп кит -

кел, бай у - лы (ла), тө - шөп кит - кел, бай у -

лы, ти. Тө - шөп кит - һақ, кен - лөк юл

(да), төш - май кит - һаң, ай - лык юл Эй бай у -
лы, бай у - лы (ла), тө - шөп кит - кел, бай
у - лы (ла) Көң - дәр кы - мы - 3 Пө - зәр - зәр
(зә), ак сы - мыл - дык ко - рор - зар (за), ак
сы - мыл - дык э - сән - дә (лә) ак
са - бак - тай уй - нар - ыз, ти.

6. КАРА ЮРГА

Ашыкмай

Меж гра-нит-ны - ми ска-ла-ми
 Не - бо-склон о - дел-ся ту-чей;

и хло-ко-чет и шу-мт,
 Ве-тер во-ет и сви-стит.

мо-ре бур-ны - ми вол-на-ми
 И взы-ма-ет праг ле-ту-чий:

Де-ва мо-рю го-во-рит. „Мо-ре“
 Де-ва вет-ру го-во-рит. „Ве-тер“
piu lento

red.

cresc.

ff

piu lento

7. КАРА ЮРГА

Талғын

Музыкальное задание

This musical score is for the piece 'Талғын' (Talgin). It consists of three staves of music. The first staff begins with a treble clef, a key signature of one flat (B-flat), and a common time signature (C). The music features a series of eighth notes, many of which are beamed together and have slurs above them. The second staff continues the melodic line with similar rhythmic patterns. The third staff provides a bass line, primarily consisting of quarter notes and eighth notes. The piece concludes with a double bar line.

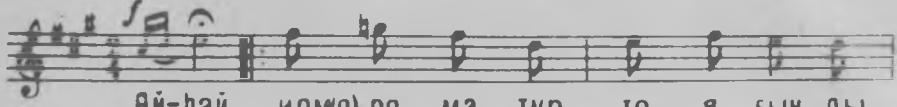
8. КАРА ЮРГА

Етез $\text{♩} = 72$

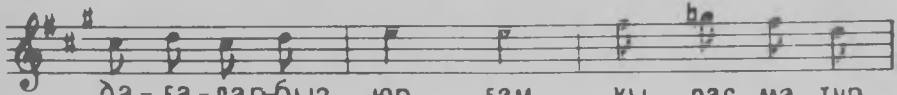
This musical score is for the piece 'Етез' (Etez). It consists of four staves of music. The first staff begins with a treble clef, a key signature of two sharps (D major), and a tempo marking of 'Етез $\text{♩} = 72$ '. The music is characterized by a complex rhythmic pattern of eighth and sixteenth notes, with many notes beamed together and slurs above them. The second and third staves continue this intricate melodic and rhythmic development. The fourth staff provides a bass line, featuring a mix of quarter and eighth notes. The piece ends with a double bar line.

9. КАРА ЮРГА

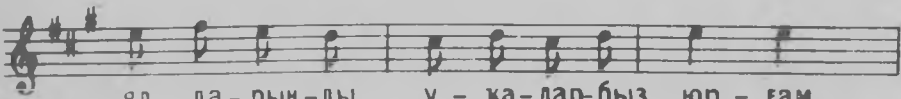
Йәһәт J = 138

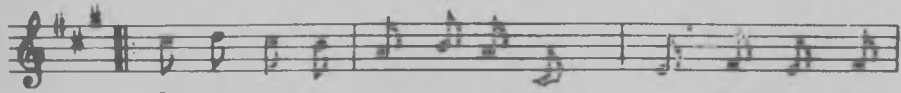
Ай-һай... иомо) ро ма - тур то - я - ғың - ды

да - ға - лар - быз, юр - ғам, кы - рас ма - тур

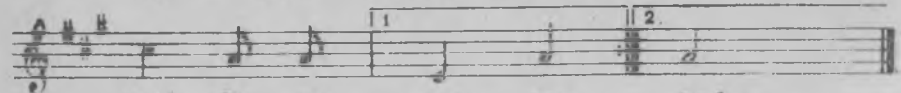
ял - да - рың - ды у - ка - лар - быз, юр - ғам.

Өс - төң дә - ге ны - лы - уың - ды тө - шөр ил - де,

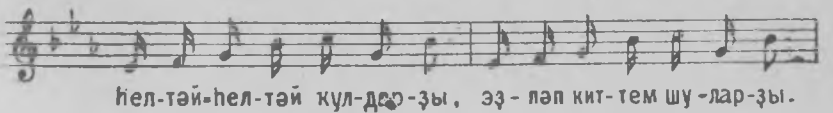
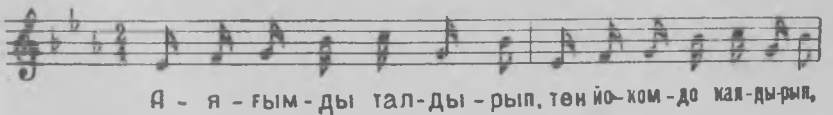
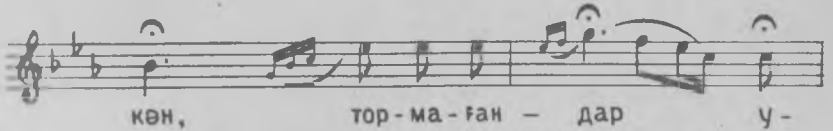
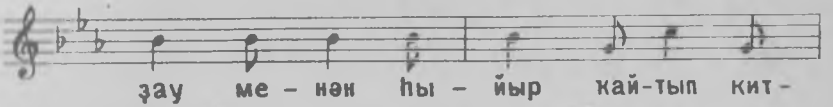
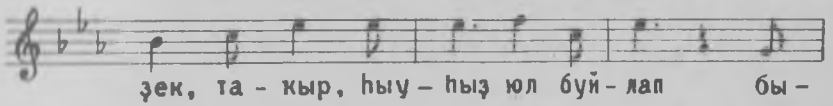
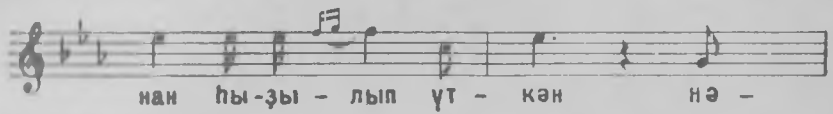
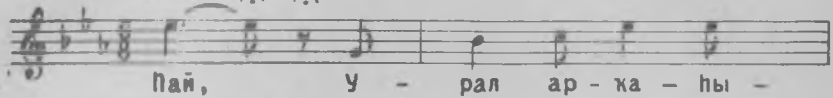
юр - ғам. Пәйт. Ка - ра юр - ғам.

тайт, Ка - ра юр - ғам, һай.

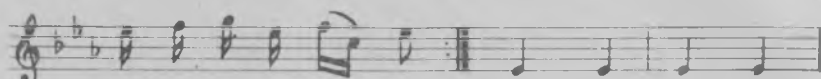
10. КОНГУР БУГА

Уртаса тизлектө J=60

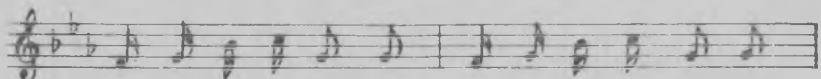

Пай, Ку-цыр бу-га, пәү, пәү,

ку-цыр бу-га, пәү, пәү. пәү, пәү, пәү, пәү.

ку-цыр бу-га, пәү, пәү, ку-цыр бу-га, пәү, пәү,

пәү, пәү, пәү.

СВЕДЕНИЯ О ПУБЛИКУЕМЫХ НОТНЫХ ЗАПИСЯХ

1. «Зиятуляк».

Мелодия записана композитором Х. Ф. Ахметовым в 1945 г. от кураиста Алтынсыз Утигулова (род. в 1881 г.) в ауле Чингиз Баймакского района Башкирской АССР. Опубликовано в сборнике: «Башкорт халык йырлары». Уфе, 1954, стр. 273, № 189.

2. «Зиятуляк и Хыухылу».

Записана на магнитофонную ленту Н. Д. Шункаровым в 1960 г. от 63-летней Рахилы Телякаевой в ауле Котос Александровского района Оренбургской области. Мелодия расшифрована на ноты композитором К. Ю. Рахимовым. Хранится в Архиве БФ АН СССР (ф. 3, оп. 23/6, стр. 3—4). Публикуется впервые.

3. «Акхак Кола».

Запись сделана Л. Н. Лебединским в 1938 г. от журналиста и певца Мажита Буриштулова (1904—1943) в Уфе. Опубликовано в кн.: Л. Лебединский, Башкирские народные песни и наигрыши, изд. 2, М., 1965, стр. 173, № 38.

4. «Акхак Кола».

Мелодия записана композитором Х. Ф. Ахметовым в 1945 г. от куранстов и певцов Баймакского района Башкирской АССР. Опубликовано в сб.: «Башкорт халык йырлары», Уфе, 1954, стр. 176, № 86.

5. «Акхак Кола».

Записана на магнитофонную ленту Н. Д. Шункаровым в 1960 г. от 63-летней Рахилы Телякаевой в ауле Котос Александровского района Оренбургской области. Мелодия расшифрована на ноты композитором К. Ю. Рахимовым. Хранится в Архиве БФ АН СССР, инв. № 2. Публикуется впервые.

6. «Кара Юрга».

Мелодия записана известным русским композитором А. А. Алябьевым в 1833—1835 гг. от башкир Оренбургской губернии и озаглавлена «Башкирская песня. Кара Юрга; Вороной Иноходец». Хранится в фондах Ленинградского института кино, театра и музыки (ф. 3, оп. 2, ед. хр. 17).

7. «Кара Юрга».

Запись сделана С. Г. Рыбаковым в 1894 г. от кураиста И. Лукманова в Кананикольском заводе Орского уезда Оренбургской губернии (ныне Зилаирский район Башкирской АССР). Опубликовано в ст.: С. Г. Рыбаков, Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта, — ЗИАН, 1897, т. 2, № 2, стр. 143, № 111.

8. «Кара Юрга».

Мелодия записана Л. Н. Лебединским в 1939 г. от кураиста Дильмухаметова (род. в 1902 г.) в Матраевском районе Башкирской АССР. Опубликовано в кн.: Л. Лебединский, Башкирские народные песни и наигрыши, изд. 2, М. 1965, стр. 193, № 67.

9. «Кара Юрга».

Записана композитором Х. Ф. Ахметовым от кураистов Баймакского района Башкирской АССР. Опубликовано в сб.: «Башкорт халык йырлары», Уфе, 1954, стр. 174—175, № 85.

10. «Конгур Буга».

Запись сделана композитором Х. Ф. Ахметовым в 1943—1945 гг. в Баймакском районе Башкирской АССР. Хранится в фондах Фольклорного кабинета Министерства культуры Башкирской АССР (сб. № 13). Опубликовано в сб.: «Башкорт халык йыр-зары», Өфө, 1954, стр. 98—99, № 48.

Другие записи мелодий публикуемых сказаний можно также найти в следующих изданиях и рукописных фондах:

1. «Заятуляк».—С. Г. Рыбаков, Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта,—ЗИАН, 1897, т. 2, № 2, стр. 143, № 123.

2. «Акхак Кола».—Фонд Фольклорного кабинета Министерства культуры БАССР, сб. № 13, зап. № 105/19.

3. «Кара Юрга».—С. Г. Рыбаков, Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта,—ЗИАН, 1897, т. 2, № 2, стр. 143, № 110; Л. Лебединский, Башкирские народные песни и наигрыши, изд. 2, М. 1965, стр. 193, № 63; сб. «Башкорт халык йырзары», Өфө, 1954, стр. 239, № 142; фонд Фольклорного кабинета Министерства культуры БАССР, сб. № 1, 13, 28, 45, 71/26—27

4. «Конгур Буга».—Архив БФ АН СССР (экспедиция № 8, зап. № 1); сб. «Башкорт халык йырзары», Өфө, 1954, стр. 76.

СЛОВАРЬ

- Аждаха́** — персонаж эпических сказаний и сказок народов Ближнего и Среднего Востока — змея чудовищных размеров. По башкирским народным поверьям, в аждахе превращается обыкновенная змея, прожившая от 100 до 500 лет. Обычно живут аждахи за мифической горой Каф (см. Кафтау).
- Айра́н** — напиток, приготовленный из кислого молока и воды.
- Айты́ш** — 1) народные эпические поэмы малой формы, построенные на диалоге двух сесэнов (см.); 2) поэтические состязания сесэнов.
- Айхылу́** — букв. «Лунная красавица». В сказании — имя девушки, дочери Луны.
- Акиде́ль (Агидель)** — букв. «Белая река» — главная река Башкирии — Белая.
- Аксака́л** — букв. «белобородый». Аксакалом называют уважаемого человека, старшего, а также предводителя рода, племени.
- Алатау́** — букв. «Пестрые горы». Название горы в юго-восточной части Башкирии.
- Асылыку́ль** — озеро, расположенное на западе Башкирской АССР.
- Ау́л** — у тюркских народов в прошлом кочевой, ныне — оседлый поселок.
- Баи́т** — дустигише, заключающее законченную мысль. Баиты как жанр возникли в башкирском фольклоре в XVIII в.
- Балка́н** — гора, находящаяся в Западной Башкирии, недалеко от оз. Асылыкуль (см.)
- Барымта́** — угон скота как мечь.
- Батма́н** — старинная мера веса на Востоке, колебавшаяся в разных местах от 2 до 11 пудов.
- Баты́р** — 1) богатырь, герой; 2) храбрый, смелый, отважный человек.
- Бауырса́к** — кушанье из муки в виде шариков; замешивается на меду и варится в масле.
- Башкуна́к** — емкость для воды, изготовленная из кожи с головы лошади.
- Бий** — 1) знатный богатый человек; 2) предводитель племени или рода. В книге употребляется во втором значении.
- Булга́рская кожа** — сафьян.
- Двенадцатикрылая белая ю́рта** — большая, богатая, покрытая белыми кошмами юрта, в которой жили ханы и бии.
- Де́ма** — река, текущая в юго-западной части Башкирии, левый приток р. Белой.
- Див** — распространенный персонаж эпических сказаний и сказок народов Ближнего и Среднего Востока. Безобразное, огромного роста, покрытое шерстью существо. Див может летать по небу, имеет большую физическую, иногда и колдовскую силу.
- Дуна́н** — четырехгодовалый жеребенок.
- Еге́т** — 1) джигит, молодец; 2) удалой, отважный, храбрый.
- Енгé** — обращение к женщине (к жене старшего брата и вообще старшего по возрасту мужчины).
- Етеге́н** — Большая Медведица.
- Зилайр** — река в Южной Башкирии.
- Иде́ль** — название р. Волги у многих тюркоязычных народов. На древнетюркских языках означало «река». Здесь — сокращенное название р. Акидель — Белой; также имя богатыря — сына Урал-батыра.

- Ицйй** — мать; почтительное обращение к женщине, которая по возрасту старше матери обращающегося.
- Иремель** — горный массив Южного Урала, расположен в северо-восточной части Башкирской АССР.
- Ирендйк** — название горного хребта, расположенного в юго-восточной части Башкирии и образующего водораздел между р. Уралом и ее правым притоком Сакмарой (башкирское название — Хақмар). Здесь — имя батыра.
- Иыйын** — народное собрание; также праздник.
- Кағылаш** — гора на территории Белорецкого района Башкирской АССР.
- Кадыр туну** — Ночь откровения, когда Коран был ниспослан пророку. По мусульманским представлениям, ежегодно в эту ночь в небе появляется сияние. У человека, увидевшего этот свет, якобы исполняются все его желания.
- Карагас** — небольшая гора у оз. Асылыкуль (см.).
- Карымта** — кровная месть.
- Катай** — собственное имя батыра, данное ему по названию одного из крупных восточных башкирских племен.
- Катйл** — букв. «палач», «убийца»; здесь — имя падишаха.
- Кафтау** — мифическая гора на краю света, где обитают фантастические и мифические персонажи сказок и эпических сказаний народов Ближнего и Среднего Востока.
- Кирэгэ** — деревянный остов кибитки, собираемый из раздвижных решетчатых стенок.
- Киямат** — 1) воскресение из мертвых; Судный день; светопреставление; 2) столпотворение, смятение; переполох.
- Колас** — расстояние между вытянутыми в сторону руками.
- Кояш** — Солнце.
- Кубайр** — эпические поэмы и песни героического и романтического содержания.
- Кубайрсы** — исполнитель кубайров.
- Кубыз** — щипковый музыкальный инструмент. На кубызе обычно играют женщины. Кубызы бывают деревянные и металлические.
- Кумыс** — питательный напиток из кобыльего молока.
- Кунан** — трехгодовалый жеребенок.
- Курай** — народный музыкальный инструмент типа свирели.
- Курайст** — музыкант, играющий на курае (см.).
- Курташ** — гора на территории Белорецкого района Башкирской АССР.
- Курут** — еда, приготовленная из высушенного кислого молока.
- Кыпсак** — название одного из самых крупных юго-восточных башкирских племен; здесь — имя батыра.
- Кыптыр тун** — шуба из невыделанной овечьей шкуры. Ее обычно носили бедняки.
- Кырктытау (Крыктытау)** — букв. «Он перерубил», так в сказании называется ущелье. В действительности — гора в Абзелиловском и Белорецком районах Башкирской АССР.
- Майдан** — 1) площадь, где собирался народ для проведения торжественных празднеств, гуляний, состязаний и т. п.; 2) собрание, торжество.
- Мохак** — небольшая река в Абзелиловском районе Башкирской АССР.
- Мурзай** — человек знатного происхождения; обращение к младшему по возрасту.
- Нугуш** — река на юге Башкирии.
- Отец** — здесь в значении: вождь, родоначальник.
- Пярйй** — в сказках и сказаниях народов Ближнего и Среднего Востока мифическое существо женского и мужского пола. Олицетворяет доброе и злое начала.
- Ряз** — гора в Белорецком районе Башкирской АССР.
- Сабá** — кожаный мешок для хранения кумыса (см.).
- Сарык** — вид обуви типа мягких сапог — ичигов.
- Сатыр** — шатер.
- Сахра** — э пич. благодатное место, благодатный край.

- Северные и южные башкиры** — в историко-этнографической литературе нет деления башкир на северных и южных. Здесь употреблено, по-видимому, в значении: башкирские племена, живущие и на севере и на юге.
- Седобородый старец** — то же Баба Тукляс — образ святого старца эпических сказаний, покровителя богатыря, одиноких путников, обездоленных и бедняков.
- Сукмар** — старинное оружие типа булавы.
- Сунниты** — мусульмане, принадлежащие к одному из двух основных направлений в исламе.
- Сынчи** — отгадывающий чужие мысли; прорицатель. Ханы и бии держали при себе сынчи как ближайших советников. Сынчи гадали по небесным светилам, предсказывали будущее, а также умели отбирать в табунах лучших коней.
- Сээн** — природный сказитель, создатель и исполнитель эпических сказаний.
- Табии** — название одного из крупных восточных башкирских племен; здесь — имя батыра.
- Тамьян** — название одного из древних башкирских племен. Здесь — имя батыра.
- Тандур** — небольшое башкирское племя.
- Тархан** — человек, пользовавшийся социальными привилегиями, обладавший тарханной грамотой, освобождавшей его от всех или части налогов и повинностей.
- Тебенфика** — пастба лошадей на пастбищах, покрытых неглубоким снегом. Лучшими тебенёвочными пастбищами считаются богатые травами степи.
- Тенгри** — небо; верховное божество.
- Туй** — шир, свадьба, празднество.
- Тулцар** — сказочно-эпический крылатый конь.
- Тура (Торатау)** — название местности в Средней Башкирии.
- Турэ** — у башкир и других тюркоязычных народов — почетное звание лиц, занимавших высокое общественное положение.
- Узэн** — название реки в Северо-Восточной Башкирии.
- Урочище Бисурь** — по сказанию, находится на юге Урала. Точное местонахождение неизвестно.
- Фарман** — указ, приказ.
- Хакмар** — башкирское название р. Сакмары, текущей в Южной Башкирии. Правый приток р. Урала. Здесь — имя богатыря.
- Ханифиты** — сторонники ханифизма — монотеистического учения арабских ханифов; ханифизм — непосредственный идеологический предшественник начального ислама.
- Хумай** — сказочная птица счастья в сказках и сказаниях многих народов Востока. По народным поверьям, человек, увидевший эту птицу, становится счастливым.
- Хунские турки** — здесь, возможно, имеются в виду какие-то тюркские племена, входившие в Хунский союз и находившиеся во взаимодействии с угро-финскими племенами.
- Хурджун** — переметная сума.
- Хызыр (Хызыр Ильяс)** — имя пророка, который, по преданию, нашел источник «живой воды», выпил из него и стал бессмертным. Образ вечного скитальца, известный с домусульманских времен. Хызыр обычно приходит на помощь заблудившимся в пустыне, потерпевшим кораблекрушение и т. п.
- Хыухылу** — букв. «Водяная красавица». Имя героини.
- Четыре реки** — имеются в виду реки Южного Урала — Акидель (Белая), Урал, Нугуш и Сакмара.
- Чилига** (селек) — колючий кустарник, вид желтой акации.
- Шейх** — старейшина, глава религиозной общины.
- Шульгэн** — озеро, находящееся в Бурзянском районе Башкирской АССР. Оно называется также Иылкы ськкан, т. е. «[Озеро], из которого вышли кони»

Юрматы — название башкирского племени, занимавшего обширную территорию по среднему течению р. Белой и ее притоку Ашкадару. Здесь — имя батыра.

Юрта — переносное жилище, появившееся в условиях кочевой жизни у тюркских и монгольских народов Центральной и Средней Азии, а также Южной Сибири.

Яик — старинное название р. Урал. Здесь — имя богатыря.

Яйляу — летнее кочевье, летовка.

Ямантау — букв. «Плохая гора». Горный массив, расположенный на Южном Урале.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БГУ — Башкирский государственный университет
БФ АН СССР — Башкирский филиал Академии наук СССР
ВИРГО — «Вестник (Имп.) Русского географического общества», СПб.
ГАИИИИЯЛ — Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ЗИАН — «Записки Имп. Академии наук», СПб.
ЗООИРГО — «Записки Оренбургского отдела Имп. Русского географического общества», Оренбург
ИИЯЛ — Институт истории, языка и литературы
ОГВ — «Оренбургские губернские ведомости», Оренбург
СЭ — «Советская этнография», М.-Л., М.
ТЭОНОЛЕЭ — «Труды этнографического отдела Имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», СПб.
ЭО — «Этнографическое обозрение», М.

RESUME

The popular Bashkir folk legends, «Ural-Batyr», «Ak buzat», «Zaya-tulyak and Khuykhylu», «Kara Yurga», «Akhak Kola», and «Kongur Buga», published in a separate volume in the series «Epos of the Peoples of the USSR», are original samples of the artistic epic creations of the Bashkir people. They came to us from time immemorial and are performed to this day by folk bards-sesens.

These legends contain reflections about the creation of the world, the valour of epic folk heroes, ancient notions about how the first horses appeared on earth, how domestic animals became man's first helpers, ideas about the eternal confrontation and fight of the good and the evil, and the dream to find the source of immortality. All these age-long problems, common to all mankind, just as thrilling tales about the glorious feats of epic heroes are presented in the traditional style of the epos of the Turkic-language peoples—that of heroico-romantic and fairy tale-fantastic narratives.

The content of the epic monuments published is truly original. Their subjects reflect both ancient mythological notions (man's fight against the element) and ideas of a later period in the life of the nomad people, their struggle against foreign khans-enslavers and the unification of scattered tribes.

The book has been compiled by A. S. Mirbadaleva, scientific researcher at the Gorky Institute of World Literature, under the USSR Academy of Sciences, and M. M. Sagitov and A. I. Kharisov, research workers at the Institute of History, Language and Literature under the Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences.

The book contains the texts of the legends in the Bashkir language and their authentic Russian translation made by N. V. Kidaysh-Pokrovskaya, A. S. Mirbadaleva and A. Kh. Khakimov, soviet specialists in Turkic philology.

The book has an introduction written by A. S. Mirbadaleva. The appendix includes information about numerous versions of legends of

the same name that were not included in this publication; articles about folk bards-sesens performing works of epos, and about melodies accompanying them, notation in music, as well as a vocabulary.

The book was edited by N. V. Kidaysh-Pokrovskaya.

The editor-in-chief of the series «Epos of the Peoples of the USSR» is A. A. Petrosyan.

* * *

Earlier in this series were published:

«Khurlukga and Khemra. Sayat and Khemra. Turkmen Romantic Epos», 1971.

«Ukrainian Folk Dumas», 1972.

«Rustamkhan. Uzbek Heroico-Romantic Epos», 1972.

«Maadai-Kara. Altai Heroic Epos», 1973.

«Narty. Adyghei Heroic Epos», 1974.

«Koblandy-Batyr. Kazakh Heroic Epos», 1975.

«Lachplesis. Lettish Folk Epos», 1975.

In the near future, the following works will come off the press: «Gyorogly. Turkmen Heroic Epos», «Gurguli. Tajik Folk Epos», «Obstinate Kullun-Kulustuur. Yakut Olonkho».

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	7
<i>А. С. Мирбадалева.</i> Башкирский народный эпос . . .	8

ТЕКСТЫ

Урал батыр	55
Акбузат	162
Заятулэк менэн Һыуһылыу	206
Кара Юрга (беренсе вариант)	216
Кара Юрга (икенсе вариант)	231
Акһак Кола	237
Куңыр Буға	243

ПЕРЕВОДЫ

Урал-батыр	265
Акбузат	373
Заятуляк и Хыухылу	418
Кара Юрга (первый вариант)	428
Кара Юрга (второй вариант)	443
Акһак Кола	449
Конгур Буга	455

ПРИЛОЖЕНИЯ

Сведения о вариантах	477
«Урал-батыр»	477
«Акбузат»	478
«Заятуляк и Хыухылу»	478
«Кара Юрга»	479
«Акһак Кола»	481
«Конгур Буга»	482

<i>М. М. Сагитов.</i> Башкирские сказители и их эпический репертуар	484
<i>Л. Атанова.</i> О башкирских эпических напевах	493
Образцы нотных записей	495
Сведения о публикуемых нотных записях	508
Словарь	510
Список сокращений	514
Resume	515.

A handwritten mark or signature, possibly a stylized letter or initials, located in the lower-left quadrant of the page.

БАШКИРСКИЙ НАРОДНЫЙ ЭПОС

*Утверждено к печати
Институтом мировой литературы
имени А. М. Горького
Академии наук СССР*

Младшие редакторы: *Г. С. Горюнова, Г. А. Бурова*
Художник *Л. С. Эрман*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *М. В. Погоскина*
Корректор *Л. И. Письман*

Слано в набор 12/II-1976 г. Подписано к печати 9/XII-
1976 г. Формат 70x90¹/₁₆. Бум. № 1. Печ. л. 32,5.
Усл. п. л. 38,02. Уч.-изд. л. 31,16. Тираж 12 000 экз.
Изд. №3773. Зак. № 545. Цена 2 р. 89 к.

Главная редакция восточной литературы]
издательства „Наука“
Москва, К-45, ул. Жданова, 12/1.

Уфимский полиграфкомбинат Управления по делам
издательства, полиграфии и книжной торговли
Совета Министров БАССР.
Уфа, Проспект Октября, 2.

Башкирский народный эпос. Вступ. статья
Б-33 А. С. Мирбадалевой. М., Главная редакция восточ-
ной литературы издательства «Наука», 1977.

519 с. с ил. («Эпос народов СССР»).

„Башкирский народный эпос“—книга из серии „Эпос народов СССР“—является научной публикацией самобытных башкирских народных сказаний „Урал-батыр“, „Акбузат“, „Заятуляк и Хыухылу“, „Кара Юрга“ (два варианта), „Акхак Кола“, „Конгур Буга“.

Русский читатель сможет получить полное представление о характере и стилистической системе башкирского фольклора, так как перевод достаточно точно передает своеобразие публикуемых в этом же томе национальных текстов. Издание сопровождается исследованием, комментариями, сведениями о вариантах публикуемых сказаний, нотными записями и сообщением об исполнении фольклорных произведений.

Б $\frac{70403-007}{013(02)-77}$ 203-77

С (Башк)